

1855

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

10.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РАТКЕ, 21.

Оглавление XXIII тома. 1855 г.

Книжка десятая, октябрь.

I. Изящная словесность.

1. Заслуженный учитель. Роман Корженевского. Перевод с польского А. Чужбинского. Часть вторая (С. 1-86).

II. История и теория искусства.

Записки Шарлоты Аккерман. О гамбургском театре, в XVIII столетии. Собраны Отто Мюллером. (С. 1-20).

Записки Барнума. Часть третья.(С. 1-50).

III. Смесь.

Краснокожие. (С.1-28).

Заметки о Чечне. Часть вторая. Капитана К. Самойлова. (С. 29-64).

Женщины языческой Греции. И. И. Знаменского. (С. 65-106).

Современное.

1. **Литература:** Литературные письма из Англии. А. Б. В. (С. 1-11). – Французские мемуары. (С. 11-15).

2. **Открытия в науках и промышленности:** Осушение болот, озер и Гарлемского моря в Голландии. (С. 15-22).

3. **Путешествия, мелкие повести и рассказы:** Сирия и будиины под владычеством турок. (С.23-32). – Омарова мечеть в Иерусалиме. Письмо одной английской путешественницы. (С. 32-35). Покупка. Рассказ. (С.35-44).

V. Репертуар русской сцены. № 10.

Беда быть таким! Водевиль в одном действии, перевод с французского. (С. 1-40).

Оглавление XXIII тома. (С. 1-2).

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

10

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Кони.

ТОМЪ XXIII.

ОКТАБРЬ. — КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

1855.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАМЯТНИКЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 31-го Декабря 1855 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

I.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ.

РОМАНЪ

КОРЖЕНЕВСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

А. ЧУЖБИНСКАГО.

Часть вторая.

VI.

Большое преимущество писателя заключается въ томъ, что помощникомъ въ разсказахъ и описаніяхъ служить ему не глазъ, но воображеніе читателя; что онъ, полагаясь на его силу и дѣятельность, можетъ быть увѣренъ, что оно гораздо лучше услужить ему, нежели написанныя имъ слова и картины.

Въ-слѣдствіе этого убѣжденія и надѣясь, что въ дверь, отворенную въ послѣдней главѣ, воображеніе читателей ввело уже въ гостиную пани Виницкой пріѣхавшую особу, входа которой панъ Романъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ; что наконецъ воображеніе представило имъ ее гораздо лучше, нежели могло-бы изобразить наше слабое перо, мы не станемъ описывать ни ее, ни того, какъ она вошла, ни того, какою показалась она пану Роману, но

скажемъ нѣсколько словъ о ея семейныхъ отношеніяхъ къ пани Виницкой и о ея положеніи въ обществѣ большаго украинскаго свѣта.

Христина Рожевская, урожденная Виницкая, приходилась довольно близкой родственницей мужу достойной старушки. Три года уже какъ развелась она съ мужемъ, и молодая, богатая, хорошенькая, умная, необыкновенно живая, говоря каждому въ глаза что вздумается, какъ-бы думая вслухъ, она была предметомъ стараній многочисленныхъ жениховъ, которыхъ ловко водила за носъ, приманивала и кокетничала, пока не доходило дѣло до объясненія. Въ эту рѣшительную минуту она перемѣняла тонъ и позу; облачалась какой-то комической важностью, рассказывала каждому образъ его жизни, вычисляла всѣ пороки и недостатки и, доказавъ претенденту, что онъ не можетъ быть ни хорошимъ мужемъ, ни примѣрнымъ отцомъ семейства, не имѣетъ къ ней ни малѣйшей привязанности, а хочетъ жениться такъ, Богъ знаетъ для чего, отправляла его съ отказомъ.

Иной оскорбленный женихъ удалялся съ гнѣвомъ, другой со смѣхомъ, прощая красотѣ и уму своеволие и эту небольшую дерзость. Но какъ деревня пани Рожевской была огромна, домъ убранъ великолѣпно, лошади отличны, экипажи превосходны, какъ все ее окружающее было исполнено вкуса и изящества, а поведеніе ея, несмотря на свободу, наружное кокетство и множество искушеній оставалось безукоризненнымъ, то женихи нисколько не смущались участіемъ своихъ предшественниковъ, и если одинъ изъ нихъ получалъ отказъ, другой тотчасъ-же занималъ вакантное мѣсто.

Изъ всѣхъ родныхъ мужа любила ее одна пани Виницкая, какъ по красотѣ и живости ума, такъ и потому, что Христина богатая сама по себѣ, не имѣла никакой претензій на имѣніе мужа старушки, которое послѣдняя предназначала своимъ родственникамъ. И пани Виницкая всегда бывала рада, если молодая женщина, которую называла она шалуньей-русалкой, гостила у нея по нѣскольку дней, переворачивая весь домъ вверхъ дномъ, уничтожая порядокъ завтраковъ и обѣдовъ, заедрявая въ каждый уголокъ, порицая все старосвѣтское, а больше всего умоляя бабушку не сватать ее и не выдавать замужъ. Въ противномъ слу-

чаѣ общала опровергнуть духовное завѣщаніе дѣдушки и угрожала завести огромную тяжбу. Смѣясь и обнимая шалуню, старушка не переставала втайнѣ насылать ей жениховъ и намѣгать издали, что пора переменить образъ жизни, могущій повредить ея репутаціи.

— Пусть кто-нибудь мнѣ понравится, я сама себя выдамъ замужъ и первая скажу молодому человѣку: подайте мнѣ руку и потрудитесь отвезти меня къ алтарю, отвѣчала Христина. Но что-же дѣлать, если они все похожи на пана Рожевскаго! Тотъ-же самый помѣщичій взоръ, таже самая улыбка безъ вкуса и смысла, словно гречневая, тѣ же усы и тотъ-же черешневый чубукъ съ огромнымъ янтаремъ, который постоянно торчитъ во рту и не позволяетъ сказать умнаго слова. Притомъ-же все они, подобно пану Рожеvesкому, ѣдятъ ужасно много, *et cela me degoute*.

Въ началѣ іюня выѣхавъ въ Одессу, пани Рожевская только что возвратилась оттуда.

Занятая присканіемъ партіи племяннику среди особъ, которыя почти сами навязывались, старушка какъ-то позабыла объ отсутствующей. Неудивительно послѣ этого, что она вскрикнула какъ-бы съ упрекомъ, что у нея вышло изъ памяти это милое, оригинальное созданіе, тѣмъ болѣе подстрекающее дѣятельность старушки, что трудно было его угомонить и склонить на какое-нибудь рѣшеніе.

Комнатка, въ которой сидѣла пани Виницкая, была очень невелика, и пану Роману не удалось разсмотрѣть гостью, потому что однимъ прыжкомъ очутилась она у кресла старушки, у которой отъ души поцѣловала руку.

— Какъ поживаешь, моя русалка? спросила пани Виницкая, обнимая ее.

— Ай, бабушка!.. моя шляпка! вскрикнула Христина, отпрыгнувъ въ сторону. *Mlle Ландо* упала-бы въ обморокъ, увидѣвъ свое *chef d'oeuvre* измятымъ и искривленнымъ.

Въ самомъ-дѣлѣ эта бѣлая атласная шляпка была очень красива и едѣлана со вкусомъ, хотя и закрывала нѣсколько лицо Христины отъ пана Романа.

— Такъ сними ее! сказала старушка. Мы такъ давно не видѣлись, что я должна поцѣловать тебя.

— Видите, какъ хорошо рѣдко бывать, бабушка! Сейчасъ русалка дѣлается милѣе и дороже.

Говоря это, она ловко и граціозно отвязывала бантикъ маленькою ручкой, обтянутой палевою перчаткою и, дѣлала небольшія гримаски, что было ей очень къ лицу. Она снимала шляпку какъ-бы вытряхивая изъ нея головку; потомъ, быстро оборотясь, начала разематривать, гдѣ-бы положить ее. И именно въ ту минуту, когда панъ Романъ подходилъ, чтобъ взять шляпку изъ рукъ ея, Христина бросила ее на диванъ такъ, что она пролетѣла мимо лица пана Романа, пахнувъ на него запахомъ помады и зацѣпивъ по губамъ ленточкой. Въ смущеніи панъ Романъ подался назадъ, а Христина улыбнулась.

— Ахъ, извините! сказала она, и ставъ на колѣна возлѣ старушки, прибавила: — Теперь, бабушка, цѣлуйте и ласкайте меня сколько угодно.

Погладивъ ее по головкѣ, старушка съ видимымъ удовольствіемъ нѣсколько разъ поцѣловала ее, а потомъ смотря ей въ глаза, спросила:

— Откуда ты теперь, шалунья-русалка?

— Прямо со дна Чернаго моря, бабушка! гдѣ у меня отличный коралловый цвѣтникъ.

— Ты такая свѣженькая!

— Не правда-ли? Помолодѣла, немного похорошѣла и какъ будто похожа на что-нибудь. А зимой я была очень не хороша; ужъ приходила въ отчаяніе, что покинуть меня все женихи.

— А много ихъ? спросила пани Виницкая, взглянувъ на пана Романа, который заглядѣлся на чудное созданіе, на черную огромную косу, на блестящіе волосы, обнимавшіе бѣлый лобъ, на ея стройную фигуру, граціозно обрисованную голубымъ атласнымъ платьемъ.

— Теперь? спросила Христина, садясь на ковръ, у ногъ старушки: позвольте, пересчитаю.

И, словно въ задумчивости, наклонивъ голову и прижмуривъ немного черные, блестящіе глаза, начала она считать по паль-

цать правой руки пальчикомъ лѣвой. Старушка улыбнулась, а панъ Романъ присматривался.

— Теперь, милая бабушка, только три, но этотъ панъ натурально будетъ четвертымъ, сказала она, указывая на пана Романа.

Романъ растерялся совершенно. Пани Виницкая захохотала, видя и шутливую мину Христины, смѣло смотрѣвшей на смущеннаго молодаго человѣка и его изумленіе и замѣшательство. Потомъ, вѣроятно обрадовавшись, что дѣла съ разу приняли такой оборотъ, она поцѣловала Хрестину въ голову.

— Поди-же сюда, Романъ! Мнѣ очень будетъ пріятно, если вы покороче познакомитесь. Рекомендую тебѣ, Кржися, моя внучка.

Панъ Романъ поклонился.

— Такъ это тотъ феноменъ варшавской молодежи, о которомъ столько чудесъ бабушка расписала на всѣ четыре стороны свѣта! сказала она, вставая и качая головкой; а потомъ подойдя ближе и ловко кланаясь, прибавила:

— *Votre servante, monsieur!* Христина Рожевская, урожденная Виницкая—три года въ разводѣ съ паномъ Климентомъ Рожевскимъ. Немножко красоты, какъ видите, немножко ума, какъ увидите послѣ, много капризовъ, покорности никакой, но довольно не дурное сердце; при томъ 24 годъ отъ роду и 40,000 злотыхъ годоваго дохода. И пока не закружилась у васъ голова, потому что въ этотъ вѣкъ усовершенствованій нечего и говорить о сердцѣ, придвиньте мнѣ кресло, возьмите себѣ другое, мы усядемся и познакомимся покороче.

Когда исполнилось ея желаніе, когда пани Виницкая слушала съ удовольствіемъ эту оригинальную рекомендацію, а панъ Романъ, придя въ себя, смотрѣлъ съ улыбкой и ожидалъ, что скажетъ дальше интересная Христина, она посидѣла съ минуту и, вѣроятно, соскучась молчаніемъ пана Романа, быстро оборотилась къ старушкѣ и спросила:

— Умѣетъ-ли этотъ панъ говорить, бабушка?

— Умѣетъ, шалунья, умѣетъ! отвѣчала пани Виницкая. Я не удивляюсь, что онъ теперь молчитъ и не можетъ собраться съ мыслями. Ты передъ нимъ словно съ неба свалилась. Зная

тебя очень хорошо и привыкнувъ уже къ твоей оригинальности, я сама не знаю, что сказать. Вхожу въ положеніе Романа и вижу, какъ трудно ему завязать разговоръ съ тобою.

— А, понимаю! Этотъ панъ ищетъ перваго слова. Правда, это иногда очень трудно; но погодите, бабушка, я помогу пану Роману.

И обращаясь къ послѣднему, прибавила:

— Какого вы мнѣнія о климатѣ Побережья?

— Лучше-бы спросили какого я мнѣнія о васъ? сказалъ панъ Романъ, какъ-бы немного оскорбленный.

— Неужели такъ скоро вы могли составить мнѣніе обо мнѣ? спросила, слегка покраснѣвъ, Христина.

— Почему-же нѣтъ? И можетъ-быть вѣрнѣе вашего обо мнѣ, отвѣчалъ панъ Романъ.

— Отчего-же? спросила Христина, смотря ему прямо въ глаза.

— Я имѣю то превосходство предъ вами, что молчалъ, когда вы говорили. О томъ, кто молчитъ, можно судить двояко, и трудно сказать что-нибудь рѣшительное. Кто-же говорить, тотъ самъ себя объясняетъ; а если еще при этомъ, подобно вамъ, думаетъ велухъ и описываетъ себя такъ искренно и откровенно, о томъ не трудно составить мнѣніе близко подходящее къ истинѣ.

— Знаете-ли, бабушка, мнѣ очень нравится, что говорить этотъ панъ. Скажите-же мнѣ теперь, прибавила она, обращаясь къ пану Роману: — что вы обо мнѣ думаете?

— Позвольте мнѣ позже отвѣчать на этотъ вопросъ, т. е. когда и вы, узнавъ меня болѣе, взаимно можете мнѣ сказать свое мнѣніе.

— Понимаю; вы думаете, я ожидаю комплимента, и хотите вернуться, сказала Христина, быстро смотря ему въ глаза.

— Очень можетъ быть, сказалъ панъ Романъ и, чувствуя, что невозможно долѣе поддерживать разговоръ въ этомъ тонѣ, поклонился и вышелъ.

Радуюсь въ душѣ, что племянникъ не дался въ обиду, старушка боялась однакожь, чтобы Христина не разсердилась и не испортила плана, составившагося у нея въ головѣ.

Но боязнь ея была неосновательна. Находчивость пана Романа имѣла совершенно противоположныя слѣдствія.

Привыкнувъ своими шутками, а иногда остроумными намѣтками сбивать съ толку мужчинъ, увлекающихся ея прелестями или состояніемъ, Христина удивилась, встрѣтивъ молодого чело-вѣка, давшего ей почувствовать при первомъ знакомствѣ, что она слишкомъ смѣла, откровенна и слишкомъ въ себѣ увѣрена. Отсутствие ухаживанья и обычной покорности въ молодомъ чело-вѣкѣ, тогда какъ она почти была увѣрена, что онъ станетъ въ рядахъ ея искателей, заинтересовало ее; а наружность, образо-ваніе и выраженіе красиваго лица — очень понравились Христи-нѣ. Когда вышелъ панъ Романъ, она долго провожала его глазами.

— Ну, что, понравился тебѣ мой племянникъ? робко спро-сила старушка.

— Нисколько не похожъ на пана Рожевскаго.

Обрадовавшись этому отвѣту и ободренная вниманіемъ, съ какимъ слушала ее Христина, тетка пустилась въ обширные раз-сказы о качествѣ сердца и ума пана Романа, о его здоровомъ и безпристрастномъ сужденіи о многихъ особахъ, которыя сами навязывались ему, о его прекрасномъ образованіи, хорошихъ ма-нерахъ, а послѣ, какъ-бы безъ умысла, о его лѣтахъ, строй-ной талии, привѣтливомъ взорѣ и пріятной улыбкѣ — что въ-самомъ-дѣлѣ украшало его. Но когда пани Виницкая далеко уже зашла въ похвалахъ своему любимцу, Христина, слушавшая сна-чала внимательно, быстро приняла свою шутливую мину и под-дакивала съ иронической улыбкой. Примѣтивъ это, старушка замолчала. Тогда Христина сдѣлала фizioномію какъ можно серь-ознѣе.

— Очень мнѣ грустно, что должна буду вамъ сдѣлать не-пріятность, бабушка, сказала она, но изъ всего сказаннаго вами, вижу, что мнѣ придется прибѣгнуть къ законамъ, подать жалобу на духовное завѣщаніе дѣдушки и если проиграю въ первой ин-станции, идти хоть до сената.

— Откуда-же это пришло тебѣ въ голову? спросила, не-много смѣшавшись, пани Виницкая, позабывъ старинныя угрозы своей внучки.

— Откуда? Оттуда, бабушка, что женщина съ характеромъ должна сдержатъ свое слово.

— Ты столько болтаешь пустяковъ, что еслибъ захотѣла сдержатъ то, что вырвется у тебя иногда изъ шалости, не знаю, достало-ли бы силъ твоихъ! сказала старушка, полушутя, полу-серьезно.

— А на это станеть, сами увидите, бабушка! хотя-бы я совершенно разорилась на тяжбу, потому-что это не шалость, не шутка, но дѣло чрезвычайно важное. Изъ похвалъ, приписываемыхъ вами пану Роману, я вижу очень хорошо, что вы хотите меня сосватать. А я обѣщала, если когда-нибудь это придетъ вамъ въ голову...

— А! такъ вотъ что! улыбаясь прервала пани Виницкая. — Я и позабыла объ этой угрозѣ.

И потомъ, какъ-бы отвращая обстоятельство, котораго пламенно желала, прибавила:

— Однако-же, милая Кржися, ты, кажется, принимаешь вещи гораздо серьезнѣе. Сколько замѣчаю, на этотъ разъ тщеславіе отняло у тебя обычную проникательность.

— Какимъ образомъ? спросила Христина, неожиданно подстрекаемая лобопытствомъ, и заложивъ руки, остановилась передъ бабушкой, въ ожиданіи отвѣта.

— Что-же естественнѣе разговора съ близкой особой о томъ, кого любишь, съ кѣмъ разговариваешь. Если-бы я менѣе уважала тебя, не сказала-бы о немъ ни слова. Но я люблю и тебя, и его, и хотѣла-бы, чтобъ вы покороче познакомились, подружились. Говоря о его умѣ, о его качествахъ, образованіи и деликатности, мнѣ хотѣлось, чтобъ ты уважала его какъ онъ заслуживаетъ; а ты сейчасъ заключила, что мнѣ пришло въ голову совѣтъ другое. Развѣ ты, можетъ-быть, пошутила?

— Можетъ-быть я поспѣшила и подумала велухъ по обычаю. Но скажите, бабушка, зачѣмъ-же вы такъ много говорили о его стройной фигурѣ, о привѣтливомъ взглядѣ, о его пріятной улыбкѣ? Неужели я могла-бы болѣе уважать его?

Пани Виницкая взглянула на Христину и примѣтивъ по лицу и по глазамъ ея что-то утверждавшее ее въ сдѣланномъ заключеніи, сказала, протягивая къ ней руки:

— Поди сюда, милая шалунья! позволь прежде обнять тебя, а послѣ, пожалуй, начинай тяжбу.

— А, видите, бабушка, что я поймала васъ на мѣстѣ преступленія? смѣясь отвѣчала Христина, и снова начала ласкать старушку, ставъ предъ нею на колѣна.

Когда подали чай, Христина ежеминутно посматривала на дверь, вѣроятно ожидая пана Романа. Пани Виницкая тоже удивлялась, что его нѣтъ, но и не упоминала даже объ этомъ. Онѣ разговаривали о сосѣдяхъ, объ Одессѣ, и когда уже не стало предметовъ для разговора, повели рѣчь о хозяйствѣ. Такимъ образомъ просидѣли они до десяти часовъ, а въ это время старушка уходила спать по обыкновенію. Безпокоясь однакоже о племянникѣ, она спросила о причинѣ его отсутствія у лакея. Тотъ отвѣчалъ, что панъ Романъ давно уже уѣхалъ верхомъ и досихъ-поръ не возвращался. Взглянувъ на Христину, пани Виницкая примѣтила у ней на лицѣ досаду и немного надувшіяся губки, что ее чрезвычайно обрадовало; но не давъ ей этого замѣтить, проводила пани Рожевскую въ ея комнату.

Окно этой комнаты выходило на дворъ и, какъ ночь была свѣтла и тепла, оно оставалось открытымъ. Долго видѣлась въ немъ хорошенькая головка съ распущенными волосами, которая опиралась на руку. Около полуночи послышался на дворѣ топотъ лошади. Головка выглянула, бѣлыя руки накиннули косынку на обнаженную шею, и когда лицо наѣздника оборотилось къ этому окну, а конь остановился, словно вкопанный, головка и руки исчезли, и окно затворилось.

Въ домѣ пани Виницкой часовъ около девяти собирались пить кофе. Пришла старушка, пришелъ и панъ Романъ, одѣтый по утреннему, но весьма изысканно. Христины еще не было.

— Эта нѣженка, вѣроятно, еще до-сихъ-поръ изволить поживать, сказала хозяйка, изподтишка посматривая на пана Романа.—Поди, вели сказать пани Рожевской, что мы ожидаемъ ее пить кофе, прибавила она, обращаясь къ лакею.

— Пани Рожевская уѣхала еще въ шесть часовъ, отвѣчалъ лакей.

Тетка и племянникъ переглянулись, и снова съ особеннымъ удовольствіемъ примѣтила старушка, что и на лицѣ пана Романа

показался румянецъ, и что губы его сжались какъ-бы отъ досады.

— Отправилась по модѣ, даже и не попрощавшись! сказала старушка.

Но прощанье было, — только на бумагѣ: другой слуга принесъ записочку слѣдующаго содержания, оставленную Христиной:

«Я припомнила одно важное дѣло, милая бабушка, призывающее меня въ Брацлавъ. Срокъ сегодня, и потому, боясь опоздать, я поспѣшила отъѣздомъ. Извините меня, милая, добрая бабушка. Цѣлую ваши ручки и поручаю себя вашей памяти.»

Читая громко записку, пани Виницкая подумала: лжешь, обманщица! Панъ Романъ подумалъ тоже самое и улыбнулся. Было-ли это отъ удовольствія, или по другой причинѣ, предоставляемъ догадливости нашихъ читателей.

Такимъ-образомъ завязалось знакомство между этими двумя лицами. Они начали его, дѣлая все другъ другу наперекоръ, а тѣмъ самымъ поставили себя въ необходимость думать и заниматься другъ другомъ.

21-го сентября, за три мили отъ Быковки, бывалъ ежегодно балъ у пани маршалковой Осиновской. Это была женщина уже не молодая, нѣбогда хорошенькая собою и кокетка; любила всякаго рода чванство и, доживая вѣкъ шумно, весело, проживала остатки состоянія, держала открытый домъ и принимала у себя всѣхъ, кто только отличался умомъ, состояніемъ или родомъ. Существовалъ и панъ Осиновскій, но о немъ и рѣчи не было, а если кто и представлялся ему, то развѣ изъ снисхожденія или особенной вѣжливости. Онъ принадлежалъ къ числу покойныхъ и удобныхъ мужей, похожихъ на туфли, которыя не стучать и не жмутъ, служатъ иногда для домашняго употребленія, но имѣютъ свой назначенный уголокъ и не погазываются гостямъ, не имѣя претензіи отличатся блескомъ и формой. Во время визитовъ и съѣздовъ панъ Осиновскій появлялся въ залѣ, но никто имъ не занимался, никто не обращался къ нему съ разговоромъ; да и онъ съ своей стороны не надоѣдалъ никому, никого не затрогивалъ. Впрочемъ случалось, что если кто-нибудь изъ гостей, старѣйшій по лѣтамъ, но низшій по званію или состоянію, стоялъ назади молодыхъ богачей, которые оборачивались къ нему спиною, то панъ Осиновскій подходилъ къ слушающему и унижен-

ному бѣдняку, и для утѣшенія его, а также стараясь сравнять его съ прочими гостями, подчивалъ его табакѣмъ. Домъ Осиновскихъ былъ большой каменный, новой, красивой архитектуры, съ крыльцомъ о шести неизбѣжныхъ колоннахъ, какими украшены почти всѣ порядочныя жилища въ этомъ богатомъ и новомъ краю, гдѣ прежде находились только фольварки пановъ, жившихъ гдѣ-то далеко,—а теперь стоятъ палацы или дома нынѣшнихъ помѣщиковъ,—полные шегольства и вкуса. Страсть къ каменнымъ зданіямъ и колоннамъ характеризуетъ Украину и Побережье. Слова нѣтъ, что тамошнія имѣнія огромны, прибыльны, а расходы пропорціонально гораздо меньше, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, потому-что Богъ одарилъ этотъ край съ избыткомъ, однако же и долги пановъ, въ возрастающей прогрессіи увеличиваются. Осиновскіе были уже близки къ этой цифрѣ, превышающей цѣнность самаго имѣнія; но не имѣя дѣтей, не безпокоились объ этомъ, и часто обширная зала ихъ наполнялась гостями, а огромный дворъ былъ изрытъ конскими копытами и колесами экипажей. Посрединѣ этого двора разстилался большой кругъ дерна, огражденный осьмигранными столбиками, соединенными толстой вымоленной веревкой, исправлявшей должность цѣпи.

Деревенскіе балы начинаются обыкновенно съ обѣда, къ которому съѣзжаются ближайшіе сосѣди и пріятели, и время котораго измѣняется отъ двухъ до четырехъ, пяти и шести часовъ, по мѣрѣ претензій хозяина на высшій тонъ и знатность породы. Бываетъ даже, что по случаю кратковременнаго пребыванія въ семействѣ титулованной невѣстки или зятя, воротившагося изъ Парижа, время обѣда быстро переходитъ съ часа на четыре, къ величайшему неудовольствію ключницы, или стараго буфетчика, которые, въ прежнія времена, отдѣлавшись заранѣе, играютъ бывало себѣ въ марьяжъ, или дремлютъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ до самаго вечера.

Не имѣя ни невѣстки графини, ни зятя, который плавалъ по Женевскому-озеру, Осиновскіе обѣдали однакоже въ пять часовъ, потому-что принимали у себя нѣсколькихъ графовъ, одну княгиню, и имѣли огромные долги.

На обѣдѣ 21 сентября было у нихъ нѣсколько барынь съ дочерьми, которыя должны были еще переодѣться, чтобъ затмить нарядами

сосѣдокъ и пріятельницъ. Въ особенности много съѣхалось молодыхъ людей, прибывшихъ совершенно съ другою цѣлью. Теперь уже не тотъ вѣкъ, чтобъ они думали о щегольствѣ и изящствѣ костюма. Конечно, они пріѣзжаютъ во фракахъ, — но это потому, что того требуетъ еще приличіе, хотя они съ большимъ-бы удовольствіемъ надѣли блузу или, по-крайней-мѣрѣ, удобный сюртукъ. Малѣйшее стѣсненіе кажется имъ противнымъ счастью человѣка. Многочисленный ихъ съѣздъ на этотъ обѣдъ имѣлъ очень важныя причины. Мысли и понятія объ усовершенствованіи рода человѣческаго плеснѣютъ только дома, но за хорошимъ обѣдомъ, особенно у пани Осиновской, у которой поваръ былъ превосходный и которая, по мѣрѣ возрастающихъ долговъ, любила развѣшивать уши, когда раздавались рѣчи, полныя несбыточныхъ разсужденій и неслыханнаго презрѣнія ко всей аристократіи, всякому эгоизму и каждому возвышенію надъ людьми-братьями. Главная-же причина была та, что въ окрестности жили два молодые аристократа, имѣвшіе слишкомъ по сту тысячъ годоваго дохода, которые избѣгали домовъ молодыхъ помѣщиковъ и ихъ мужскихъ собраній, и которыхъ эти враги неравенства надѣялись встрѣтить у пани Осиновской, завлечь за зеленый столъ и знатно одемократизировать.

Вотъ въ какой домъ, въ какое общество попалъ панъ Романъ Выжпольскій. Чувствуя себя немного нездоровой, пани Виницкая сама не могла пріѣхать; за то она заранѣе отправила племянника, чтобъ онъ за нее извинился. Панъ Романъ охотно исполнилъ порученіе тетки, во-первыхъ потому, что любопытствовалъ видѣть высшее общество Украйны, во-вторыхъ, что онъ ожидалъ встрѣтить панну Рожевскую, о которой ничего не слышалъ болѣе двухъ недѣль, но хорошенькій, оригинальный образъ которой блуждалъ у него въ головѣ, стучался иногда маленькой ручкой къ нему въ сердце, и раза два пробудилъ его отъ сна.

За шумнымъ обѣдомъ, панъ Романъ неслишкомъ разговаривалъ. Давно онъ не любилъ болтовни, не вѣрилъ въ эту готовность пожертвованій; и слушая нѣсколькихъ ультра-демократовъ, которые выбирали самые сытные куски и громили эгоизмъ и аристократію, подумалъ: и у насъ точно тоже въ Гостыньскомъ уѣздѣ и въ Куявахъ, и на Силезской границѣ, и надъ Бугомъ и

Вепремъ. Къ тому-же пану Роману некогда было прислушиваться къ этимъ бесѣдамъ. Сосѣдка, возлѣ которой онъ сидѣлъ, имѣла дочь, довольно недурную собой, но съ-весьма небольшимъ приданымъ. Пользуясь случаемъ, она была непрочъ поддѣпнута для своей дочки молодаго человѣка, наружность котораго, скромность, образованіе, а болѣе увѣренность въ наслѣдствѣ отъ тетки—чрезвычайно ее заняли. Лучшимъ для этого средствомъ было—выставить дочь въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, а другихъ дѣвицъ, вдовушекъ и разводовъ отодвинуть немного въ тѣнь, состоявшую изъ пятенъ, брошенныхъ таинственно, какъ-бы нехотя и по христіански.

Не будемъ слѣдить за всеми сердобольными замѣчаніями и курсомъ сосѣдской анатоміи, который не много-бы открылъ читателю, потому-что сосѣдка пана Романа анатомировала особъ, совершенно намъ постороннихъ. Молодой человѣкъ слушалъ ее разсѣянно, пока не дошла очередь до панни Рожевской. Здѣсь онъ началъ прислушиваться и, похваливъ родственницу, подбавилъ масла на огонь, который загорѣлся яркимъ пламенемъ, озаряя таинственнѣйшіе недостатки ея, какъ моральные, такъ и физическіе.

— Такъ вы находите ее хорошенькою? спросила пани Маршалкова. (Надобно замѣтить, что тамъ каждая пани высшаго общества—непремѣнно маршалкова.)

— Нахожу ее прекрасной, остроумной и очень интересной, отвѣчалъ панъ Романъ.

— Удивительно! Развѣ вы не имѣли временцъ присмотрѣться? сказала живѣе маршалкова. Одинъ глазъ больше, губы всегда сморщены, зубы неровны, лобъ очень узокъ, одна лопатка выше, хотя послѣдняго и незамѣтно подъ хитрымъ корсетомъ. Только и беретъ живостью и вертлявостью; просто не успеешь разсмотрѣть съ одной стороны, какъ она уже поворачивается на другую, совершенная юла. И все это дѣлаетъ нарочно, потому-что знаетъ свои недостатки и не хочетъ дать ихъ замѣтить наблюдателю.

— Признаюсь вамъ,—эта живость показалась мнѣ слишкомъ натуральной, я неподозрѣвалъ тѣхъ причинъ, о которыхъ вы упоминаете, сказалъ панъ Романъ, улыбаясь.

— Искусство, искусство, доведенное до высшей степени! отвѣчала пани маршалкова. — Поговорите съ паномъ Владиславомъ, онъ вамъ это разскажетъ гораздо лучше.

— Кто-же этотъ панъ Владиславъ?

— А вонъ тотъ высокій мужчина направо, который проповѣдуетъ басомъ.

— Значить, этотъ панъ Владиславъ знаетъ ее очень коротко! сказалъ панъ Романъ, немного тише и не улыбаясь.

— Гмъ! отвѣчала пани маршалкова, благочестиво сжимая губы: онъ искалъ ее, ѣздилъ за нею въ Кіевъ и Одессу. Всѣ, кто за нее сватался, узнавъ ближе это сокровище, свивалъ знамена и безъ бою уступалъ поле битвы.

— Потому-что, вѣроятно, она имъ отказывала, сказалъ живѣ панъ Романъ.

— Они и говорятъ это изъ вѣжливости. Наконецъ, безчеловѣчно было-бы компрометировать женщину, которая сама себя компрометируетъ. Надѣюсь, что это останется между нами; по-вѣрьте, что здѣсь-же за обѣдомъ найдется пять человѣкъ, которые могли-бы пояснить вамъ много кое-чего.

— По-крайней-мѣрѣ никто не отниметь у нея остроумія, сказалъ панъ Романъ.

— Да, смѣлости,—это правда. Но смѣлость приличное-ли качество для женщины, которая должна внести въ домъ мужа счастье и спокойствіе?

Все это сказано было съ глубокимъ чувствомъ.

— Modestie! vous ne mangez pas, mon enfant! Прибавила пани маршалкова, смотря на дочь, сидѣвшую напротивъ.

Заботливая маменька желала, чтобъ во время разговора о внесеніи въ домъ мужа счастья и спокойствія, дѣвица подняла на мать и ея сосѣда прекрасные голубые глаза, для убѣжденія пана Романа, что они могутъ служить порукой этому счастью. Но разговоръ этотъ не нравился пану Роману, и молодой человѣкъ не смотрѣлъ на глазки Модести. Онъ обратилъ все вниманіе на бородатаго пана Владислава, который продолжалъ еще ораторствовать и на котораго пани маршалкова указала ему, какъ на живую лѣтопись всѣхъ пороковъ и недостатковъ пани Рожевской. Рѣшительно панъ Романъ не вѣрилъ тому, что го-

ворила пани маршалкова; онъ нелюбилъ пани Рожевской, потому-что въ его сердцѣ обитала панна Катерина со всеми своими прелестями, со всемъ выраженіемъ глубокой своей привязанности; однакоже не спускалъ глазъ съ бородатаго оратора и рѣшился познакомиться съ нимъ сей-часъ послѣ обѣда. Ошибочныя мнѣнія пана Владислава, неоснованныя на истинномъ убѣжденіи, не возбуждали въ немъ симпатіи. Напротивъ, ему нравилось высокомеріе и презрительный отзывъ обо-всѣхъ, кто только отличился въ краю гражданскими заслугами или способностями ума; несмотря на то, что-то привлекало къ нему нашего героя, словно таинственное предчувствіе, что человекъ этотъ будетъ имѣть влияние на судьбу его. Между-тѣмъ пани маршалкова, замѣчая, что панъ Романъ уже ее не слушаетъ и не смотритъ на Модести; чувствуя, что все ею сказанное ударило ее словно горохъ о стѣну, взяла добрый кусокъ индѣйки, положила нѣсколько ложекъ салату и начала утѣшать себя за безуспѣшность краснорѣчія. Упустила она изъ вида одно обстоятельство. Дочь ея родилась 13 марта, и называлась Катериной. По несчастію, въ этотъ-же самый день приходится и св. Модесты; и пани маршалкова, называя дома постоянно дочь Катей, въ большихъ обществахъ, въ-особенности при мужчинахъ, между которыми были женихи, называла ее, для большаго эффекта, другимъ именемъ, да еще по-французски Modestie. Называя она ее попросту Катей или Catherine, имя это, напомнивъ пану Роману чудныя прогулки по Варшавѣ, обратило-бы его вниманіе на дѣвицу недурную собой, голубые глазки которой даже слишкомъ стоили того, чтобъ къ нимъ присмотреться. Но по случаю несчастнаго Modestie, все намѣренія доброй матери разлетѣлись дымомъ. Такъ-то у насъ все часто губить претензія. Послѣ обѣда, когда еще было довольно рано переодѣваться къ балу, старушки остались съ хозяйкой, ежеминутно ожидавшей прибытія новыхъ гостей, молодыя ушли въ садъ прогуляться въ обществѣ пожилыхъ мужчинъ и извѣстныхъ двухъ молодыхъ аристократовъ, которые примѣтивъ и здѣсь искусно забрасываемыя на нихъ удочки, избѣгали дѣвицъ; — а молодежь, съ трубками и сигарами вышла на зеленый дворъ, и собралась на большомъ кругу дерна, упомянутомъ выше. Здѣсь просторно

было побесѣдовать, потому—что и голосъ ораторовъ казался громче, а слѣдовательно—убѣдительнѣе, и рукамъ было свободнѣе выдѣлывать жесты, для опроверженія доказательствъ, и безпрестанно прибывавшіе гости, во всемъ аристократическомъ величіи, служили новыми предметами замѣчаній, полныхъ филантропіи. Не станемъ повторять этихъ разговоровъ. Извѣстно, что бродило тогда въ головахъ, на всехъ концахъ Европы, пока послѣднія событія не отрезвили немного, пока не установилось убѣжденіе, что нельзя понуждать времени, что бесполезно учить его ходить, тогда, какъ оно еще хочетъ ползать, или приказывать ему ползать тогда, какъ у него уже выросли крылья.

И панъ Романъ очутился среди этого ораторствовавшего общества. Кто-то познакомилъ его съ паномъ Владиславомъ, къ которому влекла его роковая сила. Однакоже эти молодые люди какъ-то не сходились, вопреки легкости, съ какой обыкновенно польская молодежь знакомится и дружится. Недолго вели они пустой, незначащій разговоръ, какъ-бы взаимно отталкиваемые, они разошлись очень скоро, и ни тотъ, ни другой не чувствовали уже охоты сблизиться.

Въ то время кипѣлъ общій разговоръ, споры становились выразительнѣе; каждый доказывалъ свое и никто не слушалъ противника: однимъ—словомъ, это очень походило на гармонию въ музыкальной школѣ, гдѣ каждый изъ музыкантовъ играетъ свой урокъ, не обращая вниманія на то, что играютъ другіе.

Приближавшійся экипажъ прервалъ этотъ социальнo-шляхетскій говоръ. Голубая карета была запряжена сѣрыми лошадьми.

— Это пани Рожевская! сказалъ одинъ.

Панъ Романъ быстро оборотился, взглянулъ на дорогу, а потомъ на пана Владислава Искрицкаго. Послѣдній, стоя спокойно, поглаживалъ бороду и не показывалъ ни любопытства, ни безпокойства.

— Нѣтъ, не она! сказалъ другой.

— Говорю тебѣ, что она! утверждалъ первый.

— Спросите у пана Владислава, сказалъ кто-то съ многозначащей улыбкой.

— Нѣтъ, не она, сказалъ панъ Владиславъ рѣшительно.

Пану Роману весьма не понравилась эта увѣренность, какъ-бы

подтверждавшая то, о чем только что говорено было съ улыбкой. Безотчетно покраснѣвъ, онъ закусилъ губы и отошелъ на сторону.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ каретѣ подѣзжала не пани Рожевская.

— Видите-ли, господа, я зналъ; что у него зрѣніе лучше, чѣмъ у всѣхъ насъ! сказалъ молодой человекъ, предлагавшій прибѣгнуть къ посредству пана Владислава.

— Но зачѣмъ-же до-сихъ-поръ нѣтъ пани Рожевской? спросилъ кто-то.

— Еще *недоангемлась*. Пока *вычешетъ* волосы, *выкорсетуруетъ* талию, *выатласится* и *выкружится*, на это нужно много времени, отвѣчалъ сладкимъ голосомъ блѣдный молодой человекъ съ небольшою черной бородкой.

— Справедливо, прорицатель! Не буду спорить съ тобою, потому-что ты далеко и высоко видишь духомъ. Развѣ поспорить съ тобою панъ Владиславъ, а ужъ, извини, онъ лучше тебя знаетъ — зачѣмъ до-сихъ-поръ нѣтъ ее.

Панъ Владиславъ не спорилъ и спокойно поглаживалъ бороду; а молодой прорицатель—послѣдователь поэта, у котораго перенялъ только составленіе глаголовъ изъ существительныхъ, отвѣчалъ:

— Конечно, если панъ Владиславъ *выголоситъ* свое мнѣніе, я своего *чирикать* не стану.

Хладнокровно вынулъ часы панъ Владиславъ.

— Черезъ полчаса прійдетъ, сказалъ онъ.

— Увидимъ! отозвались нѣкоторые и нѣсколько рукъ схватились за часы.

— Это будетъ лучшее доказательство, прибавилъ первый, улыбаясь.

Панъ Романъ не зналъ, что думать обо всемъ этомъ и въ чемъ ожидали доказательства. Для него оставалось загадкой: было ли это фанфаронство со стороны пана Владислава, или увѣренность, основанная на свиданіи, по согласію. Но воспоминаніе о словахъ пани маршалковой, теперь подтвердившихся, мнѣніе товарищей и лично самого пана Владислава — все это отразилось на лицѣ его какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ. Одинъ знако-

мый подошелъ къ нему и спросилъ: знаетъ-ли онъ пани Рожевскую?

— Рѣшительно не знаю, отвѣчалъ панъ Романъ неохотно и, оставивъ общество, въ которомъ ему было скучно, отправился въ залу.

Неволью однакожь взглянулъ онъ на часы, и когда прошли извѣстные полчаса, онъ подошелъ къ окну, изъ котораго видны были дворъ и крыльцо. Черезъ нѣсколько минутъ раздалось хлопанье бича, и голубая щегольская каретка, запряженная добрыми сѣрыми лошадьми, остановилась у подъезда. Недовольный собою и всѣми окружающими, панъ Романъ отворотился отъ окна, наклонилъ голову къ землѣ, и въ ту самую минуту, когда входила пани Рожевская, когда взоры всѣхъ обратились на молодую женщину во всемъ блескѣ молодости, красоты и наряда, задумавшійся герой нашъ вызывалъ изъ глубины души образъ панны Катерины, облекалъ ее въ драгоценнѣйшія одежды воображенія; придавалъ глазамъ ея выразительность, улыbkѣ прелесть, фигурѣ самыя роскошныя формы; растроганнымъ сердцемъ влущивался въ звуки ея голоса, — какъ изгнанникъ на чужбинѣ влущивается въ знакомый напѣвъ родины. Однимъ-словомъ — чуднымъ этимъ видѣнемъ, какъ будто-бы щитомъ, защищался онъ отъ искушенія, близость котораго чувствовалъ, но на которое не смѣлъ поднять взора. Состояніе это не могло однакоже долго продолжаться: во-первыхъ, Христина могла смѣяться надъ тѣмъ, что онъ надулся безъ всякаго повода, во-вторыхъ, отсутствующій почти всегда проигрываетъ дѣло. И такъ векорѣ онъ незамѣтно началъ посматривать въ ту сторону, откуда доходилъ къ нему серебристый звонкій смѣхъ, искренній, какъ смѣхъ ребенка.

Въ естественной и граціозной позѣ сидѣла Христина среди полукруга, образуемаго дамами. Чудная у ней лебединая шейка, прелесть-бѣлыя плечики! Она была въ бѣломъ платьѣ, обшитомъ широкими кружевами, легкія складки которыхъ придерживались бѣлыми и пунцовыми камеліями; хорошенькая головка ея убрана была только пышными и блестящими ея волосами, между которыми красовалось тоже нѣсколько камелій; въ рукѣ держала она хорошенькій бѣлый вѣеръ, которымъ играла изрѣдка;—а ножки,

обутыя въ бѣлыя башмачки и незамѣтно выглядывавшія изъ-подъ платья, казались еще меньше и граціознѣе, чѣмъ были въ то время, когда въ первый разъ панъ Романъ смотрѣлъ на нихъ съ наслажденіемъ. При видѣ этого чуднаго существа, на которомъ чаще и чаще останавливались взоры пана Романа, мысли его удалялись отъ прошедшаго, такъ, что каждое движеніе хорошенькой ручки Христіны, каждый взмахъ ея пернатого вѣера — развѣвали воздушную фигуру въ сѣромъ платьицѣ, въ соломенной шляпкѣ, со взоромъ, полнымъ скромности и чувства, съ улыбкой, полной кротости и надежды, и образъ, которымъ старался онъ заслониться, постепенно расходился туманомъ и исчезалъ въ отдаленіи. Когда-же панъ Романъ всмотрѣлся въ лицо Христіны, а она, быстро оборотясь, замѣтила это и, покраснѣвъ, кивнула ему головкой, герою нашему показалось, что въ ту же минуту онъ видитъ гдѣ-то далеко лицо Кати, сдѣлавшееся прекраснѣе отъ грусти, а въ глазахъ Кати крупную и блестящую слезу, какою плачетъ ангель-хранитель, покидая навсегда грѣшника. Вздрогнулъ панъ Романъ при этомъ и приблизился къ улыбнувшейся ему Христинѣ. Когда онъ подошелъ и поклонился, пани Рожевская привѣтствовала его той значащей и едва замѣтной улыбкой, тѣмъ легкимъ наклоненіемъ головы, которыми хорошенькія женщины привѣтствуютъ добрыхъ старыхъ знакомыхъ, что въ обществѣ достается только на долю избранныхъ, которые гордятся этимъ, зная, что улыбка милѣе и выразительнѣе, разговоръ искреннѣе и, можетъ-быть, полное надеждъ пожатіе руки — ожидаютъ ихъ наединѣ, въ таинственный часъ сумерекъ. Панъ Романъ былъ очень доволенъ и позабылъ о грустныхъ чувствахъ, волновавшихъ его за минуту. Въ то время, когда онъ смотрѣлъ на нее и, можетъ-быть, взоромъ благодарилъ за неожиданно-ласковый пріемъ — послѣ недавняго знакомства и оригинальной разлуки — Христіна спросила его тихимъ голосомъ:

— Вы здѣсь? а бабушка?

— Больна.

— Больна? спросила она какъ-бы съ удивленіемъ.

— Васъ это удивляетъ? Кажется, однакожь, вы вчера получили отъ нея письмо, въ которомъ она писала, что несомнѣнно хорошо себя чувствуетъ.

— Да, я получила письмо. Но развѣ вы думаете, что бабушка теперь пишетъ что-нибудь о себѣ? Цѣлое письмо было о васъ! прибавила она съ улыбкой.

— Обо мнѣ? сказалъ панъ Романъ, покраснѣвъ немного.— Нельзя-ли узнать, что обо мнѣ пишутъ?

— Письмо было такъ длинно, что, признаюсь, я его не дочитала.

Но глаза Христины выразительно говорили, что уста ея проносили неправду. Панъ Романъ покраснѣлъ еще сильнѣе, потому что ему хотѣлось больше вѣрить глазамъ, нежели губкамъ хорошенькой шалуньи, которая казалось ему еще прелестнѣе.—И въ то время, когда онъ внималъ этимъ глазамъ, яснымъ, блистающимъ и устремленнымъ на него съ какой-то магнетической силой, — Христина вдругъ, быстро взглянувъ всторону, спросила у него:

— Не встрѣчали-ли вы здѣсь пана Владислава Искрицкаго?

— Я его не знаю, отвѣчалъ онъ.

— Совѣтую познакомиться: прекрасный человекъ.

Сказавъ это и оборотясь къ сосѣдкѣ, пани Рожевская начала какой-то интересный разговоръ съ сосѣдкой.

Пану Роману сдѣлалось такъ холодно, что ему показалось, будто онъ въ Грешенбергѣ, въ рукахъ Пристница. Онъ не могъ понять, что значила эта быстрая переменѣ: разсердилась-ли Христина за его пристальные взоры, или желала скрыть румянецъ, вызванный напоминаньемъ о панѣ Владиславѣ? Не могъ онъ также изъяснить себѣ, зачѣмъ она совѣтовала ему сей-часъ-же познакомиться съ человекомъ, преслѣдовавшимъ его съ нѣкоторыхъ поръ словно привидѣніе. Не хотѣлось ему спрашивать объ этомъ, въ надеждѣ получить отъ нея объясненіе. Онъ оставался еще нѣсколько минутъ возлѣ Христины; но примѣтивъ, что она постоянно разговариваетъ съ сосѣдкой и не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманія, со злостью оборотился въ другую сторону и увидѣлъ, что панъ Владиславъ издали смотритъ на него, поглаживая бороду. Отойдя подальше и усѣвшись одиноко у огня, панъ Романъ старался распутать капризные мысли хорошенькой женщины.

Между-тѣмъ зала наполнялась. Скрипка начала отзываться,

виолончель, без согласія съ меньшей, но болѣе крикливой и начальствующей сестрой, издавалъ густые звуки, — а кларнетъ, изрѣдка отзываясь, какъ-бы давая вѣсть о своемъ присутствіи и о томъ, что его никто не перекричитъ, пробуждалъ отъ задумчивости нашего героя своимъ фальшивымъ и пронзительнымъ пискомъ.

Начались танцы. Кончился вальсъ, котораго панъ Романъ тоже не видѣлъ. Собиралась кадрили.

Одинъ знакомый пришелъ просить пана Романа стать vis-à-vis. Герой нашъ хотѣлъ пригласить Христину, чтобы имѣть случай поговорить съ ней, а можетъ-быть и спросить, зачѣмъ она совѣтовала ему познакомиться съ паномъ Владиславомъ; но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ ее въ кадрили, съ тѣмъ-же самымъ паномъ Владиславомъ. Возвратясь, онъ извинился передъ своимъ знакомымъ. Однакоже, поглядывая иногда на Христину, онъ видѣлъ, какъ она граціозно и ловко скользила между танцующими; каждое движеніе придавало ей новое очарованіе и выказывало свободу, — свойственную особамъ высшаго образованія, которыя считаютъ танцы развлеченіемъ, а не тяжелымъ занятіемъ, имѣющимъ какую-нибудь важность. Во время отдыховъ, она разговаривала съ паномъ Владиславомъ, но серьезно, безъ кокетства, болѣе отвѣчая на его вопросы, чѣмъ завлекая. Пану Роману казалось даже, что она разсѣяна и ищетъ взорами кого-то другаго. Обезоружило и тронуло его это обстоятельство, возродивъ убѣжденіе, что онъ тотъ предметъ, за которымъ прекраснѣйшій взоръ ея обѣгаетъ группы мужчинъ, окружающихъ танцы. И едва умолкла музыка, онъ подошелъ къ Христинѣ просить ее на слѣдующую кадрили.

— Опоздали! отвѣчала она полусерьезно, полунасмѣшливо. — Но если хотите, послѣ мазурки, могу провальсировать съ вами и, увы, одинъ только туръ небольше!

Панъ Романъ поклонился и отошелъ.

Въ это время послышалось хлопанье бичей и зазвенѣли окна отъ стука экипажей. Хозяйка, вѣроятно, предувѣдомленная о прибытіи позднихъ гостей, вышла навстрѣчу въ приемную. Кадрили еще не начиналась, и всѣ съ любопытствомъ обратились къ двери. Вскорѣ вошла пани Осиповская въ сопровожденіи трехъ почтен-

ныхъ дамъ, за которыми слѣдовали восемь молодыхъ и прекрасно одѣтыхъ дѣвушекъ.

Вокругъ раздавались вопросы: кто это? кто это? Все гости присматривались и шептались. Вскорѣ открылось, что одна изъ прибывшихъ была княгиня В**, — знакомая пани Осиповской, для которой, какъ мы уже сказали, обѣдъ перепрыгнулъ съ двухъ часовъ на пять. Двѣ другія были: княгиня П** изъ Волыни и графиня З** изъ Подолія. За нѣсколько дней послѣднія случайно съѣхались у своей родственницы и, пользуясь случаемъ представить побережскимъ крезамъ четырехъ княженъ и столькожъ-же графинь, рѣшились ѣхать на балъ безъ приглашенія, въ слѣдствіе просьбы своей родственницы. Пани Осиповская была на верху блаженства, утѣшаясь и прибытіемъ сіятельныхъ танцорокъ, и блескомъ столькожъ знатныхъ гербовъ, озарившихъ домъ ея.

Въ залѣ сдѣлалась суматоха, начались привѣтствія, знакомства; а молодые демократы, узнавъ, что пріѣзжія были княжны и графини, позабыли ангажированныхъ шляхтянокъ, бросились толпой къ новопривывшимъ и приглашали ихъ на слѣдующіе танцы. Кадриль составила огромная. Все мужчины танцовали, исключая пана Романа, который былъ въ дурномъ расположеніи духа и рѣшился отказаться отъ танцевъ, потому-что снова увидѣлъ Христину въ парѣ съ паномъ Владиславомъ. Дѣвицы, забытыя своими, съ грустью, а можетъ-быть иная и со слезой на глазахъ, уѣли въ своихъ матушекъ. Когда, стоя вдаль, панъ Романъ посмотрѣлъ въ ту сторону, онъ увидѣлъ одну только дѣвушку, одѣтую очень мило и скромно, въ бѣломъ платьѣ, которая, словно сиротка, сидѣла одна одиноконька. Что-то было грустнаго въ ея хорошенькомъ личикѣ. Видно было, что, оставленная кавалеромъ, она находилась въ щекотливомъ положеніи; что, вѣроятно, не имѣла матери, къ которой могла-бы прильнуть подъ крылышко; что, оставаясь одна въ сторонѣ, не смѣла подойти къ дамамъ, можетъ-быть, незнакомымъ, которыя у насъ такъ горды и безжалостны къ тѣмъ, кто неизвѣстенъ именемъ или состояніемъ. Жаль стало бѣдной дѣвочки пану Роману, а больше захотѣлось ему отплатить Христинѣ и показать ей, что онъ нисколько ею не занимается и выдержатъ

роль, начатую при первомъ знакомствѣ. Онъ спросилъ у знакомаго: кто была одинокая дѣвушка.

— Дочь заслуженнаго учителя, отвѣчали ему.

Словно электрическая искра пробѣжало это выраженіе по тѣлу пана Романа, и онъ еще сильнѣе заинтересовался положеніемъ дѣвушки.

— Вѣроятно у нея нѣтъ матери? спросилъ онъ снова.

— Давно. Она здѣсь совершенно чужая, никто ее не знаетъ, потому-что она недавно пріѣхала къ отцу изъ Варшавы, гдѣ воспитывалась.

— Изъ Варшавы? Кто-же ее отецъ? спросилъ панъ Романъ съ возрастающимъ любопытствомъ.

— Вонъ тотъ старикъ, въ углу залы, котораго потчуетъ табакомъ панъ Осиповскій. Онъ прежде былъ учителемъ въ Немировѣ, теперь получаетъ пенсію и, не желая жить въ бездѣйствіи, взялъ на аренду маленькій фольварокъ, въ которомъ и хозяйничаетъ себѣ по латыни. Имѣя претензіи и на литературу, пани Осиповская иногда его приглашаетъ; а старикъ, хотя и робокъ, скромнень и знаетъ, какъ грустна роль подобнаго ему бѣдняка между нашими панамъ, однакоже пріѣхалъ сюда для дочери, чтобы показать ей украинскій свѣтъ.

— Вѣроятно вы хорошо его знаете? спросилъ панъ Романъ.

— Онъ мой сосѣдъ.

— Будьте добры, познакомьте меня съ нимъ.

Сосѣдъ пансіонера охотно исполнилъ желаніе пана Романа. Удивился старый педагогъ, что къ нему подошелъ скромно и съ уваженіемъ какой-то молодой щеголь и притомъ варшавецъ. Скоро однакожь ободрили его и выраженіе доброты, характеризовавшее лицо пана Романа, и легкость, съ которой молодой человѣкъ завелъ съ нимъ разговоръ безъ всякихъ претензій. Разговаривая, панъ Романъ направлялъ шаги старика къ мѣсту, гдѣ сидѣла дочь учителя. Они подошли къ ней. Обрадованная дѣвушка встала съ мѣста, гдѣ сидѣла, словно прикованная, и взяла отца за руку.

— Безъ сомнѣнія это дочь ваша? спросилъ панъ Романъ пансіонера.

— Единственное мое дитя, сказалъ старикъ, посматривая на

нее съ любовью. — Долго я жилъ одиноко, не желая прерывать воспитанія, и вотъ не болѣе полугода, какъ она живетъ со мною.

— Представьте меня вашей дочери.

— Господинъ Выжпольскій изъ Варшавы, сказалъ старикъ.

— Вы изъ Варшавы? спросила, покраснѣвъ, обрадованная дѣвушка. Когда вы шли съ папа, я сейчасъ узнала, что вы нездѣшній.

— Позвольте просить васъ на слѣдующую мазурку*.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Мы потанцуемъ по варшавски. Мигомъ припомнила дѣвушка городъ, въ которомъ воспитывалась. И стало ей весело, что здѣсь, гдѣ все было ей чуждо, встрѣтила она человѣка, дышавшаго воздухомъ столицы, знавшаго все увеселенія, все обычаи жителей все зданія, столько разъ ее занимавшія, все костелы, въ которыхъ она молилась. А мысль, что этотъ-же землякъ, столь вѣжливый и предупредительный, пригласилъ ее танцовать, что, танцуя съ нимъ, она наговорится о любимыхъ предметахъ,—мысль эта придала дивное выраженіе ея лицу, болѣе граціи стану, оживило движенія молодой варшавянки и едѣлало ее еще прекраснѣе. Смотря на эту быструю перемену, панъ Романъ утѣшался въ душѣ, не за дѣвучку, имъ обрадованную, но за Христину, къ которой все время уже не подходилъ и даже не думалъ напоминать ей о вальсѣ, ему обѣщанномъ.

— Милая Юзефа! сказалъ старикъ, тебѣ послалъ Богъ такого любезнаго кавалера, что пока начнется мазурка, ты можешь посидѣть здѣсь;—а мнѣ еще надо сказать нѣсколько словъ соебду.

— Но вы меня не оставите? спросила дѣвушка, смотря боязливо на папа Романа. Мнѣ было такъ неловко и страшно одной.

— Садитесь, я останусь возлѣ васъ, сказалъ панъ Романъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Теперь ужъ я не беспоко-

* Полагаю будетъ лишнимъ изъяснять, что мазурка — національный польскій танецъ; но считаю необходимымъ замѣтить для незнакомыхъ съ польскими обычаями, что на балахъ танцуютъ нѣсколько мазурокъ. *Пр. Пер.*

юсь, что обо мнѣ позабылъ невѣжливый мой кавалеръ, говорила Юзефа, садясь и указывая возлѣ себя мѣсто пану Роману, который слушалъ ее тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ разговорѣ ея слышна была пріятная Варшавская цѣвучесть, имѣющая столько мелодіи въ устахъ хорошенькихъ женщинъ, если онѣ получили хорошее образованіе и покинули престонародную крикливость и грубоватость.

Панъ Романъ сѣлъ возлѣ дѣвушки и они начали бесѣдовать. Юзефа была разговорчива, почти болтлива; такъ пріятно ей было вспомнить о прошедшемъ, о прогулкахъ въ садахъ варшавскихъ, о лазенковскомъ фейерверкѣ, на который ѣздила онъ однажды съ теткой, о театрѣ, нѣсколько разъ ею видѣнномъ. Панъ Романъ больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, изрѣдка поглядывая на танцующихъ. Христина это замѣтила и по окончаніи кадрили, взявъ подъ руку какую-то изъ молодыхъ дамъ, начала ходить по залѣ, бросая взгляды на пана Романа, и, постепенно приближаясь къ нему, приемотривалась къ дѣвушкѣ, до того занявшей вниманіе послѣдняго, что онъ даже ее не видѣлъ, или не хотѣлъ видѣть. Это радовало пана Романа, и изъ любопытства хорошенькой шалуни, которой объявилъ открытую войну, онъ дѣлалъ пріятныя для себя заключенія. Наконецъ началась мазурка. Панъ Романъ подаль руку своей дамѣ и отвелъ ее поближе къ Христинѣ, возлѣ которой снова увидѣлъ пана Владислава. Когда-же дошла до него очередь, онъ пустился живо, ловко, совершенно по-мазовецки, чему подражать довольно трудно. Дама превосходно отвѣчала его движеніямъ; зарумянившись отъ удовольствія, она искала глазами стараго отца, желая подѣлиться съ нимъ радостью, и поворачиваясь легко и граціозно, свободно и красиво падая въ объятія кавалера, когда тотъ кружился съ нею, обратила на себя всеобщее вниманіе.

— Кто это? что это за дѣвушка? Какъ прекрасно танцуетъ! что за легкость! что за грація! Знаешь-ли, она очень недурна! Прекрасные глаза и чудная талія!

Такъ отзывались мужчины о бѣдной дѣвушкѣ, на которую, нѣсколько минутъ тому, никто не смотрѣлъ, и которую вывело на сцену и показало въ настоящемъ свѣтѣ дурное расположеніе духа пана Романа. Тогда и молодой сынъ сосѣда

панна Юзефа увидѣлъ, что такъ близко отъ него былъ брилліантъ, котораго онъ не умѣлъ цѣнить и не примѣтилъ блеска.

Пани Рожевская дулась и ни слова не говорила съ паномъ Владиславомъ въ—продолженіе мазурки. Нескрылось это отъ пана Романа, и тѣмъ живѣе, веселѣе и внимательнѣе былъ онъ съ своей дамой. Невольно мало—по—малу все кавалеры уступили первенство пану Роману, и онъ, сынъ мазовца, принялъ предводительство надъ родимымъ танцемъ, изобрѣтая безпрестанно новыя, поэтическія фигуры. Никто не оспаривалъ у него первенства; знакомая со всеми тайнами мазурки, панна Юзефа, гордая и счастливая, быстро понимала своего кавалера, ловко исполняла фигуры, и чѣмъ внимательнѣе былъ къ ней панъ Романъ, чѣмъ живѣе благодарилъ ее по окончаніи фигуры, тѣмъ граціознѣе она обѣгала кругъ, удивлявшійся ей, заинтересованный ею. Однако—же бѣдняжка не знала, что кавалеръ благодаритъ ее за то, что Христина надула губки. Окончивъ мазурку и отведя свою даму на мѣсто, откуда было видно Христину, панъ Романъ уѣлся возлѣ варшавянки, стараясь быть видимымъ пани Рожевской.

— Приятна—ли была вамъ наша любимая мазурка? спросилъ онъ.

— Чрезвычайно, и по—моему нѣтъ приятнѣе танца.

— Мазурка, вѣнецъ танцевъ. Одинъ только вальсъ приближается къ ней, несмотря на то, что имѣетъ совершенно различный характеръ.

— Я предпочитаю мазурку, потому—что она совершенно изображаетъ насъ, отвѣчала панна Юзефа, краснѣя, что рѣшилась выразить свое мнѣніе: мы любимъ веселость немного безумную, приводящую въ забытье, можетъ—быть слишкомъ шумную и стучащую, но хотимъ, чтобы все раздѣляли ее съ нами. Вальсъ, напротивъ, приводитъ въ грустное расположеніе.

— Оттого что не веселость, но страсть создала его, отвѣчалъ панъ Романъ. Мазурка соединяетъ все общество для единогодушнаго удовольствія; вальсъ уединяетъ собственно два существа, жаждущія найти удовольствіе только другъ съ другомъ, забыться, затеряться въ этой шумной толпѣ. И чѣмъ быстрѣе этотъ размѣренный вихрь, чѣмъ увлекательнѣе, тѣмъ приятнѣе мужчинѣ, подъ покровительствомъ котораго хорошенькое со-

зданіе. Кавалеръ уноситъ свою даму куда хочетъ, посадить тамъ, гдѣ ему угодно; это соединеніе силы и ловкости сильнѣйшаго съ уступчивостью и слабостью безоружной красоты очень хорошо изображаетъ жизнь въ то время, когда страсть управляетъ ею и выноситъ ее изъ нормальнаго положенія. Имѣя много прелести даже для неучаствующихъ, танецъ этотъ вполне долженъ увлекать тѣхъ, кто желаетъ принадлежать другъ другу, кого влечетъ какая-то таинственная сила въ тѣ минуты, когда счастливыцы сближаются такъ тѣсно, что видятъ и чувствуютъ только себя, и какъ-бы отдаются во власть, быстрому такту, отвѣчающему ускоренному біенію ихъ сердца.

Весь этотъ анализъ вальса былъ проговоренъ громче и съ жаромъ нарочно, потому—что панъ Романъ увидѣлъ близко Христину, въ обществѣ извѣстной намъ молодой дамы, съ которой она прохаживалась уже прежде. Пани Рожевская остановилась недалеко, такъ—что могла его слышать. Улыбка пробѣгала по ея хорошенькимъ губкамъ, а взоръ сожалѣнія устремлялся на бѣдную дѣвушку, которая, опустивъ глаза, слушала рѣчи молодого Варшавца.

Въ это время музыка заиграла вальсъ. Вставъ съ своего мѣста, панъ Романъ взглянулъ украдкой на Христину, стоящую недалеко и словно напоминавшую о танцѣ, ему обѣщанномъ, прелесть котораго самъ панъ Романъ недавно описывалъ такъ пламенно. Рѣшеніе его было измѣнилось; онъ припомнилъ свои послѣднія слова; мысленно уже касался онъ атласнаго платья, облекавшаго эту стройную и гибкую талію, смотрѣлъ въ эти глаза, умѣющіе сулить и обманывать, уже уносилъ ее, держа въ своихъ рукахъ... но черезъ минуту одумался.

— Неудобно-ли туръ вальса? сказалъ онъ громко, обращаясь къ паннѣ Юзефѣ, и пустился съ нею вкругъ залы.

Все давали имъ мѣсто и любовались ихъ ловкими, граціозными поворотами.

На этотъ разъ панъ Романъ остался побѣдителемъ. Христина рѣшительно надулась, усѣлась между пожилыми барынями и уже больше не танцевала.

Отецъ панны Юзефы, подойдя къ пану Роману, благодарилъ за удовольствіе, доставляемое его дочери.

— Я не заслуживаю никакой благодарности, отвѣчалъ молодой человѣкъ, краснѣя: — ваша дочь такъ прекрасна, такъ ловко танцуетъ, что только съ подобной дамой можно предаваться танцамъ, которые рѣдко меня привлекаютъ. Вѣроятно у васъ былъ хорошій танцмейстеръ? прибавилъ онъ, обращаясь къ Юзефѣ.

— Содержательница нашего пансіона, г-жа С... не жалѣла ничего чтобы имѣть хорошаго танцмейстера.

— Какъ! вы воспитывались въ пансіонѣ г-жи С...? спросилъ панъ Романъ съ особеннымъ чувствомъ.

— А вы знаете это заведеніе?

— Весной я отвезъ туда маленькую племянницу. И давно вы оставили пансіонъ?

— Около полутора года. Насъ вышло тогда восьмеро. Милыя, добрыя дѣвицы! И какъ жаль, что мы такъ далеко другъ отъ друга! прибавила дѣвушка, которой пріятно было припомнить счастливое время и подругъ юности.

— А помните-ли вы имена всѣхъ своихъ подругъ? спросилъ панъ Романъ съ ускореннымъ біеніемъ сердца.

— Вотъ хорошо было-бы мнѣ позабыть ихъ! Мы какъ сестры любили другъ друга, хотя между нами были и богатыя. Но изо всѣхъ я чаще грущу по одной, такой-же, какъ и я, дочери бѣднаго учителя, но первой между нами по красотѣ, уму и доброму характеру. Вотъ еслибы вы потанцовали съ нею!.. Я—ничто въ сравненіи. Никогда забуду послѣдняго бала у г-жи С..., послѣ нашего публичнаго экзамена. Катя получила первую награду. Желая, чтобы и по костюму она была первая, какою была по красотѣ и успѣхамъ, мы убрали ее превосходно. Какія только были у кого лучшія и драгоцѣннѣйшія вещи и могли пригодиться къ ея туалету—всѣ были ей предложены отъ чистаго сердца. Надо было видѣть всеобщее удивленіе, когда она вошла въ залу, наполненную посѣтителеми. Повѣрьте, еслибы она только появилась здѣсь, всѣхъ-бы затмила, даже эту красавицу въ бѣломъ атласномъ платьѣ.

Опустивъ голову, слушалъ молодой человѣкъ панну Юзефу, и на глазахъ его навернулись слезы. Онъ былъ счастливъ и вмѣстѣ печаленъ. Пріятно ему было встрѣтить подругу той, ко-

то полюбилъ онъ всею сердцемъ, подругу, которая съ такимъ участіемъ начертала ему милый образъ; а между-тѣмъ онъ упрекалъ себя, что здѣсь привлекала его другая, что суетность увлекала его въ опасную игру съ истинной красавицей, исполненной силы, ловкости и очарованія, съ женщиной образованной, свободной и богатой.

Въ этомъ положеніи провелъ онъ остатокъ бала, то задумываясь гдѣ-нибудь въ углу, то проходя чрезъ комнату, гдѣ ужинали дамы и гдѣ Христина, подобно лучезарной звѣздѣ, сіяла между всѣми; то снова возвращался къ паннѣ Юзефѣ, которая послѣ ужина имѣла уже постоянного кавалера въ сынѣ своего сосѣда, и садился иногда возлѣ нея, начиная разговоръ о паннѣ Катеринѣ, о ея добротѣ, умѣ и прелестяхъ.

На востокъ начинало яснѣть, и проблески разсвѣта пробивались въ окна. Опершись о притолку, стоялъ панъ Романъ и задумчиво смотрѣлъ на кружившіяся пары, когда почувствовалъ легкое прикосновеніе къ своему плечу. Невольно онъ вздрогнулъ, оборотился и увидѣлъ, сначала пушистый вѣеръ изъ слоновой кости, лежавшій у него на плечѣ, потомъ руку въ бѣлой перчаткѣ, державшую этотъ вѣеръ, потомъ уста, улыбавшіяся привѣтливо и вмѣстѣ съ угрозой, наконецъ бѣлое атласное платье, обрисовывавшее стройную талію, и чудную пожку, давно уже обратившую его вниманіе.

— Который часъ? спросила Христина.

Взглянувъ на часы, панъ Романъ отвѣчалъ:

— Уже четыре.

— Пора ѣхать. Довольно скучать! прибавила она, какъ-бы скрывая желанье зѣвнуть: — Avez vous la bonté de faire avancer ma voiture.

Панъ Романъ поклонился, вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился съ извѣстіемъ, что карета готова.

— Подайте-же мнѣ руку! сказала Христина и, опершись на его плечо, пошла черезъ залу.

Замѣтивъ это, панна Юзефа съ удивленіемъ посмотрѣла на пана Романа. Она не знала, что онъ знакомъ съ интересной дамой, которая казалась ей такой хорошенькой. И вспомнила она о бѣдной Катѣ, догадываясь изъ разговоровъ пана Романа, что

ея пріятельница сильно его заинтересовала. Когда-же молодой варшавецъ, проходя, не смѣлъ поднять на нее взоръ, она подумала: — «Бѣдная Катя! еслибы ты видѣла — съ какой волшебницей онъ изволить прогуливаться подъ ручку!» Тоже самое подумалъ и панъ Романъ и прибавилъ шагу. Выйдя въ переднюю и взявъ изъ рукъ лакея салопъ, молодой человѣкъ старательно окуталъ имъ Христину. Нечаянно прикоснулся онъ къ обнаженному плечу, и это прикосновеніе электрической искрой пробѣжало въ груди его.

— Застегните еще здѣсь, потому-что утро должно быть холодно, сказала Христина, словно полусонная.

Застегивая на бѣлой шейкѣ салопъ, панъ Романъ чувствовалъ, какъ алебастровая грудь поднималась отъ ускореннаго дыханія, и близко смотрѣлъ въ глаза, смыкавшіеся отъ усталости, однако глядѣвшіе глубоко и проницательно.

— Позвольте проводить васъ къ экипажу.

— Развѣ-же мнѣ не слѣдуетъ отъ васъ вознагражденіе? отвѣчала, какъ-будто шутя, Христина, приняла поданную руку, оперлась ему на плечо и начала спускаться съ лѣстницы, словно падая отъ усталости, и такъ наклонила головку, что почти касалась его волосами.

Всѣ пульсы забили въ жилахъ молодаго человѣка; онъ не нашелся что ей сказать, — до того перепутались его мысли, — и только, желая продлить время, шелъ медленнѣе.

— Уже день! сказала Христина, подойдя къ каретѣ. — Боже мой, сколько мы потеряли времени! не правда-ли, панъ Романъ? прибавила она съ значащей улыбкой. — Но прошу поцѣловать за меня ручки бабушкѣ. Завтра отвѣчу на ея письмо; — и мое будетъ длинно. Au revoir, monsieur.

Проговоривъ это, Христина кивнула головкой и сѣла въ карету.

Словно ошеломленный, панъ Романъ потеръ лобъ рукою, по отъѣздѣ экипажа, и, оборотивъ взоръ налѣво, увидѣлъ у послѣдней колонны пана Владислава, въ плащѣ, закуриваваго сигару. Въ это-же время подъѣхала коляска послѣдняго; панъ Владиславъ сѣлъ, и быстрая четверня доброй рысью помчалась влѣдъ за голубою каретой.

Черезъ полчаса и панъ Романъ спѣшилъ домой въ открытой коляскѣ. Утро было чудное, хотя свѣжее и холодноватое. Сентябрьское солнце, медленно выкатываясь изъ-за широкихъ, покрытыхъ стернями пригорковъ, золотило уже неровныя, но неизмѣримыя поля, на которыхъ здѣсь и тамъ колыхались еще нивы овса, краснѣла дозрѣвавшая гречиха, и высились, подобно огромнымъ палатамъ, скирды пшеницы, которыхъ собрать, казалось, невозможно было ни въ какія гумна. И чѣмъ выше на горизонтъ выкатывалось солнце, тѣмъ ярче и разнообразнѣе цвѣта принимали луга, поля и зеленыя опушки овраговъ; тѣмъ яснѣе сверкала роса на каждомъ стебелькѣ стерны, на каждой травкѣ, на каждомъ запоздавшемъ цвѣткѣ, который развивался роскошнѣе, какъ-бы спѣша отжить свое время и уйти отъ наступающей осени. Сколько тамъ, въ этой обѣтованной землѣ, богатства, сколько даровъ Божіихъ! Сколько-бы могло тамъ помѣститься счастья и спокойствія!

Но панъ Романъ ничего этого не видѣлъ. Мысли его были подобны разстроенной скрипкѣ; онъ пробовалъ ихъ съ разныхъ тоновъ; но всѣ звуки были невѣрны и безъ гармоніи. Какъ слуга двухъ господъ, онъ не зналъ, кого слушаться, къ кому прильнуть, кому посвятить себя. Любовь и тщеславіе метали его въ разныя стороны; прошедшее съ прелестными воспоминаніями и настоящее съ плѣнительнымъ заблужденіемъ влекли его въ одно время и тревожили ему сердце. И вотъ, укутавшись въ плащъ и склонивъ на подушку голову, зажмурилъ онъ глаза и уснулъ, измученный противоположными мечтами, укачанный однообразнымъ движеніемъ экипажа по гладкой и сухой дорогѣ. Быстро домчался панъ Романъ въ Быковку, и когда коляска остановилась у крыльца, первая мысль, съ которой онъ пробудился, первый образъ, представившійся ему—была фигура пана Владислава, который будто-бы проницески посматривалъ на него и спокойно поглаживалъ бороду.

VII.

Панъ Романъ долженъ былъ описать теткѣ балъ со всею точностію. Старушку еще занимали наряды; о которыхъ, конечно,

не умѣлъ исправно разсказать молодой человекъ, а если, для удовлетворенія ея любознѣтства, вдавался въ подробности, выдуманная вещь, къ чему не успѣлъ приемотрѣться или наконецъ не умѣлъ назвать, то въ разсказѣ его иная дама выходила такимъ уродомъ, что пани Виницкая пожимала плечами отъ недовѣрчивости или говорила, смѣясь:

— Но этого быть не можетъ, мой милый! Та, о комъ ты говоришь, женщина со вкусомъ, — а ты дѣлаешь изъ нея настоящее воронье пугало. Видно, ты къ ней не присматривался.

Панъ Романъ отворачивался и краснѣлъ.

Примѣтивъ замѣшательство племянника, старушка спросила, какъ-бы случайно:

— А какъ ты нашелъ Христину?

— Признаюсь, тетенька, на нее я неслишкомъ обращалъ вниманіе.

— Бѣдныя жейщины! мучатся, одѣваются для васъ, приближаютъ къ лицу наряды! — и все это на вѣтеръ! Смѣтрите, а не видите.

— Мы смотримъ вообще на цѣлое, на эффектъ; подробности принадлежать женщинамъ и болѣе имъ понятны.

— Но вообще — хороша-ли была Христина? Былъ-ли кто одѣтъ лучше ея и съ большимъ вкусомъ?

Пану Роману хотѣлось сказать, что была одна особа, но эта явная ложь остановилась какъ-то у него въ горлѣ. Въ это время онъ увидѣлъ въѣзжающаго на дворъ, шибкою рысью, нарочнаго, и по голубой ливреѣ узналъ, что это отъ Христины.

— Вѣроятно къ вамъ отъ кого-нибудь письмо. Пріѣхалъ чей-то нарочный въ голубой ливреѣ, сказалъ онъ, вмѣсто отвѣта на вопросъ тетки.

— Безъ сомнѣнія отъ Кржиси. Увѣрена, что она обстоятельнѣе тебя опишетъ балъ Осиповскихъ.

Панъ Романъ не отвѣчалъ ни слова, но припомнивъ, что Христина, прощаясь съ нимъ, обѣщала написать длинное письмо, былъ увѣренъ, что все письмо это будетъ только имъ наполнено. Пани Виницкая начала читать тоненькій большой листокъ, исписанный со всѣхъ сторонъ; а панъ Романъ, остановясь недалеко, пожиралъ взорами буквы, написанныя хорошенькою ручкой и не-

премѣнно говорящія о немъ. Онъ началъ придумывать: что бы могло заключаться въ письмѣ хорошенькой разводки. И вотъ онъ краснѣлъ отъ упрековъ, которые она должна ему дѣлать; радовался жалобамъ, которыя, безъ сомнѣнія, заносились передъ трибуналъ тетки, за то, что онъ не занимался Христиной, а ухаживалъ за какою-то незнакомой дѣвочкой, и за все, что старался дѣлать ей вопреки. Изъ всего этого онъ заключалъ, что она занята имъ, и, воображая себѣ ее въ тотъ моментъ, когда она писала, смотря, какъ краснѣло немного отъ досады ея хорошенькое личико, какъ отирала она украдкой слезинку, выжимаемую капризомъ и раждающеюся склонностью, — улыбался и давалъ волю тщеславію, гордости, а можетъ-быть и таинственному, сильнѣйшему чувству.

— Вотъ теперь я все знаю, сказала пани Виницкая, складывая письмо. — Напрасно хвалитесь вы даромъ наблюдательности; женщины видятъ гораздо лучше.

И взглянувъ еще на окончаніе письма, старушка улыбнулась и, положивъ его на столикъ, занялась работой.

Улыбка эта чрезвычайно заинтересовала пана Романа, подстрекая любопытство; но онъ не смѣлъ показать этого и прямо попросить письмо Христины. Видя однакожъ, что старушка, притворно занятая работой, молчитъ и сама не предлагаетъ ему этого посланія, онъ откинулъ гордость въ сторону.

— Знаю, тетенька, что женщины лучше смотрятъ, но только на насъ. Что-же можно сказать о насъ на балѣ? На всѣхъ однообразные фраки, у всѣхъ одинаковыя прически, а при нынѣшнихъ усахъ и бородѣ—почти даже лица похожи одно на другое. Но вы смотрите на иныхъ женщинъ сквозь различныя стекла: то увеличительныя, то уменьшающія. И потому любопытны были бы мнѣ описанія и замѣтки женщины, въ особенности такой остроумной и проницательной, какъ пани Рожевская.

— Такъ прочти! сказала хладнокровно, посмотрѣвъ на него украдкой, пани Виницкая.

Подойдя къ столику, панъ Романъ взялъ дрожащей рукой письмо, оборотился къ окну, какъ-бы для того, чтобъ лучше видѣть, и началъ читать. Первая страница наполнена была участіемъ о здоровьи бабушки и сожалѣніемъ о томъ, что старушка не

могла видѣть красоты и наряда своей любимицы—русалки, возбуждившей всеобщую зависть. Потомъ слѣдовало подробное описаніе костюма: изъ какой матеріи сдѣлано было платье, гдѣ шито, какими убрано кружевами и чѣмъ были схвачены эти кружева; какъ хороша была берта, какъ свѣжи камелии, и какой былъ у нея вѣеръ. Далѣе—исторія этого вѣера, служившаго прежде извѣстной украинской красавицѣ, которая, устарѣвъ и перемѣнивъ имя, сошла со сцены свѣта и сбыла любимое, полное воспоминаній украшеніе. На другой страницѣ Христина описывала убранство комнатъ, приправляя это остроумными замѣчаніями и выставляя нѣкоторыя смѣшныя претензіи. Потомъ очеркнула неожиданное появленіе княгини и графини, окруженныхъ роемъ княженъ и графинь; дальше—подробный отчетъ о туалетѣ хорошенькихъ женщинъ; еще дальше—удивительныя ухищренія нѣкоторыхъ отцвѣтшихъ красавицъ о возстановленіи красоты—что не обошлось безъ шутокъ, полныхъ ѣдкости и остроумія. На послѣдней страницѣ дошла очередь и до мужчинъ;—но здѣсь рѣчь шла только о старикахъ, сѣдыхъ и плѣшивыхъ. Письмо оканчивалось фразой: — «Вотъ вамъ вѣрное и подробное описаніе бала,—однимъ-словомъ все, больше чего не увидѣли-бы вы и собственными глазами. Вообще должно сказать, что было нескучно, и мы веселились отъ души. Ахъ, позабыла сказать: и панъ Осигновскій былъ на балѣ! Дальше слѣдовало обыкновенное заключеніе письма, но о панѣ Романѣ ни слова, ни одного даже далекаго намека, словно позабыли о его существованіи.

Сложивъ письмо и бросивъ его на столъ тетки, панъ Романъ началъ молча прохаживаться по комнатѣ. Видя очень хорошо неудовольствіе племянника, обманутаго въ ожиданіяхъ, старушка очень обрадовалась этой очевидной перемѣнѣ; а въ дѣятельной и любящей предположенія головѣ начали уже укладываться планы сватовства, обрученія, свадьбы и всехъ торжествъ, которыя бывають необходимымъ слѣдствіемъ такого важнаго обстоятельства. Ее несколько не смущало забвеніе Кржиси о панѣ Романѣ. Она очень хорошо знала свою русалку, видѣла, что ей понравился молодой человекъ, и была увѣрена, что шалунья нарочно занялась описаніемъ нѣсколькихъ неинтересныхъ подробностей—какъ напр. о вѣерѣ—единственно изъ желанія, словно за неимѣніемъ мѣста,

не писать о томъ, что могло-бы для обѣихъ быть гораздо занимательнѣе. А панъ Романъ между-тѣмъ прохаживался сердитый и пристыженный. Сколько разъ ни подходилъ онъ къ столу тетки, она постоянно сидѣла, устремивъ глаза на работу; но каждый разъ, когда шелъ онъ отъ столика, старушка смотрѣла на него съ любовью и удовольствіемъ, улыбаясь материнской улыбкой, выражающей чистѣйшую радость и желанное исполненіе надежды.

Подойдя, чрезъ нѣсколько времени, къ столу, панъ Романъ снова взялъ письмо Христины, какъ-бы машинально имъ забавляясь, и, развернувъ, будто по разсѣянію, началъ снова перелстывать, какъ бы отыскивая свое имя.

— Какъ тебѣ нравится слогъ Кржиси? спросила старушка, положивъ на колѣна работу и смотря на занятіе племянника.

Панъ Романъ вздрогнулъ, словно пробудясь отъ сна, и сказалъ:

— Она говоритъ лучше, чѣмъ пишетъ; въ словахъ ея больше связи и жизни: здѣсь — болтовня.

Пани Виницкая улыбнулась.

— Ты танцовалъ?

— Довольно, отвѣчалъ панъ Романъ.

— Неправда-ли, Христина танцуетъ мило и очень ловко?

— Что мило, то я видѣлъ; но о ловкости не знаю, потому-что не танцовалъ съ нею.

— Какъ? ты не танцовалъ съ нею? это почему? спросила старушка, поднимая голову и смотря на пана Романа.

— Отказала, отвѣчалъ молодой человекъ, закусывая губы.

— Вѣроятно опоздалъ съ приглашеніемъ?

— Нисколько; но видно было, что пани Рожевская передъ баломъ еще дала слово на всѣ танцы.

Въ эту минуту въ памяти нашего героя обрисовался панъ Владиславъ, смотрящій на него изъ-за угла, поглаживая бороду.

Пани Виницкая призадумалась немного.

— Съ кѣмъ-же Христина танцовала? спросила она.

— Съ какимъ-то паномъ Искрицкимъ.

— Все время?

— Все время, отвѣчалъ панъ Романъ и отворотился отъ тетки, желая скрыть выраженіе, отразившееся на лицѣ его при

воспоминаніи объ этомъ обстоятельствѣ и о фигурѣ пана Владислава.

Старушка наклонила голову и серьезно задумалась, положивъ объ руки на колѣна. Въ это время, придвинувъ себѣ кресло, панъ Романъ усѣлся и началъ играть кисточкой салфетки.

— Расскажите мнѣ пожалуйста, что это за панъ Владиславъ Пекрицкій? спросилъ онъ какъ-будто случайно.

Вопросъ этотъ пробудилъ тетку и она проникательно посмотрѣла на племянника, словно желая вывѣдать — какъ сильно занимаетъ его желаніе узнать этого человѣка и его отношенія къ Христинѣ.

— Такъ она танцевала только съ однимъ паномъ Владиславомъ? спросила старушка.

— Съ нимъ однимъ, отвѣчалъ панъ Романъ.

Онъ хотѣлъ прибавить, что она и выѣхала въ одно время съ паномъ Владиславомъ, но или не зналъ навѣрное, былъ-ли уговоръ между ними, или не желалъ показаться въ глазахъ тетки сплетникомъ, или ему жаль было компрометировать Хрестину, только онъ замолчалъ и ожидалъ отвѣта пани Виницкой.

— Что за чудное созданіе эта Христина! сказала старушка черезъ нѣсколько времени, снова принимаясь за работу и не смотря на пана Романа.—Я думала, что она уже его позабыла и не захочетъ компрометировать себя для человѣка, котораго разлюбила.

— Разлюбила? Значить она любила его прежде? спросилъ панъ Романъ, блѣднѣя.

— Вѣроятно есть у нея какой-нибудь навязчивый женихъ, отъ котораго она хочетъ избавиться этимъ наружнымъ возвратомъ нѣжности къ пану Владиславу. Это обыкновенная ея прудѣлка, если она не хочетъ сказать прямо: отвяжитесь отъ меня!

— Но вы-же говорили, что она любила его? сказалъ панъ Романъ съ живостью и краснѣя.

Пани Виницкая взглянула на него и онъ опустилъ глаза.

— Но кто-же этотъ панъ Владиславъ, позволяющій дѣлать изъ себя пугало для жениховъ? спросилъ онъ.

— Дальній родственникъ Христины по матери. Есть у него имѣніе, хотя ужъ онъ его порядкомъ поразстроилъ; есть и умъ, хотя, кажется, свихнулся немного — и чуть ли панъ Владиславъ не сталъ въ главѣ здѣшнихъ крикуновъ, отъ которыхъ больше шума, нежели толку. Когда онъ возвратился изъ-за границы, Христинѣ было 18 лѣтъ. Понравилась ему хорошенькая родственница; да и кому-бы не понравилась веселая дѣвушка, распускавшаяся словно розанъ и притомъ единственная наслѣдница. Панъ Владиславъ тоже былъ интересенъ и могъ понравиться каждой порядочной дѣвушкѣ. Кржися полюбила его первой и чуть-ли не единственной любовью.

Здѣсь пани Виницкая приостановилась.

Панъ Романъ смотрѣлъ въ землю, но лицо его было блѣдно и губы сильно сжаты. Старушка это замѣтила, и хотя ей стало жаль молодого человѣка, однако она утѣшалась въ душѣ, что рассказъ ея произвелъ желанное дѣйствіе. Не показывая, что замѣчаетъ внутреннюю борьбу племянника, она продолжала:

— Не подоспѣй тогда трауръ, кто знаетъ — не была-ли-бы она теперь счастливой женой, а панъ Владиславъ совершенно другимъ человѣкомъ. Но черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ дала она слово, умерла у нея богатая, бездѣтная тетка, которую она очень любила и послѣ которой получила значительное наслѣдство. Грусть и приличіе требовали — отложить свадьбу подале. Въ это время панъ Владиславъ соскучился, вступилъ въ дурное общество и далъ волю наклонности къ картамъ и холостымъ пирушкамъ, отчего воздерживался сколько могъ, пока не былъ увѣренъ, что отдадутъ за него Христину и пока жила ея тетка, знавшая его хорошо, и которую онъ боялся какъ огня. Мѣсяца черезъ три уже, во время траура, бѣдная Кржися начала узнавать о различныхъ дурныхъ наклонностяхъ своего жениха. Она такъ сильно была къ нему привязана, такъ глубоко ранилъ онъ ее въ самое искреннее чувство, что бѣдняжка заболѣла отъ слезъ и печали. Цѣлый мѣсяць она не хотѣла его видѣть, и только склонясь на самыя убѣдительныя просьбы, позволила ему приѣхать. Живая, смѣлая и откровенная — она передала ему все, что слышала, все, что могли высказать уста дѣвушки, и просила объясниться. Панъ Владиславъ признался во

всемъ, отдалъ себя совершенно во власть невѣсты, поклялся покоряться, а если случилось—бы ему увлечься искушеніемъ, обѣщаль пасть покорной головой къ ногамъ своего ангела-хранителя и ожидать рѣшенія участи. Мечтая спасти погибавшаго, гордая дѣвушка считала обязанностью простить, бодрствовать надъ нимъ и исполнить свое назначеніе на землѣ, какъ—сказывала она, когда я ее предостерегала. Бѣдняжка! она никогда сильнѣе не любила его, какъ въ то время. Но панъ Владиславъ зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы, для счастья и спокойствія любящей женщины, отказаться отъ товарищей разврата. Узналъ обо всемъ и отецъ Христіны. Признаюсь, что здѣсь было много моего вліянія и на рѣшеніе отца, и на судьбу Кржиси, сильно горѣвавшей о томъ, что такъ сильно любила человѣка, неимѣвшаго ни малѣйшей власти надъ собою,—который, слѣдовательно, не могъ быть порукой за ея счастье и спокойствіе. Долго мы хлопотали; наконецъ удалось намъ съ отцомъ Кржиси заставить ее рѣшиться на то, что было необходимымъ слѣдствіемъ явныхъ поступковъ пана Владислава. И прежде, чѣмъ кончился трауръ, женихъ получилъ рѣшительный отказъ. Чуть разошлась эта вѣсть, явились новые искатели, и черезъ семь или восемь мѣсяцевъ Христіна сдѣлалась пани Рожевской;—а панъ Владиславъ утѣшалъ себя картами, виномъ и какою-то итальянкой, вывезенной имъ изъ Одессы, и съ которой онъ жилъ открыто. Казалось, что послѣднее обетоятельство совершенно излечило Христіну; однакоже, когда заходилъ разговоръ о жизни нашей молодежи, перешедшей въ то время границы всякаго приличія, я примѣчала, что пани Рожевская блѣднѣла, дрожала и—только благодаря дивной энергіи своего характера—удерживала грусть, таившуюся въ глубинѣ ея сердца.

Въ это время панъ Романъ вздохнулъ какъ—то громче и оторвалъ висточку отъ столика, которою игралъ, а пани Виницкая, отдохнувъ минуту, продолжала:

— Для женщины, подобной Христинѣ, не годился въ мужа панъ Рожевскій. Онъ былъ, какъ говорится, ни то, ни се. Конечно онъ не пилъ, не проигрывалъ большихъ суммъ въ карты; но и не умѣлъ ничѣмъ занять жену, не могъ показать ей нѣжнаго чувства и того превосходства, котораго ожидаетъ отъ

мужа каждая умная женщина, чѣмъ она гордится и за что еще болѣе любить его. Панъ Рожевскій былъ обыкновенный агрономъ, который, если не распорядился по хозяйству и не объѣзжалъ верхомъ полей, то завтракалъ, обѣдалъ, поддичалъ, ужиналъ, а въ антрактахъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и, держа въ зубахъ огромный янтарь, хлопоталъ надъ выдѣлкой различныхъ фигуръ изъ табачнаго дыма: правильныхъ колечекъ, кудреватыхъ кустарниковъ, различныхъ чудовищъ. Неудивительно, что молодая, прекрасная и необыкновенно живаго характера женщина, не имѣя дома никакой пищи для сердца, искала развлеченій то въ Кіевѣ на контрактахъ, то на водахъ въ Одессѣ, то по гостямъ и на балахъ у многочисленныхъ и богатыхъ сосѣдей. Дѣтей у нея не было. И вотъ, когда ничто не будило въ ея сердцѣ серьезныхъ чувствъ матери и супруги, когда прежняя сильная любовь ея къ пану Владиславу словно замерла—проснулось въ ней тщеславіе хорошенькой женщины, и тогда—образовалась—это смѣлое, живое, почти насмѣшливое кокетство и любовь къ щегольству, къ которому она столько-же привязана, какъ и къ чтенію, живописи и другимъ занятіямъ, которымъ предается то шутя, то серьезно.

Здѣсь панъ Романъ подошелъ къ камину, на которомъ стоялъ графинъ на серебряномъ подносѣ, вышилъ стаканъ воды и снова усѣлся на прежнемъ мѣстѣ. А пани Виницкая, отдохнувъ съ минуту, продолжала:

— Между-тѣмъ панъ Владиславъ не упустилъ изъ вида Христину. Каждый разъ, когда она бывала на контрактахъ, — онъ пріѣзжалъ въ Кіевъ, когда бывала въ Одессѣ, — онъ пріѣзжалъ туда купаться въ морѣ. Здѣшняя хроника утверждала, что ее не сердили эти преслѣдованія; — я-же знаю положительно, что это огорчало ее, возбуждая умолкнувшую скорбь; знаю, что она соболѣзновала объ униженіи и распутной жизни пана Владислава. Однажды, — уже послѣ смерти отца, когда невыносимая скука овладѣла ею въ обществѣ мужа, она рѣшительно предалась развлеченіямъ, разъѣзжая повсюду, одѣвалась самымъ щегольскимъ образомъ и начала убирать и украшать отцовскій домъ, — какъ-бы съ мыслью оставить мужа и поселиться въ своемъ помѣстьи. Я поѣхала къ ней и, какъ любящая мать, — на-

чала предостерегать ее. «Чего-же вы хотите, милая бабушка?» сказала она: «Я не въ состояннн долѣе жить съ этимъ болваномъ. Смотря на него, мнѣ кажется, что я связана по рукамъ и по ногамъ. Онъ ничего не дѣлаетъ мнѣ дурнаго, никогда не огорчаетъ, не отказываетъ ни въ чемъ, не упрекаетъ; а это еще болѣе выводитъ меня изъ терпѣнн. Иногда я говорю ему о такихъ безумныхъ предпрннтяхъ, объявляю такія безразсудныя намѣренн, что у инаго мужа волосы-бы поднялись дыбомъ, иной заворчалъ-бы по-крайней-мѣрѣ. А моему ни почемъ: хладно-кровно пускаетъ дымъ изъ янтара колечками или кустиками и преспокойно ожидаетъ — въ-самомъ-ли дѣлѣ я исполню свое намѣренн. Неразъ мнѣ приходитъ охота взлѣзть на крышу, и броситься на землю — чтобы узнать вынетъ-ли онъ чубукъ изъ рта, смотря на мое паденн; но какъ подумаю, что не вынетъ, и я, несмотря на свою гордость, принуждена буду со стыдомъ возвратиться, право, хочется плакать съ досады. Говорите, что хотите, но я принуждена просить развода. Въдъ и мнѣ-же слѣдуетъ хоть капелька счастья на бѣломъ свѣтѣ?» — Говорить было нечего. Передѣлать пана Рожевскаго никто не могъ; трудно также было внушить упрямой женщинѣ и желать отъ нея, чтобы она посвятила себя человѣку, которому отъ этого не было ни тепло, ни холодно. По-крайней-мѣрѣ я старалась склонить ее быть осторожной и избѣгать явныхъ поводовъ къ пересудамъ, губящимъ молодыхъ женщинъ, въ особенности полекъ, которыя охотно имъ подвергаются. Смѣясь и обнимая меня, шалунья говорила: — «Вы знаете, милая бабушка, что со всѣми этими господами я играю въ жмурки; словно съ завязанными глазами иду и ловлю ихъ; но изъ-подъ платка вижу очень хорошо, и не хватаю именно того, который поддается. Вы знаете, что это шалость, что здѣсь нѣтъ ни грѣха, ни увлеченн; что я доставляю себѣ эту забаву собственно изъ убійственной скуки. А можетъ-ли мнѣ повредить то, что глупыя бабы и гадкія завистницы будутъ чернить мое имя? Мужчинамъ лучше извѣстно, гдѣ можно ожечься и надо отскочить, и гдѣ можно обогрѣться и остаться. Поговорите съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ обо мнѣ, бабушка, увидите, скажутъ-ли вамъ что-нибудь дурное. Правда, что всѣ они слишкомъ испорчены, одинъ порочнѣе другаго;

они даже самой высшей славой считаютъ бездѣльничество. Они—ли виною тому или не они — другой вопросъ; но по—крайней—мѣрѣ у нихъ осталось еще столько чести, что никто не похваляется дѣломъ, непохожимъ на правду. Къ этимъ—то вещамъ, непохожимъ на правду, —принадлежитъ, въ отношеніи къ нимъ, и сердце вашей хорошенькой русалки. Не сомнѣваюсь въ томъ, что не одинъ изъ нихъ желалъ—бы довести меня до грѣха, но каждый знаетъ, что это невозможно. Оттого—то, милая бабушка, они меня такъ любятъ и боятся словно огня. Ни одинъ священникъ съ каеэды не поражаетъ ихъ такъ, какъ я, словами истины! И именно въ то время, когда привлеку котораго—нибудь сладкой улыбкой на сторону, когда и онъ, и другіе думаютъ, что ему отворится рай, я его чудесно пудрю за дурное поведеніе, за мотовство, и подобно матери, такой задаю ему нагоняй, что бѣднякъ возвращается къ товарищамъ растерянный.

Здѣсь панъ Романъ вздохнулъ свободнѣе, словно огромная тяжесть спала у него съ груди, а пани Виницкая, отдохнувъ съ минуту, продолжала:

— Однажды, когда уже приступлено было къ разводу, я поѣхала къ ней и застала ее чрезвычайно веселой. Она улыбалась, глаза сверкали; видно было что на сердцѣ у нея таилась какая—то мысль, просившаяся наружу.—Вѣроятно разводъ идетъ хорошо, что ты такъ весела и довольна? спросила я. «О, всеѣмъ не то», отвѣчала она, обнимая меня. «Я счастлива, словно королева; заслужила блистательное торжество, исполнила важное дѣло и могу имъ похвалиться передъ вами, добрѣйшая бабушка». Сейчасъ я замѣтила, что въ это дѣло вмѣшалось какое—нибудь обстоятельство, слишкомъ важное для ея сердца, потому—что въ подобныхъ только случаяхъ называла она меня своей бабушкой. — Въ чемъ—же дѣло? спросила я съ безпокойствомъ. «Я вамъ уже говорила», отвѣчала она, прибравъ серьезную мину, «что должна исполнить великую обязанность на этомъ свѣтѣ — навести на путь истины нашу безпутную молодежь, которую Богъ назначилъ въ мужья и обожатели намъ, бѣднымъ украинкамъ. Конечно, я не могла ничего сдѣлать съ паномъ Рожевскимъ. Его нельзя назвать негодяемъ, также какъ и запачканнымъ грязью мраморомъ, чѣмъ, по большей части, бы-

ваеть наша молодежь; но настоящей сырой дубиной, что ни въ печь, ни въ дѣло. Оттого-то, уступивъ ему побѣду, я опустила руки и прощу развода. За то Богъ благословилъ меня въ другомъ мѣстѣ. Вообразите, милая и единственная бабушка, что, нѣсколько дней тому назадъ, я встрѣтилась у пани Осиповской съ паномъ Владиславомъ. Обыкновенно я избѣгала его, а если и разговаривала, то въ присутствіи многихъ и о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. На этотъ разъ, не знаю, какъ мы отделились отъ общества и незнаю также, по какому случаю начали разговаривать откровеннѣе. Постепенно панъ Владиславъ началъ мнѣ исповѣдываться во всѣхъ грѣхахъ своихъ. О, Боже! у меня даже волосы встали дыбомъ. Но я принуждена была слушать, потому—что сама была причинойъ всѣхъ проступковъ. Съ отчаянія, что потерялъ меня, бѣдняжка предался картамъ, пьянству и разврату. Вы улыбаетесь, бабушка! И я улыбалась точно также. Не подумайте, что я съ разу повѣрила—бы безусловно признанію. Но когда я замѣтила въ глазахъ его слезы, когда услышала голосъ раскаянія, голосъ истинной любви, выходившій прямо изъ сердца, когда онъ началъ меня умолять подать руку помощи ему — стоящему надъ пропастью; когда началъ увѣрять, что одна только я могу или спасти его, или толкнуть въ бездну: я вздрогнула въ глубинѣ души, призваніе мое пришло мнѣ на мысль, отозвалась совѣсть. Обѣщавъ бодрствовать надъ нимъ и ожидать быстрого исправленія, я дружески подала ему руку, которую онъ цѣловалъ и обливалъ слезами благодарности».

Здѣсь бриостановилась пани Виницкая. Панъ Романъ, сидѣвшій въ задумчивости, быстро всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ окну и отворилъ его, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. По возвращеніи его, отдохнувъ съ минуту, пани Виницкая продолжала:

Когда я начала увѣрять ее, что она вдается въ игру опасную и для своей репутаціи, если продолжится дѣло о разводѣ, и для собственнаго счастья и спокойствія, если захочетъ выйти замужъ для пана Владислава, она отвѣчала мнѣ, смѣясь: — «Я даже и не думала объ этомъ, милая бабушка. Поблагодарю Бога, если избавлюсь и отъ нана Рожевскаго; а зачѣмъ—же мнѣ другой? Но здѣсь дѣло въ нравственности», прибавила она, съ

комической важностью. «Посмотрите, бабушка: я уже собираю плоды своего самопожертвованія челоѣчеству.» И вынувъ изъ кармана письмо пана Владислава, она мнѣ дала прочесть его. Обширно и советѣмъ вѣроятіемъ искренности описывалъ онъ ей, какъ устроилъ свой домъ и образъ жизни, какъ уменьшилъ расходы и отправилъ въ Одессу французенку, жившую у него послѣ итальянки; прилагалъ списокъ книгъ, имъ уже полученныхъ и тѣхъ, какія выписалъ, благодарилъ со слезами своего ангела-хранителя за первое торжество надъ самимъ собою. Торжество это состояло въ томъ, что когда товарищи требовали, чтобы онъ ѣхалъ съ ними въ Бердичевъ на ярмарку, онъ, несмотря на просьбы, насмѣшки и угрозы, отказался и остался дома, предаваясь мечтамъ о прежней жизни, объ утраченномъ счастьи и занимаясь науками и хозяйствомъ. Письмо оканчивалось такой трогательной просьбой о дальнѣйшемъ покровительствѣ, такими искренними изъявленіями не любви, не надежды, но безусловной покорности волѣ единственной для него женщины, которая ни на минуту не покидала его души, и до которой онъ не смѣетъ возвыситься ни запятой мыслью, ни загрязненнымъ сердцемъ. Я сама была тронута. Окончивъ письмо и взглянувъ на Христину, я замѣтила, что она внимательно слѣдила мое впечатлѣніе, и двѣ слезы, словно крупный жемчугъ, остановились на ея длинныхъ черныхъ рѣсницахъ. — Ты до-сихъ-поръ любишь его, сказала я. Полусмѣясь сквозь слезы, она спрятала письмо въ карманъ и отвѣчала мнѣ, цѣлуя руку: «Перестань, бабушка, говорить объ этомъ». Вскорѣ послѣ того вышла разводъ и Христина поселилась въ своемъ собственномъ домѣ, убранномъ со всевозможнымъ щегольствомъ, какъ только позволяли средства. Легко представить себѣ, что молодая, хорошенькая и богатая разводка сдѣлалась предметомъ искательства для мужчинъ, предметомъ сплетенъ и безконечныхъ разсказовъ для женщинъ. Ежеминутно выдавали ее замужъ, то за одного, то за другаго; — а между-тѣмъ оказывалось, что она не выходила ни за пана Павла, ни за пана Петра, потому-что мѣщаль какъ-то всегда — панъ Владиславъ. А послѣдній въ это время вновь поддавался мотовству и картежничеству. Однакоже онъ всегда умѣлъ выпросить прощенье у Христины. И всякій разъ,

когда новый женихъ слишкомъ уже преслѣдовалъ ее, она позволяла пану Владиславу сближаться съ собою, была съ нимъ привѣтлива въ обществахъ, показывала видъ, что только однимъ имъ занимается, — до того, что въ сосѣдствѣ назначали уже день ихъ свадьбы и приготавливали наряды на балъ въ Мышовцахъ. А выходило, что и то неправда; дѣло оставалось въ прежнемъ положеніи. Христина веселилась, а панъ Владиславъ забавлялся. Вотъ, милый Романъ, какія отношенія существуютъ между этими людьми, прибавила пани Виницкая, встревоженная не на шутку. Одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ все это кончится. Хорошо однакоже, что ты сказалъ мнѣ объ этомъ. Я должна написать къ ней.

— Ахъ, пожалуйста, тетенька, не пишите! сказалъ панъ Романъ, съ живостью, не думая, что самъ себѣ измѣняетъ.

— Почему-же? спросила старушка, смотря съ любопытствомъ на племянника.

— Потому-что пани Рожевская догадается, кто могъ сказать вамъ; а мнѣ не хотѣлось-бы показаться въ глазахъ ея сплетникомъ или челоуѣкомъ, котораго занимало или огорчало то, что весь балъ она танцевала съ однимъ кавалеромъ.

— Такъ я попрошу, чтобы она пріѣхала; или лучше поѣду къ ней сама, сказала старушка, подумавъ. — Погода чудесная, мнѣ теперь гораздо лучше, и я должна визитомъ Кржисѣ. Поѣдешь, Романъ, со мною?

— Увижу, отвѣчалъ, слегка покраснѣвъ, панъ Романъ, повертѣлся немного въ комнатѣ и вышелъ.

Во всю ночь онъ не смыкалъ глазъ. Въ головѣ его пробѣгали различныя мысли. Изъ всѣхъ замѣчаній, сдѣланныхъ во время разсказа тетки, онъ заключилъ, что Христина постоянно любила пана Владислава, и что ему не пристало выходить на поле битвы, на которомъ противникъ его, знакомый съ мѣстностью, легко можетъ одержать побѣду. А заглянувъ въ глубину своего сердца, онъ увидѣлъ, что сильное увлеченіе — дитя тщеславія и свѣтскихъ отношеній — лежало тамъ рядомъ съ болѣе глубокимъ чувствомъ и гордо, съ увѣренностью вызывало его на опасную битву. Замѣчаніе это сильно огорчало нашего героя и унижало въ собственныхъ глазахъ, тѣмъ болѣе, что онъ не чув-

ствовалъ въ себѣ довольно силы вырваться рѣшительно изъ сѣтей, опутывавшихъ его все болѣе и болѣе. Въ каждой подобной борьбѣ непростительная слабость всегда ищетъ опоры въ безукоризненныхъ оправданіяхъ и усиливается сослаться на самыя святыя обязанности : такъ и панъ Романъ старался какъ-будто покѣрностью теткѣ, въ благодарность за ея любовь и благодѣянія, извинить раждающуюся страсть къ Христинѣ и забвеніе о Катѣ. Тогда-то въ первый разъ пришла ему на мысль—женитьба. Повѣряя себя и разбирая состояніе своего сердца, онъ убѣдился, что, не дрогнувъ, и даже можетъ-быть и охотно, онъ подалъ-бы руку увлекавшей его кокеткѣ и позабылъ-бы дѣвушку бѣдную, скромную, прекрасную, отдавшуюся ему всей душой, всѣмъ сердцемъ. Такимъ-образомъ мысль, казавшаяся ему прежде игрушкой, а теперь лелѣемая во время безсонной ночи, запутала его еще болѣе въ сѣти, въ которыя онъ попалъ, и которыхъ теперь разорвать недоставало силы, а что еще хуже, — не было воли.

Черезъ нѣсколько дней старушка собралась къ Христинѣ въ Мышовцы. Противъ обыкновенія, она непредупредила послѣднюю о своемъ пріѣздѣ, надѣясь, что нагрянувъ нечаянно, можетъ-быть, застанетъ пана Владислава и будетъ имѣть поводъ къ объясненію и рѣшительному разрѣшенію этого вопроса. Панъ Романъ поѣхалъ также, подумавъ, что ему не слѣдуетъ противиться желанію тетки, что состояніе здоровья старушки требуетъ его сообщества въ дорогѣ, что наконецъ онъ ѣдетъ не для удовольствія, напротивъ, чтобъ одинъ разъ и навсегда избавиться отъ мучительной борьбы, встрѣчею пана Владислава, котораго также надѣялся застать въ Мышовцахъ.

Около шести часовъ вечера тетка и племянникъ остановились передъ опрятнымъ и довольно еще новымъ домомъ. Окружалъ его садъ, которому придавали красоты и зеленый, свѣжій дернъ и разнообразныя осенніе цвѣты и прекрасно-сгруппированныя, покрытыя разноцвѣтными листьями деревья. На крыльцѣ сидѣлъ молодой слуга, привозившій недавно письмо отъ Христины. Чуть только остановилась карета, онъ быстро подскочилъ къ ней и доложилъ, отворяя дверцу, что барыня дома, но ушла на фольварокъ, и что онъ ту-же минуту побѣжитъ доложить о пріѣздѣ гостей. Въ сопровожденіи пана Романа, старушка вошла въ пе-

редною съ мраморнымъ поломъ, украшенную нѣсколькими статуями, выглядывавшими изъ-за цвѣтовъ и кустарничковъ. Въ передней сидѣли два лакея въ опрятныхъ голубыхъ сюртукахъ, но безъ галуновъ. Одинъ взялся уже за ручку двери, а другой, почти-тельно подходя къ пани Виницкой, спросилъ, прикажетъ-ли вносить вещи, и угодно-ли занять ея любимыя комнаты.

— Если свободны, отвѣчала старушка съ намѣреніемъ узнать: есть-ли гости и кто именно.

— Теперь у насъ никого нѣтъ и гостинныя комнаты свободны *.

— Въ такомъ случаѣ прикажи переносить вещи, а я подожду барыню въ залѣ.

И прїѣзжіе вошли налѣво, гдѣ были двѣ роскошно убранныя гостинныя, обитыя шелковыми обоями, съ такими-же занавѣсками и портьерами. Обѣ застланы были превосходными коврами, въ обѣихъ стояли мраморныя камины, а по стѣнамъ огромныя зеркала. Въ первой висѣли большія и дорогія гравюры, во второй прекрасныя картины, писанныя масляными красками. Разставленная удобно мебель манила къ отдыху и свидѣтельствовала о средствахъ и вкусѣ хозяйки. Фортепьяно помѣщалось во второй гостиной, а въ обѣихъ столы передъ диванами завалены были драгоценнѣйшими иллюстрированными изданіями. Возлѣ каждой гостиной было еще по одной отдѣльной комнатѣ. Одна изъ них служила Христинѣ будуаромъ. Небольшая, уединенная эта комната, отдѣленная отъ гостиной богатой портьерой, заключала въ себѣ все, что только могли выдумать комфортъ и щегольство хорошенькой сибаритки. Разнообразныя кресла, козетки, шкафы, этажерки съ различными бездѣлушками, удобнѣйшія шторы и занавѣски, дающія свѣта сколько нужно и отсвѣтъ на лицо и комнату, какого желалось, мягкій, пушистый коверъ, табуретки, стулья и столики, огромное стоячее подвижное зеркало, каминъ и т. д. украшали это убѣжище, гдѣ роились фантазіи, подъ часъ

* Нелишнимъ будетъ изяснить городскимъ жителямъ, что въ украинскихъ деревняхъ, кромѣ гостинныхъ (salon) есть еще другія гостинныя комнаты, т. е. комнаты для помѣщенія прїѣзжающихъ гостей. Въ иномъ богатомъ домѣ бываетъ большое количество такихъ гостинныхъ, смотря по обширности знакомства и гостепримству хозяина. *Пр. перес.*

надувались губки и переливались упоительныя бесѣды. Другая боковая комната, отдѣленная также богатой портьерой отъ гостиной, служила рабочимъ кабинетомъ женщины оригинальной, остроумной, вѣтренной, но любившей занятія. Кабинетъ этотъ былъ убранъ проще, но съ большимъ вкусомъ. Въ немъ помѣщались красивые и дорогіе шкафы, полные книгъ въ щегольскихъ съ золотымъ обрѣзомъ переплетахъ, блиставшихъ сквозъ хрустальныя стекла. У одного окна стоялъ мольбертъ, а возлѣ въѣ необходимыя принадлежности для рисованія масляными красками; у другаго—бюро съ бумагами, книгами и рисунками. Передъ диваномъ, на которомъ лежала канва, стоялъ обширный столъ, забросанный узорами, гарусами, тамбурными и обыкновенными иглками и т. д.; лежало тамъ и тоненькое полотно, по-видимому приготовленное для работы. Въ другомъ углу стояли щегольскія пяльцы, а возлѣ нихъ красивая прялка * съ нѣжно-вычесаннымъ, подобно шелку, льномъ; здѣсь-же на разостланной леопардовой кожѣ стоялъ столикъ, на которомъ лежали: франтовская круглая шляпа съ бѣлымъ перомъ, хлыстикъ, ящичекъ съ папирсами, и пара небольшихъ пистолетовъ; а тутъ-же по стѣнѣ висѣли легкія красивыя ружья, атласныя торбы и разныя охотничьи принадлежности—и все это чистое, свѣжее, словно только что изъ магазина.

Обойдя эти четыре комнаты, старушка усѣлась въ гостиной, на покойномъ креслѣ, а панъ Романъ, прислонясь къ средней двери, смотрѣлъ еще во все стороны, дышалъ этимъ ядовитымъ, хотя свѣжимъ и благовоннымъ воздухомъ, и въ тихомъ убѣжищѣ очаровательнаго уединенія, гдѣ изъ каждаго угла, казалось, раздавался шепотъ: «берегись! здѣсь волшебница!» слушалъ эхо ея голоса и на коврахъ высматривалъ слѣды чудной и привлекательной ножки, которую видывалъ еще прежде и съ которой не могло разстаться его воображеніе.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла Христина. Замѣтивъ пана

* Въ прежнее время польскія дамы считали какъ-бы непремѣнной обязанностью имѣть прялку, на которой и пряли ленъ во время вечернихъ бесѣдъ. Это было въ обычаѣ у женъ первыхъ магнатовъ, какъ-бы въ знакъ того, что женщина, не смотря на богатство и положеніе въ свѣтѣ, не должна забывать обязанностей рачительной хозяйки. *Пр. пер.*

Романа, она, какъ-бы отдыхая отъ усталости, тоже оперлась о противоположную дверь, и живой румянецъ выступилъ на ея хорошенькомъ личикѣ. Она была въ черномъ шерстяномъ платьѣ — въ родѣ короткой амазонки; въ рукѣ былъ небольшой хлыстикъ, а на головѣ свѣтло-голубая атласная шапочка. Гладко причесанные волосы и коса, подававшаяся немного назадъ, — блестяли словно вороново крыло. Когда она остановилась въ дверяхъ, возлѣ нея показалась огромная черная борзая собака съ шелковистой, лоснящейся шерстью. Въ этомъ костюмѣ, съ этимъ спутникомъ и въ полумужской позѣ она походила на средне-вѣковую героиню; а на атласномъ снуркѣ, окружавшемъ ея талію, висѣла огромная связка ключей, показывавшая занятіе, въ которомъ ей помѣшали. Молчаніе длилось нѣсколько секундъ. Вскорѣ Христина подошла къ пани Виницкой и поцѣловала ея руку.

— Ахъ, бабушка, бабушка! Развѣ хорошо съ вашей стороны пріѣхать, не извѣстивъ меня прежде? Не моя вина, если вы найдете все неприготовленнымъ и въ безпорядкѣ.

Не дождавшись отвѣта, она подошла къ пану Роману, ловко придерживая шапочку; а когда и панъ Романъ сдѣлалъ шага два къ ней навстрѣчу, поклонилась ему и протянула руку, которую герой нашъ невольно сжалъ сильнѣе обыкновеннаго.

— Привѣтствую васъ у себя! сказала она. — Хорошо, что вы пріѣхали, иначе... Но если вы увидите мой арсеналь, то будете осторожиѣе.

— Я уже его видѣлъ, отвѣчалъ панъ Романъ, улыбаясь.

— И что-же? спросила Христина, смотря на него съ приторнымъ грознымъ видомъ.

— Испугался, отвѣчалъ кланяясь молодой человекъ.

Хорошенькая хозяйка расхохоталась и подошла къ пани Виницкой.

— Перейдите, бабушка, въ другую комнату — тамъ вамъ будетъ покойнѣе; а мнѣ позвольте немного похозяйничать.

— Мнѣ и здѣсь хорошо. Но посиди-же съ нами, вѣдь и безъ тебя сдѣлаютъ все, какъ слѣдуетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорила она, звѣня ключами. Надо все видѣть собственными глазами. И теперь я была на фольваркѣ и исполняла обязанность эконома и ключницы.

— Изъ шалости, для развлечения; да и ключи привѣсила точно съ тою-же цѣлью! молвила старушка, улыбаясь.

— Должно признаться, что ключи были больше для хозяйской важности, чѣмъ для употребленія. Однакоже я хорошо сдѣлала, побывавъ на фольваркѣ, потому-что надо было и побранить, и похвалить. И теперь стоитъ мнѣ только не пойти, — то и вы, бабушка, не будете имѣть всѣхъ необходимыхъ удобствъ.

Сказавъ это, Христина пошла къ двери, но вмигъ оборотилась и подбѣжала къ пани Виницкой.

— Однакоже, милая бабушка, вы подарите мнѣ недѣлю? не правда-ли?

При звукѣ этихъ словъ и искренности, съ какою они были сказаны, вздрогнуло сердце у пана Романа. Старушка покачала головой.

— Побойся Бога! Какъ-же можно недѣлю?

— По-крайней-мѣрѣ шесть дней!

— И того не могу.

— Ну, такъ пять, добрѣйшая моя бабушка.

Пану Роману сдѣлалось еще веселѣе на сердцѣ, когда онъ припомнилъ — въ какихъ случаяхъ пани Виницкая называлась добрѣйшею бабушкой.

— Если тебѣ уже непременно хочется, то остаюсь четыре дня. Больше не въ состоянїи, сказала старушка.

— Что-же дѣлать! отвѣчала Христина какъ-бы съ покорностью, пусть будетъ по вашему. Но если какъ-нибудь зацѣпимъ и пятый, то, вѣроятно, отъ этого не произойдетъ ничего дурнаго въ Быковкѣ. Поддерживайте-же меня! прибавила она, краснѣя и обращаясь къ пану Роману.

Молодой человекъ хотѣлъ что-то отвѣчать, хотѣлъ встать и найти, но въ эту минуту на памяти его мелькнула панна Катерина. Онъ покраснѣлъ и замолчалъ.

Видя его замѣшательство, Христина улыбнулась, оборотилась и исчезла изъ комнаты, погладивъ на бѣгу борзую собаку, несводившую съ нея глазъ и поскакавшую за нею.

Легко догадаться читателю, что творилось въ головѣ пана Романа; догадаются также, что пани Виницкая не совѣтовалась съ нимъ — оставаться или нѣтъ, и что онъ также не исполнилъ по-

рученія и не просилъ тетку не выѣзжать на пятый день. Они молчали, но, кажется, думали объ одномъ и томъ-же, и лелѣяли одни и тѣ-же предположенія.

Черезъ четверть часа Христина возвратилась въ легкомъ щегольскомъ нарядѣ, а за ней внесли столикъ, на которомъ были чай, кофе и небольшая закуска. Не станемъ подробно описывать посѣщенія старушки, потому-что это было-бы трудно, а что еще хуже — скучно и утомительно. Разставивъ шахматы, мы довели игру до извѣстной степени; а дальнѣйшее движеніе ея легко можетъ представить себѣ каждый, у кого хоть сколько-нибудь есть опытности и воображенія. Мы схватимъ только важнѣйшіе моменты, которые, можетъ-быть, не будутъ лишены интереса и лучше покажутъ положеніе играющихъ.

Изъ другой гостиной большая стеклянная дверь выходила на балконъ, откуда видна была лучшая часть сада. Балконъ этотъ, занимавшій всю ширину дома, былъ завѣшенъ маркизой, а по сторонамъ, равно какъ и на ступенькахъ, стояли рѣдкіе и разнообразныя цвѣты. Туда послѣ чаю Христина повела своихъ гостей, гдѣ наслаждались они чуднымъ, свѣжимъ воздухомъ и весело, дружески разговаривали, присматриваясь къ дивнымъ краскамъ, блиставшимъ во время заката солнца. Христина была серьезнѣе обыкновеннаго, но естественна и любезна. Она братски обходилась съ паномъ Романомъ, прекрасно вела разговоръ то о дѣлахъ современныхъ, то о литературѣ, то объ искусствахъ и талантахъ, которыми обладала, наконецъ о буряхъ, угрожавшихъ цѣлому свѣту. Панъ Романъ былъ совершенно очарованъ и мѣстомъ, въ которомъ находился, и голосомъ, который умѣлъ придать энергію и жизнь этому чудному уединенію, онъ былъ въ восторгѣ отъ той, кто, подобно истинной волшебницѣ, могла пригнунуться и шалуньей-дѣвочкой, и увлекательной кокеткой, и женщиной полной ума, вкуса и гражданскихъ добродѣтелей. Поздно уже, съ какимъ-то шумомъ въ головѣ, возвратился онъ въ свою комнату, не раздѣваясь, бросился на постель и часа два лежалъ, зажмуривъ глаза, пробѣгая мысленно все, что видѣлъ и слышалъ, удерживая какъ-то въ памяти и сердцѣ представлявшіеся ему образы; — хотя и чувствовалъ, что это отравляло его, однако находилъ удовольствіе въ отравѣ и не могъ, не хотѣлъ оттолкнуть ее отъ себя.

Во время завтрака говорили о хозяйствѣ. Христина такъ прекрасно знала состояніе своихъ дѣлъ, цѣнность имѣнія, положеніе каждаго почти крѣстьянина, однимъ—словомъ, съ такою увѣренностью и отчетливостью отвѣчала на все вопросы старушки, что панъ Романъ чрезвычайно удивился.

— Теперь я не удивляюсь, сказалъ онъ, что вчера вы были на фольваркѣ съ огромной связкой ключей; видно, что и хозяйство васъ очень занимаетъ, и что вы умѣете пользоваться временемъ.

— Я чрезвычайно уважаю время, и это по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, какъ лучшаго медика во всехъ болѣзняхъ души и тѣла; во-вторыхъ, какъ превосходнѣйшаго совѣтника во всехъ обстоятельствахъ жизни; въ третьихъ, какъ сильнѣйшаго врага каждой хорошенькой женщины. Теперь его у меня ровно столько, сколько мнѣ нужно, оно со мной очень вѣжливо, и я пользуюсь его расположеніемъ, чтобы послѣ не принуждена была сказать: «уже поздно!»

— Естественно, что вы читаете, отвѣчалъ панъ Романъ, что рисуете, вышиваете, шьете бѣлье, стрѣляете, охотитесь, и даже, прибавилъ онъ, улыбаясь, прядете ленъ на прялкѣ, потому-что я видѣлъ въ вашемъ кабинетѣ принадлежности всехъ этихъ занятій; но хозяйство, въ особенности хозяйство мужское—мученье, просто хлопоты, а не разсѣяніе, которые нисколько не помогаютъ убить время.

— Но кто-же вамъ сказалъ, что я хочу убивать время? Я стараюсь употреблять его для своей пользы и для удовольствія другихъ. Конечно, случается, что теряю его и попусту въ поѣздкахъ по сосѣдству, какъ напримѣръ, сколько утратила его на балѣ у пани Осиповской! прибавила Христина, краснѣя и поглядывая на пана Романа; но дома, въ уединеніи, стараюсь милостивить своего врага и благодѣтеля, встаю въ семь часовъ, ложусь въ одиннадцать, и, отдавая себѣ отчетъ въ поступкахъ цѣлаго дня, говорю себѣ: «жаль! а вотъ эти и эти минуты пропали даромъ! Прости мнѣ, время, и не мети за то, рисуя на моемъ лицѣ морщины раньше, чѣмъ ты предполагало!»

— Видишь, какъ сама себѣ противорѣчишь! сказала пани Виницкая. Такъ хлопотливо бережешь часы и минуты, а оставляешь насъ надолго. Можетъ-быть, время на тебя и разсердится,

— Нѣтъ, милая бабушка, не разсердитесь.—я имѣю съ нимъ свои счеты, отвѣчала живо почти растроганная хозяйка. Удѣляло оно мнѣ много печальныхъ минутъ, значить обязано дать и нѣсколько пріятныхъ. И еслибы вы прогостили у меня цѣлый мѣсяць и я постоянно была—бы такъ—же счастлива, какъ теперь, то время все еще не вышлатило—бы мнѣ своего долга; прибавила она, цѣлуя руку старушки.

Принявъ это на свой счетъ, панъ Романъ также былъ счастливъ.

Послѣ обѣда пани Виницкая ушла отдохнуть, а панъ романъ съ Христиной остались на балконѣ. День былъ теплый и ясный. Была какая—то роскошь въ воздухѣ въ этой порѣ оканчивающагося лѣта и начинающейя осени. Въ легкомъ пеньюарѣ, съ оживленнымъ лицомъ, Христина полулежала въ покойномъ креслѣ, разспрашивая пана Романа о его семействѣ, о сосѣдяхъ, о жизни и удовольствіяхъ въ царствѣ Польскомъ. Разговаривая съ молодымъ человѣкомъ, она играла букетомъ свѣжихъ пахучихъ цвѣтовъ, который прикладывала къ губкамъ, вдыхая аромать и обкусывая листочки. Возлѣ кресла стоялъ небольшой столикъ, отдѣлявшій ее отъ собесѣдника. Положивъ на столъ свой букетъ, она продолжала оживленный разговоръ. Отвѣчая на вопросы, панъ Романъ взялъ цвѣты, конечно, по разсѣянію, и началъ ими играть въ свою очередь. Христина это видѣла, но прикинулась, что не обращаетъ вниманія. Букетъ остался въ рукахъ пана Романа, и этотъ явный грабежъ, какъ—бы оправдываемый молчаніемъ хозяйки, возбудилъ въ немъ много сладостныхъ фантазій.

— Вы еще не видѣли моего сада! Пойдемъ—те пока проснетса бабушка, сказала Христина, вставая и взявъ зонтикъ.

Панъ Романъ подаль ей руку, чтобы помочь сойти съ лѣстницы; но она, очутясь однимъ прыжкомъ на дорожкѣ, побѣжала къ ряду клумбъ и нарвала себѣ свѣжихъ цвѣтовъ.

Панъ Романъ догадался, что прежніе могутъ остаться у него, и спряталъ ихъ за жилетъ, поближе къ сердцу. Прогулка продолжалась довольно времени. Имѣя также прекрасный садъ и познанія въ садоводствѣ, панъ Романъ говорилъ больше обыкновеннаго, давалъ иногда совѣты, на которые охотно соглаша-

лась Христина. Но когда, обойдя все аллеи и налюбовавшись видами на деревню и окрестные поля, молодые люди возвращались назад, и панъ Романъ подалъ руку утомившейся Христинѣ, послѣдняя охотно приняла это предложеніе, крѣпко опиралась на его руку, въ особенности поднимаясь на гору, и смотрѣла ему въ глаза, слушая дѣльные его замѣчанія о группировкѣ деревъ и о выборѣ кустарниковъ для новыхъ клумбъ.

На другой день прѣѣхала знакомая уже пану Роману—пани маршалкова, съ дочерью Модестой. Христина очень хорошо знала пани маршалкову и ея расположеніе. Не нравился ей этотъ визитъ тѣмъ болѣе, что госпожа эта имѣла множество претензій, требовала, чтобы ею безпрестанно занимались, и оскорблялась за малѣйшее упущеніе въ этомъ случаѣ. Но Христина нашлась и на этотъ разъ, потому что, если женщина составила себѣ планъ,—ей нѣтъ препятствій, да и самыя препятствія превращаются въ средства.

Послѣ обѣда она предложила пить чай въ пасѣкѣ. Предложеніе было принято. Когда приблизилось время отъѣзда, предъ крыльцомъ явилась открытая коляска, запряженная парой отличныхъ англійскихъ лошадей, и въ то-же время подвели пару верховыхъ. Подъ дамскимъ сѣдломъ красовался послушный, смиренный англизированный конь, а подъ мужскимъ небольшой карій арабъ, но у котораго изъ глазъ и изъ ноздрей, казалось, пылалъ огонь,—а тоненькія ножки гребли отъ нетерпѣнія копытами землю и далеко ее отбрасывали. Вскорѣ вышла Христина въ темно-голубомъ платьѣ, съ двумя рядами пуговицъ на груди; шапочка съ бѣлымъ перомъ красиво лежала у ней на головкѣ; въ одной рукѣ держала она хлыстикъ, а на другой несла цодоль своей амазонки, ловко подобранный. Замѣтивъ этотъ маневръ, пани Виницкая улыбнулась и покачала головой, а пани маршалкова подумала, закусивъ губы: «Понимаю, опутываетъ его сѣтями... Но увидимъ!»

Когда дамы усѣлись въ экипажъ, Христина взглянула на пана Романа.

— Вы довольны! спросила она тихимъ голосомъ.

— О, какъ я вамъ благодаренъ! отвѣчалъ молодой человекъ тоже тихонько.

— Пособите-же мнѣ.

Подавъ ей руку и сведя съ крыльца, панъ Романъ смѣло подошелъ къ ея лошади и ударилъ по сѣдлу рукою. Выученная лошадь протянулась немного и, словно вкопанная, ожидала, пока не почувствуетъ знакомой легкой ноши. Христина поставила пожку на руку берейтора, — въ чемъ ему панъ Романъ позавидовалъ отъ всего сердца, — но за то оперлась рукою на плечо молодого человека, и такимъ образомъ ловко усѣлась на сѣдлѣ. Едва она успѣла оправить складки своей амазонки и берейторъ подалъ ей поводья, конь быстро поднялъ голову, оживился и, легко приподнявъ переднія ноги, показалъ свой огонь и искусство управлявшей имъ наѣздницы. Панъ Романъ не обратилъ вниманія, что Христина смотрѣла съ любопытствомъ, какъ онъ садеть на лошадь, и какъ заблестали у нея отъ радости глаза, а на устахъ появилась улыбка удовольствія, когда она замѣтила, что прежде, чѣмъ арабъ успѣлъ показать свою живость, уже панъ Романъ сидѣлъ въ сѣдлѣ и искусно укрощалъ благородное животное.

Счастье нашего героя, что онъ любилъ лошадей и отлично ѣздилъ верхомъ: иначе онъ былъ-бы въ затруднительномъ положеніи, потому-что ему приготовлялся неожиданный экзаменъ. Изъ этого выходитъ заключеніе, что мальчика должно воспитывать, какъ слѣдуетъ мужчинѣ: вѣдь кто знаетъ, что иногда можетъ случиться!

Прогулка окончилась счастливо. Христина была въ отличномъ расположеніи духа: во-первыхъ потому, что ей удалось избѣгать общества пани маршалковой, во-вторыхъ оттого, что была почти наединѣ съ паномъ Романомъ, которому неразъ доставались и нѣжный взглядъ, и милая улыбка, и очаровательная благодарность за его заботливость, въ-особенности, когда она начала безумствовать на лошади. Христина постоянно старалась держаться подалше отъ экипажа, а слѣдовательно и отъ глазъ пани маршалковой. Но однажды она догнала коляску, и пани Виницкая, складывая руки, начала ее просить — быть осторожнѣе.

— А что, бабушка! сказала она: вы похожи теперь на курицу, высидѣвшую утенковъ, которая смотритъ съ берега —

как птенцы ея рѣзвятся на водѣ. Не бойтесь! у меня надежный товарищъ.

И проговоривъ это, она пустилась впередъ на гору, оставивъ экипажъ далеко за собою, и прибавила, обращаясь къ пану Роману:

— Правду-ли я сказала?

— Жизнью-бы желалъ доказать справедливость словъ вашихъ! отвѣчалъ панъ Романъ, забывая весь міръ, а слѣдовательно и Варшаву.

— Такъ поѣдемъ-те шагомъ, потому-что жаль было-бы увидѣть одну звучную фразу въ томъ, что вы сейчасъ говорили, сказала Христина, разомъ удерживая лошадь.

Панъ Романъ смѣшался и замолчалъ, а Христина дала совершенно другой оборотъ разговору.

По обыкновенію украинскихъ пасѣкъ, и та, въ которой приготовленъ былъ полдникъ, стояла въ чудной рощицѣ изъ липъ, дубовъ и кленовъ, представляя квадратъ, окруженный высокимъ плетнемъ, гдѣ стояло до двухсотъ ульевъ, полныхъ бѣлаго, благоухоннаго меду. Къ одному углу примыкала покрытая соломой хата съ огромными сѣнями, каморкой, обширной, чистой избой и съ постройками, необходимыми для сохраненія и приготовления ульевъ. Подъ навѣсомъ крыши висѣли коробки для собиранія роевъ, сушились жолобки для кормленія пчелъ, тростниковыя клѣточки для перенесенія матокъ и разныя другія пчельничьи принадлежности. Передъ хатой была ровная площадка, заросшая низкой травой и осѣненная нѣсколькими старыми дубами. Тамъ стоялъ уже накрытый столъ, уставленный простой посудой и окруженный липовыми лавками, словно только-что сдѣланными. Возлѣ стола хлопотали молодя и хорошенькія дѣвушки, въ сѣрыхъ юбочкахъ, въ цвѣтныхъ фартучкахъ, въ тонкихъ сорочкахъ, вышитыхъ на плечахъ и застегнутыхъ подъ шею, украшенной однимъ или двумя снурками коралловъ. Губки у нихъ были свѣжія и румяныя; густыя косы съ красными лентами спадали на плеча, — а въ гладко-зачесанныхъ волосахъ красовались астры и резеда. Утоптанная дорожка вела отъ хаты къ пасѣкѣ, а у небольшой калитки стоялъ готовый принять ба-

рыню и ея гостей высокій и добрый старикъ съ бѣлой боро-
дою.

Всѣ были довольны и веселы; даже пани маршалкова при-
творялась веселою. Снявъ шляпу, отетегнувъ амазонку и остав-
шись въ курточкѣ и бѣломъ платьи, Христина съ открытой го-
ловой и улыбаясь хлопотала и хозяйничала. Въ такомъ поэти-
ческомъ мѣстѣ, среди щедрой и роскошной природы, среди
бальзамическаго запаха пасѣки, при легкомъ шумѣ дубовъ и
липъ, при краснорѣчивомъ жужжаньи мильона трудолюбивыхъ
пчель, панъ Романъ, забываясь, мечталъ, не бралъ молока и ме-
ду, которыми его подчивала Христина, но, смотря на нее, въ
молчаньи благословлялъ эту обѣтованную землю, плывущую мо-
локомъ и медомъ.

Повечерѣло, когда общество оставило пасѣку, и совершен-
ная темнота застигла ихъ почти на половинѣ дороги. Коляска
подвигалась медленно, а Христина и панъ Романъ ѣхали вперед-
и шагомъ. Ихъ окружала глубокая тишина; ночь темнѣла по-
степенно и налегала на обширныя поля. Многочисленныя звѣзды,
появлялись съ сѣвера и востока, сверкали и группировались на
темномъ фонѣ; а свѣтлый, золотисто-красный отблескъ заката
опускался, блѣднѣлъ и переходилъ въ сѣрый цвѣтъ. Ни Хри-
стина, ни панъ Романъ не говорили ни слова, посяматривая то
въ глубину полей, то на небо, и прислушиваясь къ звукамъ та-
инственной жизни, заглушаемой днемъ людскою суетою, но на-
чинающейся въ то время, когда человекъ спитъ и жадная рука
его предается успокоенію. Кони шли ровно, и явственно разда-
валась мѣрная ихъ поступь. Но гдѣ одинъ изъ нихъ, какъ-бы
чего пугаясь, начиналъ храпѣть и настораживать уши, другой
въ тоже время, поднимая голову, прятъ ушами и, казалось, къ
чему-то присматривался: тогда сближались лошади, а панъ Ро-
манъ протягивалъ руку, которую непритворно и ненарочно
встрѣчала нѣжная и дрожащая ручка.

Если кому изъ нашихъ читателей встрѣчалось подобное пу-
тешествіе, въ такую пору и въ такомъ обществѣ, пусть расска-
жетъ о чемъ думалъ панъ Романъ, и, если можетъ, пусть осу-
ждаетъ, что не думалъ о томъ, о чемъ долженъ былъ думать
въ-слѣдствіе сто разъ данныхъ себѣ обѣщаній.

На пятый день, послѣ ранняго обѣда, должна уже была выѣзжать пани Виницкая. Панъ Романъ грустиль, Христина задумывалась, а старушка, смотря на нихъ, радовалась въ душѣ, что дѣла принимали такой оборотъ, что не много надо было съ ея стороны усилій—привести любимѣйшій свой планъ къ желанному окончанію. За обѣдомъ молодые люди почти ничего не ѣли, потому-ли, что не было аппетита, или оттого, что ихъ занимали совершенно другія мысли. Кушанья уносились почти нетронутыя. Въ концѣ обѣда пани Виницкая получила съ нарочнымъ письмо, на которое должна была отвѣчать уполномоченному ту-же минуту. Не теряя времени, старушка ушла въ кабинетъ и занялась письмомъ. Молодые люди отправились во вторую гостиную, а оттуда, разговаривая о погодѣ и дорогѣ, перешли въ будуаръ Христины.

Передъ крыльцомъ стояла уже запряженная карета, надо было прощаться, а панъ Романъ самъ не зналъ, не находилъ словъ, какъ выразить то, что совершалось у него въ сердцѣ.

Когда, облокотясь на столъ, панъ Романъ, во время этой нерѣшительности, прискивалъ выраженія, повѣрялъ настоящее состояніе своей души, представлялъ себѣ прелести и обхожденіе съ нимъ Христины, и пробѣгая мысленно свое минувшее и ея будущность, такъ зафантазировался, что Христина, принявъ живописную позу на своемъ покойномъ креслѣ и присматриваясь на бѣднаго молодаго человѣка, громко захохотала. Пробужденный неожиданнымъ смѣхомъ, панъ Романъ отскочилъ въ сторону, словно на него обрушивался потолокъ.

— Я испугала васъ! сказала Христина, смотря нѣжно и протягивая руку молодому человѣку, какъ-бы сожалѣя о томъ, что оскорбила его своимъ хохотомъ.

— Нисколько, отвѣчалъ панъ Романъ, не подходя и не прикасаясь къ протянутой рукѣ.—Вы только удивили меня, прибавилъ онъ, закусывая губы.

— Садитесь здѣсь! сказала Христина, указывая на ближайшій табуретъ. Голосъ ея былъ такъ нѣженъ, взоръ такъ заманчивъ, что панъ Романъ подошелъ и сѣлъ, увлекаемый этой волшебной силою.

— Скоро-ли мы снова увидимся? продолжала Христина.

— Теперь не знаю.

— Теперь? повторила она выразительно, но показывая, что поняла его: а за минуту передъ этимъ вы знали?

— Рѣшенія наши часто зависятъ отъ одной минуты, сказалъ панъ Романъ.

— Да, вы здѣсь соскучились въ нѣсколько дней. Простите, милый панъ Романъ! Но чѣмъ-же я виновата? Я дѣлала все, что могла.

Панъ Романъ взглянулъ на нее, и сравнивая этотъ голосъ, которымъ въ первый еще разъ назвала она его по имени, съ выраженіемъ ея лица, спокойнымъ и какъ-будто насмѣшливымъ, онъ самъ не зналъ: женщина-ли это, способная чувствовать что-нибудь, или кокетка, искусная, прекрасная, но холодная, какъ ледъ, и опасная, какъ сирена.

— Любили-ль вы когда-нибудь? спросила она его быстро, смотря ему пристально въ глаза.

Неожиданный этотъ вопросъ привелъ пана Романа въ необходимость сказать правду или солгать; но чувствуя, что первое было-бы небезопасно, а второе унижительно, молодой человѣкъ склонилъ голову и молчалъ, потирая лобъ рукою.

Христина слегка прикоснулась къ плечу его.

— Уважаю это молчаніе. Не люблю ни лжи, ни пустыхъ фразъ, сказала она.

Поблагодаривъ ее въ душѣ, что она вывела его изъ затруднительнаго положенія, панъ Романъ прижалъ къ губамъ ея руку, которой у него не отнимали. Разговоръ начиналъ уже принимать другой оборотъ, панъ Романъ становился уже на скользкой покатоствѣ, на которой такъ трудно удержаться молодому человѣку, если его увлекаютъ обаятельныя прелести, но въ то-же время случилось небольшое происшествіе, давшее совершенно другое направленіе его мыслямъ.

Въ гостиной послышались мѣрные шаги, и въ будуаръ быстро вбѣжала извѣстная уже намъ черная борзая собака, съ которой Христина встрѣтила своихъ гостей въ первый день ихъ пріѣзда. Вбѣжавъ въ гостиную, борзая обошла комнату и по слѣду попала въ будуаръ. Сильно обрадовалась собака, но и на лицѣ Христины показался какой-то странный румянецъ. Со-

бака подбѣжала къ ней, ласкаясь, махая блестящимъ хвостомъ, и положила свою голову къ ней на колѣна. Христина, приложивъ лицо къ ея мордѣ и поглаживая рукой шелковистую шерсть, сказала:

— Какъ поживаешь, добрый Вихрь? Ты, словно стрѣла, летѣлъ ко мнѣ. Бѣдная собака! Посмотрите, что это за чудное созданіе! Не правда-ли? прибавила она, обращаясь къ пану Роману.

— Вижу! отвѣчалъ панъ Романъ, съ досадой за то, что собака прервала дивныя минуты и мысли, которыя, можетъ-быть, уже не придутъ больше въ голову:—но вижу также, что и привязанность ея къ вамъ не напрасна, прибавилъ онъ, смотря на Христину, непереставшую ласкать собаку и дѣлать ей хорошенькія гримасы.

— И какая привязанность! Вихрь такъ привыкъ ко мнѣ, такъ полюбилъ меня, что, представьте! за какой-нибудь ничтожной лаской бѣжить безъ отдыха четыре мили и навѣщаетъ меня разъ, а иногда и два раза въ недѣлю.

— Чья-же это собака? спросилъ панъ Романъ, дрожа и блѣднѣя.

— Вѣрный и неизмѣнный товарищъ пана Владислава Искрицаго, отвѣчала Христина, наклоняя лицо къ головѣ собаки и лаская ее по спинѣ рукою.

Въ эту минуту пану Роману представились колонны крыльца пани Осиневской и у одной изъ нихъ мужчина въ плащѣ, съ сигарой въ зубахъ; ему послышался стукъ экипажа, въ который сѣлъ этотъ мужчина, и панъ Романъ будто-бы явственно ощутилъ, какъ черезъ-грудь его пронеслись быстрыя колеса. Безозвательно очутился онъ у двери гостиной и очнулся только тогда, когда увидѣлъ передъ собой пани Виницкую, съ запечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.

— Что съ тобою, Романъ? Ты очень блѣдень! сказала она.

— Ничего, милая тетенька! Ыдемъ!

— Ыдемъ. Но гдѣ-же Кржися? спросила встревоженная старушка.

Не отвѣчая ни слова, панъ Романъ выбѣжалъ и приказалъ подавать экипажъ. Когда черезъ часъ потомъ, сидя въ углу каре-

ты, онъ рвалъ перчатку, и слеза катилась по лицу его, пани Виницкая говорила, качая головою:

— Дѣти, дѣти! сами не знаете, что пришло вамъ въ голову. Тратите по-пустому драгоценное время, котораго никто вамъ возвратитъ не въ состояннн.

VIII.

Изъ безчисленнаго множества пороковъ, намъ свойственныхъ, болѣе поразительный порокъ—совершенное отсутствіе разумнаго обсужденія достигающихъ къ намъ извѣстій. Порокъ этотъ такъ всеобщъ, что нетолько люди простые и темные, но даже и образованные, люди такъ называемаго высшаго свѣта, подчиняются ему въ одинаковой степени. Нѣтъ чудовищной клеветы, нѣтъ нелѣпнѣйшей басни, которая не нашла-бы вѣры и не была разглашаема. Молніей проносится молва по городу, по уѣзду, по губерніи, растетъ подобно кому снѣга, катящемуся съ горы, и возвращается къ мѣсту рожденія огромною и ужающею лавиной. Конечно, всегда и вездѣ люди подчинялись и будутъ подчиняться этой слабости. Описаніе *Виргиліевой вѣсти*, названной имъ быстрѣйшимъ зломъ, будетъ вѣчной истиной. Но нигдѣ это зло не будетъ хуже и быстрѣе какъ у насъ. Причиной этому четыре особые порока, обладающіе нами въ высочайшей степени, т. е. *легковѣріе*, рѣшительно неразбирающее ничего, *болтливость*, конечно, требующая матеріаловъ, *праздность*, мѣшающая запасаться полезными матеріалами для разговора, и *импровизація*, въ которой самую жалкую роль играетъ истина. Не хочется намъ трудиться и пріобрѣтать полезныя свѣденія, а болтать такъ и чешется языкъ; и вотъ, поймавъ первую встрѣчную вѣсть, мы толкуемъ о ней безъ разбора. Рѣдко однакоже случается, чтобъ подобная вѣсть удовлетворяла обширной болтовнѣ и была сама по себѣ занимательна: мы и начинаемъ убирать ее различными украшениями и пускаемъ въ дальнѣйшее путешествіе, въ дальнѣйшіе маскарады. Оно бы не бѣда еслибы тѣмъ кончалось. А сколько разъ, собственно только изъ за того, что мы не хотѣли трудиться и не имѣемъ предмета для разговоровъ, мы чернимъ честныхъ людей, безславимъ доброе

имя женщины, смущаемъ домашнее спокойствіе супруговъ; сколько разъ своей болтовней наводимъ подозрѣніе на образъ мыслей достойныхъ людей, полезныхъ обществу; сколько разъ, обманывая костюмированными сплетнями слабыхъ и неопытныхъ, повергаемъ въ слезы и горе цѣлыя семейства, раздираемъ сердца матерей и покрываемъ головы отцовъ преждевременными сѣдинами. *Виргилій* назвалъ молву быстрѣйшимъ зломъ; мы смѣло могли-бы назвать ее своимъ пагубнѣйшимъ смертнымъ грѣхомъ. Но оставимъ эти моральныя предостереженія, въ особенности, если они оканчиваются такими горькими истинами. Сколько изъ книгъ и съ каедръ бросается у насъ гороху о стѣну! Надѣмся, что и эти наши замѣчанія пойдутъ на вѣтеръ, и потому возвратимся лучше къ обстоятельствамъ, вдохнувшимъ намъ эти мысли, и не станемъ прерывать продолженія повѣсти.

Черезъ нѣсколько дней послѣ извѣстной поѣздки къ *Христинѣ*, разнеслась вѣсть по окрестности, что панъ *Романъ* просидѣлъ полторы недѣли у пани *Рожевской*; что все это время искусная женщина завлекала его въ свои сѣти различными способами самаго явнаго кокетства; что старуха *Виницкая*, пламенно желавшая подцѣпить *Христину* для своего племянника, смотрѣла сквозь пальцы на ихъ поведеніе и нарочно уходила пораньше спать, оставляя молодыхъ людей наединѣ далеко за полночь; что если кто изъ гостей прїѣзжалъ въ *Мышовцы*, пани *Рожевская* придумывала прогулки—для гостей въ экипажахъ, а сама ѣздила всегда верхомъ, въ сопровожденіи пана *Романа*, и обыкновенно продолжала эти прогулки до ночи, имѣя въ виду ѣхать во мракѣ съ своимъ кавалеромъ. И вотъ заговорили, что однажды, въ одну изъ подобныхъ поѣздокъ, конь *Христинины* испугался, и она бросилась въ объятія пана *Романа* и держалась до-тѣхъ-поръ за шею молодого человѣка, пока не успокоилась лошадь—обстоятельство, видѣнное гостями, утверждавшими это клятвой; что въ-слѣдствіе этого визита пани *Рожевская*, кажется, должна будетъ выйти за пана *Романа*; что когда узналъ обо всемъ этомъ панъ *Владиславъ*, котораго она столько разъ обманывала, то пришелъ въ такую ярость—въ особенности потерявъ надежду поправить свои дѣла этой женитьбой,—что вызвалъ пана *Романа* на поединокъ, но тотъ не принялъ вызова.

Всѣ эти вѣсти, съ малѣйшими подробностями, доходили различными путями къ особамъ, которыхъ онѣ касались: чрезъ услужливость пріятелей, пріѣзжавшихъ поздравлять и которые, поздравляя, выбалтывали, по глупости, все, что знали отъ сплетниковъ, словно печаянно разсирсивъ у послѣднихъ: правда-ли это? и чрезъ нисьма, въ которыхъ Христину поздравляли съ замужествомъ, а пани Виницкую съ женитьбой племянника. Письма эти заключались самыми пламенными желаніями счастья такой прекрасной четѣ и сожалѣніями о людской злобѣ, которая искажаетъ и ставитъ въ порокъ обстоятельство весьма обыкновенное — взаимную любовь молодыхъ и независимыхъ особъ. Напримѣръ, «возможно-ли это», пишетъ одна госпожа и наивно выписываетъ ужаснѣйшую нелѣпость, слышанную ею за достовѣрность. Въ подобномъ-же тонѣ было и письмо пани маршалковой. Оно оканчивалось слѣдующимъ образомъ: «легко будетъ вамъ представить, что меня скорѣе всѣхъ оскорбили эти сплетни, тѣмъ болѣе, что я вѣдь сама была въ Мышовцахъ и не забуду ни пріятно проведеннаго времени, ни привѣтливости пани Рожевской, ни вниманія пана Романа. Конечно, я очень хорошо видѣла, чѣмъ все это кончится; но что-же тутъ удивительнаго? оба они молоды и достойны другъ друга. Это больше ничего, какъ зависть. Хотя и оскорбили меня подобныя сплетни, однако, съ другой стороны, я обрадовалась, что панъ Романъ не принялъ вызова пана Владислава. Онъ поступилъ очень разсудительно. Панъ Владиславъ искусень въ поединкахъ, да и терять ему нечего, потому-что и остатки скоро спустить на какой-нибудь двойкѣ. Жаль было-бы молодого человѣка съ такимъ образованіемъ, какъ панъ Выжпольскій, полного надеждъ и достойнаго лучшей участи. И за что-же наконецъ ему свою жизнь, собственное счастье и спокойствіе милой особы—подвергать опасности изъ-за прихоти отъявленнаго мота, неумѣвшаго цѣнить привязанность женщины, которая когда-то сильно его любила.»

Отъ этихъ незаслуженныхъ и оскорбительныхъ непріятностей пани Виницкая даже заболѣла, а панъ Романъ до того разгнѣвался, прочтя хитрое нисьмо пани маршалковой, что подумывалъ вызвать сперва пана Владислава, а потомъ и каждого по-очереди, кто-бы осмѣлился смутить ихъ спокойствіе еще какимъ-нибудь

извѣстіемъ. Однакоже гнѣвъ молодого человѣка успокоило письмо Христины, полученное старушкой. Пани Рожевская шутила надъ глупыми сплетнями, которыя, кружась по окрестности, дошли и къ ней въ свою очередь. Она писала: «Однимъ-словомъ я насмѣялась досыта надъ всѣми продѣлками своего кокетства, употребленными для того, чтобы поймать пана Романа. Пани маршалкова приготовила ихъ въ своей кастрюль и разослала рецепты по другимъ сплетницамъ. И онѣ такъ невкусны, такъ гадки, что я право бы ихъ стыдилась. Я гораздо искуснѣе и употребила-бы болѣе хитрости, еслибы предстояла надобность воспользоваться кокетствомъ. Но была-ли она мнѣ необходима для того, чтобы заслужить вниманіе и расположеніе человѣка, подобнаго пану Роману? Кажется, что для этого мнѣ было достаточно показаться въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Изъ всей-же этой клеветы больше всего я была оскорблена мнѣніемъ о моей лошади, что она пуглива, и что я не умѣла справиться съ нею. Ссылаюсь на пана Романа, какъ на отличнаго ѣздока—видѣлъ-ли онъ лучше выѣзженную лошадь и зналъ-ли женщину, управляющую конемъ смѣлѣе и искуснѣе. Смѣшиѣе всего въ этой сплетни — поединокъ. Панъ Владиславъ не имѣетъ ни малѣйшаго права вызывать на дуэль моихъ гостей за то, что они бываютъ у меня и что я оказываю имъ вниманіе. Онъ очень хорошо знаетъ, что этимъ выигралъ-бы, и могу васъ увѣрить, милая бабушка, что бѣдный этотъ мотъ, котораго мнѣ душевно жаль, ни сномъ, ни духомъ непричастенъ къ сплетнѣ, сочиненной на его счетъ. Что-же касается пана Романа, я такъ убѣждена въ его пріязни, хотя онъ почти не простился со мною, такъ увѣрена въ его рѣшимости и мужествѣ, что еслибы честь моя потребовала его защиты, онъ заступился-бы за меня не только передъ паномъ Владиславомъ, но и передъ кѣмъ-бы то ни было, кто вздумалъ-бы посягнуть на мое доброе имя. Между-тѣмъ передайте ему мой искренній поклонъ, добрѣйшая бабушка. Припомните ему наши прогулки, наши бесѣды, воспоминаніе которыхъ, конечно, не было-бы ни ему, ни мнѣ столько пріятнымъ, еслибы наша мѣстная хроника походила на правду. Скажите ему еще, милая бабушка, что онъ проиграетъ закладъ, потому-что я усердно пряду на прялкѣ и кончу свою работу прежде срока. Упросите его отъ меня, чтобы не

безпокоился и никого не вызывалъ, для убѣжденія въ своемъ мужествѣ, и не преслѣдовалъ мнимаго оскорбленія. Ни одинъ мужчина не сомнѣвался въ этомъ и я не сомнѣваюсь. Все это сочинили злыя женщины, а съ женщинами пришлось-бы ему сражаться языкомъ. Развѣ это его оружіе?» Р. S. заключалось въ слѣдующемъ: «Жалѣю, милая бабушка, что не могу навѣстить васъ. Разсказала-бы я вамъ очень много любопытнаго, но сію минуту выѣзжаю въ Каменецъ. Есть одно чрезвычайно важное дѣло, и я должна его исполнить.»

Легко понять, какимъ утѣшеніемъ, какимъ бальзамомъ для сердца папа Романа было письмо это. Укралъ онъ его у тетки изъ шкатулки, гдѣ сохранялась ея корреспонденція, и нѣсколько разъ прочелъ въ ночной тиши, въ уединеніи. Утѣшалъ его этотъ спокойный и шутливый тонъ, показывавшій, какъ увѣрена въ себѣ эта необыкновенная женщина, и какъ, значитъ, должна быть вѣрна чести и долгу, когда на злость и клевету отвѣчаетъ искренней, веселой улыбкой. Заступничество за папа Владислава казалось ему съ ея стороны благороднымъ, и онъ легко повѣрилъ ей, потому-что и самъ онъ, исполненный скромности и благородства, осуждалъ другихъ за фанфаронство, убѣдясь въ этомъ основательно. Слова нѣтъ, что его поразило въ сердце мѣсто въ письмѣ, гдѣ Христина пишетъ, что ей отъ души жаль нѣкогда милаго мота; но разсудивъ поглубже, онъ убѣдился, что это естественное сожалѣніе—доказываетъ только доброту ея сердца. Окончаніе письма совершенно его обезоружило. Увѣренность Христины въ его защитѣ и въ томъ, что онъ пожертвовалъ-бы для нея жизнью, добродушный и легкій намекъ о холодномъ, даже невѣжливомъ его прощаньи; нѣсколько словъ о ихъ прогулкахъ, бесѣдахъ, о ихъ чудной поѣздкѣ на пасѣку и о возвращеніи оттуда при тихомъ мерцаніи звѣздъ; наконецъ, напоминаніе о закладѣ, доказывавшее, что о немъ думали и занимались отсутствовавшимъ—все это вынуло жало, вонзившееся въ грудь его, и привело въ такое состояніе, что, посѣщая мысленно каждый уголокъ ея дома, воображая ее вездѣ, представляя каждую минуту, проведенную съ нею, онъ уснулъ, видя звѣзды на темной лазури неба и слыша шумъ веретена, сливавшійся съ однообразнымъ мѣрнымъ топотомъ лошадей по гладкой степной дорогѣ.

Хотя онъ проснулся веселѣе и гораздо спокойнѣе, однако, подумавъ о своемъ положеніи въ краю, въ которомъ могъ поселиться, и когда вышумѣло немного изъ головы воспоминаніе о Мышовцахъ, которымъ онъ какъ-бы упился вчера, молодой человекъ убѣдился, что не должно оставлять безъ вниманія клеветы, потому что кто-нибудь наконецъ могъ ей повѣрить. Онъ припомнилъ, что Монтанъ сказалъ: «Клевета на честнаго человека—это грязь, брошенная на мраморъ. Смыть ее слѣдуетъ: иначе она всегда останется грязью даже и на мраморѣ.» Подкрѣпленный этимъ убѣжденіемъ, онъ рѣшился воспротивиться послѣдней просьбѣ Христины и составилъ планъ возстановленія о себѣ мнѣнія у мужчинъ, о чемъ однакожь не говорилъ теткѣ ни слова.

По сосѣдству жилъ двадцатилѣтній юноша, недавно оставившій кievскій университетъ и, по смерти отца, получившій порядочное наслѣдство. У него была только одна сестра, да и то замужняя. Проживалъ онъ свои доходы по молодецки, по студентски, безъ всякаго контроля. Очень скоро нашель онъ товарищей, которые сбѣгались къ нему, кто съ пріязнью, кто съ уроками таинствъ холостой жизни, кто съ готовыми примѣрами и пріобрѣтенною опытностью, а кто и съ крапленными картами въ карманѣ. Не могъ благодарный юноша поравняться съ ними усами и бородой, которая никакъ не хотѣли расти на молодомъ лицѣ; но за то, при помощи двадцатилѣтнихъ силъ своихъ, ни въ чемъ другомъ не давалъ превзойти себя. И отворилъ онъ пріятелямъ — сердце, карманъ, домъ, погребъ; ввѣрилъ верховыхъ лошадей и честь своихъ крестьянокъ. Друзья не заставили просить себя и черпали все полными руками.

Панъ Романъ зналъ, что каждую среду и субботу бывали холостыя пирушки въ этомъ домѣ, выстроенномъ умѣренностью и бережливостью, но изъ котораго развратъ началъ уже вынимать по кирпичику. Извѣстно было ему, что панъ Владиславъ не пропускалъ этихъ собраній, и онъ рѣшился туда поѣхать.

Въ первую-же среду, запасшись письмами пани Маршалковой и Христины, онъ выѣхалъ какъ-бы на далекую прогулку, и хотя не имѣлъ намѣренія затѣвать ссору и искать опасности, однако-же взялъ съ собою пистолеты, приготовясь смѣло встрѣтить непріятность, еслибы она случайно подвернулась,

Панъ Романъ былъ знакомъ съ хозяиномъ, получилъ даже отъ него приглашеніе, которымъ ни разу не воспользовался, и рассудилъ, что прїѣздъ его никому не могъ показаться страннымъ. Подѣхавъ къ воротамъ и замѣтивъ нѣсколько дѣвушекъ въ чистыхъ сорочкахъ, въ новыхъ юбочкахъ, съ граблями и заступами въ рукахъ,—созванныхъ, вѣроятно, для садовой работы, съ которыми таинственно перешептывалась ключница или какая-то баба особыхъ порученій, въ чепецъ на бекрень и съ кошелькомъ въ рукѣ; увидѣвъ на дворѣ разныхъ формъ коляски, фаетоны и нейтычанки, панъ Романъ догадался, что была середя, и что домъ полонъ гостей, съ которыми онъ искалъ встрѣчи. Когда-же пробрался онъ въ передней сквозь толпу лакеевъ, которые, смѣясь, преслѣдовали буфетную дѣвушку, весело закрывавшуюся порожнимъ подносомъ, словно щитомъ, и бившую смѣльчаковъ салфеткой; когда онъ прошелъ еще двѣ комнаты, уставленные накрытыми столами,—ему представилась вся честная компанія, среди которой онъ сейчасъ-же примѣтилъ знакомое лицо и бороду пана Владислава.

Въ различныхъ позахъ гости окружали три стола, сдвинутые вмѣстѣ: кто сидѣлъ, кто стоялъ,—и все это въ разнообразныхъ костюмахъ, съ открытыми головами и въ оригинальныхъ шапочкахъ. Все смотрѣли на столы, заваленные золотомъ, серебромъ и ассигнаціями; у каждаго въ зубахъ была сигара или трубка, въ рукахъ карты.

Картина эта такъ обыкновенна и до того извѣстна, что не заслуживаетъ описанія. Предоставимъ еѣ лучше воображенію читателей, а инымъ, какъ горькое воспоминаніе, и не станемъ грязнить слуха и взора хорошенькихъ нашихъ читательницъ подробностями этой картины и повтореніемъ оживляющихъ ее разговоровъ

Панъ Романъ съ перваго взгляда увидѣлъ, что прїѣздъ его былъ очень кетати. Хозяинъ, такъ дружески приглашавшій его у пани Осиповской, принялъ его довольно сухо и издали просилъ садиться. Знакомые точно также привѣтствовали его наклоненіемъ головы и притворялись сильно занятыми; незнакомые наклонялись къ сосѣдямъ, вѣроятно съ вопросомъ: Кто это? и получивъ отвѣтъ, поднимали головы и безъ церемоній произно-

силы: А! Привѣтливѣе всѣхъ поклонился ему и улынулся панъ Владиславъ, что еще болѣе поразило нашего героя и подало мысль, что панъ Искрицкій смѣялся надъ нимъ.

Легко представить себѣ чувства и мысли молодого человѣка, исполненнаго чести и благородства, попавшаго въ подобное общество. Кровь прилила къ его сердцу, губы сжались, какія-то искры летали передъ глазами; и еслибы не мысль о просьбѣ Христины, о старушкѣ теткѣ, онъ-бы, можетъ, ударилъ въ лицо перваго господина, сидѣвшаго возлѣ и смотрѣвшаго съ улыбкой на молчаливаго пана Романа. Герой-же нашъ молчалъ нѣсколько времени потому, что его разбѣсилъ этотъ неожиданный приемъ. Онъ употреблялъ возможныя усилія охладить въ себѣ кровь, и поступать въ-слѣдствіе предположеннаго плана, непереходя границъ умѣренности и разсудка. И когда ему показалось, что настала удобная минута, когда дальнѣйшее молчаніе о цѣли пріѣзда, о которой его никто не спрашивалъ, могло-бы подать подозрѣніе, что онъ пріѣхалъ только бравировать мнѣніемъ или въ немъ убѣдиться, панъ Романъ придвинулъ къ столу свое кресло.

— Вижу, господа, сказалъ онъ, какъ вы сильно заняты, что даже радушный хозяинъ не имѣетъ свободной минуты удѣлить новому гостю, котораго онъ приглашалъ съ такою любезностью. Извините-же великодушно, если я займу васъ и на самое короткое время прерву ваше занятіе.

Панъ Владиславъ, державшій въ это время банкъ, тотчасъ-же положилъ карты, прикрылъ ихъ рукою и началъ слушать со вниманіемъ.

— Что тамъ такое? закричалъ одинъ изъ играющихъ, загигая карту. Мечи, Владиславъ! теперь мой шансъ; этого господина мы выслушаемъ послѣ.

— Полагаю, что панъ Искрицкій васъ не послушаетъ; а вамъ совѣтую не повторять своей просьбы, сказалъ панъ Романъ хладнокровно и выразительно.

Слова эти были произнесены такъ рѣшительно, что обратили всеобщее вниманіе, а молодой человѣкъ смѣшался и прибавилъ инымъ уже тономъ:

— Видите-ли: мнѣ теперь везетъ, и я боюсь, чтобъ не превалось счастье. Попробуйте и вы, таляя отличная.

— Панъ Выжпольскій не любитъ рисковать, отозвался одинъ изъ игроковъ, поправляя на головѣ шапочку и подвигая ее на ухо.

Панъ Романъ взглянулъ пристально на дерзкаго франта.

— Конечно, я не люблю рисковать, но только въ картахъ, отвѣчалъ онъ. Если вамъ угодно убѣдиться въ этомъ, то имѣю честь увѣдомить, что я живу въ Быковѣ — имѣннїи тетки моеи Веницкой, что двѣ недѣли пробуду еще здѣсь, а потомъ выѣзжаю въ Кіевъ, гдѣ и останусь на контракты.

Сказавъ это, герой нашъ отворотился отъ дерзкаго господина, который, опустивъ глаза, моргнулъ усами, передвинулъ лѣвой рукой шапочку на другое ухо, но не отвѣчалъ ни слова. Пользуясь всеобщимъ молчаніемъ и видя себя на хорошей дорогѣ, панъ Романъ прибавилъ:

— Видя, что вы удостоили меня, господа, немного вниманія и желая воспользоваться этою любезностью, хочу объяснить цѣль своего прїѣзда. Здѣсь въ сосѣдствѣ говорится, что я былъ вызванъ на поединокъ и не принялъ вызова. Слышали-ль вы, господа, объ этомъ?

— Конечно слышали, отвѣчалъ одинъ изъ присутствующихъ.

— И вы это слышали отъ пана Владислава Искрицкаго, которому будто-бы я отказалъ въ поединкѣ?

— Этого мы не говоримъ, отвѣчали нѣсколько человекъ, послѣ долгаго молчанія, въ-продолженіе котораго панъ Романъ не спускалъ глазъ съ пана Владислава, что послѣдній выдерживалъ спокойно, поглаживая бороду и смотря ему прямо въ глаза.

— Я зналъ, продолжалъ панъ Романъ, что этой басни вы не могли слышать изъ устъ пана Владислава, потому-что имѣю съ собою письменное ручательство, котораго конечно не опровергнетъ панъ Искрицкій и въ истинѣ котораго, надѣюсь, никто изъ васъ не будетъ смѣть сомнѣваться.

Произнеся послѣднія слова выразительно и смотря на всѣхъ спокойно, но съ рѣшимостью, возбудившей всеобщее молчаніе и вниманіе, панъ Романъ досталъ письмо Христини.

— Это письмо пани Рожевской къ моей теткѣ. Прочту вамъ изъ него слѣдующія строки: «Во всей этой сплетнѣ смѣшнѣе всего поединокъ. Панъ Владиславъ не имѣетъ ни малѣйшаго права вызывать моихъ гостей на дуэль за то, что они бываютъ у меня и что я оказываю имъ вниманіе. Онъ очень хорошо знаетъ, что бы этимъ выигралъ, и могу васъ увѣрить, милая бабушка, что онъ ни сномъ, ни духомъ не причастенъ къ сплетнѣ, сочиненной на его счетъ.» Вы не оспариваете этого? прибавилъ онъ, обращаясь къ пану Владиславу.

— Не только не оспариваю, но прежде всего благодарю васъ за то, что повѣрили этимъ строчкамъ, отвѣчалъ панъ Владиславъ, вставая и протягивая руку нашему герою. — Вѣрьте, что каждое слово, прочтенное сейчасъ вами, — самая святая истина. Наконецъ объявляю всеѣмъ присутствующимъ, какъ человѣкъ, цѣнящій свою честь и чужую, что я не только не вызывалъ никогда на дуэль пана Выжпольскаго, но даже не имѣлъ этого намѣренія.

Панъ Романъ всталъ, пожалъ протянутую руку пана Владислава и сказалъ, смотря спокойно на окружающихъ:

— Въ письмѣ пани Рожевской есть еще нѣсколько словъ, которыя считаю необходимою сообщить вамъ. Здѣсь идетъ дѣло о томъ, чтобы я не преслѣдовалъ мнимаго оскорбленія. Пани Рожевская говоритъ, что въ моемъ мужествѣ не сомнѣвается ни одинъ мужчина, и она не сомнѣвается. «Все это», пишетъ она, «сочинили злыя женщины; а съ женщинами принудить-бы онъ былъ сражаться только языкомъ.» — И такъ, прибавилъ панъ Романъ, складывая письмо, если кто между вами, господа, не раздѣляетъ мнѣнія этой достойной и прекрасной женщины, то я прошу его высказать свое сомнѣніе. Конечно, я проигралъ-бы, еслибы пришлось сражаться языкомъ. Буду чрезвычайно обязанъ тому, кто избавитъ меня отъ употребленія этого несвойственнаго мнѣ оружія.

— Да здравствуетъ панъ Романъ! закричалъ кто-то, вмѣсто отвѣта.

— Да здравствуетъ! повторили все хоромъ и, подходя къ пану Роману, начали протягивать ему руки.

— Вина! закричалъ хозяинъ.

Когда подано было вино, всѣ съ восторгомъ выпили за здоровье молодого человѣка, давшего доказательство рѣшимости, разсудительности и отваги. Начался шумный разговоръ, отворились сердца; среди хлопающихъ бутылокъ умножались тосты; а когда дошло дѣло до здоровья чудной украинской русалки, въ которую каждый, поочереди, былъ влюбленъ, и о которой никто не смѣлъ сказать дурнаго слова, здѣсь уже не жалѣли ни горла, ни хозяйскаго вина, ни восклицаній.

По окончаніи перваго взрыва тостовъ, панъ Романъ, изъ боязни, чтобы попойка не приняла большихъ размѣровъ, сказала:

— Благодарю васъ, господа, за пріязнь и довѣріе. Зеленый столъ васъ ожидаетъ, а мнѣ позвольте проститься и возвратиться домой. Я не сказалъ, куда ѣду, и боюсь, чтобы старушка тетка не беспокоилась, догадываясь о цѣли моей поѣздки.

Простившись съ хозяиномъ и подавъ руку пану Владиславу, который съ чувствомъ пожалъ ее, панъ Романъ уѣхалъ, провожаемый почти всѣмъ обществомъ. Когда уже онъ былъ въ полѣ и припомнилъ все случившееся, когда разсмотрѣлъ все дурное и хорошее, представлявшееся глазамъ его въ этомъ смѣшеніи, онъ вздохнулъ глубоко и произнесъ невольно: — Сколько здѣсь порочнаго! но что за золотыя сердца! И кто-же за это будетъ отвѣчать передъ Богомъ?

Быстро разнеслась вѣсть о поступкѣ пана Романа и репутація его возстановилась. Молодежь его полюбила; женщины ему удивлялись; только пани маршалкова и госпожи, у которыхъ были дочери-невѣсты, утверждали, что Христина, имѣвшая неограниченную власть надъ паномъ Владиславомъ, призвавъ его къ себѣ, приказала опровергать вызовъ на поединокъ и сыграть всю эту комедію.

Черезъ недѣлю потомъ панъ Романъ собрался уже въ Кіевъ, по дѣлу тетки, требовавшему личнаго его присутствія, и ожидалъ только довѣренности. Вдругъ пріѣхалъ къ нему въ Быковку отецъ Іозефины, знакомой пана Романа, съ которой герой нашъ танцевалъ на балѣ у пани Осиповской.

Увидѣвъ старика, панъ Романъ обрадовался и вмѣстѣ смутился. Не догадываясь о цѣли посѣщенія достойнаго пансіонера, онъ чувствовалъ однакоже здѣсь вліяніе Іозефины, на которую подѣйствовало какое-то сообщеніе съ Варшавой, какое-то извѣстіе о паннѣ Катеринѣ.

При видѣ робко входящаго старика, кровь бросилась въ лицо пану Роману, и первая глубокая любовь, заброшенная на дно сердца новымъ и сильнымъ чувствомъ, — очнулась въ его груди и разлила живительную теплоту по всему существу молодого человѣка.

— Чему я долженъ приписать удовольствіе видѣть васъ у себя? сказалъ панъ Романъ, привѣтствуя пансіонера.

— Это была моя обязанность, потому-что я долженъ поблагодарить васъ, отвѣчалъ старикъ, садясь на указанномъ креслѣ.—Но позвольте мнѣ прежде выразить мою радость, что вижу васъ здоровымъ и невредимымъ.

— А что-же могло случиться со мною? спросилъ панъ Романъ, улыбаясь.

— Намъ сказали, что вы были на поединкѣ и тяжело ранены.

— Увѣрьтесь-же, что это сказки, отвѣчалъ панъ Романъ, протягивая старику обѣ руки въ знакъ благодарности за участіе, и въ доказательство, что онъ не раненъ.—О дуэли я не думалъ, и никогда не чувствовалъ себя здоровѣе и покойнѣе.

— Слава Богу! слава Богу, что это однѣ только басни! Но люди—вездѣ люди; имъ-бы только болтать. Трудно ихъ отучить отъ этого, хоть всегда имъ твердили въ классѣ: помните, господа, что человѣкъ никогда не жалѣлъ, что рано всталъ...

— Мудрыя это были правила!

— Жаль только, что ни къ чему не послужили. Но приступаю теперь собственно къ цѣли моего посѣщенія, отвѣчалъ педагогъ.—Какъ отецъ, я пріѣхалъ поблагодарить васъ: Іозефина моя выходитъ замужъ.

— Что-же я здѣсь могъ сдѣлать? спросилъ удивленный панъ Романъ.

— Очень много, отвѣчалъ педагогъ, улыбаясь.

— Какимъ-же образомъ? Не шутя, это меня чрезвычайно удивляетъ.

— Люди всегда люди—смотрятъ и не видятъ, ходятъ по жемчугу, топчуть его и не узнаютъ, пока кто нибудь не скажетъ: смотрите! вѣдь это жемчугъ, а вы его топчете. Такъ было и съ моей дѣвочкой. Конечно, не считаю ее жемчугомъ, но, слава Богу, изъ нея вышла добрая и милая дѣвушка. Всѣ видѣли ее по возвращеніи изъ Варшавы, но никто не замѣтилъ качествъ, радовавшихъ отцовское сердце. Когда-же вы, на балѣ у пани Осиповской вывели ее на сцену и показали въ настоящемъ свѣтѣ, и тотъ и другой догадались, что были слѣпы и ничего не видѣли. Довольно часто бывалъ у насъ панъ Станиславъ, — потому-что онъ нашъ сосѣдъ, да и отецъ его жалуется меня: совѣтуетъ иногда въ хозяйствѣ, къ которому, признаюсь откровенно, никакъ не могу приложить ни логарифмовъ, ни коническихъ сѣченій. Но еслибы не вы, изъ этихъ визитовъ ничего-бы не вышло. И только когда Юзефина, благодаря вамъ, блистательно дебютировала на сценѣ свѣта, панъ Станиславъ замѣтилъ ея талію, ловкость, самъ танцевалъ съ нею, вокругъ слышалъ ей похвалы отъ молодежи, и съ глазъ его спала завѣса. Люди всегда люди—не довѣряютъ себѣ и боятся выступить съ собственнымъ мнѣніемъ, и только услышавъ вокругъ: какъ это хорошо, какъ прекрасно! начинаютъ говорить: а, правда! Такъ-то и панъ Станиславъ повѣрилъ вамъ и общему мнѣнію, потомъ присмотрѣлся самъ и началъ бывать сначала черезъ день, потомъ каждый день, а наконецъ и не выходилъ изъ моего дома. Замѣтивъ это, я поговорилъ съ дочерью, потомъ съ отцомъ пана Станислава. Послѣдній отвѣчалъ мнѣ: «Знаю объ этомъ. Твоя дочь будетъ доброй женой, а моего имѣнія достанетъ для двоихъ.» Посудите, какъ-же мнѣ не благодарить васъ, тѣмъ болѣе, что и дочь моя приписываетъ все вашему снисхожденію и посылаетъ свою искреннюю признательность.

Здѣсь разстроганный старикъ всталъ и, отерши глаза синимъ платкомъ, которымъ обмахивалъ сапоги, выходя изъ брички, приблизился къ пану Роману. Въ разсказѣ стараго учителя математики не было математической точности, но искренность его и

простодушіе тронули нашего героя. Молодой человекъ обнялъ счастливаго отца.

— Я не приписываю себѣ этого случая, сказалъ онъ, но вѣрьте, радуюсь отъ всего сердца. Дастъ Богъ—все будетъ хорошо. Панна Юзефа достойна счастья и сумѣетъ оцѣнить его. Если при томъ панъ Станиславъ ей нравится, то отъ души васъ поздравляю.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ пансіонеръ, снова приподнимаея: кажется, дочь моя очень занята своимъ женихомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ онъ добрый, порядочный и скромный малый; правда, что не силенъ въ математикѣ...

— За то будетъ сильнѣе васъ въ хозяйствѣ, прервалъ панъ Романъ.

— А правда, правда. Мнѣ логарифмы ни къ чему не служатъ въ хозяйствѣ; а люди всегда люди: каждый имѣетъ свое назначеніе и долженъ ему слѣдовать

Разговоръ продолжался еще нѣсколько времени. Разспрашивая съ участіемъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касавшихся молодой четы, панъ Романъ желалъ убѣдиться — неимѣлъ-ли пансіонеръ еще какого порученія отъ дочери; но желаніе это было напрасно. Онъ представилъ старика теткѣ, которая пригласила его отобѣдать. Старичекъ съ радостью принялъ это приглашеніе. При каждомъ удобномъ случаѣ забывалъ онъ вернуть любимую фразу, что люди всегда люди, и уѣхалъ, поклоняся низко пани Веницкой, которая просила его навѣщать Быковецъ, и, съ чувствомъ сжавъ руку пану Роману, котораго считалъ своимъ благодѣтелемъ.

Съ отъѣздомъ старика панъ Романъ началъ чаще думать о Варшавѣ, каждый вечеръ принимался за свой молитвенникъ, и сердце молодаго человека, какъ-бы изнуренное долговременною борьбою, ощутило желаніе дохнуть чувствомъ болѣе нѣжнымъ и чистымъ, захотѣло возобновить воспоминаніе о той, чей образъ въ немъ присутствовалъ, но не могъ ясно обрисоваться. На третій день поѣхалъ онъ заплатить визитъ старому педагогу и наговориться съ панной Юзефой о Варшавѣ.

Въ концѣ селенія, принадлежавшаго нѣсколькимъ помѣщикамъ,

лежала небольшая частичка, которую держалъ пенсионеръ на арендѣ. Домикъ его былъ деревянный, покрытый соломой, съ крыльцемъ о двухъ столбикахъ, окруженномъ скамейками. Большой дворъ, отдѣленный отъ деревни глубокимъ рвомъ, и вдоль котораго росъ лиціумъ, окруженъ былъ съ двухъ сторонъ хозяйственными постройками. За домикомъ разстилался садъ, котораго лучшимъ украшеніемъ были вишни, крыжовникъ и смородина; окружавшія дорожки и квадраты капусты, картофеля, огурцовъ и свеклы; за конюшней, на площадкѣ, выдававшейся на югъ, виднѣлся парникъ, прикрытый рамами изъ кусочковъ разбитыхъ стеколъ; дальше мѣсто, засаженное дынями, арбузами, на которомъ огромныя тыквы выгрѣвали свое желтое брюхо. Все это росло, безъ большого труда и заботы, на благословенной землѣ; нужно только было полоть и очищать полезныя растенія отъ садовыхъ пролетаріевъ, выбѣгавшихъ вездѣ изъ выдѣланной кое-какъ, но богатой почвы, разстилавшихся на самыхъ выгодныхъ мѣстахъ и объявлявшихъ права свои на землю, изъ которой и ихъ вызывали—плодородіе и живительные лучи солнца. Но у бѣднаго экс-математика не доставало ни рукъ, ни силъ для искорененія этой безцеремонной толпы.

Домикъ состоялъ изъ двухъ чисто и скромно убранныхъ комнатокъ. Дубовые стулья и такой-же диванъ были покрыты цвѣтнымъ ситцемъ, изъ котораго сдѣланы были и занавѣски съ бумажною бахрамою. Въ гостиной на окнахъ стояло много горшковъ съ цвѣтами, за которыми ухаживала Юзефа, а на стѣнахъ висѣло нѣсколько гравюръ, въ черныхъ рамкахъ разной величины, между прочимъ портретъ Наполеона время консульства, Костюшка съ саблей въ рукѣ, Витгенштейнъ на лошади, и на почетномъ мѣстѣ литографированное изображеніе Коперника съ солнечною системой въ рукѣ. Последнюю картину Юзефа привезла изъ Варшавы въ подарокъ старому математику.

Радость отца и дочери была невыразима, когда они завидѣли пана Романа. Добрые люди не знали на какомъ мѣстѣ его посадить, чѣмъ подчивать. Молодой человекъ отъ души принималъ это гостепріимство и провелъ нѣсколько времени съ большимъ удовольствіемъ. Юзефа покраснѣла, словно роза, когда онъ поздравлялъ ее, и сказала со слезами на глазахъ:

— Вамъ буду обязана, если Богъ пошлетъ мнѣ счастье.

Напрасно отговаривался панъ Романъ, что не онъ преклонилъ къ ней сердце пана Станислава, но что она самой себѣ обязана въ этомъ случаѣ; онъ не могъ увѣрить дѣвушку, и волей неволей долженъ былъ принимать ея благодарность.

Панъ Романъ обошелъ все хозяйство математика, и не въ одномъ углу старый учитель говорилъ, видя исполненныя дурно приказанія:

— Вотъ уже мнѣ и стыдно передъ вами; но люди вездѣ люди: повинуются только тому, кто умѣетъ приказывать. Я умѣлъ держать строго однихъ школьниковъ, здѣсь-же ничего не сдѣлаю.

Послѣ кофе старикъ вышелъ по хозяйству, а молодые люди остались одни въ комнатѣ. Юзефа подошла къ пану Роману и нѣжно посмотрѣла ему въ глаза.

— Вы не повѣрите, какъ я обрадовалась, когда отецъ возвратился отъ васъ и успокоилъ меня, сказала она. — О, еслибъ вы знали, что здѣсь было толковъ! Мнѣ было грустно, даже досадно, тѣмъ болѣе, что всѣ эти рассказы я считала сплетнями.

— Знаю о чемъ было говорено и благодарю васъ, что не повѣрили, сказалъ панъ Романъ съ улыбкой.

— Но развѣ это походило на истину? Еслибы я даже не знала васъ и небыла вамъ столько обязана, то довольно уже и того, что вы родились и воспитывались въ краю, гдѣ сердца у мужчинъ и даже у женщинъ имѣютъ твердыя основанія, въ краю, гдѣ и я воспитывалась, и который люблю такъ искренно.

Изъ патриотизма панъ Романъ сильно сжалъ руку раскраснѣвшей дѣвушки. Мечты его перенеслись на Мозовецкіе пески, начали блуждать въ сосновыхъ лѣсахъ, слушать шумъ Вислы, а оттуда перелетѣвъ подъ каштаны сада Красинскихъ, на Свѣнто-Ерскую улицу и къ костелу на Лешно, вызвали задумчивость на лицо его, а на глаза слезы.

Панна Юзефина это замѣтила.

— Скажите мнѣ: также-ли справедливъ и конецъ этой исторіи, какъ и начало ея? спросила она.

— А что вы называете концемъ этой исторіи? сказалъ панъ Романъ, краснѣя.

— Правда-ли, что вы женитесь на пани Рожевской? молвила дѣвушка, смотря съ любопытствомъ въ глаза своему собесѣднику.

— Могу увѣрить, что и въ этомъ столько-же правды, сколько и въ предшествующемъ, отвѣчалъ панъ Романъ, опуская глаза и какъ-бы заикаясь.

— О, если такъ, то могу вамъ показать одну вещь.

И она выбѣжала въ сосѣднюю комнату.

Съ трепетомъ смотрѣлъ панъ Романъ вельдѣ уходящей, и съ нетерпѣніемъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ ожидалъ ея возвращенія. Черезъ нѣсколько минутъ явилась Юзефа съ письмомъ въ рукѣ, держа его возлѣ улыбающагося ротика.

— Нѣсколько дней назадъ я получила письмо, гдѣ-то долго блуждавшее и прилетѣвшее издалека.

— Изъ Варшавы? спросилъ панъ Романъ, протягивая руку. Юзефа кивнула головой.

— Могу его прочесть? спросилъ панъ Романъ.

— А для чего-же я его и вынесла, отвѣчала весело дѣвушка.

— О, позвольте! сказалъ панъ Романъ и взялъ письмо, которое Юзефа держала двумя пальчиками.

Дрожащими руками раскрылъ его панъ Романъ и пробѣжавъ быстро, взглянулъ на конецъ и прочелъ подпись: Катерина. Видя первый разъ эту подпись, онъ долго присматривался къ ней, пока началъ читать письмо. Какое-то особенное очарованіе заключалось въ букввахъ, сбѣгавшихся въ такое драгоценное имя и начертанныхъ той самой рукою, которая дрожала въ его рукѣ въ минуту послѣдняго прости. Онъ поцѣловалъ-бы письмо, но ему совѣстно было сдѣлать это при Юзефѣ, неспускавшей съ него глазъ, положившей палецъ на уста.

Письмо было довольно длинно.

«Грустная и измученная пишу къ тебѣ, милый другъ мой, Юзефа! и потому извини, если посланіе мое будетъ нескладно. Но даже если и побранишь меня за скучную болтовню, все-таки это легче для меня, чѣмъ сидѣть въ уголку и плакать; а Богъ видитъ, какъ слезы тѣнятся изъ глазъ, какъ хочется мнѣ скло-

нить голову къ тебѣ на грудь и наплакаться въ волю, чтобъ облегчить сердце, чтобъ душа увидѣла свѣтъ Божій. Невоображай, однакоже, что со мной случилось какое-нибудь большое несчастіе. Ничуть не бывало; я здорова и даже удивляюсь, что не похудѣла и не поблѣднѣла; отецъ мой также здоровъ, получаетъ и по прежнему отдаетъ мнѣ всю свою пенсію, изъ которой, какъ могу, стараюсь прожить мѣсяць, наблюдая, чтобъ онъ не терпѣлъ ни въ чемъ недостатка, въ особенности въ разныхъ родахъ табаку, которые онъ всегда смѣшиваетъ и насыпаетъ въ свои пузырьки. Добрый отецъ! Часто сжимается мое сердце и въ груди раздается что-то въ родѣ укора совѣсти, когда, сидя въ своей комнатѣ, положу на колѣна работу и склоню голову на руку, а онъ войдетъ потихоньку, постоитъ минуту, смотря на меня, а потомъ робко спроситъ: — «А что-же ты не поешь, Катя?» Прежде, милая Юзефа, я всегда пѣла за работой, а теперь сердце не поетъ, такъ и въ груди нѣтъ голоса. Для утѣшенія старика, скучавшаго въ бездѣйствіи, и желая напомнить ему его любимыя лекціи, я начала учиться по-латынѣ, по выходѣ изъ пансіона. Знаешь-ли, я даже много успѣла въ этомъ прекрасномъ языкѣ. Выходить: и мы также можемъ приняться за что-нибудь посерьознѣе, былъ-бы только поводъ, какой мнѣ представился. Трудно описать счастье моего достойнаго старика, когда, незанимаясь и безъ ошибки въ произношеніи, я повторяла ему какую-нибудь заданную фразу. Теперь я немогу доставить ему и этого утѣшенія. Латынѣ мнѣ надоѣдаетъ, я сдѣлалась разсѣянной и непонятливой. Но Творецъ бодрствуетъ надо мною и послалъ мнѣ новую отраду. Отецъ мой нашелъ себѣ ученика и усердно имъ занимается. Значитъ у него есть занятіе, развлеченіе, теперь уже онъ не обращаетъ вниманія на то, что я не пою и не понимаю его уроковъ. Но въ самомъ-дѣлѣ достался ему какой-то особенный воспитанникъ. Представь себѣ молодаго двадцати-двухлѣтняго деревенскаго парня, настоящаго неуча, на глупость, или лучше сказать неотесанность котораго я немогла сначала смотрѣть безъ сожалѣнія. И вдругъ, въ-продолженіе трехъ мѣсяцевъ, онъ измѣнился совершенно, переродился, лицо сдѣлалось умнѣе, глаза научились смотрѣть, языкъ говорить. Никогда еще въ жизни я не видѣла подобныхъ успѣховъ. Помнишь Софью Пжирембовскую, о ко-

торой говорили какъ о чудѣ понятливости: она ничего въ сравненіи съ этимъ юношей, котораго сердце и привязанность къ моему отцу отвѣчаютъ умственнымъ способностямъ. Что значать усердіе и умніе со стороны учителя! Я больше уважаю отца, — если столько это возможно, — за то, что онъ умѣлъ вдохнуть разумную душу въ эту ходячую глыбу. Но надо видѣть радость моего старика: иногда у него бывають такія минуты, какія могъ-бы пережить только ваятель, увидѣвшій, что статуя его начала ходить и разговаривать. — Чтоже наконецъ скажу тебѣ о любимой твоей Варшавѣ? Все въ ней по-прежнему, такая-же она дѣятельная, веселая, говорливая, грязная и нарядная, шумная, людная. Но ничего этого невидно и неслышно на нашей улицѣ, хотя, не упоминая о ней, я говорю тебѣ о тѣхъ, которыя тебѣ нравились и тебя занимали. Я бываю только въ костелѣ на Лешнѣ, и иногда посѣщаю съ отцомъ садъ Красинскихъ, гдѣ гуляю съ большимъ наслажденіемъ, потому-что старикъ предпочитаетъ его всеѣмъ садамъ. Въ пансіонѣ г-жи С* бываю теперь рѣдко, хотя она ласкова по-прежнему, любитъ насъ, вспоминаетъ о тебѣ и обо всеѣхъ нашихъ подругахъ, говоря, что не было и не будетъ экзамена подобнаго нашему. Можетъ быть, она это говоритъ потому, что получила благодарность за успѣхи наши въ наукахъ. У нея много барышень, и въ эту весну поступила ученица на весь курсъ. Хорошенькая эта дѣвочка называетъ меня всегда тетей Катей. Однако-же сколько разъ я ни приходила къ г-жѣ С*, какая-то грусть сжимала мое сердце до того, что я уходила какъ можно скорѣе, и стараюсь бывать рѣже. Но довольно объ этомъ. Отецъ*твой тоже получаетъ пенсію и отдыхаетъ послѣ трудовъ. Счастливы мы обѣ, имѣя достойныхъ отцовъ, трудившихся цѣлую жизнь и имѣющихъ теперь собственный кусокъ хлѣба. Но ты счастливѣе меня сто разъ, милая Юзефа! ты на Украинѣ! Я отдала-бы половину жизни, еслибъ могла быть на твоемъ мѣстѣ. Прощай! твоя навсегда Катерина А...»

Тихо покатались слезы у папа Романа, когда онъ окончилъ письмо. Отворотясь и сложивъ листокъ, онъ началъ ходить по комнатѣ, чтобъ скрыть овладѣвшее имъ волненіе. Прійдя немного въ себя, онъ остановился предъ Юзефой, на лицѣ которой отразилась радость, и, опустивъ глаза, сказалъ тихимъ голосомъ:

— Подарите мнѣ это письмо!

— О, возьмите, возьмите! потому-что оно принадлежит вамъ, хотя въ немъ и не сказано о васъ ни слова, отвѣчала Юзефа со слезами на глазахъ.

Панъ Романъ поблагодарилъ ее нѣмымъ пожатіемъ руки и спряталъ письмо.

Пришелъ старикъ, герой нашъ простился и уѣхалъ, спѣша остаться наединѣ самъ съ собою. До дому ему было вѣрныхъ двѣ мили. Очутаясь въ чистомъ полѣ, досталъ онъ письмо, такъ ясно выражавшее состояніе сердца панны Катерины, ея грусть и глубокую страсть, неживленную ни одной надеждой; онъ смотрѣлъ на слова, среди которыхъ казались замѣтны слѣды слезъ, и снова началъ читать увлажненными глазами. Когда лошади остановились передъ крыльцемъ въ Быковцѣ, панъ Романъ удивился, что такъ неожиданно переѣхалъ значительное пространство, не успѣвъ даже дочитать письма. Но который уже это былъ разъ — предоставляю угадать хорошенькимъ читательницамъ.

Удивительная существуетъ разница между истиннымъ глубокимъ чувствомъ и опаснымъ заманчивымъ увлеченіемъ; между святымъ восторгомъ сердца, дающимъ покой, вынимающимъ шины изъ каждаго цвѣтка, встрѣчаемаго нами въ жизни, и горячечнымъ круженіемъ головы, устилающимъ путь нашъ измѣническими розами, — этимъ чувствомъ, подносящимъ къ устамъ нашимъ очаровательный, но отравляющій напитокъ, чувствомъ, которое вселяетъ въ насъ и во все насъ окружающее какое-то замѣшательство. Одинъ только нашъ языкъ въ философскомъ и глубокомъ устройствѣ своемъ выразительно опредѣляетъ эту разницу двумя словами, которыми, изъ всѣхъ знакомыхъ намъ языковъ, одинъ онъ обладаетъ для выраженія этихъ двухъ состояній души. Очевидный опытъ убѣждаетъ, что въ языкѣ человѣческомъ необходимы оба эти выраженія, потому-что одинъ и тотъ-же человѣкъ можетъ испытывать оба эти состоянія души въ одно и тоже время. Бѣдный герой нашъ именно стоялъ на этомъ распутьи, и не зналъ еще какую выбрать дорогу. Пользуясь богатствомъ славянскаго языка, употребимъ и мы два выраженія, опредѣляющія критическое положеніе, и надобно-же наконецъ сказать правду, что панъ Романъ *любилъ* pannу Кате-

рину, но, кажется, былъ *влюбленъ* и въ пани Рожевскую. Легко понять, что подобное состояніе не могло принести ему спокойствія и той свободы мысли, которая раждаетъ хорошее расположение духа; часто онъ не могъ найти ни мѣста, ни развлечения, приводя этимъ въ отчаяніе любящую тетку, тѣмъ болѣе, что она не знала тому причины. Поэтому случаю и она торопила его отъѣздомъ въ Кіевъ, и герой нашъ былъ радъ, когда наступило это желанное время. Это было въ концѣ октября, который тамъ бываетъ еще хорошъ, когда дороги гладки, воздухъ свѣжъ, днемъ даже тепель; когда начинаютъ зеленѣть необозримыя нивы ржи и озимой пшеницы, а приготовленные подъ весенній посѣвъ поля чернѣютъ словно бархатъ, разстилаясь на неизмѣримое пространство. Панъ Романъ ѣхалъ шибко и, по возможности, старался недумать о настоящемъ. Однако—же это было ему трудно, въ особенности, когда онъ миновалъ Бѣзую Церковь и увидѣлъ предъ собою ровную, гладкую степь, зеленѣющую, словно море, изрѣдка только кое-гдѣ испещренную яркими цвѣтками будяковъ. Утѣшеніемъ были ему быстрая ѣзда по гладкой равнинѣ, гдѣ ни виадинка, ни комъ земли не попадутъ подъ колеса, да видъ неисчислимыхъ стадъ овецъ, лошадей, рогатаго скота, остававшихся на богатыхъ еще пастбищахъ, для того, чтобъ прокормить человѣка, или одѣть, или перенести его съ мѣста на мѣсто. За Васильковымъ, въ особенности за Ветой — послѣдней станціей подъ Кіевомъ, мыслямъ его дали другой оборотъ совершенно новыя мѣста и виды. Онъ въѣхалъ въ глубокіе пески, увидѣлъ пригорки, покрытые сосной, по сторонамъ встречалъ песчаные курганы,—а направо тянулись высоты, одѣтыя синѣющимъ лѣсомъ, означавшіе теченіе большой рѣки. Видъ этотъ напомнилъ нашему герою родину, ему казалось, что, за этими песчаными буграми, онъ увидитъ широкую Вислу, услышитъ привѣтствіе: *Niesch bedzie pochwalony* *; и мечты эти успокоили его, настроили на меланхолическій, но отраднѣйшій тонъ, и унесли его измученное сердце подъ крыло истинной любви для успокоенія.

Наконецъ представился ему древній Кіевъ, и онъ былъ по-

* Да будетъ благословенъ... обычное привѣтствіе у поляковъ. *Пр. перев.*

раженъ этой новой картиной, особенностію архитектуры, упряжью, костюмомъ и языкомъ народа *.

Болѣе чѣмъ на пятиверстномъ пространствѣ, на крутыхъ Днѣпровскихъ берегахъ увидѣлъ онъ разбросанныя зданія и высокіе куполы многочисленныхъ храмовъ. Направо показались ему красивые холмы, поросшіе лѣсомъ, и среди разноцвѣтныхъ осеннихъ листьевъ заблѣли стѣны Выдубецкаго монастыря; прямо передъ нимъ возносились массы крѣпостныхъ зданій, а изъ среды ихъ выбѣгала въ вышину лаврская колокольня на сорокъ слишкомъ сажень, блестя съ этой высоты золоченымъ куполомъ и позлащеннымъ крестомъ своимъ. Дальше тянулись ряды Печерскихъ зданій, межъ которыхъ возвышались пирамидальные тополи, а тамъ живописно красовалась щегольская часть города, именуемая Липки; налѣво за темной массой деревьевъ царскаго сада, на одномъ изъ холмовъ стараго Кіева, виднѣлся большой куполь костела, за нимъ выше золотистыя главы Михайловскаго монастыря, а ближе и явственнѣе чудныя формы, стройныя, хотя и старинныя башеньки и красивый голубой куполь Софійскаго собора, усыянный золотистыми звѣздами.

Вся эта панорама заключалась новымъ замѣчательнымъ зданіемъ университета, построеннаго на чистомъ полѣ, но къ которому тихо, какъ-бы не смѣло приближались дома и домики новаго строенія **.

Но панъ Романъ видѣлъ только половину этого обширнаго и разбросаннаго города. Другая часть скрылась въ долину между Печерскимъ и Старымъ Кіевомъ, въ долину исторической, гдѣ

* Здѣсь опять нельзя незамѣтить, что почтенный авторъ впалъ въ погрѣшность. Пану Роману трудно было примѣтить разницу въ языкѣ, потому-что языкъ народа въ Кіевѣ нисколько не разнится съ языкомъ народа въ Житомирѣ, Подольскѣ и другихъ городахъ западнаго края, потому-что какъ Кіевъ, такъ и другіе города наполнены малороссіянами, языкъ которыхъ неизмѣнялся. Въ этихъ губерніяхъ польскаго—только дворянство, да и то, за исключеніемъ пришельцевъ, въ древнія времена, говорили по-малороссійски и исповѣдывали православленную вѣру. *Пр. перев.*

** Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ образовалась уже прекрасная часть города. *Пр. Перев.*

крестилась Русь, и потому—то именуемой Крещатикомъ; другая—же половина ея перекинулась черезъ гору на берегъ Днѣпра, широко разлеглась, выстроилась правильно, украсившись по большей части каменными зданіями. Это Подоль, кладовая дѣлаго города, гдѣ идетъ торговля, и съ половины января начинаютъ шумѣть контракты.

Естественно много утратилъ этотъ видъ въ глазахъ пана Романа, когда герой нашъ въѣхалъ въ городъ и увидѣлъ у большихъ казенныхъ зданій маленькіе деревянные домики; когда представились ему улицы, хотя и широкія, однако не все вымощенныя, а на нѣкоторыхъ меньше домовъ, чѣмъ заборовъ. Но эти недостатки вознаграждались: видомъ крѣпости, прекраснымъ зданіемъ арсенала, позлащенными куполами лавры, красивой бѣлой колокольной, словно ходящей за вами, куда-бы вы ни оборотились, крестами семи другихъ меньшихъ церквей, прильнувшихъ какъ—бы подъ защиту лавры, и наконецъ Днѣпромъ, открывающимся сквозь живописное ущелье и блистающимъ внизу голубой полосой, который покойно и, какъ—бы, съ сознаниемъ силы и пользы катитъ медленно волны и плещетъ о берега, имъ питаемые и украшенные.

Не станемъ описывать долгаго пребыванія пана Романа въ Кіевѣ. Кто изъ читателей пріѣзжалъ когда-нибудь по дѣламъ въ Кіевъ, тотъ знаетъ очень хорошо какъ герой нашъ проводилъ время. Остановился онъ въ гостиницѣ на минеральныхъ водахъ, вблизи присутственныхъ мѣстъ и почти что въ самомъ царскомъ саду, служившемъ ему единственнымъ развлеченіемъ.

Поговоривъ съ честнымъ и опытнымъ адвокатомъ и условившись на счетъ веденія дѣла, панъ Романъ объѣхалъ городъ, осмотрѣлъ крѣпость, посѣтилъ Лавру и пещеры; видѣлъ гробъ Ярослава и древнюю мозаику въ Софійскомъ соборѣ; молился горячо въ костелѣ и почтилъ память благочестиваго человѣка, воздвигшаго на свой счетъ для единовѣрцевъ такой великолѣпный храмъ въ этомъ вѣкѣ сахароварства и суконныхъ фабрикъ; обозрѣлъ университетъ и вспомнилъ о его библиотекѣ, о Чацкомъ и Кременцѣ. Возвращаясь оттуда на Старый Кіевъ, остановился онъ

у Золотыхъ Воротъ, и взявъ кусочекъ вѣковаго, стекловиднаго картина, уѣлся тамъ отдохнуть не много. Долго стоялъ онъ въ глубокой задумчивости на берегу Днѣпра у колонны, гдѣ въ первый разъ, во имя Отца и Сына и святаго Духа, святая вода окропила чело обновленнаго народа; былъ на галереѣ, окружающей церковь Андрея Первозваннаго, откуда видѣлъ разстилавшійся внизу Подоль, и широкій Днѣпръ, бѣгущій отъ остатковъ жилища Ольги, а дальше Черниговскія дебри, за которыми, кажется, уже нѣтъ земли: такъ онѣ темны, такъ огромны, что будто на нихъ налегло голубое небо. Оттуда спустился онъ на Подоль, въ ту пору пустой, глухой, нетерпѣливо ожидающій января, польскаго шума и польскихъ червонцевъ.

Поѣздки эти заняли нѣсколько дней, послѣ чего опять наступила скука, и снова мечты овладѣли нашимъ героемъ, и снова внутренняя борьба поднялась въ его сердцѣ. Не любя вообще визитовъ, панъ Романъ, изъ природной скромности, неохотно посѣщаль мало-знакомые дома и завязываль новыя знакомства. Тѣмъ болѣе трудно это было для него въ Кіевѣ, гдѣ никто не жилъ изъ его знакомыхъ, гдѣ высшее общество состояло изъ людей, говорящихъ инымъ языкомъ, усвоившихъ иные обычаи, съ которыми не хотѣлъ онъ сблизиться въ своемъ грустномъ расположеніи духа. И онъ однако ходилъ по улицамъ, присматриваясь къ новому для него характеру чисто русскаго города, и удивлялся народу, который, не смотря на долговременное пребываніе подъ властью сосѣдняго государства, сохранилъ свою національность, и ни на одну черту не измѣнилъ своего первоначальнаго вѣроисповѣданія *.

Въ эти-то грустныя одинокія минуты, разсудивъ какъ долго и медленно поидеть его тяжба, панъ Романъ, прочтя однажды письмо панны Катерины и стоековавшись по ней и по Варшавѣ, написалъ нѣсколько словъ къ Еленкѣ, которыя оживили панну Катерину и придали ей бодрости и терпѣнія.

* Нечего было и удивляться, потому-что нѣтъ примѣра, чтобъ простой народъ нашъ когда-бы то ни было перемѣнялъ вѣроисповѣданіе: страшныя кровопролитія въ малороссіи за религію очень хорошо извѣстны полякамъ. *Пр.*

Въ послѣднихъ только числахъ декабря окончилось его дѣло, заключавшееся въ значительной суммѣ, слѣдовавшей пани Виницкой, но задерживаемой продѣлками должника. При помощи опытнаго адвоката, послѣдовало однакоже благопріятное рѣшеніе. Въ началѣ января должно уже было получить деньги. Ту же минуту увѣдомилъ панъ Романъ тетку съ эстафетой, прибавляя, что праздники проведетъ въ Кіевѣ, и, изъ любопытства останется на контракты. Вскорѣ получилъ онъ слѣдующій отвѣтъ отъ панни Виницкой:

«Съ большимъ удовольствіемъ прочла я письмо твое, любезный мой Романъ. Нестолько меня радуетъ возвращеніе собственности, которую считала уже я утраченною, какъ то, что получила ее твоими заботами, и что могу удовлетворить желанію своего сердца.

Слѣдующія изъ приказа сто десять тысячъ * — плоды моей долготѣней бережливости—принадлежатъ исключительно мнѣ, и потому прошу тебя отошли сто тысячъ въ Москву или Варшаву на свое имя, какъ свою неотъемлемую собственность, а остальные 500 червонцевъ употреби на свои удовольствія во время контрактовъ, и на подарки для матери, сестры и для Еленки. Теперешнихъ твоихъ издержекъ я не считаю въ то число; на этотъ предметъ у тебя есть особая сумма, которую пожалуйста расходуй какъ угодно: мнѣ уже немного надобно, а въ тебѣ вся моя гордость и тщеславіе. Прощай, мой милый! веселись хорошенько и не будь такимъ, какимъ ты былъ предъ отъѣздомъ. Если ты меня любишь и желаешь мнѣ спокойствія, радости, а больше всего здоровья, то послушаешься меня и поймешь мое пламеннѣйшее желаніе. Цѣлую тебя тысячу разъ и благословляю »

Въ Р. S. было: «Кржися непременно будетъ на контрактахъ »

Доказательство привязанности доброй старушки тронуло пана Романа до глубины сердца, а конецъ письма и приписка произ-

* Злотыхъ.

вели то, что онъ ожидалъ контрактовъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Конечно, онъ еще ни на что не рѣшился; но, желая доказать благодарность и привязанность, убѣждая себя, что священной для него обязанностью было—беречь спокойствіе, веселость, а больше всего здоровье неопѣненной тетки, болѣе и болѣе становился онъ ей послушнымъ, и какъ-то съ каждымъ днемъ яснѣе и лучше понималъ пламенныя ея желанія. Приписка въ письмѣ, на которой часто останавливался взоръ его, какъ-то особенно вѣрно объясняла ему эти желанія. Перебирая однажды свой бумажникъ, и найдя письмо панны Катерины къ Юзефѣ, лежавшее случайно вмѣстѣ съ письмомъ Христины, украденнымъ давно паномъ Романомъ у тетки, и только что полученнымъ письмомъ старушки, герой нашъ вынулъ листочикъ Кати, и, разсудивъ что здѣсь онъ былъ не у мѣста, хотѣлъ припрятать его по дальше. Но его поразили слова: «ты сто разъ счастливѣе, ты на Украинѣ!» Сложивъ бумажникъ, онъ снова началъ перечитывать письмо Кати. Но странно, онъ теперь замѣтилъ то, что прежде ускользало отъ его вниманія, т. е. что бумага была не очень тонка, неровно обрѣзана и немножко грязновата; дальше увидѣлъ нѣсколько зачеркнутыхъ строчекъ, поправокъ и какъ будто ошибокъ въ правописаніи; потомъ показалось ему, что знаки препинанія разставлены неправильно; больше же всего поразило его обширное и, какъ видно, занимательное для самой Кати описаніе воспитанника, котораго преобразовывалъ пенсіонеръ, и уснѣхамъ котораго панна Катерина радуется съ такою живостью, что увѣдомляетъ объ этомъ далекую подругу. Панъ Романъ чрезвычайно удивился, что до тѣхъ поръ не обратилъ вниманія на такое важное обстоятельство. Положивъ письмо и долго, долго ходя по комнатѣ, онъ мечталъ — сколько съ тѣхъ поръ успѣлъ этотъ молодой воспитанникъ въ наукахъ, а можетъ-быть и въ сердцѣ панны Катерины. Последняя мысль не только не возбудила въ немъ гнѣва или печали, напротивъ онъ схватился за нее, какъ за доску спасенія, какъ за доказательство, которымъ оправдывалъ себя въ собственныхъ глазахъ; мысль эта послужила ему свѣтомъ, озарившимъ еще яснѣе пламенныя желанія тетки.

Но къ этой картинѣ, начертанной нами по обязанности и изъ

любви къ истинѣ, прибавимъ однако же, что когда герой нашъ, придя къ такому неутѣшительному результату въ совѣщаніи съ самимъ собою, остановился быстро передъ столомъ, на которомъ лежало бѣдное письмо варшавянки, онъ застыдился, покраснѣлъ, спряталъ его съ уваженіемъ въ бумажникъ, и недовольный собою, схватилъ шляпу, накинулъ пальто, выбѣжалъ изъ дому и нѣсколько часовъ блуждалъ въ мятель по улицамъ, занесеннымъ снѣгомъ.

ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АККЕРМАНЪ

О

ГАМБУРГСКОМЪ ТЕАТРЪ, ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Собраны Отто Мюллеромъ.

—
XVIII.

Какъ только Шарлота удостовѣрилась въ чувствахъ своихъ къ барону, такъ стала разскапаться въ признаніи своемъ, невольно вырвавшемся съ языка въ минуту страстнаго волненія, и съ ужасомъ увидѣла, что признаніе это, какъ волшебное слово, совершенно преобразило все существо ея. Бодрость, выказанная Шарлотою въ трудномъ сопротивленіи исчезла, и пониманіе неизгладимаго проступка замѣнило восторженность, внушенную ей Зильбургомъ. Тайная загадка сердца вдругъ объяснилась, а между-тѣмъ Шарлота немогла опредѣлить того страннаго отголоска, который слышался ей какъ будто изъ невѣдомой области и наполнялъ душу ея непонятнымъ страхомъ. Она не понимала больше чѣмъ была прежде, и не знала, что будетъ съ нею въ-послѣдствіи; она сомнѣвалась въ любви своей, боялась, что неравно ошиблась въ выборъ. Все, что Доротея предсказывала, принимало въ глазахъ Шарлоты, съ-тѣхъ-поръ, какъ она перестала вѣрить самой себѣ, такіе отвратительные образы, что она приходила въ отчаяніе, и старалась, но напрасно, отгонять ихъ отъ себя.

Единственная надежда ея, въ такомъ тягостномъ положеніи, была та, что Зильбургъ уѣхалъ, и быть можетъ, никогда не вернется. Тогда борьба, вызванная разлукою, между сердцемъ ея и семействомъ, навсегда прекратилась, потому-что не было

больше предмета, или, лучше сказать, причины для борьбы; она вздыхала свободнѣе каждый разъ, какъ останавливалась на этомъ предположеніи, и молила Бога, чтобъ Онъ вывелъ ее изъ этого страннаго лабиринта.

Она съ нетерпѣніемъ ждала отъѣзда Зильбурга, и желая скорѣе удостовѣриться точно-ли онъ уѣхалъ, отправилась на другой день вечеромъ къ старушкѣ Унцеръ. Она рѣшилась однако не говорить ей ничего о свиданіи своемъ въ церкви, не потому-чтобъ не имѣла довѣрія къ женщинѣ, въ преданности которой могла быть увѣрена, но потому-что боялась говорить даже о Зильбургѣ.

Советница была одна дома; она тоже намѣрена была поговорить съ Шарлотой о Зильбургѣ, что, по мнѣнію ея, было тѣмъ болѣе прилично, что Зильбургъ хотѣлъ вѣхать, и отъѣздъ его ясно доказывалъ, что между нимъ и Шарлотою не было ничего такого, чтобы могло повредить репутаціи молодой дѣвушки.

Отъѣздъ Зильбурга чрезвычайно растрогалъ старушку и она еще болѣе убѣдилась въ хорошемъ мнѣніи о немъ; она намѣревалась сказать это Шарлотѣ, и даже приготовлялась, въ случаѣ нужды, вступить за барона, если Шарлота неравно станетъ бранить его.

— Слава Богу! вотъ ты и сама... вскричала радостно советница, увидѣвъ свою пріятельницу. Ужъ я не знала, что и придумать... боялась, что тебя задержало что-нибудь важное.

Шарлота, не отвѣчая ни слова, бросилась къ ней на шею и долго сжимала ее судорожно въ объятіяхъ. Небудучи въ состояніи совладѣть съ сердцемъ своимъ, она чуть было не призналась во всемъ своему другу.

Видя такіе порывы, старушка сама до того смутилась, что дрожала всѣмъ тѣломъ, и невольно подумала: «такъ это правда... она любитъ его!..» Она была убѣждена, что Шарлота пришла къ ней во всемъ признаться. Но молодая дѣвушка оправилась отъ смущенія и снова сдѣлалась спокойною, такою, какою бывала обыкновенно, такъ, что подозрѣнія советницы разсѣялись.

Чтобъ вполнѣ удостовѣриться, что она напрасно обидѣла милую свою Шарлоту, она вдругъ сказала:

— Ахъ, Боже мой!.. вѣдь ты не знаешь еще, Шарлота, что Зильбургъ уѣхалъ вчера въ Шлезвигъ?

При такомъ неожиданномъ вопросѣ Шарлота вспыхнула и отвѣчала въ смущеніи:

— Не можетъ-быть!.. Какъ это... уѣхалъ не простясь?.. Ужъ это слишкомъ неучтиво!

Подозрѣнія снова овладѣли совѣтницей; она уже досадовала на себя, что огорчила Шарлоту, но послѣдняя прибавила спокойно:

— Вотъ каковы эти датскіе офицеры! Сначала они набиваются на знакомства, пользуются потомъ нашимъ гостепріимствомъ, и наконецъ исчезаютъ, не поблагодаривъ даже насъ, простодушныхъ германцевъ, за всѣ наши ласки и угожденія.

— Кто жъ тебѣ сказалъ это? вскричала поспѣшно старушка. Зильбургъ знаетъ съ кѣмъ имѣть дѣло, и при прощаніи со мною онъ поручилъ мнѣ кланяться отъ него Мlle Шарлотѣ Аккерманъ. Вотъ видишь, какъ ты ошиблась, если предполагать, что ты говорила серьезно, не шутя.

На этотъ разъ Шарлота стойко и даже съ улыбкою вынесла испытующій взглядъ друга своего и отвѣчала смѣло:

— Еслибъ въ Зильбургѣ не было какой-то особенной подвижности, которая мѣшаетъ имѣть къ нему полное довѣріе, то онъ могъ бы мнѣ нравиться. Къ тому-же лицо его выражаетъ иногда такую пронию.

Старушка горячо вступилась за барона и увѣряла, что пронія эта происходитъ не отъ злости, а скорѣе отъ робости, которую онъ скрываетъ подъ личиною прони.

— Онъ вовсе не такъ робокъ, какъ тебѣ кажется! отвѣчала старушка. Послушай только, что говорятъ объ этомъ Фрицъ и Доротея; впрочемъ я думаю, что пронія эта не натуральная, а заученная, но что въ немъ есть что-то особенное... такъ это вѣрно: въ немъ есть огонь, который то вспыхиваетъ, то гаснетъ, или тлѣетъ подъ пепломъ. Онъ долженъ-быть уменъ, потому-что не довѣряетъ своимъ силамъ. Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи видна эта особенная черта его характера...

Шарлота остановилась, какъ будто пенувавшись своего голоса. Совѣтница продолжала:

— Не думай, Шарлота, чтобъ только злые люди умѣли выставлять въ хорошемъ свѣтѣ свои недостатки и заставляли любить эти недостатки: нѣтъ, душа моя, это не злые, а опасные для насъ, женщинъ, люди. Въ молодости я была дружна съ одной премилой дѣвушкой, прекрасно воспитанной,

изъ богатой фамилиі; она страстно влюбилась въ чловѣка самой дурной репутаціи, но умнаго, любезнаго и умѣющаго скрывать пороки свои подъ лоскомъ любезности и свѣтскости. Когда она узнала его покороче, то сама увидѣла, что онъ не достоинъ любви ея; но онъ такъ сильно очаровалъ ее своимъ умомъ, блескомъ, любезностью, до того опуталъ какою-то прелестью, и воспалилъ тѣмъ огнемъ, который то вспыхиваетъ, то гаснетъ, то снова тлѣетъ подъ пепломъ, что она была не въ силахъ разлюбить его. Однажды она исчезла вмѣстѣ съ нимъ. Вообрази до чего можетъ довести любовь! Два года о ней не было ни слуху, ни духу. Наконецъ, бѣдные родители узнали, что дочь ихъ умерла съ голода на чердакѣ, гдѣ болѣе года она изнывала съ ребенкомъ своимъ въ страшнѣйшей нищетѣ, покинутая и забытая своимъ любезнымъ и блестящимъ обожателемъ.

— Ужъ не думаешь-ли ты о Зильбургѣ, рассказывая мнѣ это? спросила съ удивленіемъ Шарлота.

— Избави Боже! вскричала старушка. Я хотѣла только доказать тебѣ, что пороки мужчинъ часто бываютъ для женщинъ гораздо опаснѣе, чѣмъ добродѣтели ихъ.

— Быть не можетъ!.. развѣ что любовь превратилась въ безуміе, отвѣчала робко Шарлота. Я думаю, что сердце женщины способно на все слабости; но любить то, что мы находимъ порочнымъ, дурнымъ или безхарактернымъ, мнѣ кажется столь-же страннымъ, какъ желать сдѣлать мостъ на луну. Это не натурально, и потому такая любовь, какъ любовь твоей пріятельницы, похожа на изсохшій листъ, который чуть-чуть держится за стебель, какъ за послѣднюю надежду свою; тутъ нѣтъ жизни, нѣтъ силы, энергіи, значить нѣтъ и любви, а какое-то упрямство, лѣнь сердца, которая не хочетъ стряхнуть съ себя безуміе, снять цѣпей, которыя тяготѣютъ на женщинъ и дѣлаютъ ее несчастною; вѣдь любовь есть жизнь и сила, гдѣ же тутъ жизнь и сила, когда умираютъ отъ нея?

— Нѣтъ, Зильбургъ не таковъ! шептала совѣтница, какъ будто погруженная въ размышленіе: нѣтъ, онъ не такой коварный!

— Я тоже думаю и почти ручаюсь за него, потому что онъ слишкомъ эксцентриченъ, или лучше сказать, въ ссорѣ самъ съ собою, какъ чловѣкъ, который ни въ чемъ не находилъ отрады, истиннаго наслажденія.

— Можетъ быть именно потому, что онъ знаетъ всему на-

стоящую цѣну, отвѣчала советница, онъ не похожъ на полниа-
лыхъ свѣтскихъ модниковъ, которые безпрестанно вздыхаютъ,
выставляютъ на показъ свои перстни, табатерки, и до того ис-
коверканы, что въ нихъ не осталось ничего натурального,
ничего своего собственнаго, ни одной жилки: все выученное, все
притворное. Дай Богъ чтобъ сынъ мой сохранилъ хоть сколько
нибудь ту живость и оригинальность, которая мнѣ такъ нра-
вится въ Зильбургъ.

— Докторъ философъ, а Зильбургъ свѣтскій человекъ. Ихъ
нельзя сравнивать: натуры ихъ такъ противоположны, что меж-
ду ними не можетъ быть точки столкновения; я убѣждена,
еслибъ они сдружились какимъ нибудь чудомъ, то навѣрно рас-
шиблись-бы другъ о друга.

— А между тѣмъ, люди совершенно противоположныхъ на-
туръ, стремятся часто къ одной и той же цѣли, отвѣчала совет-
ница съ какою-то странною энергіею; особенно, продолжала
она, всматриваясь наблюдательно въ лицо Шарлоты, когда цѣль
эта дѣйствуетъ одинаково на того и на другаго, и притягиваетъ
ихъ неодолимою силою. Какъ часто бываетъ, что любовь
привлекаетъ къ одному и тому же предмету людей совершенно
различныхъ характеровъ, такъ, что нельзя сказать, который изъ
соперниковъ любить больше, чище и сильнѣе.

— Да, это странно, а между тѣмъ это такъ, сказала Шар-
лота, глядя задумчиво на пламя каминна. И какая же дѣвушка
скажетъ, каковъ долженъ быть человекъ, котораго она бу-
детъ вѣчно любить? . . .

Вотъ я, напримѣръ! . . . скажи мнѣ, ради Бога, Sophie, что
по-твоему я должна искать въ человекѣ, предназначенномъ
составить мое счастье? Ты меня довольно хорошо знаешь, слѣ-
довательно можешь опредѣлить . . . Увидимъ, угадаешь ли
ты мое сердце!

Советница, посмотрѣвъ на нее пронизательно, отвѣчала съ
удивленіемъ:

— Твое сердце? . . . Мнѣ надо описать человекъ, котораго серд-
це твое желаетъ, и сказать, кто можетъ составить твое счастье!
Да развѣ объ этомъ можетъ идти рѣчь? . . . Тотъ и составитъ
твое счастье, кого ты выберешь.

— Но если сердце мое обманывается, или, что еще хуже,
если его обманываютъ? . . . спросила Шарлота.

— Что ты говоришь? . . . вскричала старушка шутовскимъ

тономъ, а между тѣмъ крайне взволнованная. Ты не можешь обманываться, потому что сердце твое никогда не сдѣлаетъ опредѣленнаго выбора. Но не въ томъ дѣло!.. Тебѣ хочется знать, что такое будетъ или долженъ быть твой будущій мужъ? не такъ - ли? . . . Можетъ быть ворожея, португалька Фанни изъ Кугельсворта тебѣ лучше скажетъ, чѣмъ я, но не будучи ворожеей, я думаю, что человекъ, съ которымъ ты можешь быть счастлива, долженъ хоть понимать и любить все то, въ чемъ ты такъ совершенна; я думаю, что онъ не будетъ страстнымъ любовникомъ, но за то любовь его будетъ глубже и тверже; живой, рѣшительный, даже суровый въ словахъ и дѣйствіяхъ, но характера тихаго и кроткаго, онъ долженъ быть не экзальтированъ, но способенъ раздѣлять вмѣстѣ съ тобою восторгъ ко всему прекрасному, и примѣнять это прекрасное къ дѣйствительной жизни. Ему слѣдуетъ быть къ тебѣ внимательну, но не выказывать большой нѣжности, пусть даже иногда заставитъ чувствовать тебя строгость своего характера и своего превосходства. Такой человекъ заставитъ себя скорѣе полюбить, чѣмъ нѣжный и слабый, потому что женщина, вполне развитая, какъ ты, не можетъ любить то, что ниже ея самой, что слабѣе въ нравственномъ и даже физическомъ отношеніи. Онъ долженъ внушать тебѣ почтеніе, твердость характера; увѣренность въ любви его внушать тебѣ гордость и спокойствіе; физическая же красота должна нравиться тебѣ, а доброта сердца привязывать къ нему. Но ему не слѣдуетъ выказывать своего умственнаго надъ тобою превосходства и не мѣшать твоимъ порывамъ къ идеализму и къ поэзій. Вотъ какого мужа надо моей Шарлотѣ; а всего было бы лучше, если бъ онъ занималъ воображеніе твое, не наполняя собою всего существа твоего.

— Станный же онъ человекъ, сказала, Шарлота глядя неопредѣленно, какъ будто думая вслухъ.

Тутъ разговоръ ихъ былъ прерванъ появленіемъ Унцера. Обѣ пріятельницы тотчасъ замѣтили, что онъ взволнованъ и разсѣянъ.

Мать объявила безпокойство свое; сначала докторъ не признавался, но потомъ разсказалъ, что съ нимъ случилось такое проществіе, какого онъ не испытывалъ въ продолженіе всей своей практики.

— Сегодня вечеромъ, сказалъ онъ, за мной прислали изъ Пассажей, и просили пріѣхать въ одинъ домъ весьма дурной ре-

путаціи, а такихъ домовъ очень много въ этомъ кварталъ. Трактирщицу, которая содержала тамъ гостиницу, хотѣли убить, и все это случилось при такихъ странныхъ необъяснимыхъ обстоятельствахъ, что не знаешь право что и подумать. . . Я нашелъ трактирщицу въ постель, окравленную, съ перерезаннымъ горломъ; но рана, хотя и значительна, однако не опасна. Комната была наполнена людьми самаго подозрительнаго вида; и я былъ радъ-радехонекъ, когда, перевязавъ рану, могъ выскочить на свѣжій воздухъ и не видать этихъ отвратительныхъ лицъ.

— Тутъ, кажется, нѣтъ для тебя ничего новаго, сказала совѣтница. Подобные случаи весьма часты въ этихъ кварталахъ, и никто объ этомъ даже не говоритъ и тѣмъ менѣе беспокоится.

— Это правдо, отвѣчалъ разсѣянно докторъ; и я не знаю почему это взволновало меня болѣе, чѣмъ следовало. . . отвратительный этотъ притонъ, вопли и визгъ обывателей его, побѣгъ убійцы и таинственность, съ какою онъ исчезъ. . . все это, признаюсь, слѣдало на меня такое впечатлѣніе, какого я еще никогда не ощущалъ въ подобныхъ случаяхъ. Такія зрѣлища внушаютъ ненависть и отвращеніе къ человечеству, надо родиться медикомъ, чтобъ поработить въ себѣ это чувство, потому что золото науки нашей лежитъ часто въ грязи. Порокъ ужасенъ самъ по себѣ; но въ нищетѣ онъ становится чудовищемъ-звѣремъ, который подымаетъ всѣ иглы свои къ верху. Покушеніе на смертоубійство, посреди людей, самыхъ способныхъ на такое злодѣяніе, представляетъ странный характеръ; почему знать?.. можетъ быть убійца стоитъ подле тебя въ ту самую минуту, когда его ищутъ внѣ дома, можетъ быть онъ кричитъ и проклинаетъ громче другихъ, какъ мнѣ признаюсь, и показалось, при взглядѣ на прекраснаго супруга раненой дамы, который желалъ крикомъ этимъ удостовѣрить ее въ своей нѣжности.

Шредеръ пришелъ за сестрой, и по обыкновенію своему спѣшилъ; ему некогда было слушать разсказа доктора, и потому онъ простился и отправился съ сестрою домой.

Совѣтница, проводивъ гостей до передней, возвратилась въ гостиную и застала сына съ поникшею головою и какъ будто обезсиленнаго отъ усталости. Мать спросила, не больнѣ ли онъ Докторъ поднималъ голову, и совѣтница вскрикнула отъ ужаса, такъ онъ былъ блѣденъ.

— Ты не все рассказалъ, Карль! . . . сказала она съ безпокойствомъ, какъ будто предчувствуя что-то недоброе.

— Да развѣ я вамъ не сказалъ, что еще ничего подобнаго не видалъ? отвѣчалъ докторъ; потомъ, помолчавъ немного, взялъ ее за руку и спросилъ съ таинственною улыбкой, помнитъ ли она еще о томъ ребенкѣ, котораго прошлую осенью Шарлота нашла у трактирщицы и который исчезъ такимъ необъяснимымъ образомъ?

— Что жъ имѣетъ общаго ребенокъ этотъ съ сегодняшнею исторіею? спросила съ безпокойствомъ совѣтница.

— И я тоже задаю себѣ этотъ вопросъ, отвѣчалъ докторъ съ глубокимъ вздохомъ. Да, матушка, это престранная и пре-страшная исторія! Но я не могъ вамъ рассказать ее при Шарлотѣ. . . Женщина, которую хотѣли убить. . . та самая 'трактирщица, у которой находился ребенокъ Берты. . . Сегодня вечеромъ она отдыхала въ постель; вдругъ дверь отворяется и человекъ въ маскѣ, съ кинжаломъ въ рукѣ требуетъ, чтобъ она открыла, гдѣ ходится ребенокъ, а въ случаѣ неповиновенія угрожаетъ ей смертью. Она закричала, на крикъ сбѣжался народъ, и незнаконецъ убѣжалъ, не оставя по себѣ ни малѣйшаго слѣда.

— Боже, Боже мой! вскричала старушка, всплеснувъ дрожащими руками. Что за роковая тайна тяготеетъ надъ этимъ ребенкомъ! мало того, что онъ исчезъ не извѣстно куда. . . но его еще преслѣдуютъ съ кинжаломъ въ рукахъ. . . Ужъ его вѣрно нѣтъ на свѣтъ!

— На этотъ счетъ будьте покойны, отвѣчалъ докторъ. Его воспитываютъ съ большимъ тщаніемъ. . . Я воспитываю его!

— Ты! вскричала совѣтница, не вѣря ушамъ своимъ.

— Да какъ же это милая мамаша, сказалъ докторъ, глядя мать свою по лицу, вы сейчасъ недогадались, что кромѣ меня во всемъ Гамбургѣ не могло найтись человека, который-бы принялъ участіе въ ребенкѣ, изъ-за котораго бѣдная Шарлота такъ страдала? Я тотчасъ-же рѣшился избавить ее отъ хлопотъ, которыми доброта сердца ее опутала, и сохранить вмѣстѣ съ тѣмъ маленькому существу то покровительство, которое ему обещано. Другъ мой, сенаторъ Траувальтъ содѣйствовалъ моимъ планамъ. Съ разрѣшенія полиціи, мы отняли тайкомъ ребенка у трактирщицы; деньги мои и строгое предписаніе сенатора зажали ротъ этой злодѣйкѣ. А какъ вы ду-

масте, мамаша, что скажетъ Шарлота, когда узнаеть кто похитилъ ея маленькаго питомца?

— Но гдѣ-же онъ?.. Куда ты его запряталъ?.. вскричала старушка, плача отъ умиленія.

— Я отдалъ его садовнику Павлу, отвѣчалъ докторъ, и жена его кормить нашего малютку вмѣстѣ съ своимъ.

— Ради Бога!.. скорѣй, скорѣй сведи меня посмотреть на него; я хочу видѣть хорошо-ли его содержать, такъ-ли ухаживаютъ, какъ слѣдуетъ... а не то... я всю ночь глазъ не сомкну... Вѣдь онъ и мой теперь!.. Не правда-ли, Карлъ? Вѣдь я черезъ тебя нашла его... Ахъ, да!.. вѣдь я и забыла спросить: дѣвочка это или мальчикъ?.. Крестили его?

— Что за вопросъ!.. помилуйте!.. Разумѣется, что я окрестилъ его и далъ христіанское, даже небесное имя, имя его ангела хранителя: Шарлоты!

— Видишь какой! вскричала совѣтница, погрозивъ пальцемъ и выразительно посмотрѣвъ на сына.

Унцеръ поцѣловалъ руку матери, но лицо его приняло мрачное выраженіе.

— Это все хорошо, сказалъ онъ; но мы забываемъ сегоднешнюю страшную исторію.

— Это правда; но въ радости человекъ всегда теряетъ голову, отвѣчала совѣтница, которая все еще не могла придти въ себя отъ удивленія. Бѣдная женщина!.. продолжала она со вздохомъ, какъ должна она страдать теперь!.. Надо послать ей бѣлаго хлѣба, вина, варенья, тонкаго бѣлья и корпіи... или лучше приказать сварить крѣпкаго куринаго бульона и приготовить бутылки три-четыре лимонаду... а?.. какъ ты думаешь?.. Но я не знаю, гдѣ она живетъ...

Докторъ вовсе не былъ расположенъ смѣяться; но не смотря на то онъ разразился громкимъ хохотомъ, глядя на заботливость матери, которая съ такою нѣжностью хлопотала о трактирщицѣ, существъ вовсе не нѣжномъ.

— Вмѣсто бульона и лимонада, пошлите лучше бутылки двѣ рому, да часть свинины... это больше будетъ ей по нутру!.. Что намъ за дѣло хлопотать объ этой старой колдуньѣ. Мы должны думать и заботиться только о ребенкѣ. Его преслѣдуютъ, ищутъ, и чтобъ овладѣть имъ, затѣваютъ можетъ-быть разныя козни, какъ знать! судя потому, что мы узнали сегодня. Кому-нибудь да нужень-же этотъ ребенокъ, а зачѣмъ... Богъ вѣсть!..

Я успокоюсь не прежде, какъ буду знать, что моя малютка въ совершенной безопасности. Что мнѣ дѣлать, мамаша?... посоветуйте мнѣ, душа моя.

Советница была въ недоумѣніи; но какъ женщина умная и осторожная, тотчасъ-же нашла способъ, какъ дѣйствовать въ настоящую минуту.

— Исключая садовника и жены его, на которыхъ можно положиться, отвѣчала мать Унцера, никто, даже сама табашница, не знаетъ убжища ребенка; такъ по моему лучше его оставить тамъ, гдѣ онъ теперь; къ тому-жъ онъ привыкъ къ молоку садовницы, такъ не для чего мѣнять безъ необходимости и кормилицу, что весьма вредно для дитяти; ты это лучше моего знаешь... Еслибъ даже трактирщица и сказала, что ты взялъ дѣвочку, все-таки нечего бояться, потому-что никто не знаетъ, куда ты поместилъ ее.

Докторъ нашелъ, что мать его хорошо разсудила; и оба они рѣшились сообщить все садовнику и женѣ его, чтобъ они знали откуда ожидать опасность и былибы осторожны.

— Мнѣ кажется, сказалъ Унцеръ, что дѣвочка эта принесетъ мнѣ счастье, которое будетъ въ связи съ ея собственнымъ счастьемъ: и какъ знать, подумалъ онъ про-себя, можетъ-быть, маленькая Шарлота поможетъ мнѣ внушить любовь большой Шарлотѣ?

XIX.

Шарлота возвратилась отъ советницы гораздо спокойнѣе, чѣмъ была, потому-что сужденіе Софіи Унцеръ совершенно согласовалось съ ея собственными мыслями, или лучше сказать съ ея сердцемъ. Какъ-будто гора спала съ плечъ ея, такъ ей было легко дышать; всѣ прошлыя и настоящія волненія исчезли, ей казалось что она находилась предъ тѣмъ въ опасности и что страшная эта опасность, хотя и выдуманная, миновала.

При Шарлотѣ всегда была Лена, старая ея кормилица. Шарлота нѣжно любила эту женщину, которая занимала въ сердцѣ ея уголокъ, предназначенный только самымъ закадышнымъ друзьямъ.

Въ этотъ день Лена была какъ-будто не въ своей тарелкѣ. Въ манерахъ ея было что-то странное, какъ будто она чего-то боялась; она всюду слѣдовала за Шарлотой, а потомъ какъ-будто убѣгала ее и отвѣчала не впопадъ, когда ее о чемъ спра-

шивали; однимъ словомъ, она до того была странна, что Шарлота замѣтила это наконецъ и спросила, что съ нею, и отчего она такъ взволнована и смущена?

Нечего дѣлать, надо было открыться. Лена, видъ себя про-
бормотала:

— Разумется, мнѣ не следовало-бы соглашаться... теперь я и сама чувствую, что сдѣлала большой проступокъ; но я совершенно обезумѣла, и когда хотѣла отвѣчать, то письмо было уже въ рукахъ моихъ вмѣстѣ съ червонцемъ... Онъ-же исчезъ... а ночь была такая, что зги не видать, такъ, что еслибъ я даже и захотѣла догнать его, то не знала-бы куда бѣжать...

— Что съ тобою, Лена?.. ты бредишь!.. вскричала испуганная Шарлота. Какой червонецъ? кто далъ тебѣ его?.. Какое письмо?..

— Осмѣлось-ли все сказать... отвѣчала трепещущая Лена. Но мнѣ послышался иностранный выговоръ... когда онъ упрашивалъ отдать вамъ письмо это, и говорилъ, что не переживетъ моего отказа, и что смерть его останется на моей совѣсти... Онъ много еще говорилъ... и говорилъ такъ, какъ будто читалъ книгу или какъ говорятъ на театрѣ... Онъ увѣрялъ, что очень несчастливъ, и умолялъ немедленно отдать вамъ это письмо.

Сказавъ это, Лена дрожащею рукою вытащила изъ-за косынки записку изящной наружности, и отворачиваясь, подала Шарлотѣ, которая поспѣшно ее схватила.

На конвертъ стояло ея имя, написанное красивымъ и твердымъ почеркомъ, мужскимъ, но ей неизвѣстнымъ.

Шарлота, не зная почему думала, что письмо должно-быть отъ Зильбурга.

— Лена, что ты сдѣлала! прошептала она, блѣднѣя, бросивъ письмо на столъ.

Дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу.

— Я брошу его въ огонь, и следовало-бы также бросить туда и руку, осмѣлившуюся принять его, вскричала вѣрная кормилица.

Но Шарлота остановила ее, положила руку на письмо, и запинаясь, начала спрашивать Лену:

— Что говорилъ онъ тебѣ, что умереть, если я не прочту письма его?

— Нѣтъ, не то... Онъ сказалъ, что умереть, если я не отдамъ

вамъ его. Теперь дѣло сдѣлано; я исполнила просьбу незнакомаца, такъ отдайте-же мнѣ назадъ эту проклятую бумажку.

— Каковъ онъ собой?.. продолжала Шарлота, не соглашаясь вѣроятно, съ мнѣніемъ кормилицы.

— Вѣдь я сказала вамъ, что было такъ темно, какъ въ преисподней.

— Но роста какого?.. это ты могла вѣрно рассмотреть... Высокій, низенькій, черный или бѣлокурый, вотъ о чемъ я спрашиваю:

— Онъ высокъ ростомъ; со шпорами и въ широкомъ плащѣ.

— Выговоръ у него какъ у иностранца, говоришь ты?

— Отдайте мнѣ письмо, милая *Frei-lein!* говорила Лена умоляющимъ голосомъ, все болѣе и болѣе тревожась. Если вы прочтете его, тутъ не будетъ добраго. Право лучше, если мы бросимъ его въ огонь, а червонецъ въ кружку бѣдныхъ.

— Это хорошо, Лена, и за то я дамъ тебѣ вдвое больше, сказала Шарлота, которая становилась смѣльче по мѣрѣ того, какъ Лена трусила. Но не надо жечь письма. Вѣдь мнѣ приходится-же выслушивать много такого, что мнѣ и не совсѣмъ нравится и надъ чѣмъ я смѣюсь: почему-жъ и не прочитать какого-нибудь вздора?

— Ахъ, милая Шарлота, я часто слышала, что письма опаснѣе словъ: слова улетаютъ, письма остаются.

— Ты правду говоришь, Лена, отвѣчала Шарлота, рѣшась въ эту минуту прочитать письмо и увѣряя кормилицу въ противномъ. Я не стану читать: почему знать, что тамъ написано... можетъ-быть, что-нибудь неприличное! Но мы сбережемъ это посланіе, чтобъ въ случаѣ нужды имѣть доказательство противъ неизвѣстнаго, если ему еще вздумается беспокоить насъ. Послушай, Лена, если ты дорожишь моею дружбой, то не будешь больше принимать писемъ на мое имя, а главное отъ незнакомаца. Боже, Боже мой! Еслибъ мать моя знала!.. что было-бы со мною?.. Ради Бога, не говори никому въ домъ... Я боюсь, чтобъ Доротея не замѣтила чего нибудь... Мы слишкомъ долго шепчемся, это подастъ подозрѣніе... начнутся разспросы, о чемъ мы толковали... а главное твое озабоченное лицо... Ступай скорѣе... и притворись спокойною... Я сейчасъ приду.

Сказавъ это, она съ нетерпѣніемъ вытолкнула за дверь Лену, которая волновалась не за себя, а за милую свою питомицу.

Едва Лена вышла изъ комнаты, Шарлота трепетною рукою сорвала печать, и прижавъ письмо къ сердцу, которое сильно билось, подняла глаза кверху, мысленно сотворила молитву и развернула листъ, въ которомъ заключалась судьба ея. Подпись письма была: Максъ-фонъ-Зильбургъ.

XX.

Въ послѣднихъ числахъ декабря, въ великолѣпномъ домѣ графовъ фонъ-Линденкронъ, близъ Шармаркта, видно было необыкновенное движеніе: ставни отворились, работники то входили, то выходили, и приводили въ порядокъ покои, давно уже необитаемые. Старикъ управитель, который со смерти графа жилъ одинъ одиноконекъ въ опустѣлыхъ чертогахъ, какъ будто снова воскресъ и тѣломъ и духомъ. Съ утра до ночи онъ не переставалъ хлопотать; давалъ приказанія и осматривалъ съ величайшимъ тщаніемъ все, до послѣднихъ даже мелочей.

Наконецъ все сосѣдство Пустой Дороги узнало, что трауръ молодой графини Ульрики фонъ-Линденкронъ кончился, что первый годъ вдовства она провела въ своихъ голстинскихъ помѣстьяхъ и что скоро возвратится въ городъ на постоянное житье. Вѣсть эта обрадовала всѣхъ бѣдныхъ, которые не забыли благодѣяній графини, а ремесленники и рабочіе, понесшіе большіе убытки, когда домъ этотъ опустѣлъ, были внѣ себя, когда узнали о скоромъ возвращеніи ихъ прекрасной и щедрой покровительницы.

Наконецъ, 24 декабря, нѣсколько дорожныхъ каретъ, плотно нагруженныхъ, въѣхали подъ своды воротъ.

Графиня, все еще въ глубокомъ траурѣ, дружески протянула руку старику-управителю, который высаживалъ ее изъ кареты, и немедленно дала ему значительную сумму денегъ для раздачи бѣднымъ, толпившимся у воротъ при вѣсти о пріѣздѣ ихъ благодѣтельницы.

Пока люди, подъ надзоромъ егеря, выносили поклажу изъ кареты, графиня съ дѣтьми своими и компаньонкой вошла въ домъ. У нея было два сына: одинъ четырехъ, а другой трехъ лѣтъ.

Утомленная дорогой и впечатлѣніями, произведенными на нее возвращеніемъ въ тѣ мѣста, которыя были свидѣтелями ея прошедшаго, она бросилась въ кресла подлѣ каминна, и предалась горестнымъ размышленіямъ; она сравнивала прошедшее съ настоящимъ.

Меньшой сынъ Ульрики, Вольдемаръ, подбѣжалъ къ матери и спросилъ: «гдѣ папа?»

Графиня вздрогнула и судорожно прижала ребенка къ сердцу; потомъ приказавъ няню увести дѣтей, горько заплакала и вскричала въ порывѣ тоски:

— Не говорила-ли я тебѣ, Франциска, что возвратясь въ домъ этотъ, я буду гораздо больше страдать, чѣмъ тогда, какъ бѣжала изъ него? Боже мой, какая тоска!.. Никогда не слѣдуетъ покидать тѣхъ мѣстъ гдѣ каждый предметъ какъ будто раздѣляетъ и улаживаетъ скорбь нашу, потому-что напоминаетъ намъ объ исчезнувшемъ счастьи. Теперь-же, послѣ такого долгаго отсутствія все кажется чуждымъ, мертвымъ. Растолкуй мнѣ, зачѣмъ мы покинули все и уѣхали?

Франциска, со слезами на глазахъ, сѣла на скамейку у ногъ графини, и отвѣчала тихо:

— Вѣрно ужъ такъ надо было, графиня. Мы бѣжали не потому, чтобъ боялись воспоминанія счастливыхъ дней, но для того, чтобъ забыть *ту страшную* минуту... и невидать предметовъ, напоминающихъ намъ ее... Все въ домъ этомъ говорило, что ни слезы, ни мольбы не возвратятъ вамъ обожаемаго супруга!.. Вамъ слѣдовало бѣжать изъ Гамбурса... Покинувъ его, вы начали дышать свободнѣе... Боюсь напоминать вамъ... но если-бъ вы остались, то не избѣгли-бы еще большаго несчастія...

Ульрика приподняла голову; смертная блѣдность покрыла лицо ея, которое приняло страшное выраженіе; горькія, жгучія слезы какъ будто высохли на глазахъ ея, и она вскричала раздирающихъ голосомъ:

— Боже мой!.. о чемъ это говоришь ты, Франциска? Не напоминай мнѣ объ этомъ человѣкѣ!.. О, какое ужасное воспоминаніе! Теперь я знаю, почему домъ этотъ и городъ опротивѣли мнѣ... Могила Артура моего не пугала меня... Ангелъ мира хранитъ ее... мой добрый Артуръ примирился со мною и при послѣднемъ издыханіи своемъ узналъ низкаго измѣнника, котораго такъ долго считалъ другомъ; но смерть сняла повязку съ глазъ его, просвѣтила взоръ и показала порокъ во всей наготѣ его... Боже мой!.. страшно подумать!.. Что стало-бы со мной, если-бъ Артуръ умирая унесъ съ собою въ могилу подозрѣніе противъ меня и мысль, что я такая же презрѣнная тварь, какъ Зильбургъ!.. Я убила-бы себя, Франциска... и

Тогда злодѣй этотъ торжествовалъ-бы теперь... адекіе замыслы его увѣнчались-бы успѣхомъ...

— Успокойтесь, графиня, сказала Франциска, которая давно уже не видала Ульрики до того взволнованной. Онъ не стоитъ, чтобъ вы о немъ думали, а тѣмъ болѣе говорили! Онъ не осмѣлится показаться вамъ на глаза.

— Надвѣюсь!.. вскричала Ульрика, лицо которой приняло выраженіе гордости и рѣшимости. Онъ проигралъ партію, и потому не осмѣлится показаться мнѣ на глаза; я знаю его, какъ свои пять пальцевъ... Такіе люди обыкновенно бываютъ трусы, и когда узнаютъ, что ихъ хорошо поняли, начинаютъ скрываться отъ зоркаго глаза честныхъ людей.

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ медленно пробило девять часовъ.

Графиня вздрогнула, но скоро оправилась, и при последнемъ боѣ сказала спокойнымъ голосомъ:

— Девять часовъ!.. Въ эту минуту Артуръ мой, съ послѣднимъ бѣгомъ часовъ, испустилъ послѣдній вздохъ. Какъ звукъ часовъ этихъ отдается каждый разъ въ моемъ сердцѣ! Я узнала бы его въ неизмѣримомъ множествѣ другихъ часовъ... такъ онъ врѣзался у меня въ памяти.

Франциска была суетверна, она вздрогнула при этомъ внезапномъ напоминаніи. Это роковой часъ! думала Франциска, онъ сулитъ намъ не доброе, и сердце ея невольно сжималось.

Ульрика встала, сняла съ себя дорожный плащъ и послала за управителемъ Ингбертомъ.

— Благодарю тебя, любезный Ингбертъ, сказала ласково графиня, когда вошелъ управитель: во время отсутствія моего ты управлялъ всѣмъ такъ же старательно, какъ и при мнѣ, мой вѣрный другъ. Все здѣсь въ такомъ порядкѣ, какъ будто я не уѣзжала.

Потомъ графиня начала справляться о благотворительномъ заведеніи своемъ, о знакомыхъ и о томъ, что дѣлалось въ городѣ. Ингбертъ отвѣчалъ на все удовлетворительно. Но когда графиня заговорила о старинныхъ друзьяхъ дома своего и осведомилась присылали ли они узнавать о ея здоровьи и скоро ли она пріѣдетъ, то Ингбертъ началъ запинаться. Онъ пробормоталъ что-то, назвалъ нѣсколько знакомыхъ фамилій и замолчалъ. Это

удивило графиню; она просила его сказать откровенно, что у него на сердцѣ, и шутя прибавила:

— Вспомни, любезный другъ, что я всегда была прелюбопытная, а главное любила знать, какъ поступаютъ знакомые мои тогда, когда меня нѣтъ съ ними. Вотъ уже около двухъ лѣтъ какъ я уѣхала изъ Гамбурга: ты вѣрно знаешь много такого, что можетъ интересовать меня, а можетъ быть даже и до меня касается.

Последнія слова графини вывели Ингберта изъ притворнаго равнодушія; онъ вспыхнулъ и началъ умолять графиню не разсирасивать его.

То, что онъ долженъ былъ сказать, не согласовалось съ поздравительнымъ привѣтствіемъ, и у него не хватало духу огорчить графиню въ такой радостный для него день.

— Помилуй, Ингбертъ, что это ты говоришь?.. вскричала Ульрика въ испугъ. Что такое случилось?.. скажи ради Бога... И почему именно сегодня мнѣ будетъ труднѣе выслушать, чѣмъ завтра, у Бога всѣ дни равны. Все въ домъ, кажется, состоитъ благополучно; близкихъ друзей, участь которыхъ могла бы тревожить меня, нѣтъ въ городъ... всѣ, въ комъ я принимаю участіе, живы и здоровы... следовательно ты можешь говорить откровенно... а я все хочу знать и приказываю тебѣ говорить.

Услышавъ приказаніе это, данное почти повелительнымъ тономъ, старикъ посмотрѣлъ на графиню робко и сострадательно и отвѣчалъ съ видимою тоскою:

— Ахъ, добрая и вельможная госпожа моя!.. только съ нами, кажется, и случаются всѣ несчастія. Есть, графиня, люди, у которыхъ хватаетъ духу чернить самую чистѣйшую добродѣтель и клеветать ее на чѣмъ свѣтъ стоитъ... Такъ простите же меня, графиня, если я вамъ расскажу то, что огорчаетъ меня до глубины души... Я думалъ, что ужъ и не доживу до того несчастія, и что послѣ смерти моего возлюбленнаго барина ни что не въ состояніи будетъ огорчить меня... вышло другое... Объ васъ, графиня, носятся самые нелпые, самые злые толки; говорятъ, что будто при жизни еще графа, — дай Богъ ему царство небесное, вы были въ слишкомъ короткихъ сношеніяхъ съ Барономъ Зильбургомъ, и что баронъ, ко-

тораго считаютъ способнымъ на всякое злодѣяніе, измѣнилъ не только другу своему, графу, но даже и вамъ самимъ, сѣдариныя. . . Мало-ли что еще говорятъ, но всего не запомнишь да и не стоитъ того!

Ульрика преспокойно, и не мѣняясь даже въ лицѣ, выслушала разсказъ управителя; только при послѣднихъ словахъ его, гибкій станъ ея согнулся вдвое; она пристально и съ удивленіемъ посмотрѣла на старика, какъ будто не совсѣмъ поняла смыслъ рѣчей его, наконецъ гордо выпрямилась и сказала спокойно :

— Люди, возбудившіе твое негодованіе, Ингбертъ, вовсе не такъ злы какъ языки ихъ, и надо имѣть къ нимъ снисхожденіе. Что же до барона, то онъ хорошо сдѣлалъ что выѣхалъ изъ Гамбурга и покорился людскому мнѣнію.

— Зильбургъ? . . да онъ провелъ здѣсь всю зиму, отвѣчалъ управитель, и вчера еще, въ двѣнадцать часовъ, я самъ видѣлъ какъ онъ вѣхалъ верхомъ въ Альтонскіе ворота!

— Такъ онъ здѣсь! вскричала Ульрика, какъ будто пораженная громомъ, и дрожа всѣмъ тѣломъ схватила за руку компаньонку. Ты слышала, Франциска? . . онъ здѣсь!

Франциска посмотрѣла на графиню и отвѣчала:

— Неужели это васъ такъ удивляетъ?.. Ктому-же, что вамъ за дѣло до него: онъ имѣетъ право жить, гдѣ ему угодно.

— Это правда, сказала Ульрика, стараясь успокоиться: и я сама не понимаю почему вѣсть эта такъ напугала меня. Дорога утомила меня; нервы напряжены. . мнѣ надо отдохнуть. Ступай, Ингбертъ, желаю тебѣ весело встрѣтить праздникъ. Завтра мы поговоримъ съ тобой, и я скажу, какъ намѣрена жить здѣсь. Прощай, вѣрный, неизмѣнный другъ мой.

Когда старикъ ушелъ, Ульрика въ изнеможеніи бросилась на диванъ лицомъ въ подушки. Она долго молчала. Франциска, сидѣвшая подлѣ нея, не смѣла нарушить этой нѣмой тоски.

Давно уже пробило десять часовъ. Наконецъ графиня встала, и протягивая черезъ столъ руку къ подругѣ, сказала съ грустною улыбкою:

— Человѣкъ, въ несчастіи точно ребенокъ; онъ такъ-же слабъ и не умѣетъ владѣть собою. Я давно, очень давно знаю Зильбурга, и онъ всегда, съ-тѣхъ-поръ какъ я запомню его,

имѣлъ на меня непреодолимое, страшное вліяніе, и каждый шагъ его ко мнѣ приносилъ мнѣ бѣдствіе. Даже въ то время, когда будучи еще неопытною дѣвочкой, я жила въ Копенгагенѣ — я такъ боялась его... не смотря на то, что съ удовольствіемъ слушала, когда онъ напѣвалъ мнѣ любезности, я не хотѣла однако-жъ признаться самой себѣ, что боялась его, и не понимая сердца своего, принимала боязнь эту за любовь; а между-тѣмъ въ присутствіи его я не смѣла повернуться, не смѣла и не могла дышать свободно. Какое странное созданіе человѣкъ, онъ ошибается въ самомъ задушевномъ чувствѣ и не понимаетъ голоса сердца! Я вообразила, что люблю этого злодѣя: необузданная страсть его смущала меня: пламень глазъ, огонь рѣчей его туманили мнѣ голову и сердце; при одномъ имени его я дрожала и блѣднѣла. Наконецъ я начала уже колебаться... но вдругъ, въ ту самую минуту, когда готова уже была сдѣлаться его жертвою, я невзначай узнала, что это не человѣкъ, а самое холодное, сухое, безчеловѣчное созданіе, человѣкъ безъ правилъ, безъ религіи, безъ милосердія, человѣкъ, для котораго не было ничего святаго, ничего довольно чистаго, чего-бы онъ не принесъ въ жертву своей грѣшной страсти. Онъ не колебался даже въ преступленіи и всегда былъ готовъ на него, если дѣло шло объ удовлетвореніи его желаній. Боже! Какимъ страшнымъ свѣтомъ озарилась душа моя. Тутъ я многое поняла, о чемъ прежде не имѣла понятія... Я съ ума сходила, и хотѣла умереть со стыда и горя, когда узнала, что человѣкъ, которому я почти уже принадлежала и который могъ уже называть меня своею, ничто иное, какъ безбожникъ и злодѣй. Тогда прежній страхъ, который онъ внушалъ мнѣ, перешелъ въ глубокое презрѣніе, и я, измѣривъ пропасть, къ которой бѣжала безъ оглядки, почувствовала въ себѣ силу сопротивляться этому человеку и разорвать наконецъ съ нимъ все сношенія.

— А между-тѣмъ онъ былъ и оставался даже послѣ замужства вашего другомъ графа! сказала Франциска вздыхая и качая головою.

— Если-бъ ты знала графа такъ, какъ я, то не стала-бы этому удивляться, отвѣчала Ульрика. Артуръ, не смотря на всю доброту свою, былъ страшно упрямъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ жизни я не имѣла на него никакого вліянія. Зильбургъ былъ другомъ его молодости, и Артуръ скорѣе усомнился-бы въ самомъ себѣ, чѣмъ

въ этомъ человѣкѣ, такъ сильно было могущество надъ нимъ этого предателя: хитростью, умомъ и притворствомъ онъ опуталъ его, какъ паутиной, изъ которой бѣдный Артуръ не могъ и не хотѣлъ выпутаться; баронъ управлялъ всеми чувствами его, подстерегалъ самые тайные помыслы его, и какъ воръ подкрадывался, чтобъ похитить сокровище Артура, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мое сокровище—любовь и довѣріе незабвеннаго мужа моего. Иногда я пыталась открыть ему глаза и доказывала, что Зильбергъ не достоинъ дружбы его, но вскорѣ потомъ принуждена была раскаиваться въ своемъ предиріятіи! Артуръ любилъ меня не меньше прежняго; но о Зильбургѣ былъ въ тѣ минуты лучшаго мнѣнія, чѣмъ наканунѣ, и какъ будто боясь потерять его черезъ меня, снѣшилъ привязаться къ нему еще сильнѣе прежняго. Въ продолженіи всего этого времени Зильбургъ почти ежедневно посѣщалъ домъ нашъ, и показывалъ при мнѣ такое спокойствіе и самоувѣренность, что я выходила изъ терпѣнія отъ досады и негодованія. Наконецъ мѣра переполнилась: мужъ мой былъ смертельно боленъ, ему оставалось нѣсколько часовъ жизни, и Зильбургъ, увѣренный уже, что совершенно овладѣлъ Артуромъ, заранее радовался успѣху своихъ адскихъ замысловъ, которые состояли въ томъ, чтобъ мужъ мой законнымъ образомъ назначилъ его покровителемъ и опекуномъ дѣтей. Тогда Зильбургъ попробовалъ привести въ исполненіе мщеніе, давно имъ задуманное противъ меня. Тебѣ известна исторія писемъ, которыя я писала Зильбургу, будучи еще дѣвушкой, и которыя онъ сохранилъ, чтобъ держать меня въ своей власти. Онъ показалъ ихъ графу, какъ доказательство моего проступка, но слава Богу, стрѣла была не совсѣмъ ловко пущена, она не попала въ цель, а попала въ неловкаго стрѣлка и вошла на столько, на сколько можно войти въ мѣдный лобъ.

— Я увѣрена, продолжала графиня помолчавъ немного, что мысли и желанія Зильбурга только и стремились къ тому, чтобъ умирающій мужъ мой назначилъ его опекуномъ, что отдало бы меня и все состояніе мое во власть барона. О Франциска!.. что такое клевета и пустые свѣтскіе толки въ сравненіи съ этою страшною мыслию: быть *во власти Зильбурга!*.. Представь себѣ этотъ ужасъ! что было-бы со мною, еслибъ онъ успѣлъ вооружить графа противъ меня, и у меня не было-бы средствъ къ оправданію! Но Богъ судилъ иначе... въ моихъ рукахъ тоже находились письма Зильбурга, на которыхъ были чис-

ла и годъ, такъ, что Артуръ могъ видѣть, что онъ были писаны до моего замужства; но Зильбургъ не зналъ этого, онъ думалъ что я ихъ уничтожила. Письма мои были отвѣтами на его письма, что легко было доказать.

— Никогда не забуду того ужаса, когда мы услышали пистолетный выстрѣлъ въ кабинетъ графа, сказала Франциска... баронъ, блѣдный какъ смерть, выбѣжалъ изъ комнаты умирающаго, и съ-тѣхъ-поръ мы его не видали.

— Не будемъ объ этомъ говорить, сказала Ульриха. Еслибъ Артуръ убилъ его... какое странное было-бы стеченіе обстоятельствъ. Слава Богу, что не Артуръ казнилъ его.. но онъ все-таки осужденъ и получить награду по дѣламъ своимъ.

II.

ЗАПИСКИ БАРНУМА.

(Часть третія).

VIII.

СТРАНСТВУЮЩІЙ ЦИРКЪ.

Первое представленіе.—Старый Тюрнеръ.—Глухая шутка.—Три обѣда въ полтора часа.—Арифметическія задачи.—Сынъ ровесникъ отца.—Моя проповѣдь.—Бѣлый и черный.—Мистификація съ шерифомъ.—Опасное путешествіе.—Вивалла и Пндбець.—Чудесная курица.—Таинственные сапоги.—Живыя муміи.—Новыя проществія.—Требованіе товарища.—Необыкновенныя предложенія.—Я дѣлаюсь директоромъ спектакля.—Новое путешествіе.—Фальшивый Діамондъ.—Тюрьма.

Италіянецъ Вивалла продолжалъ, подъ моимъ управленіемъ, являться въ циркъ, въ театрахъ и даже въ музей Нью-Йорка. Я взялъ его въ Данбюри, Бриджпортъ, Нью-Гавенъ, Норвалькъ, и въ другіе города Конектикута. Мы были также въ Ньюаркъ, Елисаветтоунъ, Равай и Нью-Бронсвикъ. Однако успѣхи наши не были блистательны и доходы едва покрывали расходы.

Въ апрѣль 1836 года я условился съ Аарономъ Тюрнеромъ, хозяиномъ цирка, и отцемъ двухъ извѣстныхъ наездниковъ, чтобъ Вивалла игралъ у него во весь лѣтній сезонъ. За это я долженъ былъ получать по пятидесяти долларовъ въ мѣсяць, два бенефиса, и кромѣ того тридцать долларовъ за свои собственныя услуги, и если мы будемъ имѣть большой успѣхъ, то мнѣ

объщали пять процентовъ съ чистаго сбора. Такъ какъ въ это время я обязался платить Вивалль по восьмидесяти долларовъ въ мѣсяць, то мнѣ оставалось надѣяться на одни проценты. Самъ же я былъ секретаремъ директора труппы, кассиромъ, и обязанъ былъ обирать билеты у входа.

Тюрнеръ былъ уже давно директоромъ театровъ. Для меня же эта кочующая жизнь была совершенно нова, и потому я отправился одинъ, оставя жену съ дочерью въ Бетель.

Во вторникъ, 26 апрѣля, вся труппа цирка съ тельгами, экипажами, палатками, лошадьми, музыкантами—всего тридцать пять чловѣкъ и дѣтей отправилась изъ Данбюри въ Вестъ-Спрингфильдъ, гдѣ насъ ждали въ четвергъ. Въ первый день нашего путешествія мы неостанавливались обѣдать, но Тюрнеръ, купивъ на одной фермѣ хлѣба и масла, нарѣзалъ самъ тартинки и раздѣлилъ ихъ всей труппѣ. Потомъ напоили мы лошадей и отправились дальше.

Признаюсь, что все мы были не очень довольны такимъ угощеніемъ, но италяинець сердился больше всѣхъ, привыкнувъ у меня къ обильной пиццѣ, и я насилу могъ уговорить его, утѣшая, что когда пріѣдемъ на мѣсто и дадимъ блистательное представленіе, то успѣемъ пообѣдать и поужинать вдоволь.

Двадцать восьмаго числа прибыли мы въ Спрингфильдъ и объявили объ открытіи спектакля. Къ несчастію музыканты, поѣхавшіе по другой дорогѣ, не пріѣхали, и потому Тюрнеръ поручилъ мнѣ объяснить публикѣ, что не смотря на этотъ недостатокъ, представленіе неотлагается, и артисты постараются заставить забыть объ этомъ, занимая зрителей лучшими своими штуками.

Оба сына Тюрнера были превосходные наездники; Джой Пентландъ и теперь считается отличнымъ клоуномъ. Вивалла былъ удивителенъ въ своемъ родѣ, словомъ представленіе было блистательное, не смотря на недостатокъ музыки, и публика осталась совершенно довольною.

Черезъ два дня оркестръ нашъ пріѣхалъ. Представленія продолжались два раза въ недѣлю, и такъ какъ погода дѣлалась лучше, то и сборы наши возрастали.

Мы объѣхали такимъ образомъ нѣсколько городовъ и селеній Новой-Англіи, Нью-Джерсея, Пенсильваніи, Делавара, Мерленда, Колумбіи, Виргиніи и Сѣверной Каролины. Въ моемъ путевомъ журналѣ отмѣчено множество происшествій, но привести ихъ все

нвтъ никакой возможности, и потому я ограничусь только двумя или тремя.

Мы были въ Масачузетскомъ штатѣ, въ отелѣ Каботвиля, гдѣ остановились провести ночь. Одинъ изъ нашихъ товарищей, докуривъ сигару не погасилъ ее, и бросилъ въ плевальницу, наполненную мелкими опилками. Мы заснули очень спокойно, но Тюрнеръ проснулся во второмъ часу ночи и увидѣлъ, что комната наполнена дымомъ. Онъ вскочилъ съ постели, бросился къ окошку, чтобъ отворить его, но упалъ, задыхаясь отъ дыма, и ползкомъ добрался до окна и растворилъ его. Чистый воздухъ позволилъ ему вздохнуть свободно. Тюрнеръ поспѣшилъ разбудить насъ, и залить плевальницу. Можно вообразить себѣ какъ мы испугались, когда увидѣли, что еслибъ Тюрнеръ не проснулся, мы всѣ задохлись-бы въ эту ночь.

Не смотря на все мои занятія, я все-таки посѣщалъ церкви всякое воскресенье, гдѣ-бы мы ни находились, и однажды въ селеніи Леноксъ въ Масачузетъ слышалъ, какъ проповѣдникъ порицалъ театры, цирки, артистовъ, зрителей, смотрящихъ на пагубныя забавы, и главное директоровъ и Барнума, увлекающихъ публику безнравственными представленіями. Словомъ почтенный проповѣдникъ старался доказать, что все мы люди погибшіе и безъ всякихъ правилъ. Признаюсь, это меня чрезвычайно удивило. Я написалъ оправданіе, которое прочиталъ публично, и былъ выслушанъ со вниманіемъ. Кажется я успѣлъ разувѣрить, что артисты и директора ни чуть не хуже другихъ, что они читаютъ библію, бываютъ въ церкви, и исполняютъ все обязанности гражданъ и семьяниновъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, предразсудокъ, преследующій комедіантовъ, до-сихъ-поръ не истребился совершенно.

Ааронъ Тюрнеръ, хозяинъ цирка, былъ оригинальный человекъ, который не былъ-бы лишнимъ ни въ какомъ обществѣ. Онъ былъ опытенъ и уменъ, нажилъ большое состояніе, но не скрывалъ, что началъ съ однимъ шиллингомъ. Я часто слышалъ, какъ онъ говорилъ:

— Каждый человекъ съ разсудкомъ и здоровьемъ можетъ нажитья, если захочетъ. Я самъ живой примѣръ. Кто я? откуда? Я самъ этого не знаю. Никогда не зналъ я ни отца, ни матери, но ввроятно принадлежу къ самому бѣдному классу. Я не получилъ никакого воспитанія. Мальчикомъ учился у башмачника. Если я знаю читать, то выучился самъ, когда мнѣ минуло восемнадцать лѣтъ. Писать-же принужденъ былъ выучиться когда на-

добно было подписывать свое имя подъ счетами, съ которыми посылалъ меня хозяинъ къ должникамъ. Вотъ все мое образованіе. Но работою, терпѣніемъ и экономіею я нажилъ себѣ состояніе и увѣренъ, что всякій можетъ сдѣлать тоже. Стало быть, мнѣ смѣшно слышать: невозможно! Это слово не должно принадлежать къ человѣческому языку.

Тюрнеръ былъ веселаго характера и непрочь отъ шутокъ. Я не забуду какую шутку онъ сыгралъ со мною въ Анаполисѣ. Мы пріѣхали туда въ субботу вечеромъ, и такъ какъ передъ тѣмъ доходы наши были довольно блистательны, то я успѣшилъ купить себѣ новый черный костюмъ, который надѣлъ въ воскресенье по-утру, и пошелъ осматривать городъ. Когда я проходилъ по общей залѣ гостиницы, то въ ней было уже до двадцати посѣтителей, съ которыми Тюрнеръ успѣлъ познакомиться. Осмотрѣвъ меня при выходѣ, какъ незнакомаго, онъ сказалъ окружающимъ:

— Удивляюсь, какъ вы позволяете этому черному человѣку останавливаться въ вашемъ городѣ и быть вмѣстѣ съ порядочными людьми! Въ Родъ-Эйландъ онъ не смѣлъ-бы днемъ показаться на улицѣ.

— Кто-же это? спросили присутствующіе въ одинъ голосъ.

— Это Авери, отвѣчалъ Тюрнеръ.

Въ это время вся наша страна была взволнована страшнымъ извѣстіемъ. На одной фермѣ Родъ-Эйланда нѣкто Эфраимъ-Авери убилъ молодую дѣвушку, миссъ Корниль, и страшныя подробности убійства наполняли все журналы: Надобно себѣ вообразить какое впечатлѣніе произвело это имя на присутствующихъ.

— Возможно-ли! вскричали нѣкоторые, это ужасный убійца! Какъ онъ смѣлъ показаться у насъ! Какъ онъ освободился изъ тюрьмы?

Тюрнеръ спокойно наблюдалъ, какъ горячились его товарищи, и спокойно сѣлъ въ уголь залы, когда тѣ бросились вслѣдъ за мною.

Я дошелъ въ это время до угла улицы, гордясь моимъ новымъ платьемъ, какъ вдругъ услышалъ позади себя шумъ. Странная толпа обогнала меня и смотрѣла на меня блестящими отъ гнѣва глазами, тогда какъ я воображалъ очень наивно, что все любятъ на мою праздничную наружность. Но заблужденіе мое продолжалось недолго. Скоро меня окружили со всехъ сторонъ, и послышались крики:

— Вотъ онъ! черный воронъ! Вотъ убійца! Надобно проучить его!

Я остановился въ изумленіи, не зная что подумать, и вопросительно осматривалъ толпу почти въ пятьдесятъ человекъ, которая грозила мнѣ, неизвестно за что. Я хотѣлъ-было проскользнуть въ какую-нибудь сторону, но это было невозможно, и видя мое намѣреніе, одинъ изъ осаждающихъ меня схватилъ меня за руку, другой за воротникъ, третій за фалду, четвертый поднялъ на меня толстую палку.

— А, попался! сказалъ послѣдній. Ты хочешь прогуляться по городу, мы проводимъ тебя, и чтобъ такая извѣстная особа не устала ходить пѣшкомъ, то вотъ тебѣ палка, садись на нее верхомъ и повзжай, злодѣй.

Какъ выразить мой ужасъ.

— Господа! закричалъ я, чего вы отъ меня хотите? Что я вамъ сдѣлалъ, я васъ не знаю.

— А мы тебя знаемъ, отвѣчали голоса. Вспомни ферму. Садись, разбойникъ, на палку. Ты не обманешь насъ! Не притворись невиннымъ!

Крики усиливались, меня тѣснили все больше, я находился въ отчаянномъ положеніи.

— Господа, повторялъ я жалобно, не убивайте меня! Скажите, что я сдѣлалъ?

— Не разсуждай, убійца! Тебѣ не придется больше рвать дѣвушекъ. Поворачивайся, Авери! кричала толпа.

— Но меня зовутъ не Авери, увѣряю васъ.

— Не лги, Эфраимъ, мы тебя знаемъ! говорилъ человекъ съ палкою.

— Совсѣмъ я не Эфраимъ, закричалъ я съ усиліемъ. Вы ошибаетесь. Я самъ слышалъ про этого убійцу, но развѣ можно, чтобъ онъ былъ теперь на свободѣ? Меня зовутъ Барнумъ. Я пріѣхалъ вчера вечеромъ съ трупною цирка и съ Тюрнеромъ. Вѣрно этотъ старій шутникъ выдумалъ позабавиться надомною, назвавъ меня именемъ убійцы. Вы можете легко справиться, что я говорю правду.

— Стало быть, Тюрнеръ одурачилъ насъ, ворчали въ толпѣ, мы не позволимъ этого, мы его проучимъ.

— Клянусь вамъ, что я говорю правду. Вернемтесь въ гостиницу, и вы узнаете все.

Это предложеніе было принято, и меня съ триумфомъ повели

по улицѣ, придерживая, чтобъ я не ушелъ. Толпа возрастала ежеминутно, любопытствуя узнать, что случилось. Я похожъ былъ на преступника, котораго ведутъ на казнь.

Старый Тюрнеръ стоялъ на подъездѣ и хохоталъ отъ души, видя что шутка его удалась. Но такъ какъ мнѣ было не до смѣху, я началъ бранить его за неприличный поступокъ и требовалъ, чтобъ онъ сказалъ моимъ провожатымъ, кто я.

— Это другъ мой, Барнумъ, сказалъ онъ наконецъ, не переставая хохотать. Онъ вырядился сегодня весь въ черное, какъ злодѣи на театрѣ; мнѣ пришло въ голову имя Авери, я и вздумалъ подшутить надъ нимъ.

Окружавшіе меня не могли не засмѣяться, вспомня мой ужасъ и извинились, что измяли мое новое платье и испугали меня. Тюрнеру, вѣроятно, досталось-бы за его глупую выдумку, но онъ началъ смѣшить присутствующихъ и обезоружилъ ихъ совершенно. Только я былъ чрезвычайно недоволенъ фарсомъ. Мнѣ совѣтовали отплатить старику тѣмъ-же, но мнѣ было не до шутокъ, и когда всѣ разошлись, я не переставалъ сердиться на него.

— Любезный Барнумъ, отвѣчалъ Тюрнеръ, вы должны еще благодарить меня за эту шутку, потому что она можетъ принести вамъ пользу. Вы добиваетесь одного, чтобъ сдѣлаться известнымъ публикѣ. Сегоднешній случай лучше всякаго объявленія облетитъ весь городъ, и публика бросится въ нашъ циркъ, чтобъ только увидѣть фальшиваго Авери.

Предсказаніе стараго хитреца сбылось. Черезъ нѣсколько часовъ весь городъ зналъ о происшествіи со мною, и вечеромъ театръ былъ набитъ до-нельзя. Это любопытство продолжалось во все время нашего пребыванія.

Не смотря однако на утѣшительный результатъ, я не простилъ Тюрнеру его шутки и далъ себѣ слово позабавиться надъ нимъ, при первомъ случаѣ.

Мы были въ Виргиніи, гдѣ застала насъ такая ужасная погода, что принужденные отложить представленіе, мы собрались вхатъ въ Ричмондъ тотчасъ послѣ обѣда а не на другой день, какъ предполагали. Трактирщикъ, услыша объ этомъ распоряженіи, объявилъ, что такъ какъ съ нимъ условились на счетъ стола и квартиры до другаго дня, то онъ уже все приготовилъ и возьметъ съ насъ тоже самое, еслибъ мы остались ужинать, почевать и завтракать на другой день. Напрасно Тюрнеръ и всѣ мы

старались доказать ему безразсудство его требованій, хозяинъ стоялъ на своемъ:

— Вы заказали мнѣ обѣдъ, ужинъ и завтракъ, говорилъ онъ, я накупилъ провизіи, и приготовилъ ваши комнаты. Вы говорите, что вамъ нуженъ только обѣдъ. Это мнѣ совершенно все равно; но вы заплатите за все, что заказывали, чтобъ мои хлопоты не проиали даромъ.

— Да вѣдь не приготовлена же у васъ вся провизія, вскричалъ Тюрнеръ съ досадою.

— Нѣтъ, все готово, стоить только поставить кушанье на плиту.

— Въ такомъ случаѣ мы вотъ что сдѣлаемъ. Теперь одиннадцатый часъ. Мы будемъ обѣдать въ двѣнадцать часовъ, а ужинать въ половинъ перваго. Потомъ займемъ на полчаса комнаты, приготовленныя вами, и въ половинъ втораго позавтракаемъ и уйдемъ.

Трактирщикъ, пораженный этою программою, вскричалъ съ удивленіемъ:

— Какъ, вы хотите разомъ съѣсть обѣдъ, ужинъ и завтракъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Накрывайте теперь столъ, и мы пообедаемъ, потомъ вы уберете все, опять накроете столъ и подадите ужинъ, который, какъ вы говорите, у васъ готовъ. Послѣ этого мы отдохнемъ на вашихъ постеляхъ, чтобъ не платить за нихъ напрасно, а въ это время вы приготовите нашъ завтракъ и кофе къ половинѣ втораго. И не думайте подать намъ что-нибудь дурное, въ надеждѣ, что мы будемъ сыты и не попробуемъ нѣкоторыхъ блюдъ. Мы заказывали хорошій столъ, стало-быть, вы обязаны подавать намъ все лучшее, иначе мы можемъ не заплатить вамъ.

Трактирщикъ, признавъ справедливость требованія, пошелъ стряпать намъ обѣдъ, и ровно въ полдень мы пообедали очень сытно, и вслѣдъ затѣмъ уничтожили порядочный ужинъ. Въ часъ мы разошлись по нашимъ комнатамъ, въ минуту раздѣлились, и вся труппа, состоящая изъ тридцати шести человекъ, бросилась на постели.

— Не забудьте приготовить намъ завтракъ, кричалъ Тюрнеръ вслѣдъ трактирщику, который удивлялся можетъ-быть нашему апшетиту, но исполнялъ въ точности условіе. Тюрнеръ не терялъ ни на минуту своего хладнокровія, но я не могъ удержаться отъ смѣха, видя эту комедію, и вся труппа хохотала

отъ души, вмѣсто того, чтобъ спать.

Въ половинѣ втораго мы всѣ одѣлись, сошли внизъ и бросились, какъ голодные, на завтракъ, чтобъ поддержать нашего директора. И до-сихъ-поръ не могу понять, какъ мы могли, въ полтора часа уничтожить почти три обѣда! Я видѣлъ какъ отецъ мой въ недѣлю откармливалъ индюшекъ, давая имъ ѣсть съ утра до вечера, но никогда еще не слышалъ, чтобъ трупну наездниковъ можно было откормить такимъ-же образомъ.

Послѣ этого подвига мы отправились въ Ричмондъ на нѣсколько дней. Тюрнеръ не переставалъ рассказывать про свой послѣдній фарсъ, и при случаѣ приводилъ и анекдотъ объ убійцѣ Авери. Я молчалъ до времени, но рѣшился отплатить старику.

Однажды послѣ представленія сидѣли мы въ большой залъ гостиницы, наполненной посьвителями, занимавшимися бутылками и гаванскими сигарами. Общество было ^{всѣмъ} вольно шумное. Вдругъ кто-то предложилъ нѣсколько арифметическихъ задачъ. Начали рѣшать ихъ, отгадывать, смѣяться. Тюрнеръ въ свою очередь предложилъ задачу, которую воображалъ очень глубоко-мысленною, потому-что математика была ему не слишкомъ знакома:

— Одинъ прохожій, сказалъ онъ, пришелъ къ сапожнику и выбралъ себѣ сапоги. Они стоили пять долларовъ. Незнакомецъ подалъ сапожнику билетъ въ пятьдесятъ долларовъ, и такъ какъ у того не было сдачи, онъ пошелъ къ сосѣду, размѣнялъ деньги, и отдалъ покупщику сапоги и сорокъ пять долларовъ. Чрезъ нѣсколько часовъ по уходѣ незнакомца, скрывшагося неизвестно куда, къ сапожнику прибѣжалъ сосѣдъ съ билетомъ и объявилъ, что онъ фальшивый. Бѣдный сапожникъ долженъ былъ занять у другаго сосѣда еще пятьдесятъ долларовъ, чтобъ отдать ихъ первому. Спрашивается, много-ли потерялъ сапожникъ?

— Девяносто пять долларовъ и сапоги, закричалъ одинъ.

— Нѣтъ, пятьдесятъ долларовъ и сапоги, настаивалъ другой.

— Сорокъ пять долларовъ и сапоги, отгадалъ наконецъ третій, къ общему удовольствію публики и Тюрнера, который улыбался съ самодовольствіемъ.

Въ это время я вздумалъ подшутить надъ старикомъ, и подмигнувъ собранію, предложилъ важно слѣдующую задачу:

— У одного тридцатилѣтняго мужчины есть сынъ, которому отъ роду годъ, стало-быть отецъ въ тридцать разъ старше его. Когда

сынъ дожилъ до тридцати лѣтъ, то отцу шестьдесятъ, то есть онъ только вдвое старше сына. Если-же сыну будетъ шестьдесятъ, то отцу девяносто, то есть онъ только третью старше сына. Когда-же дитя доживетъ до девяноста лѣтъ, то папенькъ будетъ сто двадцать лѣтъ, или онъ одною четвертью старше. Продолжая такимъ-образомъ, разница будетъ все уменьшаться, и наконецъ должна наступить минута, когда отецъ сдѣлается ровесникомъ сына. Вопросъ состоитъ въ томъ: сколько лѣтъ должны прожить отецъ и сынъ, чтобъ сравняться годами?

Всѣ, кромѣ Тюрнера, поняли шутку и замѣтя, что я хочу имѣть дѣло съ старикомъ, не мѣшались въ разрѣшеніе задачи.

— Надобно очень много времени, чтобъ рѣшить эту задачу, сказалъ онъ, скажите лучше сами въ чемъ дѣло.

Я заставилъ себя долго упрашивать, но наконецъ сказалъ:

— Сынъ и отецъ будутъ ровесниками, если доживутъ до девяносто девяти лѣтъ. Я долго ломалъ себѣ голову, прежде чѣмъ добился до этого рѣшенія.

Тюрнеръ слушалъ меня въ удивленіемъ.

— Какая умная задача, сказалъ онъ. Я-бы ни какъ не повѣрилъ, что это возможно, чтобъ сынъ когда-нибудь сравнялся лѣтами съ отцомъ. Впрочемъ ясно, что если разница уменьшается постепенно, то когда-нибудь и совсѣмъ исчезнетъ. Это тоже, что пустить двухъ лошадей, изъ которыхъ одну двумя часами раньше, но за то другая бѣжитъ скорѣе, и въ известное время догоняетъ первую.

Всѣ мы были такъ серьезны, что Тюрнеръ, не подозрѣвавшій шутки, былъ увѣренъ въ возможности проблемы, какъ вдругъ одинъ изъ присутствующихъ сказалъ:

— Я, господа, не очень силенъ въ математикѣ, но все-таки не повѣрю, чтобъ сынъ былъ ровесникомъ отца. Держу пари въ двѣнадцать бутылокъ шампанскаго, что вы не докажете мнѣ этого цифрами.

Тюрнеръ тотчасъ принялъ пари, увѣренный, что мнѣ ничего не стоитъ доказать это, и когда дѣло было рѣшено и вино подано, всѣ захохотали въ голосъ, кромѣ удивленнаго старика, не понимавшаго причины нашего веселья. Наконецъ, и то съ большимъ трудомъ, мы растолковали ему, что сколько-бы ни жили отецъ съ сыномъ, но все-таки между ими будетъ тридцать лѣтъ разницы. Дѣлать нечего, Тюрнеръ заплатилъ двадцать пять

доллеровъ за шампанское, и я шепнулъ ему, что отплатилъ за Авери.

Одинъ изъ нашихъ музыкантовъ, Буттерфильдъ, умеръ въ Ричмондѣ. Я взялся написать бѣдной его женѣ объ этой потерѣ и, вся труппа собралась по подпискѣ сто шестьдесятъ доллеровъ, чтобъ поставить товарищу скромный памятникъ. Тюрнеръ взялся хлопотать о памятникѣ, но кажется, что разсыянность или дѣла не позволили ему заняться этимъ, и бѣдный Буттерфильдъ до-сихъ-поръ ждетъ монумента.

Послѣ того мы повѣхали въ Питербургъ и Варрентонъ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ окончился мой ангажементъ съ Тюрнеромъ. Я получилъ тысячу двѣсти доллеровъ и взялъ моего Виваллу, чтобъ устроить свой собственный спектакль. Я нашелъ пѣвца негра, танцора по имени Джемса Зандфордъ, отыскалъ музыкантовъ, купилъ лошадей, тельгъ, палатку, и отправился на югъ до Монгомери и Ала.

Моя маленькая труппа повѣхала впередъ, а я остался проститься съ старымъ Тюрнеромъ, который разставался со мною неохотно, желалъ мнѣ всевозможныхъ успѣховъ, и самъ довезъ меня до труппы. Мнѣ самому было грустно разставаться съ добрымъ старикомъ, котораго я любилъ и уважалъ, но дѣлать было нечего, онъ вернулся къ своему цирку, а я направилъ путь къ небольшому селенію, извѣстному подъ именемъ: *Водопада скалистой горы*.

12-го ноября 1836 года, остановились мы въ трактиръ, а я пошелъ осматривать селеніе. Передъ церковью анабаптистовъ была хорошенькая площадь, удобная для народныхъ собраний, и такъ какъ народъ выходилъ послѣ службы, то я вздумалъ попробовать свое краснорѣчіе, и войдя на небольшое возвышеніе, просилъ публику послушать меня. Любопытные остановились, окружили меня, и я началъ говорить нравственную проповѣдь объ обязанностяхъ чловѣка, о счастіи, заключающемся не въ богатствѣ и удовольствіяхъ, а въ чистой совѣсти, о наградахъ, ожидающей насъ послѣ смерти, словомъ я самъ увлекся и почти часъ говорилъ, не отдыхая. Присутствующіе были тронуты, благодарили меня, спрашивали мое имя, которое я, разумѣется, не скрывалъ, и я вернулся очень довольный къ своей труппѣ.

Въ Ролейгъ я взялъ себѣ товарища въ долю, и назову его просто Генрихомъ, потому-что, можетъ-быть, онъ теперь сдѣлался честнымъ чловѣкомъ. Но тогда нельзя было упрекнуть

его въ честности, по-крайней-мѣрѣ мнѣ. У него было много костюмовъ, которые онъ передалъ мнѣ.

Въ Камденъ мой негръ-пѣвецъ, исчезъ, неизвѣстно куда, передъ самымъ представленіемъ, и такъ какъ онъ стоялъ на афишѣ, то публика могла разсердиться, если онъ не явится, и я рѣшился самъ занять его мѣсто. Я вымазалъ ваксою лице и руки, и пѣлъ означенныя аріи на сценѣ. Моя выдумка имѣла успѣхъ. Мнѣ аплодировали и потребовали повторенія, не подозревая, что это фальшивый негръ.

Одинъ изъ моихъ музыкантовъ, Кокранъ, былъ взятъ подъ арестъ, потому-что посоветовалъ одному негру отправиться въ Канаду. Напрасно я старался о его освобожденіи: его продержали шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

Я продолжалъ исполнять роль пѣвца-негра, какъ вдругъ однажды, когда я не успѣлъ еще вымазаться, послышался шумъ у палатки. Это спорилъ одинъ изъ моихъ артистовъ съ какимъ-то незнакомцемъ, и когда дѣло дошло до драки, я почелъ нужнымъ вступиться.

— Какъ ты смѣешь мѣшаться не въ свое дѣло, черный, закричалъ мнѣ забіяка, вынимая пистолетъ, вотъ я проучу тебя какъ обращаться съ бѣлымъ.

И онъ готовъ былъ спустить курокъ, но я быстрымъ движеніемъ отвернулъ рубашку до плеча, и сказалъ:

— Я такой-же бѣлый какъ и вы.

Пистолетъ выпалъ изъ рукъ бѣлаго, но жизнь моя висѣла на волоскѣ, потому-что съ неграми не церемонятся на югѣ и не цѣнятъ ихъ дорого. Убійца мой извинился предо мною, не понимая маскарада, и ушелъ, а я войдя въ палатку, посвѣшилъ вымыться, удивляясь, что не потерялъ присутствія духа въ такую минуту, которая рѣшала мою жизнь. Вообще я долженъ сознаться, что въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ я не терялся, и мое хладнокровіе спасало меня не разъ отъ опасности.

Когда я оглянусь теперь на мою прошедшую жизнь и вспомню, сколько разъ жизнь моя висѣла на волоскѣ, то не могу не благодарить Провидѣніе, которое спасало меня неожиданно. Въ самомъ дѣлѣ, если подумать, какими людьми былъ я окруженъ, въ какія дѣла вмѣшивался, какіе выслушивалъ совѣты, то просто удивительно, что я могъ сохранить правила чести, не раззорился, не сдѣлался пьяницею, мошенникомъ, негодяемъ. За-

нимаясь винною торговлею съ малолѣтства, я удержался отъ страсти къ вину. Не говорю чтобъ я совсѣмъ не пилъ его, но употреблялъ его всегда умеренно, а въ-последнее время такъ отвыкъ отъ него, что могу быть принятъ въ общество воздержанія.

Во время моихъ путешествій, я всегда писалъ моему семейству разъ въ недѣлю. Жена писала мнѣ тоже очень часто. Когда я былъ въ Колумбій, то получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она говорила, что въ Конектикутъ прошелъ слухъ, что я задержанъ за убійство въ Канадѣ, что меня судятъ и должны приговорить къ смерти. Слухъ этотъ имѣлъ основаніемъ то, что одна странствующая конная труппа не понравилась жителямъ, которые шумѣли во время представленія и подрались съ артистами. Это была даже не труппа Тюрнера, къ которой я принадлежалъ одно время, но составители новостей умѣютъ придумать небылицы, чтобъ произвести безпокойства въ семействахъ. Я поспѣшилъ разуверить жену, что я не преступникъ.

Въ это время старшій Тюрнеръ распустилъ свою труппу и я купилъ у него лошадей, тельги и ангажировалъ Джоя Пентланда и Роберта Вейта. Эти два артиста могли принести мнѣ большую пользу. Пентландъ былъ не только удивительный клоунъ, но соединялъ искусство вантрилока, канатнаго плясуна, порядочнаго пѣвца и фокуеника. Вейтъ былъ негръ съ удивительнымъ голосомъ. Стало-быть, мнѣ не было уже никакой надобности пачкаться, чтобъ самому играть роль негра, и я продолжалъ артистическое путешествіе съ *большимъ ученымъ и музыкальнымъ театромъ Барнума.*

Генрихъ, взятый мною въ компаньоны, исполнялъ должность кассира, я же обиралъ билеты у входа. Однажды, въ городѣ Огустъ, я по обыкновенію расположился у дверей, какъ вдругъ какой-то человекъ захотѣлъ войти безъ билета. Я остановилъ его, но онъ отвѣчалъ, что имѣетъ право смотрѣть даромъ наше представленіе, потому-что онъ шерифъ, и что Генрихъ знаетъ его очень хорошо.

Эти слова показались мнѣ подозрительными, потому-что у насъ шерифы не ходятъ даромъ въ театры, и я, пропустивъ этого, побѣжалъ къ Генриху за объясненіями. Тотъ смѣшался чрезвычайно и наконецъ признался, что долженъ пятьсотъ долларовъ кому-то, что срокъ векселя прошелъ, и что шерифъ

предупредилъ его, что вечеромъ придетъ требовать денегъ. Такъ какъ у него денегъ не было, а наше условіе было составлено въ такомъ родѣ, что Генрихъ могъ почесться такимъ-же хозяиномъ труппы, какъ и я, то могли задержать по этому долгу меня, и мой театръ. Этого я не хотѣлъ никакъ допустить, и побѣжалъ со всѣхъ ногъ къ нотаріусу, чтобъ составить свидѣтельство, что Генрихъ передаетъ мнѣ свои права въ нашемъ предпріятіи. Недоставало только подписи Генриха, чтобъ бумага была законною, и я побѣжалъ въ театръ, но меня у входа ждалъ шерифъ съ взволнованнымъ Генрихомъ. Шерифъ спросилъ у меня ключи отъ конюшни и сараевъ, чтобъ описать все наше имѣніе. Я отказалъ на отръзъ. Тогда мнѣ начали угрожать законами и требовали,—чтобъ я или заплатилъ, или двери будутъ выломаны. Я попрошилъ позволенія поговорить съ Генрихомъ, намекая, что можетъ-быть заплачу, и когда насъ оставили однихъ, я подалъ ему свидѣтельство, чтобъ онъ подписалъ, что онъ исполнилъ съ удовольствіемъ, смѣясь надъ своимъ кредиторомъ, и чтобъ у него не взяли наличныя его деньги, онъ отдалъ мнѣ свой кошелекъ съ восьмидесятью доллерами. Шерифъ опять началъ настаивать, чтобъ я отдалъ ключи.

— Недамъ, кричалъ я. Зачѣмъ вамъ мои ключи?

— Чтобъ описать всѣ ваши вещи для обезпеченія долга, сдѣланнаго компаньономъ вашимъ, Генрихомъ.

— Онъ совсѣмъ не компаньонъ мой. Я хозяинъ театра.

— Онъ показывалъ кредитору ваше условіе.

— Но съ-тѣхъ-поръ подписалъ другое. Посмотрите на эту бумагу и удостовѣрьтесь, что вы не имѣете права распоряжаться у меня.

Янки сдѣлалъ такую уморительную гримасу, что я расхохотался, и онъ разсердился не на шутку и пригласилъ Генриха слѣдовать за нимъ въ тюрьму.

Такъ какъ было поздно хлопотать о его освобожденіи, то я шепнулъ ему, чтобъ онъ былъ покоенъ, и что больше ночи не проведетъ въ тюрьмѣ.

На другое утро принялся я разбирать это дѣло. Что-же я узналъ? Мой любезный компаньонъ былъ долженъ больше тысячи доллеровъ, но сговорился съ своимъ кредиторомъ, чтобъ тотъ послалъ шерифа описать нашъ театръ и имущество и позволилъ ему тихонько увъхать изъ города. Планъ былъ придуманъ довольно искусно, такъ что я одинъ долженъ былъ пострадать,

или лишиться всего. Еслибы шерифъ не вздумалъ даромъ смотрѣть представленія, то планъ удался-бы совершенно.

Разумѣется, что этотъ поступокъ не могъ внушить мнѣ симпатіи къ Генриху, но я обещалъ освободить его изъ тюрьмы. Притомъ-же я зналъ черезъ Виваллу, что у Генриха сирятанъ гдѣ-то деньги; у меня былъ тоже его капиталъ въ шестьсотъ долларовъ; я заставилъ Виваллу сказать, гдѣ хранятся деньги Генриха, досталъ ихъ, взялъ изъ общей кассы сумму въ шестьсотъ долларовъ и принесъ все это кредитору, уговорилъ его довольствоваться тѣмъ, что есть и отпустить должника. Тотъ понималъ, что больше не можетъ получить, и согласился на мое предложеніе. Я-же былъ очень радъ, что избавился отъ недобросовѣстнаго компаньона, который раззорилъ-бы меня совершенно, если-бъ случай не спасъ меня.

Въ моемъ журналѣ отмѣчено тоже много другихъ любопытныхъ случаевъ, но мнѣ невозможно помѣстить ихъ всѣ. Вотъ однако же одинъ анекдотъ, случившійся со мною на сценѣ, въ то время, какъ Пентландъ показывалъ фокусы.

Столъ, на которомъ разставлены были инструменты магій, былъ съ отверстіями, какъ у всѣхъ фокусниковъ, и подъ нимъ сидѣлъ обыкновенно помощникъ, производящій всѣ волшебныя перемѣны. Роль эту исполнялъ, маленькій, худенькій человѣчекъ, помѣщающійся свободно подъ столомъ, но такъ какъ онъ отлучился однажды, то я занялъ его мѣсто. Мнѣ было очень ловко сидѣть скорчившись и подавать Пентланду разныя вещи. Притомъ-же въ рукахъ моихъ была живая векша, нужная для фокуса.

Пентландъ попросилъ у одного изъ присутствующихъ часы съ цѣпочкою; положилъ ихъ подъ вазу; я подъ столомъ взялъ эти часы, и долженъ былъ наvertѣть цѣпочку на шею векши, и сунуть ее въ отверстіе подъ вазу. Но или я неловко стиснулъ животное, или ему нехотѣлось ложиться подъ вазу, только векша зауриямилась и укусила мнѣ палець. Боль была такъ сильна, что я вскрикнулъ, сдѣлалъ сильное движеніе, опрокинулъ столъ со всеми аппаратами и явился передъ публикою, въ то время какъ векша, освободясь отъ моихъ рукъ, бѣгала по сценѣ съ часами. Пентландъ остановился въ изумленіи, не зная что ему дѣлать и продолжать ли; но публика подняла такой шумъ, что я приказалъ поскорѣе опустить завѣсу.

Когда мы вѣхали изъ Колумбій въ Георгію, въ Монгомери и

Алабаму, то дорога почти на девять миль шла по пустынямъ, называемымъ странаю Индѣйцевъ. Въ это время правительство переводило эти племена въ Арканзасъ, но не все соглашались на это переселеніе, и небольшія группы индѣйцевъ бродили по дорогамъ между Колумбією и Монгомери, разбойничали и убивали путешественниковъ, которые были не въ состояніи защищаться. Стало быть, путешествіе было не безопасно. Передъ нашимъ отъездомъ пришло извѣстіе, что дикіе остановили почтовую карету и сожгли ее, перерезавъ пассажировъ. Разумется, что насъ было достаточное число, чтобъ сладить съ Индѣйцами, но все таки мы неохотно пустились въ дорогу, взявъ порядочный запасъ карабиновъ, пистолетовъ и ножей.

Всѣ мы не стыдились сознаваться, что желали бы избѣжать встрѣчи съ индѣйцами; одинъ Вивалла храбрился говоря, что желалъ-бы сразиться съ ними, хотя внутренно боялся ихъ больше всѣхъ.

Это хвастовство вывело насъ наконецъ изъ терпѣнія, и мы рѣшились проучить его.

Въ первый день мы не встрѣтили и тѣни индѣйца, и переночевали въ домъ одного плантатора. На другой день мы прошли Индѣйское селеніе Кустега и наконецъ прибыли въ Моунтъ-Мегъ, откуда оставалось не больше четырнадцати миль до Монгомери. Стало-быть, мы были въ безопасности, и тутъ-то рѣшились испытать храбрость Виваллы. Мы сказали ему, что теперь начинается самая опасная дорога, гдѣ недавно сожжена почтовая карета, но онъ продолжалъ храбриться и смѣяться надъ нами, увѣряя, что одинъ разгонитъ шайку разбойниковъ. Проходя черезъ лѣсъ, мы увидѣли бѣгущую лисицу, и Вивалла погнался за нею. Мы остановились на минуту, чтобъ сговориться. Пентландъ въ минуту устроилъ себѣ индѣйскій костюмъ, многія принадлежности котораго купилъ тихонько въ Моунтъ-Мегъ. Потомъ онъ вымазался коричневою краскою, всунулъ въ волосы нѣсколько перьевъ, перебросилъ черезъ плечо ружье и побѣжалъ вслѣдъ за хвастуномъ. Въ некоторомъ разстояніи онъ чрезвычайно походилъ на индѣйца.

Когда Вивалла увидѣлъ, что товарищи, остались далеко позади его, онъ остановился, но въ эту минуту Пентландъ закричалъ пронзительно въ кустахъ индѣйскій крикъ: гупъ! гупъ!

Всѣ мы сдвинулись къ тельгамъ назадъ, и Вивалла хотѣлъ бѣжать къ намъ, но индѣецъ загородилъ ему дорогу, продолжая

ревть и наконецъ схватилъ ружье. Итальянецъ бросился въ другую сторону, рассчитывая на легкость ногъ, но индѣецъ, не даромъ почитавшійся искуснымъ клауномъ, бѣжалъ также скоро, и только желая дать намъ интересный спектакль, не догонялъ бѣглеца, который бросался какъ угорьлый. Наконецъ синьоръ, слыша позади себя стукъ курка, упалъ на колѣни и началъ просить пощады. Индѣецъ, не обязанный знать по-англійски, началъ прицѣливаться. Тогда Вивалла употребилъ все свое искусство въ пантомимѣ, чтобъ разжалобить дикаря, и началъ шарить въ карманахъ, чтобъ отдать все, что имѣлъ. Индѣецъ, понявшій этотъ жестъ, поставилъ ружье на землю и протянулъ руку. Итальянецъ отдалъ одиннадцать долларовъ, носовой платокъ, перчатки, ножикъ, но дикарь взялъ только деньги, и схвативъ свою жертву за воротникъ, повелъ ее къ дереву, къ которому привязалъ съ настоящею индѣйскою ловкостью и ушелъ важно, не показывая на лицѣ ни малѣйшаго чувства.

Краснокожій воинъ, зайдя за кусты, побѣжалъ со всѣхъ ногъ къ намъ, сбросилъ свой костюмъ, вымылся, и всѣ мы пошли отыскивать Виваллу. Прежде всего услышали мы его отчаянные крики, и подойдя къ дереву, нашли его въ самомъ жалкомъ положеніи. Увидя насъ, онъ обрадовался до того, что заплясалъ бы, если-бъ не былъ привязанъ. Когда мы освободили его, то онъ скоро оправился и началъ рассказывать, что на него напали человекъ шесть дикихъ, что онъ не могъ защищаться потому что не взялъ своего ружья, съ которымъ разогналъ-бы цѣлую толпу, но что все таки онъ долго боролся съ краснокожими, не лишившими его жизни только изъ уваженія къ храбрости. Мы молча выслушали эту исторію, и потомъ позволили ему цѣлую недѣлю хвастать своими подвигами. Наконецъ рассказали ему нашу шутку. И чтожъ, онъ и тутъ нашелся. Онъ не повѣрилъ намъ и увѣрялъ, что никакой шутки не было, что индѣйцы были настоящіе, что онъ узналъ-бы Пентланда, и чтобъ поддержать себя, онъ не хотѣлъ даже взять одиннадцати долларовъ, взятыхъ у него фальшивымъ краснокожимъ. Однако, не смотря на это, намеки на происшествіе съ дикарями сердили Итальянца и онъ пересталъ хвастать своею храбростью.

Мы пріѣхали въ Монгомери двадцать восьмаго февраля 1837 года. Тутъ я встрѣтился съ фокусникомъ Генрихомъ Галейемъ. Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, совершенно съдой и такой не-

обыкновенной ловкости, что я попышиль ангажировать его въ мою труппу.

Галей былъ уменъ, остроуменъ, говорилъ быгло, и такъ какъ давно уже занимался фокусами, то искусство его и хладнокровіе были необычайны. Только разъ онъ приведенъ былъ въ смущеніе и вотъ по какому случаю.

Одинъ изъ знаменитыхъ его фокусовъ назывался волшебная курица. Вотъ въ чемъ онъ состоялъ:

Фокусникъ бралъ мѣшечекъ, и объявлялъ публикѣ, что въ немъ находится курица, которая несетъ яйца когда угодно. Потомъ онъ выворачивалъ мѣшокъ, оказывавшійся пустымъ, хотя въ подкладкѣ сдѣланы были нѣсколько мѣшечковъ, въ которыхъ спрятаны были яйца. Тогда онъ приказывалъ курицѣ снести яйцо, и вынималъ по одному, продолжая говорить и вывертывать мѣшокъ.

Наконецъ, когда всѣ яйца вынуты, фокусникъ складываетъ мѣшокъ, садится на него, чтобъ показать, что тамъ ничего нѣтъ, занимая все время публику нестоющимъ болтовнею. Потомъ онъ въшааетъ мѣшокъ сзади стола, и чтобъ отвлечь вниманіе зрителей, начинаетъ бить яйца, доказывая, что они свѣжія. Въ это время мѣшокъ исчезалъ незаметно и на мѣсто его являлся другой, въ которомъ были не яйца, но курица.

Тогда фокусникъ говорилъ новую рѣчь, общая показать волшебную курицу, несущую яйца, когда угодно, бралъ мѣшокъ и вынималъ ее оттуда. Этотъ фокусъ производилъ всегда огромный эффектъ.

Однажды мы прѣехали въ одинъ городъ довольно поздно, такъ что едва успѣли приготовиться къ представленію, объявленному заранѣе.

Галею было больше всѣхъ хлопотъ съ своими магическими аппаратами, и онъ послалъ негра, прислуживающаго въ гостиницѣ достать живую курицу и посадить ее въ мѣшокъ. Негръ бросился съ радостью исполнять порученіе, потому-что ему не только заплатили, но обѣщали пустить въ театръ даромъ. Черезъ нѣсколько минутъ мѣшокъ съ живой птицей былъ уже подъ столомъ, и представленіе началось при большомъ стеченіи публики. Старый Галей приводилъ всѣхъ въ восторгъ своею ловкостью. Онъ бросалъ на воздухъ тарелки и шары, глоталъ зажженную пеньку, вытаскивалъ изо рта ленты всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, проглотилъ карманные часы и вынулъ изъ желудка

етьянные, пряталъ въ рукѣ кольца, ключи, и позвавъ на сцену мальчика, вынулъ изъ его кармановъ такую грудку лука, капусты и рьбы, что можно было накормить ими всѣхъ зрителей.

Подъ конецъ онъ перешелъ къ самому блистательному изъ своихъ фокусовъ, то есть къ волшебной курицѣ. Публика аплодировала неистово, когда Галей вынималъ яйца, и когда онъ взялъ другой мышокъ и сказалъ, что покажетъ чудную курицу, всѣ привстали отъ любопытства. И что-жь? изъ мышка вышелъ великолѣпный петухъ, который вѣроятно былъ радъ, что освободился изъ темноты, и подлетѣвъ на самую авансцену, громко закричалъ; кокерикъ. Вся зала разразилась громкимъ смѣхомъ, и бѣдный Галей до того смѣшался, что убѣжалъ за кулисы и кричалъ, что убьетъ негра, доставившаго ему петуха вмѣсто курицы. Во весь вечеръ онъ уже не выходилъ на сцену, слыша со всѣхъ сторонъ насмѣшки. Мнѣ случалось его видѣть въ критическихъ обстоятельствахъ, но онъ всегда умѣлъ выпутаться очень остроумно; тутъ-же его такъ озадачило неожиданное явленіе петуха и, главное, смѣхъ публики, что онъ совершенно растерялся, тогда какъ могъ еще поправить чѣмъ нибудь эту ошибку.

Каждый вечеръ послѣ спектакля Галей имѣлъ привычку долго сидѣть въ общей залѣ гостиницы. Такъ какъ онъ былъ извѣстенъ вездѣ, то вокругъ него составлялось всегда собраніе, которое онъ забавлялъ своими рассказами. Надобно только было слышать, что за небылицы приводилъ онъ какъ истинныя событія, случившіяся съ нимъ! И притомъ онъ былъ такъ серіозенъ, наружность его внушала столько уваженія, что нѣкоторые вѣрили по неволѣ его сказкамъ, другіе совѣстились замѣтить такой почетной особѣ, что она лжетъ безсовѣстно.

Однако иногда небылицы выходили за предѣлы фантазіи и какой-нибудь скептикъ останавливалъ рассказчика словами:

— Не можетъ быть, это сверхъестественно!

— А почему вы знаете? возражалъ Галей.

И такъ какъ слушатели Галея были не очень образованы и не могли доказать его лжи, то онъ продолжалъ изощрять свое краснорѣчіе, придумывая самыя нелѣпыя случаи. Если-бъ онъ жилъ во времена калифовъ Багдадскихъ, то прославился-бы больше неистощимой Шехеразады.

Я приведу одну изъ его импровизацій:

— Господа, сказалъ онъ однажды своимъ многочисленнымъ слушателямъ, вы знаете слова поэта: «истина не всегда вѣро-

ятна,» стало-быть, есть чудеса, которыми можно удивляться, но не сомневаться въ нихъ. Когда знаменитый Брюсъ прибылъ въ Англiю изъ своего путешествiя по Африкѣ и началъ разсказывать, что абиссинцы не берутъ съ собою мяса, пускаясь въ дорогу, чтобъ оно не испортилось, но берутъ живыхъ быковъ, изъ которыхъ вырѣзываютъ части на кушанья и приводятъ домой этихъ-же животныхъ, иногда лишенныхъ трехъ четвертей мяса, то всѣ соотечественники назвали его лгуномъ и не хотѣли ему вѣрить. Одинъ дикарь убѣжалъ изъ Нью-Йорка и началъ разсказывать въ своемъ племени про чудеса промышленности въ этомъ городѣ, но индѣйцы приняли его слова за бредъ горячки, и убили несчастнаго. Вы тоже, можетъ быть, найдете разсказы мои не естественными, но я могу увѣрить васъ, что говорю всегда правду.

При этомъ хитрый старикъ улыбнулся очень наивно.

— Нѣтъ, мы вамъ вѣримъ, мы не сомневаемся въ истинѣ вашихъ словъ, кричали слушатели, жадные до сказокъ.

— На этомъ условiи я готовъ разсказать вамъ любопытное происшествiе, случившееся со мною. Былъ-ли кто изъ васъ въ Скалистыхъ горахъ?

— Нѣтъ, отвѣчали въ одинъ голосъ.

— Я часто посѣщалъ эти горы, продолжалъ разсказчикъ самодовольно, и имѣлъ случай изучить ихъ. Въ этихъ горахъ есть мѣсто, куда собираются ежегодно охотники или трапперы, чтобъ праздновать народную годовщину 4 Юля. Въ этотъ день угощаются больше всего холоднымъ пуншемъ со льдомъ, потому-что на горахъ всегда можно достать столько льду, сколько угодно. Я попалъ на одинъ изъ подобныхъ праздниковъ. У насъ былъ большой запасъ льду, но охотники пьютъ такъ много, особенно въ жары, что у насъ недостало льду, и мы послали двухъ ирландцевъ, чтобъ они принесли нѣсколько кусковъ. Недалеко отъ мѣста праздника была пещера, наполненная льдомъ, и потому не надобно было подниматься на гору. Но вдругъ наши ирландцы прибѣжали назадъ безъ льду и въ страшномъ страхѣ. Наконецъ одинъ изъ нихъ объяснилъ намъ, что отколовъ кусокъ льду, они нашли тамъ пару сапоговъ и въ нихъ двѣ человѣческiя ноги. Это ихъ такъ поразило, что они побѣжали сообщить намъ это чудо. Мы, разумется, пошли всѣ въ пещеру, уже пятьдесятъ лѣтъ наполненную массою льда. Отколовъ нѣсколько глыбъ, мы нашли въ срединѣ тѣло чело-
вѣка, со-

хранившася въ такой свѣжести, какъ будто-бы онъ былъ еще живъ. Костюмъ его принадлежалъ не къ нашей эпохѣ. На немъ были короткіе брюки, застегнутые у коленъ пряжками, сѣрый шелковый кафтанъ съ огромными пуговицами, и большая трехугольная шляпа. Замерзлое тѣло такъ сохранилось, что трапперы начали доказывать, что человекъ этотъ можетъ быть приведенъ въ чувство. Я смѣялся надъ этимъ предположеніемъ, отвоя его къ парамъ пунша, но охотники вытащили тѣло изъ пещеры, приготовили въ минуту горячую ванну, раздѣли покойника и посадили его въ чанъ. Этого мало, ему раскрыли ротъ и влили въ него нѣсколько ложекъ теплаго пунша.

Я продолжалъ смѣяться надъ усиліемъ охотниковъ, какъ вдругъ минутъ черезъ двадцать покойникъ открылъ глаза, и мускулы его пришли въ движеніе. Я окаменѣлъ отъ удивленія, но трапперы вытащили незнакомца изъ чана, завернули его въ шерстяное одвяло и начали растирать. Черезъ полчаса онъ заговорилъ и могъ держаться на ногахъ. Его однако посадили за столъ и, не спрашивая ничего, подали ему кушать, что онъ исполнилъ съ большимъ аппетитомъ.

Черезъ нѣсколько времени странный гость всталъ изъ-за стола, поблагодаривъ насъ очень вѣжливо и спросилъ, гдѣ его лошадь.

— Какая лошадь? спросили все съ любопытствомъ.

— На которой я пріѣхалъ въ прошлую ночь.

Никто не зналъ, что отвѣчать.

— Господа, продолжалъ незнакомецъ, прошу васъ не удерживайте меня, у меня есть важное дѣло. Если лошадь моя убѣжала, то потрудитесь достать мнѣ другую. Я заплачу за нее, что спросятъ.

И онъ вынулъ изъ кармана горсть гиней съ изображеніемъ Георга III.

Удивленіе наше возрастало, и одинъ изъ насъ сказалъ:

— Если вы можете сказать, куда вы ѣдете и зачѣмъ, то мы постараемся отыскать вашу лошадь.

— Я вамъ скажу все, только не задерживайте меня. Я посланъ въ армію съ важными депешами отъ правительства.

— Какъ! вы отправляетесь во Флориду? Тутъ совсѣмъ не дорога.

— Совсѣмъ нѣтъ, мнѣ надобно недалеко отсюда, въ небольшое селеніе, имя котораго я забылъ.

— Помилуйте, да тутъ нигдѣ нѣтъ войска, и позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы нарядились въ такой костюмъ?

При этихъ словахъ незнакомецъ посмотрѣлъ на насъ и былъ удивленъ нашимъ костюмомъ точно также, какъ и мы его стариннымъ нарядомъ.

— Скажите наконецъ кто вы? вскричали мы въ голосъ.

— Я офицеръ въ службѣ короля Георга. Понимаю, что я попался въ руки моихъ враговъ, но не хочу скрывать моего имени для спасенія жизни.

Словомъ мы узнали, что офицеръ этотъ, во время войны за независимость, посланъ былъ съ порученіемъ въ армию, остановился ночью въ пещеръ, гдѣ застигнутый холодомъ уснулъ, покрылся глыбами льда, и спалъ тамъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, пока мы не спасли его. Время для него несуществовало, и очнувшись онъ полагалъ, что проспалъ одну ночь.

Эта исторія произвела сильное впечатлѣніе на присутствующихъ. Старикъ Галей говорилъ такъ убедительно и серьезно, что почти все повѣрили въ возможность оживленія англійскаго офицера. Неслыша противорѣчій, разскащикъ продолжалъ свои сказки и началъ увѣрять, что въ Скалистыхъ горахъ есть возвышенность, гдѣ воздухъ такъ чистъ, что люди не умираютъ тамъ никогда, развѣ отъ какихъ-нибудь случаевъ.

— Возможно-ли! вскричали въ толпѣ! Не умираютъ. Какъ же это можно жить вѣчно!

— Это не много скучно, отвѣчалъ Галей, улыбаясь проницательно, и потому когда человекъ дойдетъ до дряхлости и жизнь дѣлается ему въ тягость, то онъ велитъ перенести себя подальше отъ долины, пользующейся чуднымъ климатомъ, и умираетъ тамъ.

— Какіе чудеса! повторяли скептики. Врядъ-ли только это возможно!

— Увѣрю васъ честию, что все это совершенная правда, продолжалъ старикъ. Въ этой странѣ нѣтъ даже кладбища, но есть музей, гдѣ сохраняются старики самыхъ дряхлыхъ лѣтъ, лишенные разсудка и понятій, но которые все еще живы и проводятъ время, вися въ нумерованныхъ мышкахъ въ полусонномъ состояніи. Если родные захотятъ поговорить съ однимъ изъ дряхлыхъ родственниковъ, помещенныхъ въ музей, то надобно опустить мышокъ со старикомъ въ теплую ванну, чтобъ привести

его въ чувство и заставить говорить, иначе онъ не узнаетъ никого, не вспомнить даже, кто онъ самъ.

— Это невѣроятно, заговорили нѣкоторые. Нѣтъ, ужъ этому невозможно повѣрить!

— Однако я самъ былъ этому свидѣтелемъ, отвѣчалъ Галей. Вы можете не вѣрить, но вотъ что случилось со мною, лѣтъ двадцать тому назадъ. Дядюшка мой, Самуиль Галей, пропалъ безъ вѣсти, хотя былъ уже старъ, и такъ какъ все родные безпокоились о томъ, я пошелъ его отыскивать. Долго труды мои были напрасны, какъ вдругъ я зашелъ нечаянно въ безсмертную долину, и директоръ музея пригласилъ меня къ себѣ. Разсматривая реестры древностей, я нашелъ нечаянно имя дяди и узналъ, что онъ давно уже виситъ въ мышкѣ подъ № 367. Я заплатилъ за входъ пятьдесятъ су, попросилъ, чтобъ оживили дядю, и только что его опустили въ ванну, онъ проснулся, узналъ меня, спрашивалъ о всѣхъ домашнихъ, благодарилъ, что я вспомнилъ его, и подарилъ мнѣ свое ружье, которое было запрятано гдѣ-то на чердакѣ. Потомъ онъ опять началъ дремать; мысли его путались, и смотритель поспѣшилъ вынуть его изъ ванны и повѣсить на прежнее мѣсто. Если изъ васъ кому-нибудь случится быть въ этомъ музее, то не забудьте № 367, и поклонитесь отъ меня дядѣ Самуилу.

И что-жъ, въ числѣ слушателей нашлись такіе доверчивые, что записали нумеръ безсмертнаго дядюшки.

— А нашли-ли вы дядюшкино ружье? спросилъ одинъ любопытный.

— Какъ не найти, отвѣчалъ Галей, нашелъ, только это было оружіе огромнаго калибра, которое заряжалось фунтомъ пороха и четырьмя фунтами свинца. Послѣ свиданія съ дядей, я вернулся съ ружьемъ къ отцу, жившему въ задней части Нью-Йоркскаго штата. Отецъ мой занимался земледѣліемъ, и у него были огромныя поля, засѣянные хлѣбомъ. Только онъ жаловался, что дикіе голуби истребляли у него много сѣмянъ. Я съ братьями взялся поочередно сторожить поля и отгонять птицъ.

Когда пришелъ мой чередъ, я приготовилъ дядюшкино ружье, зарядилъ его, и прислонивъ его къ загородкѣ, самъ сѣлъ на пень и началъ ждать солнечнаго восхода, когда обыкновенно слетались голуби. Но такъ какъ я почти не спалъ, то глаза мои невольно закрылись. Когда я проснулся, то солнце было высоко, и все поле покрыто такимъ множествомъ голубей, что не ви-

дать было колосевъ. Кажется они были въ состояннн за-разъ съѣсть все, что посяялъ мой отецъ. Надобно было заставить ихъ подняться на воздухъ, и я бросилъ въ самую средину большой камень. Поднялось цѣлое облако голубей, которое заслонило солнце, и я поспѣшилъ схватить ружье. Раздался оглушительный выстрѣлъ. Къ несчастію я не успѣлъ прицѣлиться по-выше въ самую средину стаи, отчего-бы истребилъ всѣхъ голубей разомъ, но выстрѣлъ мой задѣлъ ихъ только по лапкамъ и оторвалъ ихъ такое огромное количество, что все поле было покрыто ими, и я собралъ ихъ нѣсколько корзинъ. Безногіе-же перестали летать на наше поле.

— Нѣтъ, ужъ это небывальщина, закричалъ одинъ изъ слушателей. Никогда я не повѣрю такой сказкѣ.

— Я увѣряю васъ, что это также справедливо, какъ все, что я вамъ рассказывалъ сегодня, отвѣчалъ старикъ смѣясь.

И вся толпа громко засмѣялась.

Галей такъ привыкъ выдумывать нелѣпости, что мудроно было отгадать, когда онъ говорилъ правду. Притомъ же онъ говорилъ съ такою увѣренностью и такъ серьезно, что заставлялъ себя слушать. Чаше всего онъ увѣрялъ, что путешествовалъ по всему свѣту и былъ во всѣхъ извѣстныхъ странахъ. Однажды я сказалъ ему.

— Держу пари, Галей, что назову мѣсто, гдѣ вы не могли быть.

— Какое это?

— Вы не были въ лунѣ.

— Ошибаетесь, любезный. Я и тамъ былъ въ воздушномъ шарѣ, вмѣстѣ съ Вейзомъ. Мы поднялись съ нимъ въ Луисвилѣ, и шаръ полетѣлъ такъ высоко, что задѣлъ за луну.

Старикъ говорилъ это такъ убѣдительно, что не было возможности сердиться или спорить. Самое лучшее было смѣяться, что я всегда дѣлалъ, слушая его волшебные рассказы.

Наша труппа давала представленія въ городкѣ штатовъ Алабамы, Кентуки, Теннессе, и въ 1837 году, въ маѣ мѣсяцъ разошлась по разнымъ сторонамъ. Вивалла продолжалъ являться на сценахъ Нью-іорка, а потомъ уѣхалъ въ Кубу, гдѣ и умеръ. Однако предъ отъездомъ на Эйландскій островъ, я встрѣтился съ нимъ еще разъ.

Я поручилъ Галею продавать моихъ лошадей въ Теннессе, а

самъ воспользовался минутною свободою, чтобъ провести нѣсколько недѣль въ семействѣ.

Однако желаніе разбогатѣть и привычка дѣятельности не позволили мнѣ долго наслаждаться спокойною жизнью. Въ первыхъ числахъ іюля я вернулся къ Галею, не продавшему еще лошадей, набралъ новую труппу наездниковъ и отправился въ Кентуки. Тутъ мы не имѣли большаго успѣха. Первый мой наездникъ былъ пьяница, второй не умѣлъ держаться на лошади, пѣвецъ утонулъ при перевѣздѣ черезъ рѣку, словомъ блистательная моя звезда потухала, и я принужденъ былъ иногда продавать лошадь или экипажъ, чтобъ заплатить за ночлегъ въ гостиницѣ.

Я видѣлъ, что надобно отыскать лучшихъ артистовъ, и поручивъ управленіе театромъ Граву, съ которымъ вступилъ въ товарищество, отправился отыскивать Пентланда, который имѣлъ большой талантъ привлекать публику, и теперь былъ въ Огіо.

Я встрѣтилъ моего артиста въ Тиффинъ, гдѣ въ это время происходили религіозныя пренія. Составлялся огромный митингъ, и такъ какъ многіе жители знали меня за оратора, то просили сказать рѣчь на митингъ. Я не отговаривался и произнесъ рѣчь, которая имѣла большой успѣхъ.

Ангажировавъ Пентланда и нѣсколькихъ музыкантовъ, мы отправились въ Кентуки на лошадяхъ моего новаго артиста.

На дорогѣ въ Цинцинати встрѣтили мы стадо свиней съ нѣсколькими вожатыми, и такъ какъ мы разогнали часть стада, то одинъ изъ вожатыхъ началъ осыпать насъ ругательствами, а какъ я былъ впереди нашего экипажа и отвѣчалъ дерзко на его брань, то онъ бросился на меня, вынулъ пистолеть и сказалъ, что убьетъ, если я тотчасъ-же не попрошу у него извиненія за то, что сравнилъ его съ четвероногими, которыхъ онъ велъ.

Я отвѣчалъ, что готовъ извиниться, но приблизясь въ это время къ телѣгѣ, схватилъ двуствольное ружье и прицѣливаясь въ вожатаго сказалъ ему:

— Теперь жизнь твоя и перваго изъ твоихъ товарищей, который захочетъ защищать тебя, въ моихъ рукахъ. Ты первый смѣлъ бранить насъ за то, что мы не дали дороги свиньямъ, и хотѣлъ убить меня за одно слово, тогда какъ самъ осыпалъ насъ ругательствами. Проси сейчасъ прощенія, или я всажу тебѣ пулю въ лобъ.

Вожатый не долго думалъ. Онъ извинился въ своей вепльчивости, протянулъ мнѣ руку, и мы разошлись друзьями. Еще разъ присутствіе духа спасло меня, можетъ-быть, отъ смерти, потому что въ минуту гнѣва человекъ не можетъ дать отчета въ своихъ поступкахъ, и разсерженный вожатый могъ спустить курокъ пистолета прежде, чѣмъ я могъ найти средство отвѣчать ему.

Наша компанія на западъ и югъ была довольно прибыльная. Въ Нашвилъ мы сдѣлали визитъ генералу Джаксону, и не пренебрегали ни однимъ маленькимъ селеніемъ, гдѣ могли дать представленіе.

Въ Висксбургъ мы продали лошадей, кромѣ четырехъ и телги и купили небольшой пароходъ *Цереру*, капитанъ которой остался у насъ съ экипажемъ и взялся плавать съ нами по рѣкѣ.

Разумется, что мы останавливались поминутно и вездѣ давали театральныя представленія.

Въ Натчезъ случилось небольшое происшествіе. Нашъ поваръ исчезъ, а другаго найти было трудно. Наконецъ мнѣ рекомендовали хорошую кухарку, блую, и я побуждалъ нанимать ее, но вдова эта собиралась опять замужъ и не хотѣла разстаться съ женихомъ, молодымъ живописцемъ, чтобъ тотъ не раздумалъ жениться на ней. Я отыскалъ жениха, распросилъ его о намѣреніяхъ, описалъ наше бѣдственное положеніе на пароходѣ, гдѣ некому приготовить обѣдъ, и спросилъ рѣшительно женится онъ или нѣтъ.

— Право я еще самъ не знаю, отвѣчалъ молодой человекъ. Я не хорошо познакомился съ моею невестою.

— Послушайте, сказалъ я, мнѣ время дорого, а я не могу оставаться безъ кухарки. Вы живописецъ, и я беру васъ въ свою трупу съ жалованьемъ по двадцати пяти долларовъ въ мѣсяцъ, только вы должны жениться на вдовѣ, которая будетъ намъ готовить кушанье за такую-же цѣну. Отвѣчайте согласны вы или нѣтъ. Я выдамъ вамъ на свадьбу еще пятьдесятъ долларовъ.

Живописецъ не задумываясь принялъ мое предложеніе. На слѣдующее утро была веселая свадьба, а потомъ молодая приготовила намъ обѣдъ, и мы пустились въ путь.

Въ Франсисвилъ, въ Лузіанъ случилось съ нами другое трагико-комическое происшествіе. Вечеромъ, во время представленія пришелъ человекъ безъ билета и требовалъ, чтобъ его пустили.

Такъ какъ онъ былъ пьянъ и началъ шумѣть, я вышелъ, чтобъ усмирить его, но пьяница бросился на меня, ударилъ меня въ голову и хотѣлъ все-таки войти. Однако несмотря на ударъ въ то самое мѣсто, гдѣ френологи помѣщаютъ шишку благоразумія, я не только отплатилъ пьяницѣ съ процентами, но вытолкнулъ его и заперъ дверь.

Однако это не могло такъ кончиться. Черезъ нѣсколько минутъ пьяница привелъ цѣлую толпу своихъ товарищей, вооруженныхъ палками и пистолетами, и войско это готовилось взять театръ приступомъ. Я обратился къ меру и другимъ почтеннымъ особамъ, бывшимъ въ театрѣ, прося ихъ заступиться за меня. Напрасно однако меръ старался ихъ уговорить, негодяи не хотѣли отойти и наконецъ удостоили вступить въ переговоры.

— Мы согласны оставить труппу въ покоѣ, только на одномъ условіи, сказалъ одинъ изъ толпы. Въ лицѣ нашего товарища, выгнаннаго изъ театра, оскорбленъ весь городъ, и потому мы хотимъ въ свою очередь выгнать этихъ комедіантовъ. Мы даемъ часъ, чтобъ вся труппа уехала отсюда, или мы сами распорядимся мщеніемъ.

При этихъ словахъ говорившій показалъ мнѣ часы.

Я видѣлъ, что безумно было-бы связываться съ такою толпою пьяныхъ негодяевъ, и что мы не можемъ остаться победителями. Поэтому я приказалъ скорѣе собрать все наши пожитки, переносить ихъ на пароходъ, и когда прошелъ часъ, мы отчалили отъ берега при громкихъ крикахъ толпы, провожавшей насъ насмѣшками.

19-го марта 1838 года, журналы Новаго Орлеана извѣстили публику о прибытіи *Цереры* съ труппою артистовъ, подъ начальствомъ Барнума. Однако мы не долго оставались въ этомъ городѣ и поѣхали дальше. Въ Опелузѣ я продалъ пароходъ и распустивъ всю труппу, отправился—въ Нью-Йоркъ.

Мнѣ надобно было быть директоромъ странствующей труппы, хотя дѣла мои шли хорошо, но все-таки я рассчитывалъ на проекты и спекуляціи, чтобъ обогатиться вдругъ. Поэтому я напечаталъ въ журналахъ объявленіе, что предлагаю капиталъ въ двѣ тысячи пятьсотъ долларовъ въ какое-нибудь выгодное предпріятіе, и соглашусь вступить въ компанію. Не успѣлъ я напечатать этого объявленія, какъ со всехъ сторонъ посылались на меня предложенія. И что за письма получалъ я! По нимъ можно было изучать нравы гораздо лучше, чѣмъ познакомаясь съ этими

людьми, которые вѣроятно на словахъ не могутъ быть такъ откровенны. Сколько узналъ я промышленностей, о которыхъ прежде не имѣлъ понятія!

Больше всего приглашали меня вступить съ моимъ капиталомъ въ торговлю винъ и пива. Антрепренеры,стряпчіе, доктора дѣлали мнѣ тоже выгодныя предложенія. Нѣкоторые-же корреспонденты, не называя своей промышленности, просили только внести капиталъ, обѣщая мнѣ золотыя горы. Кроме-того, явилось ко мнѣ нѣсколько таинственныхъ посѣтителей. Одинъ объявилъ мнѣ осторожно, что онъ дѣлаетъ фальшивые банковые билеты, образчики которыхъ принесъ мнѣ показать, обѣщая взять меня въ компанію, если я дамъ ему денегъ и помогу распространить его работу.

Въ другой разъ пришелъ ко мнѣ человекъ въ костюмъ квакера съ почтенною наружностью, предлагающій спекуляцію очень выгодную, закупить большое количество овса и продавать его дешевле другихъ, только фальшивыми вѣсами.

Тутъ я убѣдился, что преступники, содержащіеся въ тюрьмахъ и приговоренные къ казнямъ, бываютъ иногда невинные почтенныхъ людей, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ.

Наконецъ я рѣшился вступить въ товарищество съ нѣмцемъ по имени Пролеромъ, котораго рекомендовалъ мнѣ альдерманъ города, какъ честнѣйшаго человека. Онъ завелъ торговлю духами, мыломъ, и хотя магазинъ его былъ въ Бовери, но онъ отправлялъ гуртомъ свои товары въ Бостонъ, Чарльстоунъ, Клевеландъ и другіе города. Я-же взялся вести книги и продавать по мелочи въ магазинъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ дѣла наши, казалось, шли хорошо. Потомъ я замѣтилъ, что мы беремъ сами все въ долгъ и мало получаемъ чистыхъ денегъ. Я никакъ не могъ отказать въ кредитъ, однако вѣрилъ только на незначительныя суммы, тогда какъ весь капиталъ былъ въ рукахъ Пролера. Скоро я открылъ, что компаніонъ мой плутъ, и что онъ хотѣлъ только обобрать меня и надуть. Небуду рассказывать этихъ грустныхъ дѣлъ, только въ 1840 году я потребовалъ раздела и ликвидаціи торговли. Пролеръ остался мнѣ долженъ двѣ тысячи долларовъ слишкомъ, и охотно подписалъ векселя, но прежде чѣмъ вышелъ имъ срокъ, онъ тихонько уѣхалъ въ Роттердамъ, оставя мнѣ свои бумаги и нѣсколько рецептовъ какъ дѣлать о-де-колонъ, *Мед-*

възжью помаду, краску для волосъ, разныя мыла, духи и при-тиранья.

Покуда я торговалъ съ безчестнымъ Пролеромъ, я познакомился съ негромъ, по имени Джономъ Діамондомъ, у котораго была страсть и необыкновенный талантъ къ танцамъ. Хотя я въ эту эпоху не сбирался собирать труппу, но все-таки уговорился съ Діамондомъ, чтобъ онъ оставался при мнѣ. Между-тѣмъ я помѣстилъ въ журналахъ нѣсколько статей о новомъ танцорѣ негрѣ, чтобъ составить ему репутацію, которой онъ былъ достоинъ, потому-что никогда не видалъ я такого превосходнаго таланта въ комическомъ родѣ.

Весною 1840 года, когда я принужденъ былъ оставить торговлю, я нанялъ залу въ Нью-Йоркскомъ воксалѣ и началъ давать разныя представленія. У меня пѣли, танцовали, показывали фокусы, эквилибрическія штуки. Въ числѣ моихъ артистовъ была миссъ Мери Тайлоръ, знаменитая актриса и пѣвица. Но содержаніе этого театра было мнѣ невыгодно, и я оставилъ его въ томъ-же году. Однако надобно-же было мнѣ чѣмъ-нибудь заняться. Послѣднія неудачи въ торговлѣ и съ театромъ сдѣлали для меня неспособными эти двѣ карьеры, но у меня было семейство, о будущности котораго я долженъ былъ заботиться. Стало-быть, несмотря на мою антипатію къ театру, я предпринялъ новое артистическое путешествіе въ южныя и западныя штаты.

Труппа моя состояла изъ Дженкинса, пѣвца въ комическомъ родѣ, который превосходно выражалъ лицомъ все характеры и чувства; негръ Діамондъ не оставлялъ меня, и я нашелъ еще хорошаго музыканта. Позже я взялъ еще маленькаго бродягу Франси Линча, въ которомъ открылись рѣдкія способности, и который принесъ намъ много пользы. Братъ жены моей Джонъ-Галлешъ, вѣхалъ всегда впередъ, чтобъ приготовить намъ помѣщеніе и возвѣстить публикѣ о нашемъ прибытіи.

Посѣтивъ Буфало и Торонто въ Канадѣ и многія другія селенія, мы въ Санъ-Луи перебрались на пароходъ, чтобъ вѣхать въ Новый Орлеанъ. Труппа моя дезертировала, такъ что я остался одинъ съ Діамондомъ и музыкантомъ.

Когда мы вышли въ Новомъ Орлеанѣ 2-го января 1841 года, въ кассѣ моей было только сто долларовъ, то есть та сумма, которую я взялъ изъ Нью-Йорка. Стало-быть четыре мѣсяца трудовъ, хлопотъ, путешествій не принесли мнѣ ровно никакой

пользы. Черезъ двѣ недѣли послѣднія средства истощились, и хозяйка, которой мы задолжали, требовала уплаты или чтобъ мы выѣхали отъ нея. Я все еще надѣялся поправиться, и отдалъ ей мои часы, обѣщаясь вскорѣ заплатить ей все.

Къ счастью дѣла мои начали поправляться. Я отпустилъ Діамонда на театръ Сенъ-Шарля, принадлежащій Манаже Кальдвелю и получилъ половину сбора, который былъ довольно значителенъ. Публикъ поправились танцы моего негра.

Въ Виксбургъ и Джаксонъ мы имѣли тоже значительный успѣхъ, и только что я началъ наживаться и благодарить судьбу, какъ Діамондъ исчезъ, укравши у меня значительную сумму. Я опять поѣхалъ домой, чтобъ отдохнуть и найти новое занятіе.

Въ эти семь мѣсяцевъ было со мною много замѣчательныхъ случаевъ, но я не хочу надѣдать ими читателямъ а приведу только тѣ, которые остались у меня въ памяти.

Въ Новомъ Орлеанѣ познакомился я съ значительнымъ Ирландскимъ актеромъ Тиронъ-Пауфомъ, игравшимъ также на театрѣ Сенъ-Шарля. Этотъ человекъ такъ уменъ и занимателенъ, что я подружился съ нимъ. Мнѣ было грустно съ нимъ расставаться, и когда я уѣхалъ, 8-го іюня 1841 года, то обѣщалъ скоро съ нимъ свидѣться. Бѣдный Пауфъ! Это было наше послѣднее свиданіе. Корабль, на которомъ онъ отправился въ Ливерпуль, погибъ со всеми пассажирами, и бѣдный мой другъ поконится на днѣ моря.

Знаменитая Фанни-Эльслеръ пріѣхала въ Новый Орлеанъ 1-го марта, и явилась тоже на театрѣ Сенъ-Шарля. Всѣмъ извѣстно какой энтузіазмъ встрѣтилъ эту танцовщицу.

Когда я пріѣхалъ въ Питербургъ, 30-го марта, то узналъ, что бывший мой артистъ Дженкинсъ, сманивъ отъ меня Франси Линча, показываетъ его на сценѣ, подъ именемъ Діамонда. Я написалъ Дженкинсу письмо, предупреждая, что могу подать на него жалобу, что онъ увезъ у меня мальчика, обязаннаго оставаться при мнѣ, и что далъ ему чужое имя. Дженкинсъ пришелъ ко мнѣ самъ, и вмѣсто того, чтобъ объясниться по дружески, мы разбранились. Артистъ хотѣлъ непременно отмстить мнѣ, и встрѣтя Линдсея, у котораго я купилъ Джойсъ-Гетъ, онъ уговорилъ его подать на меня жалобу, что я будто-бы не исполнилъ всѣхъ условій контракта и недоплатилъ ему чего-то. Тотъ согласился, и мнѣ вѣрно было явиться въ судъ или внести пятьсотъ долларовъ въ видѣ обезпеченія. У меня денегъ не было, я не

зналъ почти ни кого въ городѣ, и потому долженъ-былъ идти въ тюрьму. Однако я не сидѣлъ тамъ и двухъ часовъ, потому-что нашель поручителей; послѣ этого я не могъ удержаться, чтобъ не отплатить Дженкинсу тѣмъ-же. Я подалъ на него жалобу, что онъ увезъ у меня артиста, показываеъ его подъ чужимъ именемъ, и сдѣлалъ мнѣ этимъ большой убытокъ. Противникъ мой не могъ отдѣлаться такъ дешево какъ я. Его осудили и заставили заплатитъ. Линдсей-же скрылся, взявъ обратно свое требованіе. Я встрѣтилъ его черезъ двѣнадцать лѣтъ въ Бостонѣ и онъ извинялся предо мною въ этомъ дурномъ поступкѣ. Тогда онъ былъ почти въ бѣдности, а я, напротивъ, успѣлъ нажитья; не смотря на это, я остался другомъ Линсея и помогаль ему сколько могъ.

IX.

АМЕРИКАНСКІЙ МУЗЕЙ.

Новое предпріятіе.—Первая ступенька.—Большая перемѣна.—Американскій музей.—Рѣшеніе.—Свиданіе.—Предложенія.—Опять островъ Иви.—Неудача.—Тактика.—Рѣшительная мѣра.—Побѣда.—Все мое имущество.—Украшеніе музея.—Соперничества и насмѣшки.—Ниагара въ музей.—Такса для водопада.—Настоящая вода.—Дубина Капитана Кука.—Мой лавры въ опасности.—Мистифицированный насмѣшникъ. Сирена Федже.—Искусное произведеніе.—Предисловіе.—Объясненіе Джисболда.—Большое объявленіе.—Старый голландецъ.—Сирена и сигары.—Сборы.—Выгодная оппозиція.—Генераль Томъ Пусъ.—Откровенное признаніе.

26-го апрѣля 1841 года пошелъ я къ Роберту Серсу, издателю иллюстрированныхъ библій, и купивъ множество экземпляровъ на пятокъ долларовъ, взялъ патентъ правительства и открылъ 10-го мая, книжный магазинъ на углу Бекманской и Нассауской улицъ.

Это новое усиліе сдѣлано было съ цѣлью, чтобъ удалиться какъ можно далѣе отъ театральной карьеры и заняться чѣмъ нибудь серьезнымъ. Я по обыкновенію разсыпалъ тысячи объявленій, чтобъ привлечь публику, и въ шесть мѣсяцевъ распродалъ всѣ книги съ барышомъ. Въ этотъ разъ я пересталъ вѣрить въ долгъ и выбиралъ самыхъ надежныхъ прикащиковъ.

Но такъ какъ въ торговлѣ книгами было мало дѣятельности, и обороты были не быстрые, я нанялъ опять залу въ воксалѣ, на имя Джона Галлета, и давалъ тамъ представленія. Однако, по

окончании сезона, барыши наши простирались не больше двух сотъ долларовъ.

Я остался жить въ Нью-Йоркѣ съ моимъ семействомъ, и такъ какъ средства мои истощались замѣтно, а я не придумалъ новаго проекта, то вступилъ, въ ожиданіи лучшаго, въ сотрудники журнала *Bowery Amphitheatre*. Тутъ было мнѣ много дѣла. Я бѣгалъ поминутно въ редакцію другихъ жуналовъ за справками, хлопоталъ съ объявленіями, читалъ статьи и корректуру, и получалъ за всѣ труды только четыре доллера въ недѣлю. Впрочемъ я былъ радъ и этому.

Въ свободное время, по воскресеньямъ, я писалъ самъ статьи, за которыя платили мнѣ довольно хорошо. Но все таки я былъ недоволенъ своимъ положеніемъ. Живя такимъ образомъ, бросаясь отъ одного занятія къ другому, я не могъ никогда составить себѣ состоянія. Между тѣмъ годы проходятъ, семейство увеличивается, пора серьезно подумать о будущемъ.

Въ это время я получилъ изъ Данбюри письмо отъ друга моего Томаса Витлезея, которое еще больше заставило меня задумываться. Я давно заложилъ ему мое имѣніе въ Нью-Йоркѣ, и онъ дружески напоминалъ, что пора-бы и заплатить. Энергія моя проснулась. Я твердо сказалъ самъ себѣ: кончено, перестая жить безалаберно и съ сегодняшняго дня рѣшаюсь серьезно думать о прочномъ и выгодномъ проектѣ.

Бѣгая по редакціямъ, я узналъ, что продается американскій музей Скуддера, находящійся на углу Бродвея и Аннъ-стрита.

За всю коллекцію просили пятнадцать тысячъ долларовъ, хотя она стоила больше пятидесяти. Но Скуддеръ получилъ съ нее уже много выгодъ, и наследники его желали продать музей, потому-что съ нимъ было много хлопотъ.

Я тотчасъ разсчиталъ, что пріобрѣтеніе музея ловкимъ человекомъ можетъ быть выгодною спекуляціею. Мои послѣднія дѣла принесли мнѣ мало пользы, и потому фонды мои были не блистательны, притомъ же въ семействѣ были больные, что требовало большихъ расходовъ, стало быть, надобно было скорѣе рѣшаться. Я осмотрѣлъ музей, нашелъ тамъ много рѣдкостей, и хотя каждому покажется невѣроятнымъ, что я сбирался безъ денегъ купить цѣлую коллекцію, но я твердо рѣшился сдѣлать-ся ея хозяиномъ.

Встрѣтя на улицѣ одного изъ моихъ друзей, я сказалъ ему:
— Я покупаю музей.

— А чѣмъ вы заплатите? спросилъ тотъ, зная печальное положеніе моихъ финансовъ.

— Самъ не знаю, только ужъ вѣрно не деньгами, потому что у меня ихъ нѣтъ.

Зданіе музея принадлежало богатому негоціанту Ольмстеду, жившему въ великолѣпномъ домѣ на площади Парка. Надобно было познакомиться съ этихъ богачемъ. Но какъ? Я не зналъ никого, кто-бы могъ представить меня, а самъ не смѣлъ явиться къ нему, боясь непріятнаго приѣма. Я написалъ ему, что хочу купить коллекцію рѣдкостей, но что не имѣя всего капитала, готовъ принять всѣ условія, увѣренный, что моя опытность и усердіе позволяютъ мнѣ въ короткое время вылатить весь долгъ. После этого я просилъ его купить коллекцію будто бы на свое имя, и передать мнѣ ее контрактомъ въ законной формѣ, назначивъ сроки уплаты.

Я старался доказать богачу, что этимъ средствомъ онъ обезпечиваетъ себѣ наемъ дома, гдѣ расположенъ музей, тогда какъ если его коллекція перейдетъ въ другія руки, ему придется, можетъ быть, долго ждать жильцовъ, словомъ я убѣждалъ очень краснорѣчиво согласиться на мое предложеніе и просилъ назначить свиданіе для переговоровъ.

Я самъ снесъ письмо въ домъ Ольмстеда, и черезъ два дня получилъ отвѣтъ, въ которомъ назначался часъ свиданія. Я побѣждалъ, разумѣется, раньше, такъ меня мучило нетерпѣніе, и богачъ, принявъ меня ласково, началъ разспрашивать о прежнихъ моихъ занятіяхъ. Я откровенно рассказалъ ему всю мою жизнь, всѣ ремесла, кторыя я пробовалъ и торговлю, и театры, и циркъ, и журналистику.

Ольмстедъ слушалъ меня внимательно, и хотя старался казаться строгимъ и важнымъ, но я видѣлъ по глазамъ его, что онъ добръ и великодушно поможетъ мнѣ. Въ послѣдствіи я испыталъ, что добръе этого челоуѣка трудно найти.

— Назовите мнѣ кого нибудь, у кого-бы я могъ справиться о васъ, спросилъ онъ, когда я окончилъ свой рассказъ.

— Я знакомъ съ людьми моего общества и состоянія, отвѣчала я. Вы можете спросить обо мнѣ у директора театра Парка, Симпсона, у Вильяма Нибло, у Тюрнера, у Вельча, у всѣхъ директоровъ театровъ и цирковъ, и наконецъ у издателя Sun, Меисея Вича.

— Можете-ли вы пригласить этихъ господъ ко мнѣ?

— Они явятся къ вамъ, когда вамъ угодно.

— Попросите же ихъ завтра, а сами приходите послѣ завтра.

Я обѣгалъ всѣхъ, кто былъ въ Нью-Йоркѣ, и всѣ съ удовольствіемъ согласились сдѣлать визитъ богачу. Другъ мой Нибло важно поѣхалъ къ нему въ каретѣ, другіе пошли пѣшкомъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующаго дня, чтобъ узнать результатъ переговоровъ.

— Мнѣ не нравятся ваши поручители, г. Барнумъ, сказалъ мнѣ Олмстедъ, когда я вошелъ къ нему.

Пораженный этими словами, я смѣшался и не зналъ, что отвѣчать, но богачъ вдругъ засмѣялся громко.

— Всѣ они точно сговорились хвалить васъ, продолжалъ онъ, это кажется мнѣ подозрительнымъ.

Я обрадовался такому обороту, увидѣвъ, что Олмстедъ имѣетъ обо мнѣ хорошее мнѣніе. Послѣ этого онъ спросилъ меня, нѣтъ-ли у меня друга или родственника, который хотѣлъ бы поручиться за меня. Я отвѣчалъ, что врядъ-ли найду такого чловѣка.

— Но вы сами не можете-ли чѣмъ поручиться? спросилъ онъ опять.

— У меня есть немного земли и нѣсколько домовъ въ Конекти кутъ, но все это уже заложено.

— Разумѣется, что я не говорю о заложennomъ имѣніи, потому-что это не обезпеченіе для меня, мнѣ надобно хоть какое-нибудь ручательство, чтобъ я могъ жертвовать большою суммою. Тогда мы сговоримся съ вами окончательно. Я готовъ помогать вамъ.

И онъ сказалъ мнѣ, что готовъ купить коллекцію, предложилъ мнѣ большую квартиру въ соседнемъ домѣ, потребовалъ, чтобъ я всякую недѣлю давалъ ему отчетъ о приходахъ, и все-таки настаивалъ, чтобъ я далъ закладъ.

Я очень хорошо зналъ, что всѣ мои клочки земли были заложены, и грустно опустилъ голову, но вдругъ въ умѣ моему мелькнуло забытое мое наслѣдство Иви-Эйландъ, со всеми очарованіями, которыя я придавалъ ему въ дѣтствѣ. Однако, зная его ничтожность, я не смѣлъ говорить о немъ.

— Все же, думалъ я про себя, не потерять-же мнѣ музей

оттого, что я бѣдень. Я увѣренъ, что выплачу все богачу, отчего-же не назвать мою землю.

И я проговорилъ тихо:

— У меня есть въ Конектикутъ земля въ пятьсотъ десятинъ; незаложенная никому.

— Что вы заплатили за нее?

— Она досталась мнѣ въ наследство отъ дѣдушки Финеаса Тайлора, который подарилъ мнѣ ее при жизни, передавъ свое имя.

— Вашъ дѣдушка былъ богатъ?

— Онъ былъ человекъ достаточный и уважаемый всеми.

— Если онъ сдѣлалъ вамъ подарокъ, то вы вѣроятно оттого не хотите разстаться съ этою землею.

— Я не разстанусь съ нею, потому-что надѣюсь выплатить вамъ по условію.

— Въ такомъ случаѣ я подумаю о вашемъ предложеніи. Вы покуда поговорите съ наследниками музея и узнайте, не отдадутъ-ли они дешево. Черезъ недѣлю приходите ко мнѣ. Мы покончимъ дѣло.

Я тотчасъ-же пошелъ къ Джону-Гиду, смотрителю музея и предложилъ ему десять тысячъ долларовъ. Тотъ отвѣчалъ, что передастъ мое предложеніе наследникамъ. Когда я пришелъ къ нему опять, онъ сказалъ, что меньше двѣнадцати тысячъ не возьмутъ за коллекцію. Я согласился и побѣжалъ къ Ольмстеду объявить о сдѣлкѣ. Тотъ былъ радъ, что я успѣлъ сторговаться, и назначилъ день, чтобъ Гидъ пришелъ къ нему подписать контрактъ. Ожидаемый день насталъ, но Гидъ пришелъ не подписывать контрактъ, а объявить, что онъ наканунѣ продалъ музей за пятнадцать тысячъ директору музея Пиллю, и что получилъ уже тысячу чистыми деньгами задатка.

Это извѣстіе поразило меня какъ громомъ. Я сталъ упрекать Гиду, что онъ обманулъ меня, но онъ отвѣчалъ, что наша сдѣлка происходила на словахъ, что онъ ничего не подписывалъ и притомъ обязанъ былъ думать о выгодахъ наследниковъ музея. Я обратился къ Ольмстеду, но тотъ, жалѣя обо мнѣ, сказалъ, что не можетъ ничего сдѣлать и, какъ хозяинъ дома, долженъ еще радоваться, что скоро нашлись жильцы.

Я былъ въ отчаяніи.

Однако прежде всего я началъ разузнавать дѣла директоровъ Пильскаго музея.

Я узналъ, что это компанія спекуляторовъ не очень счастли-

выхъ, которые купили за безцѣнокъ музей Пила и хотятъ присоединить къ нему коллекцію Скуддера, составя капиталъ на акціяхъ по пятидесяти долларовъ каждая. Эта спекуляція не могла быть честною, потому что акціонеры не были ничѣмъ обезпечены, и я рѣшился помѣшать этимъ планамъ.

Я собралъ нѣсколькихъ редакторовъ газетъ, съ которыми былъ очень друженъ и просилъ ихъ помогать мнѣ и предоста- вить нѣсколько колоннъ для моихъ статей. Все согласились, и я началъ писать почти цѣлыя брошюры о спекуляторахъ, скупаю- щихъ музеи, чтобъ только обмануть бѣдныхъ акціонеровъ, капи- талы которыхъ будутъ обезпечены только чучелами птицъ и обезьянъ. Я припоминалъ, что недавно еще зоологическій музей разорился и увлекъ за собою акціонеровъ, повѣрившихъ лжи- вымъ общаніямъ, словомъ я такъ напугалъ читателей всѣхъ лучшихъ журналовъ, что никто не бралъ акцій.

Послѣ этого я пошелъ къ Гиду и сказалъ ему:

— Когда покупатели музея обязались внести вамъ осталь- нья деньги?

— 26 декабря, отвѣчалъ онъ. Если-же они просрочатъ, то теряютъ задатокъ.

Я увѣрилъ его, что спекуляторы не въ состояніи заплатить ему четырнадцати тысячъ, потому что акціи ихъ замерзли, и предложилъ, что если 26 числа покупщики откажутся отъ му- зея, то я покупаю его 27-го за двѣнадцать тысячъ, какъ мы пре- жде условились, только я просилъ Гиду молчать до того времени, а 27 числа явиться прямо къ Олимпстеду съ контрак- томъ.

Онъ согласился на все, хотя былъ увѣренъ, что первая по- купка состоится.

— Прощайте, сказалъ я. До свиданія у г. Олимпстеда въ десять часовъ утра. Только въ этотъ разъ напишите сами ваши условія, или я уѣду на Югъ, и вы останетесь съ вашимъ му- зеемъ, который не найдетъ больше покупщиковъ.

Это происходило 15-го ноября.

Я никому больше неупоминалъ о музеѣ, какъ будто-бы пере- ставъ о немъ и думать, но все журналы были наполнены статья- ми противъ акцій, такъ что директоры соединеннаго Нью-Йорк- скаго музея не собрали еще ни одного доллера.

1-го декабря получилъ я приглашеніе отъ секретаря Пиль- скаго музея явиться къ директорамъ, которые желаютъ сооб-

щить мнѣ очень важное дѣло. Я догадался, что дѣло идетъ о моихъ статьяxъ и что хотять заставить меня замолчать, но все-таки пошелъ въ почтенное собраніе.

Съдой президентъ принялъ меня очень ласково и тотчасъ-же предложилъ управлять соединенными музеями и самому назначить жалованье, осыпая меня похвалами за мои способности, ловкость, умъ, словомъ я слышался столько комплиментовъ, что смѣло потребовалъ три тысячи долларовъ жалованья.

Я думалъ, что мнѣ откажутъ, но почтенное собраніе поспѣшило согласиться; это увѣрило меня еще больше, что спекуляторы намѣрены только сбыть акціи и скрыться съ деньгами. Имъ ничего не стоило обшачать мнѣ и вдвое больше.

— Однако г. Барнумъ, сказалъ ласковый президентъ, теперь вы вѣроятно не будете нападать на насъ въ журналахъ.

— Я не захочу компрометировать мои выгоды, отвѣчалъ я очень серьезно. Я знаю теперь, что мнѣ дѣлать.

Директоры тихонько подсмѣивались надо мною, и не успѣлъ я выдти за дверь, какъ они начали подшучивать надъ моею простотою..

Между тѣмъ 26 число было близко, а директоры, зная, что неявлялись другіе покупатели музея, думали, что могутъ отсрочить уплату и неудостойли даже объявить объ этомъ Гиду или наследникамъ Скуддера.

27-го декабря, въ половинѣ десятаго я былъ уже у Ольмстеда съ свидѣтелями; Гидъ явился тоже съ своимъ адвокатомъ, и ровно въ десять часовъ контрактъ былъ подписанъ, и я былъ полнымъ хозяиномъ *Американскаго музея*.

Первымъ моимъ движеніемъ было написать слѣдующее письмо:

«Г. Президентъ Нью-Йоркскаго музея!

«Честь имѣю увѣдомить васъ, что просрочивъ назначенный день платежа, вы потеряли права на музей Скуддера, который проданъ 27 числа сего мѣсяца 1841 года.

Барнумъ, хозяинъ музея.»

Эта записка чрезвычайно удивила президента, который не могъ вѣрить своимъ глазамъ. Онъ побѣжалъ къ Гиду, и когда тотъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло, вздумалъ угрожать ему судомъ. Разумѣется, что угрозы были не страшны, потому что мы поступили по законамъ. Старикъ тоже понялъ это и наконецъ просилъ, чтобъ ему отдали хоть задатокъ. Однако опекунъ

малолѣтнихъ наследниковъ отказалъ и въ этомъ, сказавъ, что очень радъ, если надуватели попались въ свои собственные сѣти.

Я же рѣшился употребить всю мою дѣятельность и энергію, чтобъ привести музей въ блистательное положеніе. Я чувствовалъ, что отъ успѣха зависитъ моя жизнь, и потому самъ подписалъ Ольмстеду довольно тяжелыя условія.

— Я или разорюсь въ конецъ, или разбогачу, говорилъ я ему. Связанный обязательствами, я займусь однимъ музеемъ и надѣюсь, что усилія мои будутъ не напрасны.

Принужденный наблюдать самую строгую экономію, я перемѣнилъ образъ жизни и предупредилъ жену, чтобъ та какъ можно ограничила расходы по хозяйству. Хорошая моя Шери согласилась на все, чтобъ только угодить мнѣ.

Шесть мѣсяцевъ послѣ пріобрѣтенія мною музея Ольмстедъ зашелъ ко мнѣ въ полдень. Онъ засталъ меня за обѣдомъ, состоящимъ изъ хлѣба и холоднаго мяса.

— Развѣ вы всегда обѣдаете такъ скромно, спросилъ онъ?

— Съ тѣхъ-поръ какъ я хозяинъ музея, я обѣдаю въ семьѣ только по воскресеньямъ, и согласился-бы кажется питаться однимъ хлѣбомъ, только-бы поскорѣе заплатили вамъ мой долгъ.

— О, я увѣренъ, что вы рассчитаетесь со мною прежде года, сказалъ онъ, сжимая мнѣ руку.

Онъ былъ правъ. Черезъ годъ я заплатилъ всѣ долги, и былъ настоящимъ хозяиномъ музея.

Когда я купилъ Американскій музей, онъ былъ тѣню того, что я сдѣлалъ изъ него въ тринадцать лѣтъ управленія. Тогда не было въ немъ и третьей части предметовъ. Къ концу 1842 года я же купилъ и Пильскій музей, присоединивъ его къ моему, потомъ пріобрѣлъ случайно коллекцію, извѣстную подъ названіемъ Китайскаго музея, и такимъ образомъ составилъ самую обширную коллекцію.

Теперь Американскій музей занимаетъ вдвое мѣста чѣмъ въ началѣ. Зала для чтенія была мала и неудобна, но теперь она почитается одною изъ лучшихъ и обширныхъ залъ Нью-Йорка.

Этимъ не окончились мои старанія о музее. Днемъ я показывалъ коллекцію рѣдкостей, а вечеромъ устраивалъ въ этихъ-же залахъ спектакль, довольно занимательный. Только по воскресеньямъ не было у меня представленій.

Спектакли мои отличались тоже оригинальностью. У меня показывали ученыхъ собакъ, блохъ, автоматовъ, вантрилоковъ;

фокусники, эквилибристы забавляли публику; живыя картины, карлики, великаны, альбиносы, танцоры, музыка, различныя діорамы, механическія фигуры, калейдоскопы, машины, и пр. и пр. привлекали многочисленную публику.

Все это показывалось не разомъ, но программы были всегда разнообразны, и наконецъ я началъ ставить маленькія драмы въ нравоучительномъ родѣ, которыя до сихъ поръ имѣютъ большой успѣхъ.

За всѣ мои старанія я пріобрѣлъ симпатію публики, хотя успѣхи мои нравились не всѣмъ и многіе упрекали меня въ шарлатанствѣ. Я не оправдываюсь, и если мнѣ случалось выставять проблематическую сирену для возбужденія любопытства толпы, то ненадобно забывать, что я показывалъ живыхъ хамелеоновъ, носороговъ, медвѣдей, орангутанговъ, змѣй, которыми я не могъ никого обмануть, и которыя обходились мнѣ дорого. Меня упрекали тоже за напыщенные объявленія съ иллюстраціями и за безпрестанныя афиши съ моимъ именемъ, но безъ этого мнѣ нельзя было обратить на себя вниманія, потому что публика не обязана была отыскивать меня, тогда какъ я только жилъ ею. Стало быть эти продѣлки очень невинны, и я не думаю краснѣть за нихъ. Меня прозвали *принцемъ пуфа*, *королемъ банкистовъ*, но эти названія ни сколько не огорчаютъ меня. Напротивъ, я думаю, что надобно много стараній и талантовъ, чтобъ заслужить ихъ, и что человекъ, принимающійся за занятіе, подобное моему, и еще безъ денегъ, обязанъ употребить всѣ усилія, чтобъ поразить публику новизною, оригинальностью, смѣлостью. Я охотно примѣняю къ себѣ слова англійскаго писателя Альберта Смита, который сказалъ въ своей книгѣ: *Приключенія семейства Скальтергудъ*:

«Понимать и употреблять нѣтъ очень трудно. Говорятъ, что я умѣю поражать публику и завлекать ее. Съ этимъ талантомъ всегда можно успѣть, но за то, тѣ, которые не имѣютъ его, будутъ упрекать меня въ шарлатанствѣ.»

Между рѣдкостями моего музея было изображеніе водопада Ніагары, сдѣланное артистомъ Граупомъ. Это была самая вѣрная картина со всѣми подробностями и окрестными видами, но артистъ вздумалъ, для увеличенія эффекта, употребить въ картинѣ настоящую воду.

Каскадъ имѣлъ имѣлъ шестнадцать футовъ вышины, и все остальное было изображено по этой же соразмѣрности. Однако

мнѣ не нравилось это нововведеніе и я долго не рѣшался приобрести картину съ живою водою. Наконецъ, думая, что на афишѣ, объявленіе объ этомъ будетъ эффектно, я заплатилъ за Ніагару двести долларовъ и напечаталъ слѣдующее извѣщеніе:

ИЗОБРАЖЕНІЕ

НІАГАРСКАГО ВОДОПАДА

ПОСРЕДСТВОМЪ

НАСТОЯЩЕЙ ВОДЫ!

Небольшой боченокъ воды былъ достаточенъ на нѣсколько мѣсяцевъ, потому-что каскадъ падалъ въ резервуаръ, изъ котораго можно было опять накачать воду на верхъ.

Многіе туристы были не въ состояніи отправиться смотреть настоящій водопадъ, и потому приходили любоваться моимъ изображеніемъ Ніагары, и за тѣ же пять су видѣли и весь музей. Это было, разумется, не дорого.

Однажды меня попросили явиться въ контору комиссіи, снабжающей городъ водою и объявили, что меня обязывались снабжать водою для собственнаго употребленія, а всѣмъ не для устройства водопадовъ, и чтобъ я приплачивалъ еще за Ніагару.

Я объяснилъ однако, что для водопада мнѣ ненадобно больше боченка воды, которая служить на цѣлый сезонъ, что со времени покупки картины, у меня выходитъ тоже количество воды какъ и прежде, стало быть, я не обязанъ платить больше.

При этомъ я просилъ покорнѣйше членовъ комиссіи не вѣрить всѣмъ моимъ печатнымъ объявленіямъ, въ которыхъ я могу сказать, что воду для водопада привозятъ мнѣ прямо съ Ніагары.

Однажды Луи Кларкъ, остроумный издатель Knickerbocker, поѣхалъ мой музей. Я не видалъ его прежде, но онъ самъ назвался, и такъ какъ я очень желалъ, чтобъ онъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ статью про мои рѣдкости, то и пошелъ его провожать по всѣмъ заламъ, называя вещи, рассказывая всѣ подробности.

Наконецъ мы подошли къ комнатѣ, гдѣ былъ Ніагарскій водопадъ. Толпа наполняла ее по обыкновенію, и слышно было какъ за кудисами качали воду, чтобъ теченіе не останавливалось.

Мнѣ нехотѣлось, чтобъ Кларкъ видѣлъ вблизи мою Ниагару и потомъ посмѣялся-бы надо мною въ своемъ журналѣ. Однако я желалъ, чтобъ онъ что нибудь сказалъ о ней. Я остановилъ его въ дверяхъ, какъ будто предостерегая отъ толпы, но онъ сказалъ мнѣ:

— Скажите мнѣ, Барнумъ, что за любопытная вещь въ этой комнатѣ, что публика не выходитъ изъ нея?

— Это изображеніе Ниагарскаго водопада.

— Съ настоящей водою, какъ у васъ сказано въ объявленіяхъ? Это надобно посмотреть.

И Кларкъ всталъ на стулъ и началъ смотрѣть черезъ головы посѣтителей.

Мнѣ было неловко останавливать его, но въ ушахъ моихъ раздавался громче говора толпы скрипъ накачиванія воды, и я боялся; гость мой разразился насмѣшками, и вдругъ сказалъ:

— Bravo, Барнумъ! Какая новая мысль! Какъ это прежде ни кому не пришло въ голову!

Я не вѣрилъ ушамъ своимъ, чтобъ Кларку могла понравиться такая глупость. Вѣроятно въ этотъ день онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и я старался поддержать его.

— Да, отвѣчалъ я, мысль нова, только хорошо-ли исполнена картина?

— Превосходно! Незнаю какъ вблизи, но отсюда эффектъ удивительный.

Пуфъ мой совершенно удался, потому-что критикъ былъ въ восторгѣ, и я долженъ былъ воспользоваться этимъ случаемъ для своей пользы.

Я продолжалъ расхваливать свою Ниагару въ надеждѣ, что писатель опишетъ въ своемъ журналѣ мою рѣдкость, что привлечетъ еще больше публики, но онъ продолжалъ только восклицать: Прекрасно! Оригинально! и я наконецъ догадался, что онъ смѣется надо мною. Однако я не смѣлъ показать неудовольствія, но желалъ развлечь его и повелъ въ верхній ярусъ музея, гдѣ устроены были всячіе сады, подъ которыми публика наслаждалась мороженымъ.

Я ужасно боялся появленія слѣдующаго нумера Knickerbocker. Наконецъ онъ вышелъ, и я прочиталъ съ удовольствіемъ похвалу о музее и дѣятельномъ его владѣтель, котораго ждуть въ будущемъ большіе успѣхи; но объ Ниагарскомъ водопадѣ не было.

даже упомянуто. Я долженъ былъ благодарить и за это молчаніе, но мнѣ было досадно, что Кларкъ смѣялся надо мною.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого происшествія Кларкъ прибѣжалъ въ мой музей и спросилъ меня скоро:

— Любезный Барнумъ, я пришелъ узнать нѣтъ-ли въ вашей коллекціи дубины, которою былъ убитъ капитанъ Кукъ?

— Есть, отвѣчалъ я, очень серьезно, вспомнивъ, что у меня есть много индѣйскихъ дубинъ, и желая въ свою очередь посмѣяться надъ журналистомъ.

— Какъ я радъ! вскричалъ онъ, я давно желалъ видѣть этотъ любопытный инструментъ.

— Погодите здѣсь, я вамъ принесу его.

И побѣжавъ въ верхній этажъ, я бросился къ дубинамъ и выбралъ изъ нихъ самую тяжелую, которая очень могла раздробить голову не одного капитана Кука. Приклеивъ наскоро къ ней записку, я вернулся къ Кларку и подаль ему знаменитую дубину.

— Возможно-ли! сказалъ онъ, съ трудомъ приподнимая оружіе дикихъ. Эта дубина лишила жизни великаго человѣка!

— Да, я думаю, что онъ убитъ былъ однимъ ударомъ, отвѣчалъ я, стараясь сохранить хладнокровіе, но внутренно радуясь, что могу посмѣяться надъ насмѣшникомъ.

— Бѣдный капитанъ Кукъ! продолжалъ Кларкъ. Ожидалъ-ли онъ такого конца.

— Никакъ не ожидалъ.

— Но вы увѣрены, что это та самая дубина?

— О! въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Я могу показать вамъ неоспоримыя доказательства. Но скажите, что вамъ вздумалось заниматься дубинами и капитаномъ Кукомъ?

— Вотъ видите-ли, Барнумъ, сказалъ журналистъ, взглянувъ на меня насмѣшливо: со мною спорили, что дубина, убившая капитана Кука, не существуетъ, а я настаивалъ, что непременно найду въ какомъ нибудь музей. Вотъ я пошелъ осматривать всѣ коллекціи рѣдкостей въ городъ, и былъ уже въ двадцати музеяхъ. И чтожъ! Гдѣ я ни спрашивалъ про дубину Кука, вездѣ мнѣ показывали настоящую дубину, и наконецъ я пришелъ къ вамъ, увѣренный, что у васъ также должно быть это странное оружіе.

Опять я попался въ просакъ. Кларкъ снова подшутилъ надо мною и я долженъ былъ непременно отплатить ему, чтобъ онъ

и друзья его не приняли меня за настоящего дурака, надъ которымъ можно потѣшаться сколько угодно.

Вотъ почему, черезъ нѣсколько дней, я написалъ къ нему письмо, прося зайти ко мнѣ по важному дѣлу.

Онъ пришелъ черезъ часъ.

— Что вамъ надобно, любезный Барнумъ?

— Забудьте на минуту ваши шутки, сказалъ я и выслушайте меня серьезно, потому-что дѣло идетъ о предметъ, который можетъ принести мнѣ большую пользу.

— Вы знаете, Барнумъ, что я уважаю васъ и съ удовольствіемъ готовъ оказать вамъ услугу, отвѣчалъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Вотъ видите ли. На дняхъ пріѣхалъ путешественникъ изъ Египта. Онъ привезъ живую рыбу, пойманную имъ въ Нилѣ, которую предлагаетъ мнѣ купить, потому-что она необыкновенной и еще неизвѣстной породы. При томъ-же хозяинъ этой рыбы увѣряетъ, что черезъ шесть недѣль произойдетъ съ нею любопытный феноменъ; у нея отвалится хвостъ и вмѣсто его вырастутъ лапы. Онъ такъ увѣренъ въ этомъ, что предлагаетъ держать пять тысячъ долларовъ, если этого не случится. Такъ какъ сумма довольно велика, то я хотѣлъ посоветоваться съ вами.

— Но возможенъ-ли такой феноменъ?

— Я тоже думалъ, что невозможенъ, но путешественникъ говоритъ такъ убѣдительно, что я повѣрилъ невольно. Только онъ проситъ по сту долларовъ въ недѣлю, если я буду показывать публикѣ его рыбу.

— Это еще дешево, потому что вы соберете гораздо больше. Только право нѣвѣроятно, чтобъ такая рыба существовала. Что скажутъ натуралисты, ученые! Какой шумъ произведете вы! Какъ всѣ бросятся смотрѣть эту чудную рыбу съ лапами!

— Вы увѣрены, что это произведетъ эффектъ?

— Какже! поторопитесь сторговаться съ вашимъ путешественникомъ и предупредите публику о новомъ чудѣ. Не забудьте сказать, что если феноменъ не совершится, то пять тысячъ долларовъ вкладу будутъ пожертвованы въ пользу бѣдныхъ. Предсказываю вамъ, что музей вашъ покажется тѣснымъ для всѣхъ любопытныхъ, которые бросятся смотрѣть вашу рыбу.

— Если вы такъ увѣрены въ успѣхъ, то я рѣшусь на спе-

куляцію, только я думаю, что не надобно называть это чудо рыбою.

— Имя ничего не значить, мой любезный. Къ какой породѣ принадлежитъ ваша рыба?

— Къ породѣ ящериць, отвѣчалъ я какъ можно серьезно.

Кларкъ догадался, что я хотѣлъ пошутить надъ нимъ и преворчавъ что-то, бросился въ дверь и убѣжалъ. Я отплатилъ за дубину Кука.

Многіе помнятъ сирену и воображаютъ, что она была сдѣлана мною или для меня. Это несправедливо, довольно и того, что я ее показывалъ публикѣ. Такъ какъ я взялся откровенно признаться во всемъ публикѣ, то расскажу какъ попала ко мнѣ эта сирена и всю ея исторію.

Въ началъ лета 1842 года пріѣхалъ въ Нью-Йоркъ Моисей Кимбалъ, хозяинъ Бостонскаго Музея и показалъ мнѣ то, что называлъ сиреною. Онъ увѣрялъ, что купилъ ее у матроса, отецъ котораго бывши капитаномъ корабля, загнанъ былъ бурей къ берегамъ Японіи, и тамъ купилъ эту рѣдкость, которая встрѣчается только въ Японскихъ водахъ. Морякъ, увѣренный что сирена возбудитъ любопытство въ Европѣ, повезъ ее въ Лондонъ, отказавшись отъ службы, но надежды его не сбылись и онъ умеръ въ бѣдности, оставя въ наслѣдство сыну одну сирену. Этотъ послѣдній пошелъ служить на корабль и продалъ за бездѣлицу свое наслѣдство Кимбалу, который въ свою очередь предлагалъ ее мнѣ, зная, что я не жалю денегъ, если предметъ въ самомъ дѣлѣ любопытный.

Не совсемъ доверяя этой исторіи, я пригласилъ одного извѣстнаго натуралиста рассмотреть сирену. Тотъ объявилъ, что не понимаетъ даже изъ чего она составлена, потому-что никогда еще у обезьянъ не было такихъ зубовъ и рукъ, и что ни у одной рыбы нѣтъ жабръ такой формы.

— Стало-быть, вы увѣрены, что сирена составлена очень искусно? спросилъ я ученаго,

— Разумвется, что она сдѣлана... я не вѣрю въ существованіе сиренъ.

— Но публика не увѣрена въ этомъ, и я самъ не знаю, что думать; стало-быть я покупаю сирену.

Однако мнѣ было нелегко устроить это дѣло и заставить публику вѣрить въ мою сирену. Надобно было принятъя осто-

рожно, чтобъ возбудить всеобщее любопытство. Вотъ для чего я обратился къ журналамъ.

Скоро явилась въ *Геральдъ* статья, присланная изъ Монгомери, въ которой одинъ путешественникъ, описывая свое пребываніе въ Лондонъ, говоритъ, что видѣлъ тамъ рѣдкій феноменъ, а именно сирену, признанную всеми учеными за настоящую, и которая поймана была въ Японскомъ архипелагѣ и привезена въ Китай, а оттуда въ Лондонъ.

Въ другомъ журналѣ, тотъ-же путешественникъ докторъ *Грифинъ* описывалъ подробно сирену и жалѣлъ, что въ Америкѣ еще не видали ничего подобнаго.

Черезъ нѣсколько дней явилась статья, присланная изъ Чарлестона, въ которой увѣдомляли, что лондонская сирена куплена за огромную цѣну однимъ морякомъ и ѣдетъ въ Нью-Йоркъ. Скоро, въ самомъ дѣлѣ, человекъ почтенной наружности остановился въ одной изъ лучшихъ гостиницъ города и привезъ съ собою ящикъ, съ которымъ обращался такъ осторожно, какъ будто-бы въ немъ хранилась драгоценность. Трактирщикъ полюбопытствовалъ узнать, что тамъ такое, и посмотрѣвъ въ щелочку объявилъ своимъ многочисленнымъ посѣтителемъ, что въ его домѣ остановилась сирена. Надобно себѣ вообразить, какое вліяніе произвело это извѣстіе! На другой день всѣ журналы трубили о прибытіи новаго феномена, и трактиръ чуть не взяли приступомъ. Наконецъ подложный морякъ, другъ мой Лиманъ, помогавшій мнѣ показывать Джойсъ Гейтъ, объявилъ, что сирена скоро явится въ публикѣ.

Нечего рассказывать, что статьи написаны были всѣ мною и посланы въ разные города, гдѣ у меня были друзья, а оттуда пересланы опять въ Нью-Йоркъ, чего не подозрѣвали ни публика, ни журналы. Любопытство жителей было возбуждено въ высшей степени. Всѣ говорили только о сиренѣ. Спорамъ и разсужденіямъ не было конца.

Я увѣренъ, что публицисты и ученые, разсматривавшіе мою сирену, наконецъ убѣдились, что она настоящая. Въ-самомъ-дѣлѣ, она была такъ искусно сдѣлана изъ бюста обезьяны и хвоста рыбы, что никакъ нельзя было видѣть въ какомъ мѣстѣ соединяются эти двѣ части.

Спинная кость рыбы доходила до черепа, волосы довольно длинны и лежали по плечамъ. Посредствомъ микроскопа можно

было разсматривать въ этихъ волосахъ безчисленное множество самой мелкой рыбьей чешуи.

Зубы и пальцы на рукахъ не походили совсемъ на обезьяны, а жабры не принадлежали ни къ одной рыбьей породѣ, известной натуралистамъ. Сирена была отвратительнаго вида, сухая и черная, въ ней было три фута длины. Открытый ротъ и вывернутыя руки придавали ей видъ, будто она умерла въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Не смотря однако на все это, сирена была замѣчательнымъ твореніемъ, геніяльнаго и трудолюбиваго артиста. Я былъ увѣренъ, что надъ нею трудился терпѣливый китаецъ или японецъ.

Недавно перелистывая исторію Японіи, составленную по подлиннымъ документамъ голландцевъ, я нашелъ въ ней слѣдующую главу, относящуюся къ нравамъ и обычаямъ:

«Одинъ японецъ рыбакъ придумалъ необыкновенную и фантастическую штуку, чтобъ обогатиться деньгами у своихъ соотечественниковъ. Онъ составилъ вмѣстѣ верхнюю часть обезьяны съ рыбьимъ хвостомъ и рассказывалъ всѣмъ, что поймалъ это животное живымъ, вмѣстѣ съ рыбами, но что она вскорѣ потомъ умерла. Этотъ ловкій мошенникъ скоро разбогатѣлъ, показывая свое чудовище за деньги. Онъ умѣлъ возбудить любопытство еще тѣмъ, что рассказывалъ за тайну, что животное это, прожившее вне воды нѣсколько минутъ, успѣло предсказать нѣсколько лѣтъ плодородныхъ, а потомъ страшную эпидемію, конецъ которой объявить другое животное, пойманное такимъ-же образомъ съями въ морѣ. Портреты сирены продавались очень дорого. Кажется, что эта фабрикованная сирена или другая въ такомъ-же родѣ была продана въ Голландскую факторію, а потомъ попала въ руки американца, который повезъ свою покупку въ Европу, показывалъ ее во всѣхъ городахъ и удивлялъ дураковъ, наполняя свой карманъ.»

Ничего нѣтъ мудренаго, что сирена, сдѣланная моимъ японскимъ собратомъ, которому также можно дать имя *Принца Пуфа*, попала въ послѣдствіи въ мой Американскій музей.

Во многихъ другихъ музеяхъ я видѣлъ тоже образчики сиренъ меньшихъ размѣровъ, но сдѣланныхъ не такъ искусно.

Я знаю также, что въ Королевскомъ музеѣ въ Гагъ хранится маленькая сирена въ раковинѣ. Ее привезъ одинъ капитанъ изъ Китая, куда она вѣроятно попала изъ Японіи.

Въ то время какъ Лиманъ показывалъ сирену немногимъ

избраннымъ посѣтителемъ въ отель *Пасификъ*, я приготовлялъ гравюры, транспаранты и брошюру о сиренахъ. Потомъ я посѣтилъ всѣ редакціи журналовъ и вездѣ оставилъ по статьѣ и портрету сирены, говоря, что можетъ быть хозяинъ этого чуда не согласится отдать его въ Американскій музей. Всѣ журналы точно согласились, и въ одинъ день напечатали и статьи, и иллюстраціи. Потомъ они, разумѣется, раскаялись въ своей снисходительности, увидя, что я каждому редактору говорилъ одно и тоже.

Можно сказать безъ метафоры, что сирена моя произвела лихорадочное волненіе, когда никто еще не подозрѣвалъ, что она принадлежитъ мнѣ. Брошюры мои разошлись въ числѣ десяти тысячъ экземпляровъ, гравюръ продавалось еще больше—словомъ весь городъ читалъ и говорилъ только о сиренѣ, и наконецъ когда любопытство и ожиданіе доведены были до высшей степени, я нанялъ концертную залу Бродвея и разослалъ въ журналы слѣдующее объявленіе;

ВЪ КОНЦЕРТНОЙ ЗАЛѢ БРОДВЕЯ

ПОКАЗЫВАЕТСЯ

СИРЕНА

И ДРУГІЯ РѢДКІЯ ЖИВОТНЫЯ.

«Публику извѣщаютъ, что почтеннѣйшій г. Гриммъ, хозяинъ сирены, привезенной недавно въ Америку, согласился на многочисленныя просьбы первыхъ жителей города и будетъ показывать ее публично въ великолѣпной концертной залѣ въ продолженіе недели не болѣе, такъ, что 8-го числа будетъ открыта эта любопытная выставка» а 13-го закрыта, потому-что владѣтель сирены не рассчитываетъ на выгоды и хочетъ только доставить удовольствіе американской публикѣ.

«Сирена эта назначена въ лондонскій музей натуральной исторіи, который выдастъ за нее огромную сумму.

«Такъ какъ г. Гриммъ путешествовалъ только съ целью собирать рѣдкости въ мірѣ животныхъ, то въ эту минуту онъ владѣетъ многими любопытными образчиками, которые показываетъ тутъ-же, какъ-то, летучія рыбы, гремучія змѣи, и многія другія малозвѣстныя или совсѣмъ неизвѣстныя животныя, вывезенныя изъ Австраліи, Китая, Индіи, Японіи.

Цена за входъ двадцать пять су съ персоны.»

Огромная толпа бросилась въ залу концерта, и Лиманъ или Гриммъ важно игралъ роль хозяина.

Я боялся сначала, что другъ мой будетъ узнавъ тѣмъ, которыми показывалъ когда-то кормилицу Вашингтона, но къ счастью ни кому не пришло въ голову, что это одно и тоже лицо.

Страшная сирена была поставлена подъ колпакъ, чтобъ ее не трогали и могли видѣть со всехъ сторонъ. Лиманъ стоялъ возлѣ столика и занималъ публику любопытными разсказами о своихъ путешествіяхъ, о чудесныхъ созданіяхъ и о сиренахъ въ особенности.

Публика была очень довольна, не смотря на то, что на транспарантъ, украшавшемъ входъ, была изображена превосходная женщина съ рыбьимъ хвостомъ, а ей показывали небольшое чудовище до того сухое и жалкое, что ребенокъ могъ легко унести ее одною рукою.

Нѣсколько дней послѣ выставки сирены пришелъ въ мой музей старый голландецъ и спросилъ разбитымъ голосомъ:

— Гдѣ сирена?

— Ее здѣсь нѣтъ, отвѣчалъ я.

— Я нарочно пріѣхалъ изъ Нью-Джерсея, чтобъ видѣть сирену... гдѣ-же она?

Въ залъ Бродвея.

Старикъ поспѣшилъ уйти, бормоча на лѣстницѣ:

— Я никогда невидаль сиренъ. Въдѣ это должна быть живая.

Я не почелъ нужнымъ разувѣрять его.

Желая посмотреть какое дѣйствіе произведетъ видъ сирены на голландца, я пошелъ вслѣдъ за нимъ и, опередивъ его, былъ уже въ залъ, гдѣ Лиманъ ораторствовалъ про чудеса созданія, какъ вдругъ старикъ вошелъ, осмотрѣлся и прервалъ оратора громкимъ вопросомъ:

— Гдѣ сирена? я хочу видѣть сирену.

Лиманъ призвалъ на помощь все свое хладнокровіе и показалъ наше чудо подъ стекляннымъ колпакомъ.

Старикъ съ неудовольствіемъ осмотрѣлъ сушеное чудовище и вскричалъ:

— Это-то вы называете сиреною?

— Точно такъ, отвѣчалъ Лиманъ, несовсѣмъ увѣренно.

— Поздравляю васъ, сказалъ Голландецъ сердито. Вы мо-

жете морочить дураковъ, но я никакъ не повѣрю, чтобъ это была настоящая и неподдѣльная сирена.

И онъ вышелъ посреди всеобщаго молчанія. Лиманъ не нашелся, что отвѣчать ему.

Въ другой разъ съ моимъ товарищемъ сыграли новую штуку, которая привела его въ совершенное смущеніе. Лиманъ отлучился на нѣсколько минутъ изъ залы, оставя въ ней небольшое число посѣтителей. Въ числѣ ихъ было нѣсколько студентовъ медицины. Только что сирена осталась безъ присмотра, шалуны приподняли стеклянный колпакъ и всунули ей въ ротъ недокуренную сигару.

Разумется, что послѣ этого подвига шалуны ушли, а Лиманъ войдя съ новою толпою посѣтителей, не взглянулъ даже на сирену и началъ важно говорить имъ свою рѣчь:

— Это чудное созданіе было поймано у береговъ Японіи. До сихъ поръ натуралисты думали, что созданіе это баснословное, но я имѣю самыя достовѣрныя свѣдѣнія, что сирена эта взята Японскимъ рыбакомъ въ сѣти, и что она жила послѣ того часа три и потомъ умерла.

— Не успѣвши даже вынуть изъ рта сигару, сказалъ одинъ изъ зрителей.

Это замѣчаніе заставило Лимана повернуть голову, и сигара во рту сирены до того поразила его, что онъ совершенно растерялся, не смотря на обыкновенное присутствіе духа. Рассказывая послѣ это происшествіе, онъ увѣрялъ, что въ эту минуту обдало его холоднымъ потомъ, потому что онъ былъ совершенно увѣренъ, что публика, раздраженная глупою шуткою, разобьетъ колпакъ, разорветъ сирену и прибьетъ его самого. Однако къ счастью все кончилось смѣхомъ, и недовольные разошлись, ворча на мистификаціи и шарлатановъ, но все-таки смѣясь при мысли о смѣшной фигурѣ, какую представляла наша черная сирена съ сигарою во рту.

Сирена, пробывши недѣлю въ концертной залѣ, перѣехала ко мнѣ въ музей, гдѣ ее ждалъ великолѣпный пріемъ. Объявленія разсыпаны были щедрою рукою, и превосходный флагъ шестнадцати футовъ длины, съ изображеніемъ сирены, былъ повѣшенъ вмѣсто вывѣски.

Лиманъ пришелъ ко мнѣ рано утромъ, чтобъ продолжать свою роль оратора, и увидя богатую вывѣску, вбѣжалъ ко мнѣ недовольный и вскричалъ:

— Къ чему этотъ великолѣпный флагъ?

— Чтобъ публика видѣла, гдѣ находится сирена.

— Но ты уничтожаешь иллюзію. На вывѣскѣ у тебя представлена огромнѣйшая сирена, а потомъ ты покажешь образчикъ въ шесть дюймовъ длины. Это заставитъ всѣхъ смѣяться.

— Вывѣска стоитъ мнѣ семьдесятъ доллеровъ, какъ-же ты хочешь, чтобъ я ее бросилъ?

Лиманъ холодно мнѣ поклонился и сказалъ, идя къ двери.

— Какъ вамъ угодно, г. Барнумъ, только я не хочу служить потѣхою для публики, и потому не войду къ вамъ, пока будетъ развѣваться надъ музеемъ эта сирена.

— То-есть, ты дезертируешь, когда надобно дать сраженіе!

— Я говорю для твоей-же пользы и предсказываю, что завтра-же ты снимешь твою вывѣску.

Я былъ такъ увѣренъ, что Лиманъ хорошо знаетъ публику и что онъ не посоветуетъ мнѣ ничего дурнаго, что уступилъ ему и спряталъ мой великолѣпный флагъ.

Сирена продолжала между-тѣмъ привлекать публику, и побывавъ во многихъ городахъ, вернулась къ своему хозяину Кимбалу, у котораго останется въ Бостонскомъ музее до 31 го марта 1855 года. На другой-же день, 1-го апрѣля, (самый приличный день) она прїѣдетъ опять на годъ въ Американскій музей, чтобъ прельщать жителей Нью-Йорка, и 2-го января 1856 отправится назадъ въ Бостонъ, гдѣ останется навсегда.

Доходы музея, до прибытія сирены, доходили до тысячи двухъ сотъ доллеровъ въ мѣсяцъ. Когда-же эта морская дама пожаловала ко мнѣ, то я собиралъ больше трехъ тысячъ трехъ сотъ доллеровъ въ мѣсяцъ.

Компанія Нью-Йоркскаго музея, не продавшая своихъ акцій, вздумала продавать Пильскій музей, но и это не удавалось ей. Тогда Генрихъ Беннетъ взялся управлять этимъ заведеніемъ, общая, что онъ заставитъ публику посѣщать его музей.

Для этого онъ сбавилъ цѣну за входъ, и потомъ началъ пародировать меня во всемъ. Когда я показывалъ сирену, онъ шилъ какъ можно замѣтнѣе мартышку съ тюленемъ и объявилъ о явленіи *новой сирены!* Когда у меня были концерты, онъ тоже набиралъ жалкихъ пѣвцовъ, коверкая ихъ имена. Его выдумка вмѣсто вреда принесла мнѣ пользу, потому-что, хотя надо мною и смѣялись, но все-таки посѣщали меня, а Беннетъ принужденъ былъ закрыть свой музей, который вскорѣ перешелъ весь ко мнѣ.

Находясь въ Альбани по дѣламъ въ 1842 году, я былъ задержанъ въ Бриджпортъ погодою, и остановился въ отель Франклина, который содержалъ мой братъ Фило. Онъ говорилъ мнѣ о необыкновенно маломъ ростѣ одного ребенка, и привелъ его ко мнѣ. Никогда еще не случалось мнѣ видѣть такого микроскопическаго мальчика. Онъ былъ двухъ футовъ вышины, здоровый, розовый, веселый ребенокъ. Его звали Чарль Страттонъ.

Ему было пять лѣтъ, и неизвѣстно былъ-ли онъ карликъ, тѣмъ болѣе, что былъ сложенія превосходнаго, но я рѣшился взять его съ собою, сговорился съ родителями его, взялся воспитать ребенка, пригласилъ съ собою мать его и скоро явились въ Нью-Йоркъ объявленія, что въ музей показывается новая рѣдкость — Генераль Томъ-Пусъ, карликъ одиннадцати лѣтъ изъ Англіи.

Разумѣется, что лѣта, имя и національность были выдуманы мною, но иначе это было-бы не чудо. Скоро Томъ-Пусъ сдѣлался любимцемъ публики, я полюбилъ его; онъ слушался меня во всемъ, былъ понятливъ и остеръ, и я назначилъ ему жалованье и награжденіе.

Между-тѣмъ я успѣлъ выплатить всѣ долги. Музей принадлежалъ мнѣ, и я ангажировалъ Томъ-Пуса на годъ, по пятидесяти долларовъ въ недѣлю, рѣшился отправиться съ нимъ въ Европу.

III.

КРАСНОКОЖІЕ.

ИНДІЙСКІЕ ВРАЧИ.

I.

Во время путешествія моего въ Сѣверной Америкѣ, по Соединеннымъ Штатамъ, я случайно познакомился и подружился съ однимъ молодымъ американцемъ, который повсюду былъ драгоценнѣйшимъ для меня товарищемъ.

Стевенъ, такъ назывался мой пріятель, осмотрѣлъ весь закоулки Союза. Ему известны были все лица, все народы, все города. Онъ былъ и на отдаленномъ западѣ, посещалъ индѣйскіе вигамы, охотился съ дикарями на буйволовъ, словомъ зналъ весьма хорошо все бытѣ коренныхъ жителей Сѣверной Америки.

Въ длинныя часы дня и ночи, на станціяхъ, въ плавающихъ дворцахъ, называемыхъ пароходами, или движущихся гостиницахъ—вагонахъ по желѣзнымъ дорогамъ, я съ большимъ удовольствіемъ слушалъ рассказы Стевена о разныхъ приключеніяхъ въ его страннической жизни.

Однажды я планировалъ съ нимъ на пароходѣ, шедшемъ въ Филадельфію, какъ...

Но, извините, надо прежде вамъ сказать, что значить въ Соединенныхъ Штатахъ планировать, потому-что это выраженіе можетъ показаться страннымъ на пароходѣ.

Фланировать въ Сѣверной Америкѣ не всегда значитъ бродить безъ цѣли, вздернувъ носъ къверху, опустя руки въ карманы, а напротивъ—оставаться въ неподвижности, упереть ноги въ стѣну, въ перегородку или какую-нибудь мебель, поднять ихъ какъ можно выше, чтобъ имѣть почти вертикальное положеніе, головою внизъ, а ногами вверхъ, и въ этомъ положеніи курить сигару; разговаривать или дѣлать совершенный кейфъ.

Конечно это, не очень граціозно и учтиво; по-крайней-мѣрѣ, удобно-ли? Можетъ-быть къ этому привыкають и находятъ еще удовольствіе; но я долженъ сознаться, что, не смотря на мои попытки, не привыкъ и не полюбилъ такого фланерства. Черезъ пять минутъ у меня начинала болѣть голова, я чувствовалъ, что затылокъ мой готовъ лопнуть и глаза наливаются кровью.

Между-тѣмъ многіе американцы проводятъ въ этомъ положеніи все послѣобѣденное время, съ сигарою въ зубахъ или жевательнымъ табакомъ за щекою. Проходя по нѣкоторымъ улицамъ, гдѣ открыты большіе кофейные дома или гостиницы, вы увидите въ растворенныя окна многихъ фланеровъ въ описанномъ выше положеніи. Проходящія мимо фланеровъ дамы не дѣлаютъ имъ въ этомъ случаѣ никакой помѣхи; это тѣмъ болѣе удивительно, что въ Сѣверной Америкѣ прекрасному полу оказывается полная вѣжливость.

И такъ, мы съ Стевеномъ, привели себя въ положеніе фланеровъ, и мой товарищъ принялся было рассказывать одно изъ походовъ своихъ у индійцевъ, какъ stewart (буфетчикъ на пароходѣ) явился къ намъ съ предложеніемъ: не хотимъ-ли посмотреть представленіе?

— Какое представленіе? спросилъ я, приведя себя тотчасъ въ обыкновенное положеніе.

— А вотъ, увидимъ, отвѣчалъ Стевенъ, оставляя потихоньку и неохотно положеніе фланера.

— Представленіе будетъ въ нижней каютѣ, примолвилъ буфетчикъ, отираясь къ другой группѣ фланеровъ.

II.

По указанію буфетчика, мы сошли въ нижнюю каюту парохода, и нашли на импровизированномъ тамъ возвышеніи нечто похожее на театръ. Сцена была закрыта отъ насъ занавѣсомъ. Всѣ пассажиры, одинъ за другимъ, явились на представленіе.

Зала скоро наполнилась и не могла вмѣстить всехъ зрителей, число которыхъ простиралось отъ пяти до шести сотъ человекъ.

Оркестръ состоялъ изъ неизбѣжныхъ флейты, барабана и арфы. Когда эти три инструмента окончили свои завыванія, безъ чего нельзя же начать спектакля, занавѣсъ поднялся, и изъ дверей, поставленныхъ на сценѣ кулисъ, вышла собака породы грифонъ*.

За собакой послѣдовалъ человекъ, на которомъ были кости да кожа.

Собака отправилась на конецъ эстрады, и съѣла тамъ, гдѣ обыкновенно помѣщается суфлеръ.

Зрители громко захлопали въ ладоши. Кому они хлопали, хозяину или собакѣ? Ни тому, ни другой: они аплодировали спектаклю. Я долженъ сказать, что Американцы страстно любятъ всякія выставки, начиная отъ танцовщицы до болѣе или менѣе умныхъ животныхъ. Танцовщицы имѣютъ только то преимущество, что самые степенные люди запрягаютъ себя въ ихъ кареты.

Что касается до меня, то, правду сказать, я не разделялъ общаго энтузіазма къ молодому на четырехъ лапахъ актеру, пока не началось самое представленіе.

Вы видѣли знаменитую мушито, играющую въ экарте и домино. Но если бѣ она играла даже и на билліардѣ, то не сравнялась-бы съ удивительнымъ животнымъ, находившимся предъ нашими глазами. Впрочемъ похвала принадлежитъ не одному Рогу (кличка собаки), но и ея хозяину, умѣвшему до такой степени ее вышколить. Ученая собака такъ хорошо дѣлала отвѣты на историческіе вопросы, что просто удивленье!

Учитель Рога, задумавшись, остановился посреди эстрады, а собака сидѣла, какъ я уже сказала, на концѣ сцены, устремивъ глаза на хозяина и обернувшись хвостомъ къ зрителямъ.

Слѣдующія слова произнесены были хозяиномъ на сомнительномъ англійскомъ діалектѣ:

— Рогъ, привѣтствуй пріеутствующиѣ дамъ и гоесподъ.

Собака тотчасъ повернулась налѣво кругомъ и привѣтствовала все собраніе два или три раза легкимъ наклоненіемъ головы, послѣ чего приняла прежнее свое положеніе, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

* Собаки съ рѣдкими волосами.

— Рогъ, что сдѣлалось съ нашимъ знаменитымъ Вашингтономъ? спросилъ хозяинъ.

При этомъ вопросъ Рогъ упалъ на полъ и остался недвижимъ.

Я замѣтилъ, что Стевенъ смотритъ въ лорнетъ на собаку съ такимъ вниманіемъ, какъ смотрятъ на хорошенькую актрису; по временамъ онъ шепталъ:

— Удивительно! Удивительно!

Въ эту эпоху Соединенные Штаты были въ войнѣ съ Мексикой; одинъ изъ дѣйствовавшихъ тогда американскихъ генераловъ, Тейлоръ, въ-последствіи президентъ Союза, пользовался общимъ уваженіемъ.

— Рогъ, продолжалъ хозяинъ, представь намъ генерала Тейлора.

Собака гордо подняла голову, дѣлала видъ, будто-бы осматриваетъ войска, потомъ понеслась съ громкимъ лаемъ вокругъ всей сцены, держа въ своей пасти лоскутъ мексиканскаго мундира, и наконецъ, остановясь, разорвала его въ клочки, при громъ рукоплесканій и топаніи ногъ, заглушившемъ стукъ паровой машины.

— Хорошо, Рогъ, началъ опять хозяинъ.—Покажи намъ теперь, что дѣлаетъ Санта-Анна, преслѣдуемый старикомъ Тейлоромъ.

Рогъ предался постыдному бѣгству, поджавши свой хвостъ, и чтобъ точнѣе изобразить представляемое имъ лицо, бѣжалъ спотыкаясь (генераль Санта-Анна ходитъ на деревяшкѣ).

Хохоть и браво раздались при звукахъ оркестра изъ флейты, барабана и арфы.

Стевенъ, во все время представленія не могъ сидѣть спокойно на мѣстѣ; я спросилъ его: не знаетъ-ли онъ этой ученой собаки.

— Ученой! вскричалъ онъ. Скажите лучше удивительной, непостижимой. Представьте себѣ, что Рогъ, рассказавъ намъ бѣгло въскользко страницъ изъ американской исторіи, точно также хорошо знаетъ исторію Италіи, Испаніи, Германіи. Я видѣлъ эту самую собаку въ Венеціи, Мадридѣ и Берлинѣ.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ я Стевену, для меня штуки Рога предпочтительнѣе балета, который приготовляются намъ дать во второмъ актѣ.

Начавшійся балетъ столько-же походилъ на танцы, сколько оркестръ изъ флейты, барабана и арфы на настоящую музыку.

III.

Послѣ представленія, даннаго Рогомъ, мы, не дожидаясь конца балета, возвратились въ большую каюту, гдѣ Стевенъ успѣшилъ принять вертикальное положеніе фланера, а я рѣшился остаться въ горизонтальномъ, чтобъ лучше слушать прерванный имъ разсказъ.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, началъ Стевенъ, я отправился изъ Санъ-Луиса въ крѣпость, основанную американскою компаніей пушныхъ товаровъ, на обширныхъ лугахъ, которые тянутся отъ истоковъ Jellow-Stone, посреди прекрасной и богатой страны, прозванной Эпикурейскою землею.

Эта крѣпость, имѣющая въ себѣ неменѣе трехъ-сотъ квадратныхныхъ сажень, унизана пушками и служитъ для защиты купцовъ отъ нападенія Индійцевъ, такъ какъ добродѣтельные дикари не внушаютъ къ себѣ полной довѣренности.

Путешествіе мое изъ Санъ-Луиса въ крѣпость (болѣе 700 лье) продолжалось три мѣсяца. Въ первый еще разъ пароходъ поднимался такъ высоко по Миссури, и потому легко понять, сколько предстояло намъ трудностей на этомъ длинномъ переходѣ.

Миссури одна изъ самыхъ оригинальныхъ рѣкъ въ мірѣ. Я дѣйствительно испыталъ чувство страха въ ту минуту, какъ пароходъ нашъ изъ Миссиссипи вошелъ въ рѣку Миссури, которая быстрымъ теченіемъ своимъ подмываетъ берега и уноситъ частицы земли.

Вода Миссури до такой степени мутна и непрозрачна, что цвѣтомъ своимъ походитъ на шоколатъ со сливками. Берега ея загромождены деревьями, которые остались тутъ отъ подмытаго берега. Нѣкоторыя изъ этихъ деревьевъ пустили корни въ ложе рѣки, такъ что на горизонтѣ воды видны одни только ихъ вершины.

Этотъ подводный лѣсъ страшитъ плователей. Каждый островокъ, каждая песчаная отмель переплетены стволами деревьевъ, иногда представляющихся въ страннѣхъ формахъ, иногда невидимыхъ подъ водою.

Многія мѣста здѣсь очень живописны. Иногда скалистые берега кажутся, отъ быстрого теченія рѣки, точно выполірованными, иногда они покрыты густымъ, темнымъ, какъ ночь, лѣсомъ.

По временамъ, однакожь, взоръ проникаеть чрезъ прогалины лѣса и открываетъ тамъ безконечныя зеленющіяся равнины.

Я уже сказалъ, что прежде насъ никто такъ высоко не поднимался по Миссури, и потому можете себя представить изумленіе Индійцевъ при приближеніи нашего парохода.

Дикари бросались ницъ на землю, призывая великаго духа, и приносили ему въ жертву собакъ и лошадей, такъ что берега обагривались кровью этихъ животныхъ. Когда мы бросали якорь предъ какою-нибудь деревней, жители въ трепетъ прибѣгали въ молитвъ, доколе не удостовѣрялись въ цѣлости и сохранности своихъ старшинъ, приходившихъ къ нимъ провѣдать о таинственномъ корабль, такъ неожиданно явившемся предъ ними.

По прибытіи нашемъ въ крѣпость, намъ салютовали изъ пушекъ; гулъ отъ выстрѣловъ соединился съ пронзительнымъ крикомъ дикарей, которые толпами сбѣгались на берегъ.

Но какъ нашъ таинственный корабль не дѣлалъ имъ никакого вреда, то Индійцы мало-по-малу съ нимъ ознакомились, и всѣ находившіеся въ крѣпости дикари соединились, чтобъ дать намъ прѣшество. Обѣдъ приготовленъ былъ изъ собачьяго мяса, бобровыхъ хвостовъ и буйволовыхъ языковъ. Это самыя лакомыя блюда, которыя они предлагаютъ почетнѣйшимъ гостямъ. Крѣпость служитъ сборнымъ пунктомъ для Индійцевъ, приходящихъ съ отдаленнаго запада и Скалистыхъ горъ для торга съ бѣлыми.

Индійцы являются въ крѣпость обезоруженными; правило требуетъ, чтобъ каждый изъ нихъ отдавалъ свое оружіе директору компаніи. Забавно смотрѣть на людей различныхъ племенъ, въ явной между собою враждѣ, вчера еще сражавшихся, готовыхъ вступить въ новый бой завтра, расхаживающихъ мирно въ стѣнахъ крѣпости, подъ грозой пушекъ.

Но врагъ человѣческой не дремлетъ. Этой притворной дружбѣ и тишинѣ никто не вѣритъ. Когда настанетъ часъ отпавленія изъ крѣпости, когда возвращено будетъ оружіе, дикари вполне вознаграждаютъ себя за долговременное принужденіе какимъ-нибудь вѣроломствомъ или мщеніемъ, чему сейчасъ представимъ примѣръ.

Между Индійцами, находившимися въ крѣпости, были представители наилучшихъ племенъ, обитающихъ по верховьямъ Миссури, а именно: Кровсы, Блакъ-Фиты, Книстены, Минатавы и нѣкоторыя другіе, люди большею частію рослые и красоты оригинальной.

— Постоите, вскричалъ Стевель, у меня есть альбомъ съ очерками этихъ дикарей, полюбуйте ими!..

— Развъ эти дикари позволяютъ срисовывать съ себя портреты? замѣтилъ я Стевену, разсматривая его альбомъ.

— Не очень-то позволяютъ, отвѣчалъ Стевель, принявшій положеніе фланера. Почти всѣ портреты сняты были украдкой. Эти простяки боялись моего альбома и карандашей болѣе, чѣмъ парохода.

Сначала шло еще довольно хорошо, пока я довольствовался рисовкою одеждъ и легкимъ очеркомъ лицъ, но когда дѣло дошло до портрета хорошенькой дочери старшины Кровсовъ, который мнѣ удалось написать очень сходно, отецъ пришелъ въ изступленіе. Онъ испускалъ жалобные вопли, предполагая, что я украдъ половину жизни его дочери, изобразивъ ее такъ вѣрно.

Индійцы нерѣдко приписываютъ разнымъ предметамъ значительное вліяніе на человѣческую жизнь и здоровье. Я помню, что, въ Новомъ-Орлеанѣ, одинъ мой пріятель предложилъ мимошедшему Индійцу выпить стаканъ содовой водицы, которая въ этомъ городѣ въ большомъ употребленіи. Индїецъ сначала было согласился, но когда содовая вода зашипѣла въ стаканъ, рѣшительно отказался пить, полагая, что точно такое-же дѣйствіе будетъ и въ головѣ его, и что она навѣрное взорвется, какъ скала отъ пороховой мины. Но стаканъ виски, жидкость которой была невозмутима, онъ выпилъ залпомъ, до послѣдней капли.

И какъ индійцы очень легко охмѣляются, то тутъ-же онъ и началъ писать мыслете, задѣвая головой о стѣны домовъ, какъ будто-бы въ головѣ его былъ цѣлый анкерокъ рому.

Индійцы, имѣя частыя сношенія съ бѣлыми, легко пріучаются къ крѣпкимъ напиткамъ и получаютъ къ нимъ охоту. Одному индійцу какой-то купецъ подарилъ боченокъ водки.

Спустя нѣсколько дней, бѣлый спрашиваетъ индійца, понравилась-ли ему жидкость.

— О! очень, отвѣчаетъ дикарь; но скажи, пожалуй, изъ чего она сдѣлана?

Тотъ изъяснилъ ему.

— А я такъ думалъ что она дѣлается изъ женскаго языка и львиного сердца.

— Отъ чего же?

— Отъ того, что когда я ее выпилъ, то слишкомъ много болталъ и готовъ былъ драться съ цѣлою деревней.

IV.

Но позвольте возвратиться къ другу моему Стевену, котораго я оставилъ съ его портретами.

— Когда я сталъ увѣрять старшину Кровсовъ, продолжалъ Стевень, что страхъ его напрасенъ, это еще болѣе его раздражило. Чтобъ успокоить старика, я подарилъ ему портретъ его дочери и просилъ позволенія срисовать его самого, въ полномъ костюмѣ; жаль, что не удалось этого сдѣлать, потому что костюмъ былъ превосходный, но старшина не хотѣлъ о томъ и слышать, и ревелъ какъ дикій зверь.

Не весь, однакожъ, Индійцы заражены предрасудкомъ старшины Кровсовъ относительно портретовъ. Начальникъ крѣпости сказывалъ мнѣ, что одинъ старшина изъ племени Сіу, называвшійся Блэкъ-Бокъ, имѣлъ дочь, по имени Ви-лу-та-се-ща-та-манюсъ, что значило: красная женщина, привлекающая на себя взоры. Эта женщина, дѣйствительно красивая и умная, казалось, имѣла на своихъ дикарей значительное вліяніе. Она пользовалась также уваженіемъ начальника крѣпости и оказала купцамъ разныя услуги.

Одинъ охотникъ написалъ съ нее очень сходный портретъ, который хранился у начальника крѣпости.

Ви-лу-та-се-ща-та-манюсъ умерла отъ оспы, отъ которой погибаютъ многіе Индійцы. Черезъ два года послѣ того, отецъ ея, Блэкъ-Бокъ, явившись въ крѣпость для торга, увидѣлъ этотъ портретъ. Онъ вскрикнулъ отъ удивленія, глаза его наполнились слезами, губы дрожали, онъ не могъ произнести ни одного слова и упалъ на землю.

— Сердце мое опять живетъ, вскричалъ онъ напоследокъ, какою таинственною силою я вижу мою дочь и могу ей говорить! У меня передъ крѣпостью десять лошадей и самый лучший вигамъ. Дай мнѣ изображеніе моей дочери, десять лошадей и вигамъ твой.

Крѣпостной начальникъ отдалъ разстроганному до слезъ дикарю портретъ, разумется не взявъ ничего.

V.

Насталъ день отправленія всѣхъ дикарей изъ крѣпости.

Старшины предъ разставаньемъ надѣли на себя лучшія свои платья.

Я съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на двухъ или трехъ дѣйствительно замѣчательныхъ воиновъ. Они принадлежали къ племени Кровсовъ, отличались высокимъ ростомъ, щегольствомъ въ одеждѣ и некоторымъ благородствомъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ и пріемахъ.

На нихъ было бѣлое платье, искусно приготовленное изъ некоторыхъ рѣдкихъ звѣриныхъ шкуръ. На эту одежду падали длинные черные волосы, достигавшіе до самой земли. Только мужчины имѣютъ преимущество носить длинные волосы, женщины-же стригутъ себя подъ гребенку.

Кровсы теперь точно Аэиняне пустынь Сѣверной Америки,—народъ женоподобный, чувственный и обреченный на истребленіе Блакъ-Фитами, непримиримыми ихъ врагами. Последніе, число которыхъ простирается до сорока тысячъ душъ, безпрестанно убиваютъ Кровсовъ.

Въ ту минуту, какъ дикари приготовлялись группами оставить крѣпость, я видѣлъ начальника Кровсовъ во всей его красѣ: онъ былъ на лошади, съ длинною въ рукѣ пикой, на которой развѣвались орлиныя перья съ волосами, вѣроятно убитыхъ на войнѣ непріятелей. Этотъ старшина имѣлъ на перевязи лукъ и колчанъ, наполненный стрѣлами. Длинные его волосы разносились вѣтромъ; на головѣ у него было нечто въ родѣ короны, также изъ орлиныхъ перьевъ, очень искусно расположенныхъ; подобное-же украшеніе изъ перьевъ было и на головѣ лошади, покрытой отъ шеи до крупа искусно выдѣланною буйволовою шкурой, вокругъ которой висѣла бахрама изъ перьевъ, волосъ, и шелка.

Этотъ дикарь, гарцуя на лихомъ конѣ, обращалъ на себя всѣ взоры.

Вообще Кровсы хорошіе всадники, но далеко еще уступаютъ въ этомъ Каманшисамъ—настоящимъ летунамъ пустыни. Последніе до безумія пристрастны къ играмъ, пляскамъ и съ ранняго возраста свыкаясь съ лошадыю, не уступаютъ въ верховой ѣздѣ никакимъ артистамъ цирка.

Одна изъ замѣчательныхъ ихъ штукъ состоитъ въ томъ, чтобъ на всемъ лету броситься на бокъ лошади, придерживаясь ногою за крупъ, такъ что лошадь становится щитомъ. Каманшисы весьма искусны въ этой штукѣ: они во весь духъ летятъ на непріятеля, и настигая его, приводятъ себя въ вышесказан-

ное положеніе, въ которомъ безнаказанно могутъ пустить въ него двѣ или три стрѣлы.

Каманшисы расту повыше средняго, тяжелые и неловкіе, когда пьши, и какъ-бы перерождаются очутясь верхомъ. Скакать на лошади это ихъ жизнь.

Безконечныя равнины, на которыхъ они поселились, устьяны лошадьми. Эти животныя такъ зорки, что открываютъ непріятеля въ разстояніи одной мили.

Индійцы ловятъ ихъ арканомъ длиною отъ десяти до пятнадцати аршинъ, который чрезвычайно ловко бросаютъ на шею лошади. На концѣ аркана есть петля съ бѣгучимъ узломъ, которая затягивается и заставляетъ бѣдное животное падать. Эти дикія лошади миниатюрны но сильны, съ вышуклыми глазами, широкими ноздрями, малыми копытами и тонкими ногами. Другія племена называютъ ихъ монкъ-а-вакъ-онъ, т. е. таинственныя собаки.

Старшина Каманшисовъ, начальствовавшій небольшимъ отрядомъ, явился въ крѣпость въ простой одеждѣ. Въмѣсто всякихъ украшеній, онъ носилъ въ ушахъ двѣ богатыя жемчужины и огромный медвѣжій зубъ на груди.

Всѣ эти отряды различныхъ племенъ выступили изъ крѣпости и при громкихъ кликахъ и конскомъ ржаніи направились въ разныя стороны.

VI.

Я уже сказалъ вамъ, что совершенное согласіе царствовало между Индійцами, пока они оставались въ крѣпости. Между тѣмъ въ тиши готовилась драма, доказывающая вѣроломство и кровожадность людей, которыхъ представляли за образецъ честности и добродушія.

Не прошло пяти минутъ по выходѣ послѣднихъ Индійцевъ изъ крѣпости, какъ мы услышали ружейный выстрѣлъ; обратясь въ ту сторону, откуда раздался онъ, видимъ, что прекрасный начальникъ Ковсовъ, о которомъ я сейчасъ говорилъ, падаетъ съ лошади. Одинъ изъ Блакъ-Фитовъ, спрятавшись за кустами деревьевъ, измѣннически поджидалъ своего непріятеля и на близкомъ разстояніи влѣпилъ въ него двѣ пули.

Несчастный получилъ смертельную рану; его принесли въ крѣпость въ безнадежномъ состояніи.

Въ такихъ случаяхъ Индійцы пренебрегаютъ пособіями евро-

пейскихъ врачей, и прибѣгаютъ къ шарлатанству своихъ колдунъ-медиковъ; мнѣ довелось на этотъ разъ быть свидѣтелемъ самой оригинальной сцены.

Но надо вамъ прежде сказать, что индійскій врачъ есть ничто иное, какъ самый презрѣнный шарлатанъ, который, однакожь, пользуется между ними большимъ уваженіемъ; они считаютъ его жрецомъ, оракуломъ, чуть не пророкомъ.

Человѣкъ, присвоивающій себѣ столько титуловъ, имѣетъ большое вліяніе на Индійцевъ. На совѣтахъ войны и мира, онъ возсѣдаетъ вмѣстѣ съ старшинами, и мнѣнія его имѣютъ большой вѣсъ. Никогда, никакое племя, даже и въ маломъ числѣ, не выступить въ дорогу безъ сопровожденія такого знаменитаго лица.

Сотни зрителей изъ Индійцевъ и бѣлыхъ окружали бѣднаго страдальца, находившагося при последнемъ издыханіи. Мы сдѣлали около него кружокъ, оставя посреди свободное мѣсто, шаговъ на тридцать, чтобъ было гдѣ упражняться индійскому шарлатану.

Сверхъ-того, для доктора очищена была сквозь толпу дорожка, по которой онъ могъ свободно войти въ кружокъ, ни до кого не дотронувшись.

Прибытіе его возвышено было произнесеніемъ Индійцами некоторыхъ таинственныхъ словъ, послѣ чего между присутствующими водворилась глубокая тишина.

Тутъ я увидѣлъ индійскаго доктора, перегнутаго на-двое, идущаго медленными шагами, въ престранномъ нарядѣ изъ медвѣжьей шкуры: голова звѣря служила ему маской, а лапы съ когтями висѣли на груди; кромѣ-того, онъ нальнилъ на себя шкуры разныхъ пресмыкающихся и гадовъ, какъ напримѣръ, змѣй, лягушекъ, мышей; навѣсилъ крылья и клювы хищныхъ птицъ, козлиные рога, словомъ сказать, разныя частицы отъ всего, что летаетъ, ходитъ и ползаетъ въ этой пустынной части свѣта.

Въ правой рукѣ медикъ-колдунъ держалъ барабанъ съ побрякушками, на которомъ начертаны были таинственные знаки, а въ левой рукѣ магическое копье. Ударяя побрякушками, онъ издавалъ гортанные звуки, похожіе на ворчаніе медвѣдя.

Такъ онъ приблизился къ несчастному страдальцу и принялся вокругъ него плясать, поворачивая раненаго во всѣ стороны.

Церемонія эта продолжалась добрые полчаса, посреди тиши-

ны и удивленія присутствующихъ , послѣ чего страждущій умеръ.

Шарлатанъ поплясалъ еще возлѣ трупа, сбросилъ съ себя одежду, всѣ принадлежности своего сана, и оставилъ кружокъ съ полною самоувѣренностью, что исполнилъ превосходнѣйшее дѣло.

Въ-послѣдствіи я узналъ, какими средствами индійскіе шарлатаны поддерживаютъ вліяніе свое на толпу.

Въ обыкновенныхъ болѣзняхъ шарлатаны предписываютъ пособія изъ лекарственныхъ травъ. По-крайней-мѣрѣ, такъ водилось прежде; нынѣ они оставили травы и употребляютъ вмѣсто ихъ алкоголь, монополія котораго въ ихъ рукахъ.

Когда простые средства не производятъ желаемаго дѣйствія, или-же въ обстоятельствахъ важныхъ, подобныхъ вышеприведенному,—шарлатанъ прибѣгаетъ къ леченіямъ таинственнымъ.

Если случится, что больной, не смотря на всѣ продѣлки шарлатана выздоровѣетъ, индійскій эскулапъ наряжается въ лучшія одежды, окружая себя богатѣйшимъ оружіемъ, и остается нѣсколько дней въ своемъ вигамѣ посреди многочисленной толпы, которой рассказываетъ о своемъ чудесномъ исцѣленіи и несомнѣнной силѣ его лекарствъ.

Но если, напротивъ того, больной умретъ, что бываетъ гораздо чаще, эскулапъ присоединяется къ плачущимъ и легко увѣряетъ простодушныхъ индійцевъ, что на то была воля великаго духа и что надо всегда повиноваться великому духу.

Эти шарлатаны внушаютъ легковѣрнымъ индійцамъ, что удостоиваются чести видѣть великаго духа, бесѣдовать съ нимъ и научиться отъ него тайнымъ лекарствамъ.

Комнатка, гдѣ они готовятъ тайныя лекарства, недосыгаема для прочихъ и сокрыта отъ всѣхъ взоровъ. Страждущій вводится въ нее низенькою дверью; онъ обыкновенно входитъ туда съ козбимъ мѣхомъ, наполненнымъ водою, и начинаетъ выливать ее на большой камень, находящійся въ срединѣ комнаты. Дверцы плотно притворяются, и что происходитъ внутри этого убожища — знаютъ лишь больной, да докторъ.

Если послѣ всѣхъ операцій вынимаютъ оттуда трупъ, то, разумеется, таинственное леченіе и остается для всѣхъ тайною, а неуспѣхъ приписывается великому духу.

Но если леченіе увѣнчается успѣхомъ, то доктору остается

только бояться чрезмѣрности похвалъ; впрочемъ скромность его легко съ ними уживается.

— Что-же дѣлали дикіе, когда начальникъ Кровсовъ умеръ?

— Когда несчастный закрылъ навсегда глаза, все до единого подняли вопль, казавшійся сначала знакомъ дѣйствительной горести, но этотъ вопль сталъ тотчасъ измѣняться на разные впередъ затверженные тоны; въ особенности женщины жестоко раздирали свое горло.

Тѣло умершаго завернули въ буйоловую кожу, и воины понесли его для воздаянія последней чести погребенія.

Не смотря на все эти смѣшные обряды, нельзя отрицать, чтобъ индійцы не оказывали глубокаго уваженія къ умершимъ.

Во всѣхъ племенахъ, которыя я посѣщалъ, кладбища всегда бывають помѣщены въ срединѣ деревни. Гробницы висятъ довольно высоко отъ земли, чтобъ защитить ихъ отъ собакъ и другихъ животныхъ.

Тѣло покойника, наптанное масломъ, одѣвають въ лучшія одежды. Возлѣ гробницы кладутъ шить, колчанъ, трубку, табакъ, ножикъ, огниво, обувь и нужную провизію, чтобъ ни въ чемъ не было недостатка для совершенія покойнику *длиннаго путешествія*.

Когда тѣло покойника высохнетъ и обратится въ прахъ, родственники осторожно вынимають все кости и хоронятъ ихъ, за исключеніемъ одного черепа.

Каждое семейство имѣетъ на кладбищѣ свою частицу земли, на которой располагаются въ кружокъ черепы, лицомъ къ центру. Въ самой срединѣ кружка, на небольшихъ возвышеніяхъ, втыкаются два шеста съ разными амулетами. Каждый черепъ кладется на подушку изъ ароматическихъ травъ.

Отцы, мужья, жены и дѣти приходятъ на кладбище и склоняются на землю подъ гробницами, молятся, плачутъ и бичуютъ себя до крови, чтобъ умиловити духовъ смерти.

Въ лѣтнее время женщины цѣлые дни проводятъ на кладбищахъ, работаютъ тамъ и разговаривають съ покойниками, какъ бы ожидая ихъ ответовъ.

Между всеми индійскими племенами Сѣверной Америки, эти обычаи почти одинаковы. На берегахъ Тихаго Океана, вмѣсто того, чтобъ оставлять тѣла покойниковъ до совершеннаго разрушенія, сжигаютъ ихъ, и пепель кладутъ въ гробъ, который ста-

вится въ лодку съ весломъ, закапываемую въ землю; носъ лодки обращается къ востоку.

Всѣ индѣйцы думаютъ, что смерть есть только символъ путешествія и что совершать его можно на лодкѣ или и другимъ образомъ.

И такъ они вѣрятъ не собственно воскресенію мертвыхъ, но тому, что мертвые переносятся въ иные мѣста, на пространныя равнины, покрытыя стадами буйволовъ, гдѣ можно славно охотиться.

У каждаго племени есть свои повѣрья, но всѣ вѣрятъ въ добро и злога духа, въ будущую жизнь, какъ сказано было выше, и въ справедливое воздаяніе за добро и зло, совершенное на этомъ свѣтѣ. Одни думаютъ, что въ будущей жизни предстоитъ только одна охота на буйволовъ, другіе полагаютъ, что храбрые воины идутъ по смерти въ селенія храбрыхъ, а трусы въ селеніе трусовъ.

Однажды я спросилъ индѣйца, что онъ думаетъ объ адѣ, или мѣстѣ будущаго наказанія?

— Адъ, отвѣчалъ онъ, есть мѣсто, покрытое льдомъ и снѣгомъ, страшнаго вида, гдѣ заточенные испытываютъ всякаго рода лишенія.

— А какъ ты понимаешь рай?

— Рай есть мѣсто, гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто; тамъ неизмѣримые луга съ безчисленными стадами буйволовъ и лосей.

—

ОХОТА ЗА БѢЛЫМЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ,

I.

Всякій разъ, когда я говорилъ въ Америкѣ о кротости и простосердечіи Индѣйцевъ, мнѣ приводили въ примѣръ какой нибудь варварскій поступокъ съ ихъ стороны, даже противъ людей, съ которыми они были въ дружескихъ сношеніяхъ. Меня уверяли, что лютость ихъ въ особенности устремлена на бѣлыхъ людей, торгующихъ рухлядью по верховьямъ рѣкъ, и что злодѣйства дикарей безпрестанно повторяются въ окрестностяхъ Санъ-Луи, главнымъ мѣстѣмъ мѣны товаровъ и разныхъ сдѣлокъ. Когда я хвалилъ наружность и красоту формъ индѣйцевъ, мои друзья указывали мнѣ на дикарей, бѣгавшихъ по городскимъ

улицамъ, и я дѣйствительно видѣлъ толпу существъ жалкихъ, безобразныхъ, неопрятныхъ. Въ моемъ воображеніи рисовалась оригинальная ихъ одежда, а предъ глазами являлись одни безобразные лохмотья.

Нынѣ только въ племенахъ, не имѣвшихъ еще соприкосновенія съ Европейцами, живущихъ въ глубинѣ пустынь, можно отыскивать слѣды прежней оригинальности и физической красоты, которыя такъ поэтически описывались разными писателями.

Во всякомъ случаѣ, я могу свидѣтельствовать, что первобытная простота, приписываемая американскимъ Индійцамъ, теперь не существуетъ, еслибъ она когда-либо вполне и существовала. Нынѣ они пренерядочно тянутъ водку и даже напиваются ею до самозабвенія. Что-же касается до ихъ звѣрства, я покажу вамъ образчикъ. Если не ошибаюсь, то подобный случай разсказанъ былъ и Вашингтономъ Ирвингомъ, который хорошо изучилъ нравы Индійцевъ, и мастерски изображалъ ихъ своихъ умнымъ и живымъ перомъ.

Санъ-Луи, какъ я сказалъ выше, есть центръ торговли рудлядыю. Индійцы приносятъ туда мѣха и мѣняютъ ихъ на разные предметы, именно на спиртные напитки, табакъ, и проч. Мѣха составляютъ единственный источникъ ихъ богатства, и потому Индійцы учредили родъ таможеннаго надзора за бѣлками, которые рѣшаются охотиться и, слѣдовательно, добывать непосредственно главный товаръ ихъ. Система ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ безощадно убивать Европейцевъ, присвоивающихъ себѣ права охоты, которая должна исключительно принадлежать краснокожимъ. Не смотря на это, въ лѣсахъ являются смѣльчаки, презирающіе все опасности. Къ числу ихъ принадлежали два друга Даніель и Давидсонъ, которые расположились на берегахъ рѣки Канзаса, одного изъ многочисленныхъ притоковъ Миссури.

Однажды утромъ, они тихо скользили по теченію этой рѣки на пирогахъ, желая снять съти, наканунѣ ими раскинутыя. Рѣка была довольно узка въ томъ мѣстѣ, гдѣ они находились; крутые берега ея покрывались высокою травою и гигантскими деревьями, за которыми могла скрываться цѣлая армія Индійцевъ, не бывъ примѣченною. Только изошренный слухъ нашихъ двухъ отважныхъ охотниковъ могъ различать шаги чело-вѣка отъ животныхъ.

Почти три четверти часа они спускались по теченію рѣки,

не слыша ничего заслуживающаго вниманія, и были близъ цѣли своего путешествія, радуясь, что избѣжали Индійцевъ, какъ вдругъ Даніель, остановивъ свои весла, наклонился съ пирогѣ и сталъ прислушиваться.

— Чтò такое? спросилъ Давидсонъ.

— Тамъ, отвѣчалъ Даніель, показывая на лѣвый берегъ, по-росшій лѣсомъ, я слышалъ шаги и колебаніе травы.

Въ эту минуту налегшись на весла, онъ пустилъ пирогу къ срединѣ рѣки.

— Пустое! сказалъ Давидсонъ: ты еще новичекъ въ нашемъ ремеслѣ. Бьюсь объ закладъ, что это лось, которой хочется познакомиться съ дуломъ нашихъ ружей. Сказавъ это, Давидсонъ взялъ ружье свое въ руки.

— Говорю тебѣ, что это Индійцы, возразилъ Даніель, достигая средины рѣки.

Но въ этотъ самый моментъ въ томъ мѣстѣ, на которое указывалъ Даніель, раздался страшный крикъ: человекъ сорокъ Индійцевъ высыпали изъ кустарниковъ, съ натянутыми луками и стрѣлами, прицѣленными на нашихъ двухъ охотниковъ.

— Не говорилъ-ли я тебѣ! вскричалъ блѣдный, трепещущій Даніель. Чтò теперь намъ дѣлать?

— Пристать къ берегу, отвѣчалъ Давидсонъ. Если мы попытаемся бѣжать, они будутъ стрѣлять въ насъ, какъ въ мишень, и чрезъ двѣ минуты воизятъ въ насъ столько стрѣлъ, сколько втыкаеть булавокъ въ туалетную подушку какая-нибудь щеголиха.

— Если мы сойдемъ на берегъ, они также насъ убьютъ, возразилъ Даніель, а изъ двухъ родовъ смерти.....

— Это должно быть Блэкъ-Фиты, которые, вѣроятно, возвращаются изъ Санъ-Луи, продолжалъ Давидсонъ: мнѣ извѣстенъ ихъ языкъ и, можетъ-быть, я ихъ уговорю. По-крайней-мѣрѣ; намъ нѣтъ другаго средства къ спасенію.

Между тѣмъ какъ несчастные охотники разговаривали, Индійцы дѣлали имъ знаки, чтобъ они приставали къ берегу; и какъ, не смотря на совѣтъ Давидсона, Даніель продолжалъ грести далѣе, одна стрѣла просвистѣла мимо его ушей, а другая вонзилась въ плечо. Онъ испустилъ крикъ, и упалъ на дно пироги. Тогда Давидсонъ взялъ весла и направилъ лодку въ берегъ.

Индійцы тотчасъ схватили его и связали ему руки и но-

ги, не смотря на всь его увѣренія въ дружескомъ къ нимъ расположеніи. Чтѣ касается до несчастнаго Даніеля, который всь въ крови лежалъ въ пирогѣ, они его подняли и швырнули въ рѣку, гдѣ онъ нашель себѣ могилу, послѣ нѣсколькихъ бесполезныхъ усилій добраться до берега.

Давидсонъ, свидѣтель такого варварскаго поступка, понималъ, какая участь ожидаетъ его!

Онъ однакожь замѣтилъ, что индѣйцы непрежде бросили Даніеля въ рѣку, какъ осматрѣвъ внимательно его рану; изъ этого онъ заключилъ, что они поспѣшили распорядиться съ несчастнымъ его товарищемъ потому, что онъ былъ-бы имъ помехою въ ихъ дорогѣ на сѣверъ, къ подошвѣ Скалистыхъ-горъ.

Два индѣйца взвалили Давидсона къ себѣ на плечи и отнесли шаговъ на двѣсти или триста далѣе въ лѣсъ, гдѣ они стояли лагеремъ въ большой прогалинѣ. Пльщикъ былъ брошенъ къ ногамъ начальника Сту-Миксъ-о-Суксъ (жиръ изъ буйволоваго горба), небрежно сидѣвшаго у своего вигамы и курившаго трубку съ спокойствіемъ жителя Востока.

Выслушавъ разсказъ о пльнѣ Давидсона, Сту-Миксъ-о-Суксъ съ минуту подумалъ, потомъ всталъ и такъ взглянулъ на пльщика, что у того морозъ пробѣжалъ по жиламъ.

Впрочемъ Давидсонъ, зная хорошо обычаи краснокожихъ, возымѣлъ нѣкоторую надежду на спасеніе; въ-самомъ-дѣлѣ, что мѣшало начальнику тутъ-же взять свою дубинку и покончить съ нимъ дѣло.

Но можетъ-быть, это только отсрочка, подумалъ охотникъ. Въ подобномъ положеніи хороша и отсрочка.

Потомъ, не показывая ни малѣйшаго смущенія, Давидсонъ твердымъ голосомъ сталъ снова увѣрять Сту-Миксъ-о-Суксеа о дружественномъ его къ нимъ расположеніи.

Начальникъ, посмотрѣвъ на него впримательномъ, вошелъ въ свой вигамъ; за нимъ послѣдовали главнѣйшіе индѣйскіе воины, всего человекъ двѣнадцать. Прочіе, сидя на корточкахъ, составили кружокъ около пльщика, у котораго руки накрѣпко были связаны.

II.

Черезъ четверть часа, Сту-Миксъ-о-Суксъ вышелъ изъ своего

вигамъ. Въ это время онъ нарядился въ свой парадный костюмъ.

Костюмъ состоялъ изъ тунки, спитой изъ лосинныхъ кожъ; по швамъ былъ положенъ позументъ и вдоль его висѣли бахрамою волоса непріятелей, убитыхъ Сту-Миксъ-о-Суксомъ въ разныхъ сраженіяхъ. Сверхъ тунки накинута была плащъ изъ буйволовоу кожи. Мокассины, т. е. обувь, была также лосинная, украшенная, какъ и тунка, непріятельскими волосами. На голову была надѣта каска изъ горностаевого мѣха съ двумя буйволовыми рогами, привиллегія, принадлежащая только храбрымъ изъ храбрыхъ; за поясомъ висѣло съ полдюжины голыхъ череповъ.

Въ правой рукѣ онъ держалъ копье, футовъ стъ десяти до двѣнадцати длиною, къ которому привѣшены были два мѣшка, сдѣланные изъ звѣриныхъ шкуръ. Эти таинственные мѣшки имѣютъ великое значеніе въ жизни индійцевъ.

Индійцы весьма суевѣрны; таинственность составляетъ главную основу ихъ жизни. Всякій индеецъ носитъ съ собою свою таинственность. Она состоитъ изъ шкуры какого-нибудь животнаго, четвероногаго, птицы, пресмыкающагося, и украшается тысячами странныхъ, фантастическихъ узоровъ. Индійцы воздаютъ этой таинственности большія почести, учреждаютъ въ честь ея праздники и нещадно наказываютъ себя, если полагаютъ, что чѣмъ-нибудь ее оскорбили.

Взятіе мѣшка есть важнѣйшее дѣйствіе въ жизни индійца. Мальчики, достигая тринадцатилѣтняго возраста, покидаютъ отцовскіе вигамы, и, отыскавъ уединенное мѣсто, постытятся и возносятъ свои мысли къ великому духу. Это продолжается до-тѣхъ-поръ, пока не увидятъ во снѣ какого-нибудь животнаго, звѣря, птицы или пресмыкающагося, т. е. хранителя своего на цѣлую жизнь, который даетъ силу и храбрость въ битвахъ и проведетъ ихъ, по смерти, невредимо къ славнымъ охотамъ на томъ свѣтѣ.

Проснувшись, мальчикъ беретъ свое оружіе, отправляется въ путь и возвращается домой непрежде, какъ добывъ желаемый предметъ.

Взятіе мѣшка бываетъ одинъ разъ въ жизни. По этому въ сраженіи индеецъ защищаетъ свой мѣшокъ, т. е. таинственность, до послѣдней капли крови, какъ европейскій солдатъ свое знамя; если-же мѣшокъ попадается въ руки непріятеля,

прощай добрая слова война. Какъ-бы онъ ни былъ храбръ, на него указываютъ пальцемъ, какъ на челоуѣка безъ таинственности. Чтобъ возвратить свою честь, надобно отнять такой-же мышокъ у непріятели.

И такъ Сту-Миксъ-о-Суксъ держалъ въ правой рукѣ коньце съ двумя привѣшенными къ нему мышками; одинъ изъ нихъ былъ трофеей войны и принадлежалъ непріятельскойскому начальнику. Въ лввой рукѣ у него была курительная трубка съ саженнымъ чубукомъ, опутаннымъ разноцвѣтнымъ шелкомъ и перьями. Трубка изъ глинистаго камня изображала челоуѣка на корточкахъ, съ скальпированною головою, куда и насыпался табакъ. Это произведеіе было самого Сту-Миксъ-о-Сукса, а камень былъ взятъ изъ священной каменоломни, куда Индійцы ходятъ на поклоненіе, и гдѣ, по закону великаго духа, самые непріятели должны обращаться между собою какъ друзья.

Видя, что Сту-Миксъ-о-Суксъ явился изъ вигамы въ полномъ нарядѣ и въ сопровожденіи воиновъ, Давидсонъ понялъ, что участь его должна рѣшиться нынѣ-же, на этомъ совѣтѣ, приговоры котораго немедленно исполняются.

Старшина сѣлъ предъ входомъ въ вигамъ, на деревянномъ чурбанѣ, и закурилъ трубку. Втянувъ въ себя дымъ, онъ пустилъ струи его сначала къ небу и къ землѣ, а потомъ къ четыремъ главнымъ точкамъ горизонта.

Первая часть церемоніи была въ честь великаго духа и означала также восхожденіе и захожденіе солнца. Вторая означала четыре главные вѣтра, посылаемые великимъ духомъ. За симъ Давидсонъ повергнутъ былъ къ ногамъ старшины, и совѣтъ начался.

Бѣдный охотникъ очень хорошо понялъ, что гибель его рѣшена; разсуждали только о томъ, какой казни подвергнуть его.

Сту-Миксъ-о-Суксъ выслушалъ всѣ мнѣнія; потомъ подошелъ къ Давидсону и развязалъ веревки, которыми онъ былъ связанъ

— Жизнь твоя въ моихъ рукахъ, сказалъ онъ; но какъ ты послушался приказанія и присталъ къ берегу, то остается еще одно средство къ твоему спасенію.

— Благодаренъ, отвѣчалъ Давидсонъ; великій духъ наградить тебя!

— По обычаямъ нашего племени, тебя предложать семействамъ къ принятію. Если какое-нибудь изъ нихъ пожелаетъ

усыновить тебя, или какая нибудь дѣвица захочетъ взять тебя въ мужья, ты будешь жить, если-же...

— Пусть будетъ такъ, отвѣчалъ Давидсонъ.

— Здѣсь насъ немного, продолжалъ Сту-Миксъ-о-Суксъ; вопросъ будетъ предложенъ въ деревнѣ, куда ты долженъ за нами слѣдовать.

— Послѣдую, отвѣчалъ Давидсонъ въ восхищеніи, что такъ дешево отдѣлался въ настоящемъ, и надѣясь на будущее.

Чрезъ часъ вигамы были сняты, и пятьдесятъ индѣйцевъ, составлявшихъ весь таборъ, пустились въ дорогу. Собаки, лошади и женщины — всѣ имѣли свою часть ноши, но мужчины несли только свое оружіе. Къ бокамъ лошадей прицѣпили длинные шесты, которые употреблялись для палатокъ, поперегъ ихъ привязали палки и на нихъ навьючили палатки, разный скарбъ, провізію, и проч. Тутъ же приютились дѣти и женщины. Это походило на цыганскій таборъ, переселяющійся на новое мѣсто. Лошадей вели поочередно женщины. По обѣимъ сторонамъ каравана бѣжали съ разной пошей собаки.

Давидсона помѣстили въ срединѣ каравана и взвалили на его плеча такую тяжесть, что нельзя было и думать о побѣгѣ. На ночь-же, для большей предосторожности, связывали ему руки и ноги.

Такимъ-образомъ толпа индѣйцевъ нѣсколько уже дней продолжала свой путь, иногда углубляясь въ равнины, иногда слѣдуя вдоль берега Миссури, и наконецъ достигла до возвышенности, называющейся Могилою Черной Птицы.

Давидсонъ, который никогда не углублялся такъ далеко въ этотъ знаменитый Западъ, переходилъ отъ удивленія къ удивленію, и еслибъ не имѣлъ въ виду важной для себя развязки, когда дойдутъ до деревни, то порадовался-бы такому путешествію. Очутившись на вершинѣ холма Черной Птицы, онъ не могъ удержаться отъ восклицанія.

Всѣ путешественники, бѣлые и краснокожіе, всегда тутъ останавливаются, одни, чтобъ насладиться прекраснымъ видомъ на всю окрестность, другіе, чтобъ воздать почтеніе остаткамъ почивающаго тутъ великаго смертнаго. На верху этого холма, дѣйствительно, погребенъ знаменитый начальникъ племени О-Ма-Гавсъ, называвшійся Черною Птицею; отчего это названіе получилъ и самый холмъ. Могила, существующая и понынѣ, вырыта болѣе чѣмъ за тридцать лѣтъ предъ симъ. Черная Птица,

возвратясь изъ Вашингтона, заболѣлъ здѣсь оспою и пожелалъ быть похороненнымъ на этомъ мѣстѣ, хотя деревня, принадлежавшая племени О-Ма-Гавсъ, отстоитъ отсюда не болѣе девяности верстѣ.

По завѣщанію Черной Птицы, онъ похороненъ въ могилѣ верхомъ на любимой его лошади, съ привѣшенными къ уздѣ черенами скальпированныхъ имъ неуріятелей. Его одѣли въ богатые одежды; на головѣ былъ шлемъ съ орлиными перьями, въ рукѣ лукъ, а за спиною колчанъ и щитъ; не забыли также его трубки и таинственнаго мѣшка, — необходимыхъ принадлежностей для всякаго индійскаго покойника.

Эта могила видна верстѣ за двадцать, и можетъ служить маякомъ для путешественниковъ.

Давидсонъ готовъ былъ даже благодарить Сту-Миксъ-о-Сукса за доставленное ему удовольствіе. Но въ тотъ-же самый вечеръ едва не пришлось ему дорого заплатить за присутствіе свое между индійцами. Дѣйствительно, онъ обязанъ только особенному къ себѣ снисхожденію начальника, если послѣдній не предалъ его въ жертву бѣшенства своихъ воиновъ.

Наши индійцы шли около часа по равнинѣ, которой высокая трава покрывала всадниковъ съ лошадьми.

Они слѣдовали по тропинкѣ, вьющейся зигзагами, проложенной въ этой пустынѣ стадами буйволовъ и лосей, какъ вдругъ пятеро или шестеро индійцевъ, шедшихъ передовыми, вернулись и, подѣхавъ къ начальнику, сказали ему что-то съ большимъ жаромъ. Сту-Миксъ-о-Суксъ сошелъ съ лошади, прилежъ ухомъ къ землѣ и сталъ прислушиваться; потомъ, вставъ на ноги, сказалъ своимъ воинамъ:

— Конскій топотъ разбудилъ огненнаго духа. Взоры всѣхъ съ безпокойствомъ и яростью устремились на Давидсона, и одинъ изъ индійцевъ, схвативъ свою дубинку, закричалъ ему гнѣвно: «Несчастный блѣднолицый, это ты разбудилъ духа!»...

Присутствіе Давидсона посреди краснокожихъ было не по сердцу индійцамъ; они были не-очень довольны снисходительностью къ нему своего начальника. Слова воина возбудили ихъ ярость. Только энегрическое заступленіе Сту-Миксъ-о-Сукса могло избавить плѣнника отъ бѣшенства индійцевъ.

— Остановитесь! вскричалъ начальникъ, мы еще успѣемъ казнить его, когда огонь будетъ догонять насъ; но «духъ храброго», надюсь, защититъ насъ.

Начальникъ вскочилъ опять на коня, и весь караванъ, слѣдую его примѣру, помчался по равнинѣ. Перерезавъ лугъ по всей его ширинѣ, они достигли холма, возвышавшагося надъ этою мѣстностью, и вошли на его вершину.

Пока небольшой караванъ взбирался на холмъ, Сту-Миксъ-о-Суксъ остановился съ Давидсономъ у подошвы его. Онъ раздвинулъ руками высокую траву и прилегъ опять къ землѣ, прислушиваясь къ отдаленному шуму.

— Бѣлый человекъ, сказалъ индѣйскій начальникъ, ты, безъ сомнѣнія, разбудилъ огненнаго духа, вѣтеръ дышитъ его ноздрями; смотри на маленькое облачко, которое крутится и бѣжитъ надъ равниной: это ниспосланный имъ огонь; но мы, теперь, къ счастью твоему, безопасны; иначе ты заплатилъ-бы жизнью за малѣйшее намъ зло. Духъ не любитъ людей вашего племени; лунъ двѣнадцать предъ симъ, сынъ Ва-Чу-Тона и его воины подверглись здѣсь бѣдствію за одного бывшаго между ними бѣлаго человека.

Произнеся эти слова, Сту-Миксъ-о-Суксъ присоединился къ людямъ своимъ на вершинѣ холма. Въ то-же время шумъ, подобный бурному потоку, сталъ приближаться издали; вѣтеръ усиливался; глухари поднялись и полетѣли стаями; испуганныя сайги неслись стрѣлою. Вскорѣ среди глубокой тмы показались огненные волны, и надъ ними огромное облако чернаго дыма, отъ одного конца равнины до другаго, величественно разстилающееся надъ пламеннымъ потокомъ.

Давидсонъ впервые видѣлъ это страшное, поразительное зрѣлище — пожаръ на равнинѣ, который такъ прекрасно описанъ Фениморомъ Куперомъ.

Этотъ пожаръ происходитъ отъ разныхъ причинъ. Иногда виною его бѣлые, иногда индѣйцы, а иногда бываетъ просто отъ случая. Если пожаръ случится въ началъ весны, то навѣрное отъ индѣйцевъ, съ двоякою цѣлю: доставить лошадямъ своимъ свѣжій кормъ и проложить себѣ удобнѣйшую дорогу.

Пламя, гонимое вѣтромъ, пожираетъ траву съ такою скоростью, что иногда настигаетъ индѣйца, бѣгущаго на самомъ лихомъ конѣ; конечно, пламя не можетъ такъ быстро нестись, какъ лошадь, но надобно принять въ соображеніе, что всаднику много мѣшаетъ густая, высокая трава. Если, по несчастію, его застигнетъ на этомъ бѣгу густой столбъ дыма, несущійся все-

гда впереди пламени, испуганная лошадь вдруг останавливается и обнимается вмѣстѣ съ всадникомъ пламенемъ.

Теперь спросите индійца: кто воздвигъ эту огненную бурю? великій духъ или молнія? Онъ отвѣтитъ вамъ: «таинственность!»

Эта таинственность, или особый духъ представляется въ умъ индійцевъ фантастическимъ гигантомъ, съ огромнымъ лукомъ, изъ котораго вылетаютъ тысячи искръ, производящихъ пожаръ.

Послѣ этого случая, толпа Блакъ-Фитовъ пустилась опять въ дорогу, и послѣ длиннаго и труднаго пути Давидсонъ вошелъ въ столицу своихъ непріятелей.

Деревня выстроена была посреди большой равнины, на пригоркѣ, возвышающемся на сорокъ или пятьдесятъ футовъ и прислоненномъ къ рѣкѣ, такъ что съ трехъ сторонъ окружала ее вода, а съ четвертой сильный палисадъ. Деревня эта представляла странный видъ: хижины, тѣснящіяся одна возлѣ другой, сложены были частію изъ глины, частію изъ дерева; крыши ихъ, въ родъ плоскихъ куполовъ, служили въ хорошее время сборнымъ мѣстомъ для каждаго семейства. Надъ входомъ въ вигамы выставлены были черепа убитыхъ на войнѣ непріятелей, а по сторонамъ, на длинныхъ шестахъ, висѣли буйволовыя шкуры, куски сукна или какой-нибудь ткани;—это были жертвы, приносимыя великому духу. Внутренность вигамовъ соединяла въ себѣ удобства и нѣкоторый комфортъ; всѣ кровати снабжены были завѣсами, и возлѣ каждой постели стоялъ шестъ, на которомъ висѣли таинственные мѣшки, оружіе, трубки, и пр., все въ должномъ порядкѣ.

Хотя хижины разныхъ племенъ индійцевъ имѣютъ одинаковую форму, однако не во всемъ похожи одна на другія.

Деревня, въ которой находился теперь Давидсонъ, имѣла хижины въ родъ палатокъ изъ буйволовыхъ шкуръ, сшитыхъ между собою и поднятыхъ на шесты вышиною въ двадцать пять футовъ, съ отверзтіемъ въ верху, чрезъ которое выходилъ дымъ и входилъ свѣтъ. Самые лучшіе вигамы строятъ Кровсы; они выбираютъ для нихъ самую бѣлую кожи и украшаютъ ихъ шелкомъ и разноцвѣтными перьями, потомъ выводятъ на нихъ пестрые узоры, что даетъ имъ видъ довольно живописный. Вигамы такъ просторны, что могутъ помѣщать въ себѣ до сорока человекъ; столбы, поддерживающіе ихъ, числомъ тридцать, вырубаются въ Скалистыхъ-горахъ изъ столѣтнихъ деревьевъ. На

передней сторонѣ вигама всегда красуется изображеніе великаго духа, а на задней злаго духа.

По прибытіи въ деревню, Давидсону повезло видѣть одинъ любопытный фарсъ, послѣдствіе котораго, какъ мы увидимъ ниже, едва не стоило ему жизни. Съ некотораго времени въ этой сторонѣ господствовала засуха и угрожала истребить кукурузу и пшеницу. Мудрецы собрались на совѣтъ и рѣшили, что надо вызвать дождь. Всѣ молодые люди, имѣвшіе притязаніе на важное званіе Эскулана, получили дозволеніе испытать свое искусство.

Церемонія эта происходила слѣдующимъ образомъ: всякій претендентъ всходилъ поочередно на крышу вигама и призывалъ жестама, крикомъ, угрозою, всякими средствами, тучу, изъ середины которой долженъ упасть благодатный дождь. На это давалось каждому двадцать четыре часа; когда-же, по прошествіи этого срока, призываніе оставалось тщетнымъ, слава претендента рушилась; другой заступалъ его мѣсто, и такъ далѣе, доколь не упала дождь.

Прибытіе начальника и Давидсона остановило на минуту этотъ фарсъ, которому индійцы отъ души вѣрятъ. Надлежало прежде рѣшить участь плѣнника.

Давидсонъ былъ видный малый, съ широкою грудью, твердыми мускулами. И европейская женщина не затруднилась-бы выбрать его себѣ въ мужья, тѣмъ болѣе не могла отказаться отъ него индійская дѣвушка, которой онъ предложилъ-бы себя. Надобно сказать, что Давидсонъ даже затруднялся въ выборѣ. Наконецъ онъ избралъ молодую дѣвушку, называвшуюся Ба-Сти-Ва-На (дочь, волоса которой позолотило солнце).

Давидсонъ, не думая о будущемъ, примирился съ настоящимъ. Ему обѣщали свободу непрежде совершенія его свадьбы, которая отложена была до дождя. Между тѣмъ плѣнника привязали къ столбу вигама.

Черезъ пять минутъ церемонія призыванія дождя опять началась. Болѣе уже недѣли, какъ безоблачное голубое небо приводило всѣхъ въ отчаяніе; наконецъ Вакъ-А-Да-Га-Гу (грива бѣлаго буйзола) взошелъ на верхъ священнаго вигама и въ надменной рѣчи утверждалъ предъ толпою, что онъ одинъ въ состояніи разрушить горы. Потомъ онъ пустилъ на западъ волшебныя, по словамъ его, стрѣлы. Казалось, случай послужилъ ему: въ отдаленіи, на голубомъ небѣ явилось снѣжное облачко

и нечувствительно приближалось. Облако росло и дѣлалось гуще; послышался неопредѣленный шумъ, подобный грому; толпа захопала въ ладоши... Но мало-по-малу обманчивость исчезла.... Увы! Облако было ни что иное какъ дымъ парохода, скользившаго по одной изъ соседственныхъ рѣкъ, а мнимая гроза происходила отъ шума паровой на немъ машины.

Будущій магикъ утверждалъ однакожь, что таинственность его дѣйствительна, потому-что онъ вызвалъ ея если не дождь, то, по-крайней-мѣрѣ, громовую лодку, какъ называютъ Индійцы пароходы.

Впрочемъ Вакъ-А-Да-Га-Гу одержалъ полную побѣду; въ ту-же ночь пролилъ обильный дождь. Но, къ несчастію, этотъ дождь сопровождался страшною грозою, и молнія убила невесту Давидсона, молодую Ба-Сти-Ва-На. Все стали громогласно обвинять въ этомъ Вакъ-А-Да-Га-Гу, и магикъ готовъ уже былъ заплатить отцу молодой дѣвушки тремя лучшими лошадьми за все протори и убытки, какъ вдругъ пришло ему на мысль свалить всю вину на Давидсона.

— Я успѣлъ вызвать дождь, сказалъ магикъ, следовательно великій духъ ко мнѣ благоволитъ. Если-же великій духъ оказалъ мнѣ такое покровительство, то конечно не я былъ причиною случившагося несчастія.

Такая логика показалась согласною съ здравымъ смысломъ слушателей; они были свидѣтелями могущества Вакъ-А-Да-Га-Гу надъ облаками и таинственныхъ сношеній его съ великимъ духомъ.

— Настоящій виновникъ, — продолжалъ торжествующій магикъ, — вотъ онъ, блѣдно-лицый, котораго сюда привели. Его присутствіе между вами пробудило въ лугахъ огненного духа, и молнія поразила его невесту, не именно-ли для того, чтобъ показать намъ, что онъ не долженъ жить между нами.

Заключеніе рѣчи Вакъ-А-Ду-Га-Гу показалось столь-же справедливымъ, какъ и вступленіе, и когда угрожающіе взоры всего собранія устремились на Давидсона, Вакъ-А-Ду-Га-Гу горделиво удалился, довольный и ораторскимъ успѣхомъ, и сохраненіемъ трехъ лучшихъ своихъ лошадей.

Раздались повсюду крики проклятія; бѣдный Давидсонъ ясно видѣлъ, что не отъ кого ждать ему пощады, что теперь не можетъ ему и самъ начальникъ Сту-Миксъ-о-Суксъ, который тутъ-же собралъ совѣтъ о присужденіи рода казни бѣлому

плѣннику. Женщины, еще недавно улыбавшіяся Давидсону, когда онъ выбиралъ себя изъ ихъ числа невѣсту, бѣжали теперь отъ него. Человѣкъ, навлекшій своей невѣстѣ преждевременную смерть, не заслуживалъ въ глазахъ ихъ никакого состраданія.

Давидсонъ, простертый на земль, присутствовалъ на этомъ совѣтѣ. Нѣкоторые полагали покончить съ нимъ теперь-же заразъ, ударомъ дубинки (томагака), другіе предложили поставить его въ нѣкоторомъ разстояніи, чтобъ служилъ целью для стрѣльбы. Такая потѣха, довольно употребительная между индійцами, принята единогласнымъ одобреніемъ.

Но начальникъ, съ минуту подумавъ, всталъ, молча подошелъ къ Давидсону и разрѣзалъ веревки, которыми онъ былъ связанъ.

— Вставай, сказалъ онъ плѣннику.

Давидсонъ повиновался. Тогда начальникъ осмотрѣлъ плѣнника съ большимъ вниманіемъ, ощупалъ его мускулы, словомъ прошелъ съ нимъ настоящій курсъ анатоміи. Окончивъ испытаніе, онъ кивнулъ головой въ знакъ удовольствія и усмѣхнулся.

— Ты долженъ быть хорошій бѣгунъ, сказалъ онъ Давидсону.

Плѣнникъ понялъ мысль начальника. Онъ зналъ обычай индійцевъ и догадался, что его будутъ травить, какъ европейцы травятъ звѣрей. Давидсонъ одаренъ былъ природнымъ хладнокровіемъ, и не потерялъ, въ этомъ критическомъ положеніи, присутствія духа. Онъ не колебался нисколько, и на вопросъ начальника, отвѣчалъ:

— Ты ошибаешься, я плохо бѣгаю.

— Однако ты силенъ, возразилъ начальникъ; у тебя гибкія колѣна и высокая грудь.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Давидсонъ, но вотъ что, прибавилъ онъ, показывая дыру отъ пули въ икрѣ лѣвой ноги, вотъ что мѣшаетъ скорости моего бѣга.

— Пусть такъ! сказалъ начальникъ. Я тебѣ дамъ сколько-нибудь впередъ. Если удастся убѣжать, тебѣ-же будетъ лучше.

И взявъ Давидсона за плеча, онъ отвелъ его на пять сотъ шаговъ отъ толпы Индійцевъ.

Лишь только Давидсонъ почувствовалъ себя свободнымъ, то пустился бѣжать изъ всей мочи.

Слыша за собою страшный вой, онъ не сомнѣвался, что за нимъ гонится вся стая дикарей.

Давидсонъ летьль, а не бѣжалъ. Онъ самъ дивился своей легкости. Надобно было пробѣжать по равнинѣ полторы версты, чтобъ достигнуть до одного рукава Миссури, который онъ надвлялся переплыть. Но могъ-ли онъ успѣть добѣжать до него? Бѣжать съ такою скоростью полторы версты казалось ему выше силъ человѣческихъ. Къ довершенію несчастія, равнина покрыта была колючими растеніями, раздиравшими его ноги. Каждый моментъ ему слышался свистъ стрѣлы, и казалось, что она уже вонзается въ его тѣло.

Онъ не смѣлъ обернуться и на секунду чтобъ не уменьшить разстоянія между нимъ и непріятелемъ, отъ чего зависѣла его жизнь.

Между-тѣмъ крики индійцевъ начали ослабѣвать; онъ возимѣлъ надежду, и наконецъ рѣшился обернуться. Толпа непріятелей была въ значительномъ отдаленіи. Только нѣкоторые, болѣе искусные бѣгуны опередили прочихъ, а начальникъ былъ отъ него недалеко, какъ во сто шагахъ; въ рукахъ его была длинная пика, которую онъ готовъ былъ бросить въ Давидсона.

Несчастный Давидсонъ съ отчаянія удвоилъ свои силы; кровь текла изъ рта и носа и обагряла грудь его. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ рѣкѣ, онъ слышалъ шаги начальника; настигавшаго его. Обернувшись еще разъ увидѣлъ онъ, что непріятель отъ него недалеко пятидесяти шаговъ. Давидсонъ остановился, рѣшась дорого продать жизнь свою одинокому непріятелю.

Индіецъ, удивленный такою неожиданною остановкою, остановился и самъ, чтобъ бросить въ Давидсона пикку; но ноги его запутались въ кустарникъ, и онъ, поскользнувшись, упалъ. Давидсонъ, собравъ послѣднія свои силы, бросился какъ левъ на индійца, и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ встать, схватилъ пикку, и пригвоздилъ его къ землѣ, а самъ помчался далѣе.

Молодой Горацій не могъ поступить лучше.

Приблизясь къ умирающему начальнику, индійцы остановились на нѣкоторое время, испуская вокругъ него дикіе воли. Давидсонъ, естественно, воспользовался этимъ временемъ. Онъ успѣлъ добѣжать до хлопчатника, росшаго по берегу рѣки, пробрался сквозь этотъ кустарникъ, и бросился въ воду. Вскорѣ онъ доплылъ до небольшого островка, на оконечности коего, прибываемыя теченіемъ деревья, составили родъ плота; далѣе переплетающіяся вѣтви кустарника и высокая трава дѣлали не-

досягаемымъ для глазъ индѣйцевъ убѣжище, которымъ несчастный Давидсонъ спѣшилъ воспользоваться.

Едва успѣлъ онъ перевести духъ, какъ на берегу послышались свирѣпыя крики индѣйцевъ; сквозь кустарникъ онъ могъ видѣть, какъ нѣкоторые изъ его преслѣдователей бросились въ воду, и поплыли къ островку.

Послѣ тщетныхъ розысковъ, они возвратились на берегъ, и провели тамъ остатокъ дня, оплакивая своего начальника, тѣло котораго несли съ собою.

Можете себѣ представить, какой это былъ день для несчастнаго Давидсона. Онъ обязанъ былъ спасеніемъ своимъ отъ важности и присутствію духа, заставлявшему его позабывать усталость и раны.

Когда настала ночь, и индѣйцы погасили огни, онъ вышелъ изъ своего убѣжища, бросился въ воду, доплылъ до середины рѣки, и сталъ спускаться внизъ по теченію. Удалясь такимъ образомъ на значительное разстояніе отъ непріятели, онъ рѣшился наконецъ пристать къ берегу.

Давидсонъ шелъ всю ночь скорыми шагами, чтобъ удалиться столь возможно отъ мѣста, гдѣ едва не погибъ.

На другой день поутру, изнуренный отъ усталости, холода и голода, онъ добрался до лагерной стоянки охотниковъ, которые оказали ему всякую помощь.

Приводимый здѣсь случай, которому есть много подобныхъ, не имѣетъ въ себѣ ничего преувеличеннаго или несбыточнаго. Онъ въ точности изображаетъ нравы индѣйцевъ, объ участи которыхъ филантропы такъ много толкуютъ, какъ будто-бы образованность не должна стараться подѣйствовать на нихъ и смягчить ихъ варварскіе поступки, которые иные величаютъ священнымъ правомъ защиты своей собственной земли и народности!

Давидсонъ, разумѣется, оставилъ съ этого дня охоту на пушнаго звѣря; знакомые ему Блэкъ-Фиты встрѣчали его потомъ въ крѣпости Санъ-Луи, но не смѣли тамъ мстить ему за смерть любимаго своего начальника.

ЗАМѢТКИ О ЧЕЧНѢ.

Капитана К. Самойлова.

III.

Религія.—Языкъ.—Раздѣленіе на сословія: духовенство, свободные люди, рабы.—Управленіе.—Судъ по адату.—Право канлы: за убійство, за оскорбленіе жены, за оскорбленіе родственницы-дѣвушки.—Семейныя отношенія.—Права наследства.

Не подвержено никакому сомнѣнію, что чеченское племя въ древности исповѣдовало Христіанскую Вѣру, принявъ ее въ началъ отъ самихъ Св. Апостоловъ, изъ которыхъ, какъ извѣстно, Андрей первозванный проповѣдовалъ Скифамъ, Аланамъ и Воспорянамъ *; и въ V вѣкѣ на сѣверъ Кавказа, по свидѣтельству Кирилла Іерусалимскаго, были уже христіанскія Іерархіи. Древность христіанской религіи въ Чечнѣ доказывается также находящимися въ ней памятниками, изъ которыхъ въ настоящее время намъ извѣстны слѣдующіе: крестъ, найденный при заложеніи крѣпости Воздвиженской; храмъ Задцахъ-Эрды (святаго Эрды), находящійся въ Кистинской деревнѣ Хула и построенный, какъ полагаютъ, болѣе четырехъ столѣтій тому назадъ; крестъ, стоящій на холмѣ недалеко отъ аула Цори: зеленый изъ-сѣра цвѣтъ его показываетъ глубокую древность, а преданіе говоритъ, что крестъ этотъ поставленъ ихъ предками, христіанами, въ воспоминаніе победы, одержанной ими надъ магометанами **. Кроме

* Статья г. Хицунова «Кавказъ» 1846 года № 15.

** См. статью «Воспоминаніе о Кистахъ», помѣщенную въ Газетѣ «Кавказъ».

того рассказываютъ, что въ горной Чечнѣ, въ мѣстахъ, не подвергшихся вліянію мюридизма, можно и теперь встрѣтить много мѣдныхъ маленькихъ крестиковъ, очень уважаемыхъ ихъ владѣтелями, и что такіе-же кресты попадаются иногда въ поляхъ. Наконецъ самыя преданія Чеченцевъ сохраняютъ нерѣдко какое-то смутное воспоминаніе о христіанствѣ.

Распространенное Апостолами христіанство долго поддерживалось сначала грузинскими и греческими проповѣдниками, а потомъ и русскими; и можно предполагать, что до нашествія Монголовъ, жители сѣверныхъ частей Кавказа были хорошими христіанами. Монголы, не истребивъ христіанства, ослабили однакожь его и, вѣроятно, съ тѣхъ-поръ къ христіанскимъ понятіямъ горцевъ начали присоединяться понятія языческія и магометанскія. Начавшее было возражаться послѣ паденія Монголовъ, христіанство на Кавказѣ встрѣтило вскорѣ сильное сопротивленіе въ Туркахъ, утверждавшихся на берегахъ Чернаго моря, и съ того времени стало въ горахъ распространяться магометанство, вытѣснявшее мало-по-малу слабыя корни христіанской вѣры, не поддерживаемой проповѣдниками, для которыхъ уже стало опасно проникать въ горы. Въ началѣ XVII вѣка исламизмъ беретъ уже явный перевѣсъ надъ христіанствомъ и, оставленные проповѣдниками, горцы начали забывать истинную религію: одни изъ нихъ, по своему положенію подвергавшіеся вліянію Турокъ, приняли магометанство, другіе-же, обитавшіе въ мѣстахъ неприступныхъ, обратились къ язычеству, составивъ какую-то смѣшанную религію изъ понятій христіанскихъ, языческихъ и даже магометанскихъ. Такимъ образомъ Чеченцы, населявшіе плоскость и ближайшія къ ней горы, сдѣлались магометанами; живущіе же въ самой глубинѣ горъ—язычниками.

Но какъ ни слабо было въ половинѣ XVIII вѣка христіанство въ Чечнѣ, однакоже все-таки не было совершенно истреблено до самаго 1785 года, времени появленія магометанскаго проповѣдника Шейхъ-Мансура. Онъ, полагаютъ, былъ родомъ изъ Оренбургскихъ степей, и получилъ свое воспитаніе отъ выходцевъ изъ Бухары, издавна известной своимъ мусульманскимъ фанатизмомъ. Неизвѣстно какимъ образомъ Шейхъ-Мансуръ проникнулъ въ Чечню и поселился на правомъ берегу Сунжи, близъ Ханъ-Кольскаго ущелья, въ аулъ Алды. Отсюда уже онъ является проповѣдникомъ мусульманства, объявивъ себя пророкомъ, и провозглашая непримиримую войну противъ невѣрныхъ. Съ этого времени по-

Слѣдніе слѣды христіанства въ Чечнѣ исчезаютъ. И въ настоящее время большая часть Чеченцевъ исповѣдуетъ магометанскую вѣру секты Сіонни. Общества же Кистовъ, Гапгаевъ и Цори — идолопоклонники, поклоняющіеся духу *Галлердъ*.

Въ 1823 году, въ горахъ появилась новая секта—мюридизмъ, бывшая причиною всѣхъ волненій на Кавказѣ, продолжающихся съ того времени и понынѣ.

Мюридизмъ * есть исправительная секта, основанная на произвольномъ и превратномъ толкованіи *таршата*, части корана, заключающей въ себѣ наставленія высшей созерцательной жизни **, и повелевающей послѣдователямъ своимъ полное обращеніе мыслей къ Богу до забвенія всего земнаго. Проповѣдники этихъ правилъ называются различно: шейхами, софіями, муршидами, мюридами, имамами и пр. На Кавказѣ употребляются слѣдующія названія: *имамъ*—глава духовенства, *муршидъ* (указующій путь)—главный проповѣдникъ и *мюридъ* (желающій)—ученикъ, послѣдователь. Секта эта появилась на Кавказѣ по-видимому съ однимъ только намѣреніемъ поддержать упадающее магометанство. Первымъ проповѣдникомъ ея былъ мулла селенія Ярагъ (Кюринскаго владѣнія) — Магометъ, и отсюда оно распространилось, взволновавъ всѣ умы, и скоро къ нему присоединились возмутительныя правила, требующія непремѣннаго и непримиримаго казавата — войны противъ неверныхъ. Первымъ Газіемъ—предводителемъ священной войны—былъ назначенъ, неизвѣстный дотолъ, Гимринскій мулла Магометъ, въ послѣдствіи прославившійся подъ именемъ Кази-Муллы (Газій-Мулла). Это было въ 1825 году; и, пока войска наши были заняты войною въ Персіи, а потомъ въ Азіятской Турціи, новое ученіе распространилось по всему Дагестану, и фанатизмъ достигъ высочайшей степени. Такимъ образомъ мюридизмъ, не подавленный въ самомъ началѣ, взволновалъ умы всѣхъ горцевъ, а въ концѣ 1830 года достигъ и до Чечни, гдѣ однако же окончательно утвердился въ 1840 году.

Чеченцы говорятъ особымъ языкомъ, несхожимъ ни съ однимъ

* О мюридизмѣ см. статьи г. Хицунова въ газетѣ «Кавказъ». Также сочиненіе Подполковника Неверовскаго «О началѣ беспорядковъ въ сѣверномъ и среднемъ Дагестанѣ».

** Коранъ состоитъ изъ двухъ частей: *шаріата*, заключающаго въ себѣ гражданскія постановленія, и *таршата*. Исполнители перваго суть: улемы, кадїи, муфтіи и муллы. См. «Описаніе отступленій Шампля, противныхъ шаріату, замѣченныя Сулейманомъ-Эфенди». «Кавказъ» 1847 года, № 5.

изъ языковъ другихъ Кавказскихъ племенъ. Чеченскій языкъ чрезвычайно беденъ и можетъ выражать только понятія, не выходящія изъ тѣснаго круга обыкновенной жизни. Произношеніе его гортанное, однакожь не въ такой степени, какъ у Дагестанскихъ племенъ; и потому онъ довольно сносенъ даже для непривычнаго уха. Все чеченскія общества говорятъ однимъ языкомъ, но языкъ горныхъ чеченцевъ нѣсколько отличается отъ живущихъ на плоскости, и разница становится тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ далѣе углубляешься въ горы.

На плоскости почти все жители знаютъ кумыкскій языкъ, который они употребляютъ въ сношеніяхъ съ соседними обитателями равнинъ.

Арабскій языкъ, на которомъ написаны ихъ священныя книги, извѣстенъ очень немногимъ духовнымъ лицамъ: большая же часть муллъ умѣютъ только читать буквы корана, не понимая почти смысла его. Молитвы, которыя непременно долженъ знать каждый магометанинъ, извѣстны нѣкоторымъ и мирянамъ; но они, произнося слова, совершенно не понимаютъ значенія ихъ.

Чеченскій языкъ не имѣетъ собственныхъ буквъ, и во всѣхъ письменныхъ сношеніяхъ употребляются буквы арабскія.

Въ разговорѣ чеченцы любятъ, подобно всемъ восточнымъ народамъ, выраженія цвѣтистыя и часто, следуя модѣ, къ каждой фразѣ прибавляютъ какое-нибудь вовсе не плущее къ рѣчи слово, иногда даже неизмѣющее никакого значенія.

Жители Чечни раздѣляются на три сословія: духовенство, свободныхъ людей и рабовъ.

Права духовенства въ магометанскихъ обществахъ определены кораномъ, который передаетъ въ ихъ руки не только наблюденіе за совѣстію магометанъ, но и предоставляетъ имъ важное значеніе въ гражданскомъ управленіи и въ особенности въ отношеніи суда. По закону духовенство обязано проповѣдовать ученіе, рѣшать споры и тяжбы, стараться примирять враговъ, судить преступленія и опредѣлять наказанія и степень мщенія; кроме того, никто не можетъ безъ предварительнаго совѣщанія съ муллами и кадіями казнить мусульманина и даже объявлять войну.

Но въ Чечнѣ духовенство прежде пользовалось только тѣми правами, какія представлялъ ему самъ народъ, и обширность его зависѣла отъ личныхъ качествъ духовнаго лица. Со введеніемъ мюридизма, права ихъ стали обширнѣе, хотя однакожь не до-

стигли степени, предоставленной имъ закономъ, и чеченцы вообще неохотно покоряются владычеству муллъ и кадїевъ.

За исключеніемъ судной части и участія въ гражданскомъ управленіи, права духовенства во всемъ совершенно равны съ правами прочихъ вольныхъ гражданъ. Муллы, точно также какъ и всѣ, сами обрабатываютъ свои участки земли и бываютъ, наравнѣ со всеми, въ набѣгахъ. Мулла, неотличающійся молодецествомъ, служитъ иногда предметомъ насмѣшекъ и общаго презрѣнія.

Смотря по обширности, въ каждомъ аулѣ находится одинъ или нѣсколько муллъ; кадїи бываютъ только въ аулахъ многочисленныхъ, и имъ подчиняются окружныя деревни. Муллы избираются самимъ народомъ, при чемъ необходимыми условіями почитаются знаніе арабскаго языка и умѣнье толковать коранъ; но первое условіе не всегда строго разсматривается: достаточно только, чтобъ избираемый понималъ коранъ. Изъ муллъ выбираютъ кадїи.

Магометанское духовенство въ Чечнѣ пользуется определеннымъ закономъ содержаніемъ, которое состоитъ: изъ неопределенныхъ подарковъ за рѣшеніе тяжесбъ, раздѣла имѣній и совершенія обрядовъ; кромѣ того каждый вноситъ въ свою мечеть — закаты — десятую часть своихъ ежедневныхъ доходовъ. Третья часть этого сбора принадлежитъ духовенству, а остальныя двѣ раздаются бѣднымъ.

Права духовенства въ языческихъ обществахъ Чечни очень огромны и ничѣмъ не отличаются отъ правъ всѣхъ свободныхъ людей. Содержаніе его ограничивается добровольными приношеніями за службу.

Свободные чеченцы составляютъ одинъ классъ людей независимыхъ и во всемъ равныхъ. Чеченцы очень дорожатъ и гордятся этою независимостью и равенствомъ, считая себя равными узденямъ соседнихъ кабардинцевъ *. Впрочемъ это равенство только кажущееся въ Чечнѣ, какъ и вездѣ, гдѣ по видимому нѣтъ состояній, пользующихся законными преимуществами; люди, имѣющіе обширное родство, пользуются большимъ вліяніемъ.

Въ прежнее время каждый свободный человекъ имѣлъ право

* Узденъ—человекъ свободный, въ родѣ дворянина. Чеченцы производятъ это слово отъ *эзюдонг* — *отъ себя*, и потому считаютъ себя узденями, т. е. независимыми только отъ себя.

голоса въ народныхъ собраніяхъ и даже могъ сзывать эти собранія; теперь же это право осталось только въ обществахъ независимымъ отъ власти имама.

Право поземельной собственности принадлежитъ только людямъ свободнымъ, но въ Чечнѣ кромѣ того это право имѣетъ свою замѣчательную особенность. Земля здѣсь не составляетъ личной собственности каждаго лица, а принадлежитъ цѣлому роду — тохуму. Ежегодно она дѣлится на части по числу жителей, и участки раздаются по жребію; оттого въ Чечнѣ большое семейство не составляетъ тягости, а напротивъ, служитъ средствомъ къ болѣе удобной жизни. Послѣ сбора посьвовъ, земля опять поступаетъ въ общую собственность. Обычай этотъ, конечно, есть слѣдствіе необыкновеннаго плодородія земли въ Чечнѣ, не требующей до-сихъ-поръ еще рѣшительно никакого удобренія. Исключеніе составляетъ—когда кто самъ расчиститъ въ лѣсу поляну, или удобрить неплодную скалу, тогда воздѣланный участокъ составляетъ неотъемлемую собственность хозяина.

Есть еще въ Чечнѣ малочисленное сословіе личныхъ рабовъ, приобретенныхъ покупкою или плъномъ. Рабы раздѣляются на два класса, положеніе которыхъ не одинаково. Тѣ, которыхъ рабство считается съ незапамятныхъ временъ, и которые потому не могутъ помнить своего прежняго состоянія и родства, называются *Лая*. Они составляютъ родъ вещи, вполне и безусловно принадлежащей своему хозяину, который имѣетъ неограниченную и безответную власть надъ ихъ имуществомъ и жизнью. Другіе, поступившіе въ рабство еще недавно, въ надеждѣ быть выкупленными,—называются *Иессирь*. Положеніе ихъ въ-сколько сноснѣе потому, что хозяинъ, рассчитывая на хороший выкупъ, обращается съ ними человѣколюбивѣе.

Вообще какъ тотъ, такъ и другой классъ, не пользуется никакими личными правами, которые бы ограничивали произволь хозяина. Потому рабское состояніе въ Чечнѣ чрезвычайно унижительно; не смотря на то, однакоже, рабъ, отпущенный или выкупившійся, тотчасъ же поступаетъ въ сословіе людей свободныхъ и пользуется всеми ихъ правами. Нерѣдко случается, что освобожденный рабъ вступаетъ въ семейство своего прежняго хозяина. Для него не закрыта даже возможность поступить въ духовное сословіе.—Отпущенники зовутся *Азатами*.

До 1843 года, въ чеченскихъ обществахъ не было никакого общаго управленія: каждый аулъ составлялъ какъ-бы отдѣльное цѣлое, и управлялся независимо отъ другихъ, одноплеменныхъ, старшинами, избираемыми по одному отъ всѣхъ семей, жившихъ въ аулъ. Законовъ не было, и управленіе основывалось на однихъ обычаяхъ, сохраняемыхъ преданіями. Власть старшинъ была самая ничтожная, и исполненіе постановленій ихъ всегда зависѣло отъ согласія каждаго жителя аула; подчинялся имъ только тотъ, кто хотѣлъ.

Для особенной важности рѣшались на сходкахъ, на которыхъ каждый свободный чеченецъ имѣлъ право голоса, и даже право сзывать народъ на эти сходки. Для этого достаточно было, кому угодно, взлѣсть на кровлю мечети и провозгласить оттуда свое желаніе поговорить съ народомъ. Но и здѣсь никакихъ правилъ не существовало: общее рѣшеніе признавалось и исполнялось только тѣми, кто соглашался съ нимъ; несогласныхъ же или принуждали повиноваться силою, или же оставляли въ покоѣ, въ случаѣ невозможности употребить силу.

Послѣ покоренія плоскости русскими, управленіе Чечни не измѣнилось, и зависимость жителей ограничилась только наложенною на нихъ небольшою податью и легкими повинностями. Съ того времени, какъ въ Чечню проникло ученіе мюридовъ, имамы, и въ особенности Шамиль, получили нѣкоторое вліяніе на горныя общества Чечни, а въ 1840 году и на плоскость. Но, зная какъ дорожатъ чеченцы своею вольностью, Шамиль первое время ограничивался однимъ религіознымъ вліяніемъ, и до 1843 года не касался ихъ внутренняго управленія. Съ того же года, когда власть его установилась въ горахъ прочіе, онъ началъ мало-по-малу вмѣшиваться въ гражданское управленіе Чечни, и, замѣняя исподоволь обычай шариатомъ, успѣлъ наконецъ совершенно подчинить себѣ всѣ магометанскія общества Чечни; съ-тѣхъ-поръ въ Чечнѣ осталась только тѣнь прежней вольности, и то болѣе въ названіи, но не въ дѣйствительности.

Въ настоящее время управленіе въ разныхъ частяхъ Чечни различно.

Въ языческихъ обществахъ оно не измѣнилось, и чеченцы по прежнему управляются старшинами.

Такъ называемые мирные Чеченцы, то есть подчинившіеся нашей власти, управляются старшинами, избираемыми самимъ

народомъ и приставами, особо назначаемыми—русскими офицерами, или подчиняются мѣстному воинскому начальнику тамъ, гдѣ нѣтъ приставовъ. Высшее управленіе сосредоточено въ лицѣ одного русскаго начальника, подчиненнаго непосредственно Начальнику лѣваго фланга Кавказской линіи.

Чеченскія общества, признающія власть Шамиля, находятся въ самой деспотической отъ него зависимости. Присланные отъ него *наибы* * управляютъ каждый своимъ округомъ, завися только отъ имама. Они очень рѣдко выбираются изъ мѣстныхъ жителей; большею же частію Шамиль назначаетъ въ эту должность людей испытанной къ нему вѣрности и преимущественно изъ своей родины — Тавліи **.

Народъ долженъ безпрекословно повиноваться наибу, имѣя впрочемъ право жаловаться на него и просить о смѣнѣ; но это только тѣмъ права, которою Шамиль ласкаетъ вольность чеченцевъ. Въ подобныхъ случаяхъ, какъ и во всемъ, онъ руководится единственно собственными выгодами, и скорѣе смѣнитъ наиба, любимаго народомъ, потому-что получаетъ отъ него въ слѣдствіе этого меньше подарковъ ***. Наибы очень хорошо понимаютъ это, и конечно не упускаютъ случая угодить Шамилю, грабя народъ и дѣлясь награбленнымъ съ имамомъ. Въ такомъ случаѣ наибъ можетъ быть увѣренъ, что если сильное неудовольствіе народа и заставитъ Шамиля отнять у него наибоство, то онъ получитъ другое.

Наибъ управляетъ самовластно, имѣя даже право казнить, и только въ очень важныхъ случаяхъ обращается за разрѣшеніемъ къ имаму. При наибѣ находится большое число мюридовъ, приводимыхъ имъ большею частію съ собою, и только немногіе изъ нихъ набираются изъ мѣстныхъ важныхъ семействъ. Мюриды не имѣютъ опредѣленныхъ назначеній, а употребляются для изслѣ-

* Наибъ значитъ намѣстникъ мюридовъ.

** Тавліей чеченцы называютъ Дагестанъ, а тавлинцами его жителей. Это слово равнозначаетъ съ словомъ Дагестанъ и означаетъ страну горную.

Шамиль родился въ Гимрахъ, селеніи Койсубулинскаго общества.

*** Если Шамиль не увѣренъ въ комъ-либо изъ наибовъ, то беретъ изъ семейства его аманата, и тѣмъ заставляетъ людей, самыхъ добросовѣстныхъ, въ управленіи своимъ руководиться единственно выгодами имама. Въ противномъ случаѣ жизнь аманата будетъ въ большой опасности.

дованія дѣла, для надзора за приведеніемъ въ исполненіе распоряженій и тому подобнаго.

Прибывъ на мѣсто, наибъ избираетъ себѣ помощника, который называется *Мазумъ*, и назначаетъ на каждые сто дворовъ сотника — *Бендаръ*; этотъ послѣдній выбираетъ на десять дворовъ десятника — *Итдаръ*. Кроме того, при наибѣ существуетъ нѣчто въ родѣ тайной полиціи, набираемой, по желанію, изъ людей бѣдныхъ, бездомныхъ, обезпеченныхъ и презираемыхъ народомъ. Люди эти называются *Мартузакъ*. Обязанность ихъ состоитъ въ тайномъ наблюденіи не только за поступками, но и словами: обо всемъ замѣченномъ они прямо доносятъ наибу, и виновный, часто безъ всякаго оправданія и суда, наказывается, смотря по важности вины или подозрѣнія; а какъ при всякомъ наказаніи полагается и денежная пеня, часть которой дается доносчику, то само собою разумѣется, мартузаки не пропустятъ случая поживиться, и, нерѣдко изъ пустыхъ словъ, сказанныхъ кѣмъ-нибудь безъ всякой цѣли, выводятъ преступныя намѣренія.

Изъ этого видно въ какой тяжкой зависимости находится чеченскій народъ. Нѣ смотря на то, они не смѣютъ обвинять Шамиля, видя въ немъ какъ бы лицо священное: такъ этотъ человекъ умѣлъ поставить себя во мнѣніи Чеченцевъ, народа легкомысленнаго и фантастическаго. Вся вина всегда сваливается на наиба, которымъ Шамиль, въ случаѣ нужды, не задумается пожертвовать, самъ остается часто въ сторонѣ. Этому много способствуетъ, что чеченцы слѣпо вѣрятъ въ слова корана, который очень не многіе изъ нихъ умѣютъ читать; и для Шамиля потому очень легко въ каждомъ сомнительномъ обстоятельстве сослаться на коранъ. Со стороны духовенства ему нечего опасаться улики въ неправильномъ толкованіи корана: выгоды духовенства неразрывны съ выгодами имама — главы его.

На границѣ чеченской плоскости съ горной частью въ настоящее время находится пять наибовъ: 1) отъ укрѣпленія Ачхоя до рѣки Урусъ-Мартана, 2) отсюда до рѣки Энгеликъ, впадающей съ права въ Гойту, 3) до Аргуна, 4) до Хулхулу и 5) до Качкальковскаго хребта.

Общества, сохранившія еще прежній патріархальный образъ

правленія, именно общества языческія, судятся на основаніи однихъ только обычаевъ.

Въ магометанскихъ обществахъ Чечни въ прежнее время были два рода суда: по *адату* или обычаямъ, и по *шаріату*, то есть на основаніи закона. Судъ по адату принадлежалъ избираемымъ посредникамъ; по шаріату же могли судить только муллы и кадін. Каждый имѣлъ право избирать родъ суда по произволу; теперь же это право осталось только у чеченцевъ, подчиненныхъ нашему управленію. Шамиль, увидя, что судъ по адату отстраняетъ нѣкоторымъ образомъ его судебное вліяніе, и, кромѣ того не приноситъ ему никакой выгоды, запретилъ его въ своихъ владѣніяхъ, какъ судъ противный постановленіямъ Магомета, который повелѣлъ, чтобъ каждый мусульманинъ судился не иначе, какъ на основаніи шаріата. Въмѣстѣ съ уничтоженіемъ суда по адату, вся судебная власть перешла въ руки мулловъ и кадіевъ, которые разбираютъ дѣла на основаніи изреченій корана.

Я ограничусь только описаніемъ прежняго суда по адату и суда въ мирныхъ аулахъ, такъ какъ судъ по шаріату есть общій для всехъ магометанъ и не составляетъ исключительной принадлежности Чечни.

Спорящіе имѣли право избирать родъ суда, и, въ случаѣ согласія обѣихъ сторонъ судиться по адату, назначали судей—непрѣменно изъ семействъ, не находящихся въ родствѣ ни съ однимъ изъ противниковъ. При этомъ обѣ противныя стороны давали обѣщаніе повиноваться рѣшенію избранныхъ судей. Судьи основывали разборъ дѣла или на показаніи свидѣтелей, или, въ случаѣ неимѣнія ихъ, на присягѣ, къ которой приводился только отвѣтчикъ. Отъ него требовалось доказать, если споръ шель напримѣръ, о покражѣ, что во время совершенія преступленія онъ не могъ быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно произошло, и тѣ, на которыхъ онъ ссылался, какъ на свидѣтелей, приводились къ присягѣ. Если по окончаніи суда хоть одинъ изъ подсудимыхъ оставался недовольнымъ рѣшеніемъ, то позволялось выбирать другихъ судей. Этотъ судъ почитался уже окончательнымъ, и если виновный и послѣ этого не повиновался рѣшенію судей, то право привести въ исполненіе приговоръ возлагалось на истца. Здѣсь уже начиналось право личной расправы. Судьи были не болѣе какъ посредники, не облеченные ни какою исполнительною властію, и лишенные возможности употреблять побудительныя средства,

чтобъ заставить виновнаго подчиниться ихъ приговору. Потому естественно, что истецъ самъ долженъ былъ искать удовлетворенія; отсюда, конечно, происходитъ право мщенія — *Камы*.

Чеченцы судились только за преступленія противъ права собственности, за преступленія же противъ личности, какъ-то: убійство, раны, оскорбленіе родственницы и тому подобное они мстили. Мщеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается и шаріатомъ, но Шамиль старается вывести изъ употребленія мечь въ обществахъ, подчинившихся его власти, и ему нравится когда на оскорбленія, допускающія по закону мечь, приносятъ жалобу наубу и требуютъ суда.

Чаще всего чеченцы судятся за воровство, которое между ними чрезвычайно развито. Воровство, по понятіямъ чеченцевъ, не мараеть человека; стыдно только красть въ своемъ аулѣ или быть пойману на воровствѣ въ чужомъ. Искусный воръ въ Чечнѣ слыветъ удалцомъ, и подвиги его служатъ предметомъ заисти молодыхъ людей.

Обвиненный въ воровствѣ обязанъ заплатить за украденную вещь, или возратить ее хозяину. Къ этому понуждаютъ его заключеніемъ въ яму, при чемъ виновный обязанъ платить ежедневно за трудъ караульнымъ по двадцати копѣекъ серебромъ. Кроме того полагается неопредѣленный денежный штрафъ въ пользу науба.

Яма, въ которую заключаютъ виновныхъ, есть въ буквальномъ смыслѣ яма, вырываемая обыкновенно около мечети. Верхъ ея прикрывается прочнымъ бревенчатымъ потолкомъ, усыпаннымъ плотно землею. Въ потолокъ оставляется небольшое, четвероугольное отверстіе, закладываемое на ночь толстою крышкой съ желзными засовами.

Мирные чеченцы, какъ уже было сказано, подчиняются ближайшему надзору старшинъ, выбираемыхъ отъ каждаго семейства, рода. Иногда, кроме ихъ, мѣстнымъ воинскимъ начальствомъ назначается въ каждомъ аулѣ, старшина, аульный. Въ случаѣ несогласія въ чемъ бы то ни было, чеченцы приносятъ жалобы своимъ семейнымъ старшинамъ, которые обязаны стараться примирить спорящихъ. Если же это не удастся, то предоставляютъ имъ право избрать родъ суда. Русское начальство не мѣшается въ производство суда по адату, если сами судьи не попросятъ объ арестованіи виновнаго для понужденія его повиноваться рѣшенію ихъ. Если же спорящіе пожелаютъ су-

дятся по шаріату, то старшины доносятъ объ этомъ праставу или мѣстному воинскому начальству. Если подсудимые останутся недовольны рѣшеніемъ своего аульнаго муллы, то дѣло передается, при посредствѣ русскаго начальства, окружному кадію. Дѣло, не рѣшеное и кадіемъ, переносится въ главный судъ, учрежденный въ крѣпости Грозной, при начальникѣ лѣваго фланга Кавказской линіи. Судъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ муллъ и кадіевъ, избранныхъ жителями чеченскихъ и кумыкскихъ ауловъ, и находящихся подъ председательствомъ русскаго штабъ-офицера. Въ немъ окончательно рѣшаются споры чеченцевъ и кумыковъ. Чеченцы могутъ также просить суда по нашимъ законамъ. Споры русскихъ съ чеченцами рѣшаются не иначе какъ судомъ нашимъ, которымъ также судятся и все уголовныя преступленія.

Рѣшенія судовъ, смотря по важности преступленій, приводятся въ исполненіе или русскими, или же самими старшинами.

Всякая месть, соединенная съ пролітіемъ крови, въ мирныхъ аулахъ строго запрещена.

Нынче право мщенія, — канлы, во всей своей силѣ распространено только въ языческихъ обществахъ. Права мстителя и родъ мести за разныя преступленія опредѣляются обычаями. Здѣсь я разсмотрю месть за убійство и за оскорбленіе женщины и двушки.

За убійство мстятъ смертью убійцъ или родственникамъ его до четвертаго колѣна, не исключая и женщинъ. Право кровомщенія возлагается на ближайшаго родственника убитаго. Все средства, могущія привести къ достиженію цѣли, въ этомъ случаѣ считаются позволительными. Убійца, конечно, будетъ стараться употреблять все усилія, чтобъ избѣжать наказанія, и потому мстителю достиженіе цѣли всегда стоитъ много труда, а часто и денегъ. Обыкновенно убійца, если жилъ въ одномъ аулѣ съ родственниками убитаго, старается тайно бѣжать въ другой аулъ; и тогда мститель не жалѣетъ ничего, чтобъ только открыть убѣжище врага, что не всегда легко исполнить. Но и тутъ дѣло не кончается: нужно выждать время, найти случай встрѣтиться съ врагомъ одинъ на одинъ, гдѣ-нибудь въ полѣ или на дорогѣ, въ такомъ разстояніи отъ аула, чтобъ родственники или друзья его не могли подать ему помощи; кромѣ того, нужно захватить врага върасплохъ, чтобъ лишить его возможности обороняться,

потому что въ противномъ случаѣ успѣхъ невѣренъ и шансы равны для обѣихъ сторонъ.

Изъ этого видно какихъ тревогъ и волненій исполнена бываетъ жизнь чловека, обязаннаго кровомщеніемъ; жизнь же убійцы просто невыносима, и потому этотъ послѣдній, давъ время утихнуть первой злобѣ, старается склонить мстителя на примиреніе. Немногіе изъ чеченцевъ не согласятся на выгодныя условія мира. Задумавъ испросить прощеніе, убійца посылаетъ своихъ родственниковъ къ ближайшему родственнику убитаго имъ. Посланные обязаны убѣдить мстителя простить врага, и если онъ согласенъ, то условиться съ нимъ въ платъ за кровь.

Какъ только мститель объявитъ свое согласіе на миръ, убійца перестаетъ брить голову въ знакъ искренняго раскаянія. По истеченіи года, убійца беретъ муллу своего аула и нѣсколько почетныхъ стариковъ, и идетъ вмѣстѣ съ ними на кладбище, гдѣ похороненъ убитый имъ. При этомъ берутъ съ собою разные съѣстные припасы и непременно барана. Прийдя на кладбище, убійца ложится на могилу убитаго, а мулла съ стариками идетъ въ саклю (избу) къ мстителю и убѣждаютъ его простить врага. Приличіе требуетъ чтобъ мститель долго не соглашался ни на какія условія мира, говоря, что только кровью врага онъ можетъ уснокоить тѣнь покойнаго. Наконецъ старикамъ удается доказать, что должно прощать врага, просящаго пощады, и въ особенности за положенный закономъ выкупъ за кровь. После этого всѣ вмѣстѣ идутъ на кладбище; мститель подаетъ врагу руку, подымаетъ съ могилы и ведетъ въ саклю. Тамъ заставлятъ его сосать грудь старѣйшей женщины въ семействѣ, и наконецъ объявляетъ прощеніе врагу, ставшему ему молочнымъ. Обнимаются и — миръ восстановленъ. Въ заключеніе мститель собственноручно бьетъ прежнему врагу голову. Примиреніе завершается праздникомъ, на который приглашаются родственники съ обѣихъ сторонъ.

Прощеніе можетъ быть или съ откупомъ, или безъ откупа. Откупъ неопредѣленъ и зависитъ отъ предварительныхъ условій. Если убійца не въ состояніи заплатить вдругъ весь откупъ, то уплата разлагается на сроки, и въ счетъ ея идутъ какъ деньги, такъ и всякія цѣнныя вещи. Большею частию кровомщеніе въ настоящее время оканчивается примиреніемъ: чеченецъ очень справедливо разсуждаетъ, что, убивъ врага, онъ не вернетъ жизни

своему родственнику, а между тѣмъ потеряетъ случай обогатиться, кромѣ того, хотя обычаи и запрещаютъ обратно мстить за убійство виновнаго, но иногда мщеніе становится безконечнымъ рядомъ убійствъ, и потому жизнь мстителя въ свою очередь находится въ опасности. Убивать родственниковъ убійцы хотя и дозволяется, но считается дѣломъ несправедливымъ, и человекъ, съ болѣе вѣрными понятіями о чести, ищетъ смерти только одного настоящаго виновника, оставляя родню его въ покое.

Каждый имѣетъ право убить любовника жены своей, пойманнаго на мѣстѣ преступленія, а жену отрѣзать носъ и прогнать ее. Если же виновный успеетъ убѣжать, и мужъ увидитъ, что поиски будутъ трудны и продолжительны, то, чтобъ скорѣе смыть безчестіе, нанесенное ему въ лицѣ жены, онъ избираетъ другой родъ мщенія. Узнавъ когда жена виновнаго, или, ежели онъ холостъ, ближайшая его родственница (непрѣменно только вдова), отлучится куда-нибудь одна, обиженный собираетъ свою родню, стараясь поймать неосторожную. После того шаровары ея надѣваютъ на длинный шестъ и съ торжествомъ несутъ домой, при чемъ поютъ, приличные случаю, пѣсни и стрѣляютъ въ шаровары изъ ружей и пистолетовъ. Наконецъ трофей этотъ выставляется на крышѣ сакли. Этимъ мщеніе оканчивается въ отношеніи соблазнителя; но иногда и виновной женѣ удается убѣжать къ своей роднѣ съ цѣлымъ носомъ; тогда мужъ требуетъ выдачи жены для совершенія надъ нею положеннаго наказанія, и родственники непрѣменно должны выдать ее, если только мужъ не согласится на откупъ. Въ такомъ случаѣ виновная возвращается мужу калымъ и остается жить при своей роднѣ.

За оскорбленіе дѣвушки, при чемъ почитается обидою даже прикосновеніе къ ней, братья ея, или, за неимѣніемъ ихъ, ближайшіе родственники мстятъ сестрѣ или ближайшей родственницѣ (непрѣменно дѣвушкѣ) соблазнителя или виновнаго въ прикосновеніи. Родные этихъ послѣднихъ болѣею частию стараются прекратить эту вражду: они съ подарками идутъ къ роднѣ обиженной дѣвушки, убѣждаютъ простить виновнаго и условливаются въ откупъ. Дѣвушка въ такомъ случаѣ выдается замужъ за соблазнителя. Часто любовники пользуются этимъ средствомъ, когда родня дѣвушки не согласна выдать ее по желанію, или когда мужчина, любимый ею, бѣденъ и не въ состояніи внести требуемаго калыма; но въ такомъ случаѣ дѣло обходится безъ уплаты

только тогда, если ему удастся увезти дѣвушку къ себѣ въ саклю.

Если же соблазнитель не соглашается жениться и не имѣть близкихъ родственницъ, на которыхъ могло-бы распространяться мщеніе, тогда родственники обиженной стараются поймать виновнаго гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, рвутъ на немъ одежду и пускаютъ совершенно голаго. Слухъ объ этомъ происшествіи скоро распространяется по ближайшимъ ауламъ, и обиженные считаютъ себя удовлетворенными.

При этомъ должно необходимо замѣтить, что за оскорбленіе дѣвушки обычай не позволяетъ мстить женѣ виновнаго, или замужней его родственницѣ, и обратно за оскорбленіе жены—дѣвушкѣ. Если вина заключается въ одномъ только прикосновеніи, то родственникъ обиженной не иначе соглашается на примиреніе, какъ съ условіемъ, что онъ прикоснется къ ближайшей родственницѣ (дѣвушкѣ) виновнаго и непременно при тѣхъ-же свидѣтеляхъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ о семейныхъ отношеніяхъ чеченцевъ.

Отецъ имѣетъ полный произволъ надъ своею женой и дѣтьми, съ тою только разницею, что дѣтей онъ можетъ безответно лишать жизни, но не имѣетъ этого права въ отношеніи жены, за убійство которой подвергается мщенію кровныхъ ея родственникововъ.

Дѣти также безответно могутъ убивать другъ друга, подвергаясь только суду семейному: т. е. виновный въ свою очередь можетъ быть убитъ братьями или отцемъ *.

Этотъ порядокъ, какъ видно, основанъ на степени близости родства. Родство кровное занимаетъ первое мѣсто, и потому жена находится подъ защитой своихъ братьевъ и прочей родни, но

* Чтобы не ввести читателя въ заблужденіе, должно прибавить, что подобныя противуестественныя преступленія въ Чечнѣ очень рѣдки, и во всякомъ случаѣ считаются дѣйствіями непозволительными. Здѣсь же говорится только объ обычаяхъ, на которыхъ основывались ихъ прежнія семейныя отношенія, существующія въ настоящее время вполнѣ только въ языческихъ обществахъ. Отношенія же магометанъ опредѣлены шаріатомъ, которымъ Шамилъ старается замѣнить древніе обычаи, служившіе до-сихъ-поръ общественнымъ основаніемъ всехъ кавказскихъ племенъ.

только въ отношеніи мужа; родство же дѣтей считается ближайшею степенью.

Жена ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставить мужа безъ согласія съ его стороны, а получивъ согласіе, должна возвратить мужу калымъ. Мужъ всегда можетъ прогнать жену, не давая никому отчета въ томъ; но въ этомъ случаѣ калымъ остается при ней. При разводѣ, который совершается безъ всякихъ формальностей, жена можетъ взять съ собою только груднаго ребенка; всѣ же остальные дѣти должны оставаться на рукахъ мужа. Но и грудной ребенокъ можетъ жить при матери только до отнятія его отъ груди, послѣ чего непременно долженъ быть возвращенъ отцу, который за время кормленія дитяти выдаетъ по рублю серебромъ въ мѣсяцъ на содержаніе его. Изъ этого видно, что права отца и матери на дѣтей далеко неравны, и что дѣти принадлежать болѣе отцу.

Ежели сыновья пожелаютъ отдѣлиться при жизни отца, то должны испросить согласія его; въ такомъ случаѣ отецъ обязанъ снабдить сыновей калымомъ для покупки женъ и вообще всеми предметами, необходимыми для отдѣльнаго хозяйства. Дѣти же, отдѣляющіяся противъ воли отца, не получаютъ ничего при жизни его, не лишаясь впрочемъ права на часть наслѣдства, положенную закономъ. Вообще права наслѣдства опредѣлены закономъ, и умирающій не можетъ распоряжаться остающимся послѣ него имуществомъ. Отецъ въ правѣ прогнать сына, но лишить его наслѣдства не можетъ; словомъ, каждый чеченецъ при жизни можетъ раздать, кому захочетъ, все свое имущество, но не можетъ дѣлать никакихъ распоряженій въ отношеніи имѣнія, остающагося послѣ его смерти. Только въ одномъ случаѣ чеченецъ можетъ располагать по произволу этимъ имуществомъ, когда у него нѣтъ вовсе родственниковъ.

Если умирающій пожелаетъ объявить свою послѣднюю волю, то призываетъ муллу или кадія съ двумя, по-крайней-мѣрѣ, свидѣтелями. Мулла пишетъ завѣщаніе и скрѣпляетъ его вмѣстѣ съ свидѣтелями, которые если неграмотные, прикладываютъ свои печати. Составленное такимъ образомъ завѣщаніе тогда только имѣетъ силу, когда не противорѣчитъ закону или обычаямъ, т. е. не заключаетъ въ себѣ распоряженій на счетъ имущества.

Въ обществахъ, гдѣ шаріатъ не замѣнилъ еще адата, имѣніе дѣлится поровну между сыновьями, которые выдѣляютъ произ-

вольную часть сестрамъ, къ чему, впрочемъ, ихъ ничто не обязываетъ. Дочери только тогда участвуютъ въ наследствѣ, когда нѣтъ сыновей; въ такомъ случаѣ они получаютъ двѣ трети имущества, а остальная часть передается въ боковую мужескую линію. Жена если не захочетъ выйти замужъ за родственника своего покойнаго мужа, получаетъ четвертую долю всего его имущества.

Отецъ наследуетъ сыну, если у этого послѣдняго нѣтъ дѣтей; но ни въ какомъ случаѣ не получаетъ ничего изъ женинаго имущества, которое дѣлится поравну между дѣтьми, а за неимѣніемъ ихъ, переходитъ къ ея кровнымъ родственникамъ.

Молочные братья и дѣти участвуютъ въ наследствѣ наравнѣ съ кровными родными. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и кунаки—друзья, наследуютъ одинъ послѣ другаго, напримѣръ, если одинъ изъ нихъ умретъ, находясь въ гостяхъ у другаго, тогда хозяинъ пользуется всѣмъ имуществомъ, находившимся въ то время при умершемъ.

Прежде раздѣла имѣнія, который совершается муллою при свидѣтеляхъ, уплачиваются долги покойника, на которые будутъ объявлены претензіи; послѣ чего совершеннолѣтніе наследники получаютъ тотчасъ же свою часть, а доли малолѣтнихъ по описи передаются опекуну, который обязуется сохранить имущество въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ, до совершеннолѣтія надслѣнниковъ, которымъ оно передается тогда въ присутствіи свидѣтелей по той же описи. Растраченную часть опекунъ долженъ добавить изъ собственнаго имущества.

Опекуномъ назначается совершеннолѣтній братъ, или, если такого нѣтъ, или онъ не пожелаетъ, то ближайшій родственникъ, исключительно мужчина.

Совершеннолѣтнимъ возрастомъ полагается пятнадцать лѣтъ.

IV.

Промыслы Чеченцевъ.—Хлѣбовашество.—Скотоводство.—Садоводство.—Пчеловодство.—Охота.—Издѣлія Чеченцевъ.—Горговыя. Ярмарка 1850-го года.

Жители чеченской плоскости, по самому свойству мѣстности обитаемой земли, должны быть народомъ земледѣльческимъ; и дѣйствительно, до возмущенія 1840 года земледѣліе составляло главный ихъ промыселъ, и Чечня справедливо называлась житницею Дагестана: обширныя поляны ея и до сихъ поръ еще

носятъ слѣды плуга. Но съ тѣхъ поръ, какъ съ отнятіемъ плоскости, мы загнали ихъ въ горы и въ глубь лѣсовъ, окой-мляющихъ пригорья, земледѣліе, какъ промыселъ, не существуетъ, и чеченецъ светъ хлѣбъ только въ такомъ количествѣ, сколько нужно бываетъ для собственнаго хозяйства, продавая лишь избытокъ. Но таково плодородіе здѣшной почвы, что и при настоящемъ стѣсненномъ положеніи, жители, въ особенности сѣверныхъ отраслей черныхъ горъ, имѣютъ возможность продавать восемь своихъ мѣръ ($\frac{3}{4}$ нашей четверти) кукурузы за одинъ рубль серебромъ. Чеченцы считаютъ количество посѣва днями пахатбы, и одинъ день работы бываетъ достаточенъ для прокормленія довольно большаго семейства въ теченіе года.

— Въ настоящее время довольно большія поля, заставляемыя хлѣбомъ, находятся только по Тереку. Казаки, живущіе по лѣвому берегу Сунжи, имѣютъ тоже значительныя поля. Остальные же чеченцы—мирные, не рискуютъ распространять своихъ посѣвовъ за кругъ крѣпостныхъ выстрѣловъ; а непокорные, живущіе на плоскости, сѣютъ въ лѣсахъ, для чего съ осени расчищаютъ небольшія поляны, срубая и сожигая деревья.

Главный посѣвъ составляетъ кукуруза, сѣютъ также немного пшеницы, ячменя; въ городахъ арбузы, дыни, тыква, огурцы и лукъ, разсаживая иногда эти овощи между кукурузой. Въ городахъ, кромѣ того, нѣкоторые сѣютъ овесъ, бобы и морковь. Лучшая кукуруза родится въ Гехахъ и Герзели, а пшеница— въ Чечнѣ и Герзели.

Затѣмъ слѣдуетъ скотоводство, которое тоже могло-бы быть источникомъ значительнаго богатства, но извѣстно, что успѣхъ этой промышленности неразрывно связанъ съ успѣхомъ земледѣлія, и потому только нѣкоторые чеченцы, живущіе по Тереку, разводятъ домашнихъ животныхъ для продажи. Большая же часть имѣетъ только необходимое: одну или двѣ лошади, пару, рѣдко болѣе, быковъ, корову и нѣсколько мелкихъ животныхъ. Буйволы имѣютъ очень немногіе. Вообще скотъ въ Чечнѣ не отличается крупностью.

Молоко употребляютъ сами въ разныхъ видахъ, продавая только или излишекъ, или отъ нужды. Изъ овечьяго молока нѣкоторые дѣлаютъ сыръ (нехчу), очень впрочемъ невкусный.

Садоводство прежде процвѣтало, чему очевиднымъ доказа-

тельствомъ служить множество садовъ, которыми окружены развалины ауловъ, Лучшіе сады были въ Гехахъ и Герзели. Въ садахъ растутъ груши, яблоки, сливы, вишни, айва, лыча, персики, кизиль, тутовникъ и виноградъ. Лѣтъ пятнадцать еще тому назадъ сады приносили хорошій доходъ своимъ хозяевамъ, возившимъ множество свѣжихъ и сушеныхъ плодовъ въ Кизляръ и Моздокъ на продажу; теперь же сады эти гложутъ, и иные переносятся частію въ соседственныя укрѣпленія и станицы.

Виноградъ, растущій во многихъ мѣстахъ Чечни въ дикомъ состояніи, разводится въ небольшомъ количествѣ по Тереку и Сунжѣ; часть его продаютъ, ѣдятъ, а изъ остальнаго чеченцы дѣлаютъ вареное вино (джапа). Казаки дѣлаютъ изъ винограда жидкое и слабое вино—чихирь.

Немногіе также занимаются пчеловодствомъ, хотя ароматныя лѣса Чечни могли бы много способствовать этой промышленности. Несмотря на превосходныя качества здѣшняго меду, онъ отъ неопрятности и отъ бурдюковъ скоро портится.

Охоты, не смотря на обиліе звѣрей и птицъ въ лѣсахъ, какъ промысла, въ Чечнѣ не существуетъ: бьютъ звѣря или дичь, которые пададутся навстрѣчу; мясо ѣдятъ или продаютъ вмѣстѣ со шкурою.

Издѣлія чеченцевъ не имѣютъ никакихъ достоинствъ и употребляются большею частію ими самими. Во многихъ семействахъ женщины выдѣлываютъ бурки и сукны самаго низкаго достоинства изъ верблюжьей шерсти. Въ каждомъ почти аулѣ есть оружейники и серебряки; первые занимаются изготовленіемъ пистолетовъ и холоднаго оружія(*), но эти издѣлія не уважаются, за исключеніемъ шашекъ, выдѣлываемыхъ въ аулѣ Атагъ, при крѣпости Воздвиженской: шашки эти отличаются легкостью, гибкостью и цѣнятся довольно дорого—неменьше 10 рублей серебромъ за клинокъ. Серебряки дѣлаютъ наборы на оружіе и на конскую сбрую изъ серебряныхъ бляхъ, покрываемыхъ грубаго рисунка чернью.

Въ горахъ, тамъ, гдѣ есть самородная селитра, дѣлаютъ очень плохой порохъ.

Вообще всѣ издѣлія чеченцевъ, по несовершенству ихъ, не заслуживаютъ почти никакого вниманія, и ими пользуются только люди недостаточные.

(*) Ружей въ Чечнѣ вовсе не дѣлаютъ.

Главный торгъ въ прежнее время чеченцы производили хльбомъ, который сбывали преимущественно въ Дагестанъ; но теперь, какъ уже было замѣчено, съ отнятіемъ у нихъ плоскости, сбытъ этотъ прекратился. Въ настоящее время торговлю чеченцевъ можно назвать мелочною; всякій продаетъ собственныя свои издѣлія или-же избытокъ продуктовъ, доставляемыхъ его хозяйствомъ.

Въ мирныхъ аулахъ есть люди, занимающіеся торговлею красныхъ товаровъ, для покупки которыхъ они ѣздятъ на ярмарки, бывающія въ разное время въ станицахъ Терекской линіи, а иные даже въ Тифлисъ. Привозятъ, разумется, только товары, могущіе имѣть сбытъ, т. е. грубыя хлопчато-бумажныя матеріи, платки, канаусъ, мовъ и пр. Торгуютъ или на наличныя деньги, или мѣня на сырые продукты: шкуры, воскъ, медъ, орѣхи и тому подобное. Мѣна преимущественно производится съ горскими чеченцами, которые вообще очень не богаты деньгами. И купцы находятъ, что мѣновой торгъ для нихъ выгоднѣе продажи на деньги, потому-что сырые продукты имѣютъ въ горахъ очень низкія цѣны, и, взятые купцами по этой цѣнѣ, перепродаются потомъ Русскимъ съ большимъ барышомъ. Въ непорочныхъ аулахъ есть тоже купцы, которые имѣютъ сношенія съ мирными купцами и производятъ съ ними мѣну.

Кажется чеченцы особенно склонны по природѣ къ торговлѣ, какъ средству безъ большаго труда добывать деньги. Любя страстно деньги, каждый чеченецъ старается пріобрѣтать ихъ: сначала онъ продаетъ дрова, сѣно, разныя мелкія домашнія издѣлія и хозяйственные продукты; потомъ, скопивъ небольшой капиталъ, отдаетъ его купцамъ за проценты; другіе-же предпочитаютъ отдавать деньги подъ залоги займы; за охотниками занять остановки не бываетъ, и потому чеченцы берутъ болѣе чѣмъ жидовскіе проценты; а какъ проценты магометанскимъ закономъ запрещены, то ихъ они называютъ добровольнымъ подаркомъ должника за оказанную ему услугу. Подобнаго рода пріобрѣтеніе денегъ не считается предосудительнымъ, между-тѣмъ какъ именемъ купца чеченецъ обижается. Можетъ-быть, это происходитъ отъ того что въ Чечнѣ большая часть купцовъ—жиды, которые и здѣсь, какъ и вездѣ, презираемы народомъ.

Вотъ общія цѣны главныхъ произведеній въ Чечнѣ. Пистолеть—около шести р. сер.; шапка — около десяти р.; бурка—

до пяти р; аршинъ верблюжьяго сукна, шириною нѣсколько менѣе поль-аршина—двадцать коп; восемь мѣръ кукурузы (три четверти нашей четверти)—отъ одного до двухъ р.; пудъ сѣна — десять коп. лѣтомъ, и отъ пятнадцати до двадцати пяти зимой; кубическая сажень дровъ—отъ трехъ до четырехъ р.; десятокъ яицъ—десять к.; курица—двадцать к.; гусь—семьдесятъ пять к.; фунтъ говядины—три коп.; фунтъ баранины—три съ половиною, большой арбузъ, или дыня — десять коп.; фунтъ винограда три коп.

Въ 1850 году главнокомандующій, желая сблизить непокорныхъ горцевъ съ Русскими, разрѣшилъ открыть около крѣпости Грозной ярмарку, на которую дозволено было привозить товары и горцамъ, подвластнымъ Шамилю. Послѣ размына аманатовъ, 15-го мая, заключено было перемиріе на три дня, и горцы начали собираться къ Грозной.

Главный привозъ изъ горъ составляли хозяйственные продукты: яйца, сыръ, масло, медъ; привезли также много шкуръ, обдѣланныхъ и не обдѣланныхъ; кожаныя издѣлія, сукна, ковры и тому подобное. Горцамъ было запрещено продавать хлѣбъ во всѣхъ видахъ, желѣзные и деревянныя издѣлія. Съ нашей стороны не дозволена была продажа оружія и желѣза. Но торгъ этотъ для обѣихъ сторонъ оказался невыгоднымъ; горцы продали только выгодно привезенныя ими шкуры; множество же съѣстныхъ припасовъ осталось непроданнымъ, по причинѣ недостатка потребителей и негодности къ сохраненію въ прокъ этихъ продуктовъ въ наступившіе уже сильныя жары. Наши купцы имѣли тоже очень небольшой сбытъ, состоявшій преимущественно изъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій и калмыцкаго чая.

Послѣ этого опыта ярмарка уже не собиралась, можетъ быть потому, что Шамиль опасался невыгодныхъ для своей власти послѣдствій отъ сближенія съ Русскими ему подвластныхъ, которые могли сравнить на дѣлѣ удобства жизни покорныхъ намъ горцевъ съ своею тяжелою зависимою отъ произвола имама.

Къ чести горцевъ прибавлю, что во все время торга они вели себя чрезвычайно скромно: не было ни одной ссоры, ни одной покражи. Правда, немудрено, что этому много способст-

воваль строгій надзоръ за ними, для чего былъ присланъ Шамилемъ одинъ изъ приближенныхъ къ нему людей—Мюридъ-Магома, и ногайка его неуставала гулять по спинамъ горцевъ при малѣйшемъ подозрѣніи.

У чеченцевъ нѣтъ собственныхъ денегъ, и они употребляютъ наши, преимущественно серебряныя, предпочитая ихъ золотымъ. Мѣди, называемой ими черными деньгами, не любятъ и берутъ неохотно. Вотъ чеченскія названія денегъ; пять копѣекъ — цашей, гривенникъ—шишей, пятацтынный — кошей, двугривенный эпнсь или абазъ (слово грузинское) четвертакъ—пхишей, полтинникъ—ах-сомъ; рубль серебра—монеть.

Изъ этого очерка, даже при всей неполнотѣ его, можно составить уже нѣкоторое понятіе о томъ, какъ богата Чечня, и въ особенности плоскость: сколько въ ней богатства видимаго, а, можетъ-быть, еще болѣе скрытаго въ недрахъ ея ущелій и горъ. Недостаетъ одного только, чтобъ эти богатства принесли плодъ—нѣкому ими пользоваться. Дикость ея обитателей, избалованныхъ щедростью природы и привыкшихъ довольствоваться самымъ малымъ; врожденное отвращеніе ихъ отъ какаго-либо труда, страсть къ хищничеству, наконецъ непрерывныя опасности и войны, которыя не перестаютъ съ незапамятныхъ временъ терзать этотъ благодатный край—все эти причины служатъ непреодолимымъ препятствіемъ развитію промышленности, а следовательно и народнаго богатства. Оттого до-сихъ-поръ чеченцы не извлекли никакой выгоды изъ окружающей ихъ роскошной природы, представляющей множество данныхъ, на которыхъ могли-бы основаться многія отрасли промышленности, и оставленная въ ихъ рукахъ, страна эта, можно сказать положительно, едва-ли когда-нибудь вышла-бы изъ того дикаго состоянія, въ какомъ находится понынѣ.

Наиболѣе разработанная часть Чечни была плоскость, но и она въ настоящее время, за исключеніемъ узкихъ полосъ по Сунжѣ и Тереку, представляетъ дикую, заброшенную пустыню, по которой свободно ходятъ только стада кабановъ, волковъ и оленей, не боясь охотника, потому-что неосторожный охотникъ нерѣдко самъ обращается въ зверя, котораго преследуютъ гораздо съ большимъ усердіемъ, чѣмъ самую вкусную дичь. По этой безмолвной пустынѣ, какъ оазисы, разбросаны наши укрьпленія, съ окружающими ихъ небольшими полями.

Теперь, для дополненія моего очерка, я считаю не лишнимъ

бросить краткій взглядъ на нравы и бытъ чеченцевъ, и въ заключеніе познакомить читателя съ обычаями и обрядами, которыми сопровождаются въ Чечнѣ три главныя эпохи человеческой жизни—рожденіе, бракъ и смерть.

V.

Наружный видъ Чеченцевъ.—Одежда.—Жиллица.—Пища.—Характеръ.—Чеченцы въ дѣлѣ.—Леченіе ранъ.—Занятія.—Забава и увеселенія.—Гостепріимство.—Обычай при рожденіи; воспитаніе дѣтей.—Свадебные обычаи.—Похороны и поминки.

Большая часть чеченцевъ статны, высоки и красивы; они смуглы, худощавы, хорошо сложены, и всѣ движенія ихъ чрезвычайно граціозны. Женщины далеко не такъ красивы, какъ мужчины; между дѣвушками совершенно нѣтъ красавицъ; есть, правда, не мало очень миловидныхъ, но красота сохраняется не долго и вскорѣ послѣ замужства женщина начинаетъ быстро терять ее. Старость для нихъ наступаетъ очень скоро, и я не видѣлъ ничего безобразнѣе старухи чеченки, между-тѣмъ какъ старики имѣютъ чрезвычайно почтенную и даже красивую наружность.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ бешмета, родъ узкаго и короткаго казакина, сверхъ котораго надѣвается черкеска (чаха)— костюмъ всѣмъ, я думаю, извѣстный, и потому не требующій описанія. На головѣ носятъ высокія бараньи шапки мѣхомъ внутрь и съ загнутымъ наружу мѣховымъ же околышемъ. На ногахъ узкіе, большею частію изъ бумажной матеріи, штаны, сверхъ которыхъ надѣваютъ еще наговицы, родъ суконныхъ чаловъ, закрывающихъ ногу снизу до колѣна. Черкеска, туго перетянутая ремненнымъ поясомъ, украшеннымъ металлическими подъ чернью бляхами. Зимой подъ черкеску надѣвается бараній полшубокъ; кромѣ того носятъ бурки и башлыки (большіе суконные колпаки съ кисточкой на верху, надѣваемые на голову и служащіе превосходною защитой для лица отъ дождя и снѣга). Обувь состоитъ изъ разноцвѣтныхъ, козловыхъ башмаковъ-чевякъ, сверхъ которыхъ въ дорогѣ надѣваютъ еще толстые, кожаные поршни; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ горной Чечни, подошва обуви дѣлается изъ переплетенныхъ ремешковъ. Каждый вооруженъ длинною винтовкой, шашкой, короткимъ кинжаломъ и однимъ или двумя пистолетами. Въ южной части горной Чечни

пашки имѣютъ только люди богатые, прочіе же носятъ вмѣсто ихъ длинные кинжалы. Даже и въ своей сакль чеченецъ никогда не снимаетъ пистолета и кинжала, который ночью кладетъ около изголовья; выходя же изъ дому, непременно беретъ полное вооруженіе.

Женщины носятъ длинныя хлопчатобумажныя или шелковыя рубахи, надѣваемые прямо на тѣло и составляющія часто полный костюмъ чеченки. На спинѣ рубахи вставляется большой прямоугольный лоскутъ матеріи, почти всегда неодинаковаго цвѣта съ рубашкой. Это дѣлается для того, чтобъ удобнѣе было мѣнять спинку, часть одежды, чаще другихъ рвущуюся отъ разныхъ тяжестей, носимыхъ на спинѣ. На ногахъ носятъ широкіе шаровары, собираемые у щиколотки и чевяки, обуваемые на босую ногу. Сверхъ рубахи надѣваютъ яркаго цвѣта бешметъ съ металлическими бляхами на груди и вокругъ пояса, замѣняемыми у богатыхъ четвертаками и полтинниками. Голову обертываютъ платкомъ, подъ который собираютъ все волосы, кромѣ висковъ, обрѣзываемыхъ и приглаживаемыхъ по щекамъ. Сверхъ платка накидывается еще другой большой, почти всегда черный, который закрываетъ плечи и всю спину.

Все мужчины бръютъ голову *, женщины же очень немногія, и то не всю, а только верхъ, оставляя по окружности не очень узкую полосу волосъ.

Вообще чеченцы очень неопрятны въ одеждѣ, и въ особенности мужчины; очень немногіе изъ нихъ мѣняютъ рубахи, большая же часть не скидаетъ до-тѣхъ-поръ, пока она совершенно не износится и сама не свалится съ плечъ.

Чеченцы живутъ въ избахъ, длинныхъ и низкихъ, называемыхъ саклями. На плоскости—сакли строятся почти всегда одноэтажныя, изъ бревенъ или изъ плетня; въ горахъ же нерѣдко въ два этажа, и тамъ, гдѣ мало лѣсу, изъ мѣстнаго камня или саманнаго кирпича. Каждый домъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ живетъ хозяинъ и тамъ же принимаетъ гостей, а въ другомъ жены его и дѣти; эти отдѣленія не имѣютъ между собою сообщенія, и дверь изъ каждаго ведетъ подъ общій навѣсъ; каждая сакля имѣетъ одно ок-

* У чеченцевъ нѣтъ бритвъ, и операцію эту они производятъ небольшимъ ножичкомъ, который находится у каждаго, засунутый въ особое мѣстечко на кинжалныхъ ножнахъ. Иногда же бръются просто кинжаломъ.

но, прорубаемое у самаго пола: это просто четырехугольное отверстие, закрываемое на ночь внутреннею ставней. Печей нѣтъ, а есть что-то въ родѣ камина: труба, плетневая, плотно вымазанная глиной, спускающаяся въ избу до разстоянія немного меньше аршина отъ пола; подъ этой трубою на полу, вымазанномъ глиною, почти постоянно тлѣтся огонь, какъ зимой такъ и лѣтомъ; для приготовленія же пищи поперекъ трубы сдѣлана желѣзная полоса, съ середины которой виситъ цѣпь съ крюкомъ внизу: на крючекъ этотъ вѣшается котелокъ. На внутреннемъ столбѣ, подпирающемъ потолокъ, вѣшается оружіе; по стѣнамъ нѣсколько рядовъ полокъ, на которыхъ укладываются въ большомъ порядкѣ матрацы, толстыя одъяла, войлоки, ковры, и устанавливаются разноцвѣтные, пестрые сундуки, большіе неглубокіе мѣдные тазы, мѣдные и глиняные кувшины, высокіе, съ очень узкими шейками, и проч.

Крыша сакли дѣлается изъ плетня, съ обѣихъ сторонъ вымазаннаго глиной; на плетень насыпается довольно толстый слой земли, плотно утаптывается и опять вымазывается глиной. Крыши плоскія, нѣсколько наклоненныя напередъ.

Дворъ огораживается рѣденькимъ плетнемъ, въ которомъ оставляется отверстие, запираемое на ночь плетневыми же воротами, а еще чаще загораживаемое арбою, двухъ-колесною повозкой. На дворъ находятся: конюшня, навѣсъ для домашнихъ животныхъ, нѣсколько высокихъ столбовъ съ длинными сучьями кукурузы, и сучковатый столбъ для привязи лошадей. Единственный экипажъ ихъ состоитъ изъ двухъ-колесной высокой повозки—арбы. Колеса ея не меньше двухъ аршинъ въ діаметрѣ; къ оси, около колесъ, прикрѣпляются плотно двѣ короткія жерди, къ которымъ привязывается слабо сплетенный плетень, на концахъ жердей вдѣлываются вертикальныя стойки и между ними съ боковъ вставляются плетни, такъ что арба открыта сзади и спереди, чрезъ средину же проходитъ дышло. Ызда производится исключительно на быкахъ.

Чеченцы любятъ жить обществами, и аулы ихъ часто заключаютъ въ себѣ до пятисотъ сакель. Сакли располагаются безъ всякаго порядка: каждый строится тамъ, гдѣ захочетъ; оттого чеченскіе аулы представляютъ не болѣе, какъ неправильную кучу домовъ, съ кривыми и узкими переулками между ними, по которыхъ едва можетъ проехать одна арба; оставляется только небольшая площадка посреди аула, около мечети. Сакли рѣд-

ко бѣлятся, и потому чеченскія деревни имѣютъ непріятный грязный видъ. Старые аулы окружены часто очень большими садами.

Аулы, бывшіе на плоскости, почти всегда укрѣплялись земляными валами или бревенчатыми завалами; въ горахъ же они окружаются каменными стѣнами, съ башнями по угламъ.

Пища чеченцевъ состоитъ изъ тонкихъ кукурузовыхъ или пшеничныхъ лепешекъ (чурекъ), молока и огородныхъ овощей; въ особенности они употребляютъ много луку и черемши. Мясо ѣдятъ очень рѣдко, только на праздникахъ, или когда хотятъ угостить какого нибудь важнаго гостя. Водку очень любятъ; въ горахъ она запрещена; и часто чеченецъ подвергается большой опасности, чтобъ пробраться въ мирный аулъ и купить водки. До табаку также большіе охотники, курятъ его изъ крошечныхъ трубочекъ, часто выдолбленныхъ изъ камня.

Очень незамысловатъ чеченскій способъ молотить кукурузу: на рѣшетчатое дно арбы насыпаютъ высушенные на столбахъ, початки и разбиваютъ ихъ палками; зерна собираютъ на подставленный подъ арбою войлокъ. Въ Чечнѣ нѣтъ вѣтряныхъ мельницъ, устройство же водяныхъ, по большей части, самое простое: колесо горизонтальное передаетъ движеніе жернову, находящемуся на одной съ нимъ оси, прямо, безъ пособія шестерни. Тамъ, гдѣ нельзя построить мельницы около самой рѣки, вода проводится къ одному боку колеса канавками. Быстрота рѣкъ дѣластъ излишними всякіе искусственные запруды.

Характеръ чеченца вспыльчивъ; при обидѣ онъ легко приходитъ въ бѣшенство и оттого часто между ими происходятъ ссоры. Рѣдко впрочемъ дѣло доходитъ до оружія; правда, они очень скоро его обнажаютъ, но не часто употребляютъ въ дѣло. Чеченецъ никогда не забываетъ, что за кровь мстятъ, и потому развѣ только при сильномъ оскорбленіи рѣшится ранить кого нибудь, въ особенности если это человекъ важный, что, по ихъ понятіямъ, означаетъ человека, имѣющаго большую родню. Большею же частію обиженный чеченецъ затаиваетъ злобу; для отклоненія подозрѣній мирится съ врагомъ, старается ему услуживать и потомъ, когда увидитъ, что его уже не остерегаются и что подозрѣвать его не будутъ, оцъ, выждавъ удобный случай, мститъ, и часто много лѣтъ спустя послѣ обиды. Они не разборчивы на средства: поджигаютъ сѣно, хлѣбъ; рѣжутъ лошадей, подкладываютъ подъ саклю порохъ и т. п. Бывали слу-

чай, что въ сѣно врага клали начиненныя гранаты, и зажигали стогъ для того, чтобъ лопнувшая граната убила хозяина, когда онъ выйдетъ тушить огонь. Вообще въ характеръ чеченцевъ очень мало благородства; они не крѣпки на слово, и присяга, сопровождаемая самыми страшными клятвами, для нихъ ничего не значитъ; обмануть кого-нибудь онъ не только не считаетъ дѣломъ постыднымъ, но даже будетъ хвастаться этимъ; очень немногіе изъ чеченцевъ постыдятся убить безоружнаго непріятеля, женщину или даже ребенка, чему неразъ бывали примѣры. Правда, есть и между ими люди съ благородными чувствами, но такіе люди рѣдки, и составляютъ не болѣе, какъ исключеніе. Общія черты характера ихъ: легкомысленность, вспыльчивость, способность чрезвычайно легко увлекаться минутными впечатлѣніями; коварство, лѣность, жадность и страсть къ хищничеству; послѣдняя черта заключаетъ въ себѣ едва ли не единственную добродѣтель чеченца,—отвагу и храбрость, потому что это необходимыя условія для того, чтобъ хищничество, сопряженное съ большими опасностями, могло быть успѣшно. Чеченцы любятъ умствовать, оттого ихъ очень легко убѣдить во всемъ: стоятъ только сбить ихъ съ толку искусными и витіеватыми фразами.

Чеченецъ какъ легко воспламеняется, точно такъ же легко и остываетъ, если не поддерживать постоянными толчками возбужденнаго въ немъ настроенія.

Чеченцы, живущіе на плоскости, почти всѣ имѣютъ лошадей, и страстные охотники ѣздить верхомъ; но, не смотря на то, они плохіе наездники. Въ горахъ лошади считаются рѣдкостью и ихъ имѣютъ только люди богатые. Пѣшіе чеченцы въ дѣлѣ гораздо опаснѣе конныхъ, которые болѣе дѣлаютъ шуму, чѣмъ вреда: они скачутъ изъ стороны въ сторону, кричатъ, стрѣляютъ, почти неостанавливая лошадь, и вообще болѣе заботятся о томъ, чтобъ выказать свою храбрость и ловкость, чѣмъ о нанесеніи вреда. Пѣшіе, другое дѣло: съ необыкновеннымъ искусствомъ они пользуются всякимъ измѣненіемъ мѣстности, чтобы скрытно и безопасно пробраться ближе къ нашей цѣпи; не любятъ тратить пороху, котораго всегда у нихъ бываетъ очень мало, и стрѣляютъ только послѣ тщательнаго прицѣливанія. Впрочемъ только горскіе чеченцы мѣтко стрѣляютъ (въ особенности въ этомъ отношеніи славятся жители Аргунскаго ущелья); чеченцы же, живущіе на плоскости, вообще плохіе стрѣлки.

Чеченцы очень хладнокровно выдерживаютъ ружейный огонь,

артиллерійскаго, и въ особенности картечи, очень боятся; а ударъ въ штыки или шашки всегда наводитъ на нихъ панической страхъ. Вообще они очень нестойки и хорошо дерутся только при нашемъ отступленіи: тогда они окружаютъ невидимою, какъ бы эластическою цѣпью нашъ арріергардъ и боковыя цѣпи; толпы ихъ останавливаются, когда мы останавливаемся, бѣгутъ при малѣйшемъ нашемъ движеніи на нихъ, и снова преслѣдуютъ при нашемъ отступленіи. Дѣйствія ихъ почти единственно ограничиваются только перестрѣлкой; атаки, правда, производятъ часто, причѣмъ поютъ молитвы и страшно, пронзительно гичать, но тѣмъ дѣло почти всегда и оканчивается. Храбрость ихъ не есть настоящая, а только такъ-сказать, храбрость отчаянія. Чеченецъ славно умираетъ, если не видитъ возможности избѣжать смерти; въ противномъ же случаѣ онъ не стыдится искать спасенія въ бѣгствѣ.

Здѣсь кстати упомяну о леченіи ранъ чеченскими лекарями. Чеченцы превосходно лечатъ раны, и въ особенности нанесенныя холоднымъ оружіемъ. Леченіе начинается тѣмъ, что рану расширяютъ, всовывая въ нее палецъ, потомъ кладутъ на нее крѣпко-насоленнаго коровьяго масла, стараясь, чтобъ оно выполнило рану, и перевязываютъ. Этимъ средствомъ они производятъ скорое и сильное нагноеніе. Для заживленія ранъ употребляютъ мазь, составъ которой держится въ строгомъ секретѣ и передается отъ отца къ сыну; дѣйствіе этой мази чрезвычайно быстро. Съ раненымъ чеченскіе лекаря обращаются безъ всякаго чело-вѣколюбія: я самъ видѣлъ какъ одному раненому пулей въ грудь навылеть, засовывали въ раны пальцы, потомъ подымали за ноги и сильно встряхивали для того, чтобъ выгнать матерію, накопившуюся въ груди. Лекаря очень уважаются народомъ, который видитъ въ нихъ почти ежедневную надобность; искусство это держится въ тайнѣ и не выпускается изъ семейства. Особенно еще недавно славились лекаря аула Нурки, въ Гехинскомъ ущельи (аулъ этотъ разрушенъ генераломъ Слѣпцовымъ осенью 1851 года, и жители его разбрелись въ разныя стороны); тамъ почти каждое семейство имѣло свои медицинскіе секреты. Внутреннія болѣзни чеченцы лечатъ очень дурно и, въ такихъ недугахъ они охотнѣе прибѣгаютъ къ помощи нашихъ медиковъ. Часто даже непокорные горцы, пользуясь великодушіемъ русскихъ, являются въ наши лазареты. Ихъ лечатъ, и потомъ отпускаютъ. Кажется нечего и прибавлять, что, спасенный нами

горець не считаетъ дѣломъ противнымъ чести оставаться нашимъ врагомъ.

Содержаніе въ исправности оружія и уходъ за лошадыю составляютъ главные предметы заботливости мужчинъ; кромѣ того на немъ лежитъ обязанность вспахать поле, привезти дровъ, накосить сѣна и другія рѣдкія работы, требующія силы. Остальныя полевыя и всѣ домашнія работы исполняются женщинами: съ ранняго утра она начинаетъ трудиться и кончаетъ только вечеромъ. Она должна встать ранѣе мужа и принести воды, чтобъ хозяинъ могъ тотчасъ же по пробужденіи совершить намазъ—омовеніе; потомъ убираетъ въ сакль, приготовляетъ пищу, запрягаетъ и распрягаетъ воловъ, осѣдлываетъ и разсѣдлываетъ лошадь. Если мужъ куда нибудь ѣдетъ; смотритъ за дѣтьми, гоняетъ скотину въ поле и на водоной, и пр. и пр. Словомъ женщина едва-ли когда успѣваетъ отдохнуть, и работаетъ чуть-ли не болѣе скотины; и, не смотря на то, не пользуется ни малѣйшимъ уваженіемъ, права на которое ей не даютъ даже обычай и законъ: мужчина стыдится даже говорить съ нею при постороннихъ. Мужчина же, когда нѣтъ полевыхъ работъ, большую часть времени проводитъ въ праздности: ѣздитъ въ гости, а когда и это лѣнь сдѣлать, сидитъ, зимою у огонька, а лѣтомъ подъ навѣсомъ сакли, и—стружетъ палочки! По вечерамъ собираются у мечети, гдѣ старики вспоминая старину, рассказываютъ разные случаи изъ своей жизни, или толкуютъ о мѣстной политикѣ.

Иногда чеченцы развлекаются музыкой, до которой они всѣ страстные охотники. Въ горахъ какъ музыка, такъ и пѣсни строго запрещены; въ мирныхъ же аулахъ почти каждый вечеръ можно слышать раздрающіе звуки мирць—пандера единственнаго чеченскаго музыкальнаго инструмента, состоящаго изъ пустой тыквы, къ которой приделана деревянная ручка; струны изъ конскаго волоса. Весь музыкальный репертуаръ ихъ ограничивается, кажется, одною лезгинкою.— Пѣсни чеченскія заунывны и поются протяжно; между ими есть нѣсколько старинныхъ, сложенныхъ въ воспоминаніе какого нибудь важнаго событія или въ честь прославившагося удалствомъ и хищничествомъ удалца-джигита. Большею же частію пѣвецъ импровизируетъ на каждый случай особую пѣсню.

Мирные чеченскіе аулы посѣщаются часто канатными плясу-

нами, которые приходят сюда преимущественно изъ Дагестана (*). На площади или на выгонъ за ауломъ, на высокихъ козлахъ канатъ, на которомъ плясунъ выдѣлываетъ чрезвычайно трудныя штуки; въ тоже время товарищъ его, одѣтый въ вывороченную шубу, представляетъ чорта, и до упада смѣшитъ публику, которая на подобныя зрѣлища является въ лучшихъ своихъ одеждахъ. Фокусника каждый даритъ, по желанію, деньгами, платками или сукномъ, и т. п. Если въ ауль есть люди важные или богатые, то, окончивъ общее представленіе, фигляръ объявляетъ, что онъ будетъ плясать теперь въ честь такого-то, за что получаетъ отъ лица, имъ названнаго, часто очень богатые подарки.

Всѣ чеченцы очень любятъ играть въ карты и въ особенности пристрастны къ азартнымъ играмъ, которыя часто оканчиваются нѣсколькими сотнями рублей, считая тутъ лошадей, оружіе, быковъ, и пр. Эта страсть, въ соединеніи съ ихъ превратными понятіями о чести, произвела между ими нѣсколько очень и искусныхъ шулеровъ, составляющихъ себѣ значительное состояніе. При этомъ кстати замѣчу, что чеченцы какъ-то особенно скоро перенимаютъ отъ насъ пороки, въ тоже время какъ - бы считая за грѣхъ слѣдовать хорошему.

Гостепримство считается одною изъ главнѣйшихъ добродѣтелей и исполняется въ строгости всеми, если не отъ души, то по-крайней-мѣрѣ, наружно. Гостя, кто-бы онъ ни былъ, хозяинъ встрѣчаетъ на дворъ, разсыпается передъ нимъ въ самыхъ отборныхъ, витѣватыхъ выраженіяхъ, помогаетъ ему слѣзть съ лошади; передавъ лошадь женѣ, вводитъ гостя въ саклю и сажаетъ на подушки; тутъ еще разъ повторяются разныя восторженныя привѣтствія съ обѣихъ сторонъ. Затѣмъ слѣдуетъ угощеніе, которое бываетъ болѣе или менѣе пышно, смотря по важности почитателя. Наѣвшисъ, гость, для изъясненія полнаго своего удовольствія, рыгаетъ, обращаясь къ хозяину, показывая какъ бы тѣмъ, что онъ сытъ до-нельзя * Если пріѣзжій кунакъ

(*) Говорятъ, что въ молодости на этомъ поприщѣ съ успѣхомъ подвизался и нынѣшній Имамъ Кавказа Шамиль.

* Знакомымъ съ Кавказомъ только по однимъ романамъ, можетъ показаться неправоподобною подобная не деликатность въ людяхъ, которыхъ они привыкли считать какими-то рыцарями. Но это дѣйствительно такъ: прѣ мнѣ извѣстный

(другъ, за котораго, въ случаѣ нужды должно жертвовать даже жизнью—почти тоже, что нашъ крестовый братъ), то на прощаніи хозяинъ даетъ ему разные подарки; при этомъ берется въ соображеніе, что съ своей стороны гость будетъ въ состояніи подарить хозяину, когда онъ заплатитъ визитъ. Хозяинъ, кромѣ-того, обязанъ подарить гостю каждую вещь, понравившуюся ему; и въ этомъ случаѣ уже не разбирается важность лица.

Есть между чеченцами такіе рыцари гостепримства, которые всю жизнь проводятъ въ разъѣздахъ по гостямъ и въ приниманіи ихъ у себя. Такое полезное препровожденіе времени нерѣдко доводитъ до совершенной нищеты подъ старость. Эти по большей части люди отчаянные и страстные, охотники покутить, и которые потому рады всякому случаю, доставляющему имъ какъ-бы законное право кутить.

Когда чеченка начинаетъ чувствовать муки, предшествующія родамъ, то къ ней призываютъ какую-нибудь старуху-акушерку, опытную въ этомъ дѣлѣ: она принимаетъ новорожденнаго и лечитъ родительницу, если это понадобится. Если мать слаба и не можетъ дать младенцу грудь, то его кормитъ бабка, или другая женщина, при неимѣніи бабкой молока. Женщина, накормившая три раза ребенка, называется его молочной матерью. Родство это считается равнымъ кровному, и между двумя семействами, вступившими въ молочное родство, не можетъ-быть браковъ; молочная мать участвуетъ даже въ наследствѣ, наравнѣ съ родною матерью.

На осьмой день послѣ родовъ рѣжутъ барана, готовятъ угощеніе и зовутъ муллу и гостей. Мулла даетъ ребенку имя по выбору родителей; имя это пишется на бумажкѣ, которая зашивается въ мышечекъ и вшивается на шею ребенка; иногда же имя вырѣзывается на валькахъ люльки. Послѣ этого новорожденному брѣютъ голову, тщательно собираютъ волосы и кладутъ на вѣсы; въ другую чашку кладутъ серебряныя деньги, которыя потомъ раздаются бѣднымъ. Впрочемъ обычай этотъ, взвѣшиваніе волосъ, исполняется не всеми, и большею частію только для первородныхъ младенцевъ. Чеченцы не любятъ да-

Наибъ Гаджи-Муратъ, точно такимъ-же образомъ изъявлялъ свое удовольствіе послѣ обѣда у одного изъ нашихъ начальниковъ, а такому человеку, какъ Гаджи-Муратъ, не могли-быть неизвѣстны всѣ тонкости горской галантерейности.

вать денегъ, и потому рѣдко выполняютъ полный обрядъ. Праздникъ оканчивается угощеніемъ.

До семи лѣтъ ребенокъ, мальчикъ или дѣвочка, остается совершенно свободнымъ; по достиженіи-же имъ этого возраста его отдаютъ въ науку муллѣ. Мулла обязанъ выучить ребенка молитвамъ и чтенію корана. Ученіе начинается азбукой, за выученіе которой даютъ муллѣ пятьдесятъ коп. серебромъ; послѣ этого учатъ читать, такъ называемые «десять листовъ» (амій—джусъ), за что платятъ одинъ рубль серебромъ; за обученіе чтенію корана даютъ пять руб. серебромъ. Этимъ ученіе и оканчивается, и если мальчикъ успѣетъ все это понять, что, впрочемъ, очень рѣдко случается, то онъ считается уже челокомъ ученымъ, и иногда, съ согласія муллы, остается при немъ для дальнѣйшаго образованія уже бесплатно. Ученіе дѣвочекъ ограничивается только молитвами.

Мужчины могутъ жениться по достиженіи пятнадцати лѣтъ, а женщины выходятъ за-мужъ—дѣвятинадцати лѣтъ. Главное условіе—способность къ браку.

Когда чеченецъ захочетъ жениться, то объяснившись заранее съ избранной дѣвушкой, посылаетъ своихъ родственниковъ къ отцу ея или къ братьямъ, ежели нѣтъ отца. Если отецъ согласенъ, то тутъ-же условливаются въ калымъ и назначаютъ день свадьбы. Калымъ неопредѣленный: величина его зависитъ отъ красоты дѣвушки и отъ большей или меньшей важности семейства ея. Впрочемъ, въ мѣстахъ, подвѣдомыхъ Шамилю, въ недавнее время онъ ограниченъ двадцатью четырьмя рублями серебромъ.

За двѣ недѣли до свадьбы начинаются приготовления. Женихъ (іехне-кантъ) заготавливаетъ нужное количество припасовъ для свадебныхъ угощеній и пристраиваетъ къ своей сакль женское отдѣленіе; въ домъ-же невесты (іехне-іо-а) шьютъ приданое.

Наканунъ назначеннаго дня нѣсколько родственниковъ жениха верхомъ ѣдутъ въ домъ невесты; съ ними-же отправляется обозъ, состоящій изъ аробъ для перевозки приданнаго и одной арбы, лучше прочихъ, убранной коврами, бурками и съ будкой изъ ковровъ, назначенною для невесты. Въ этомъ экипажѣ ѣдетъ какая-нибудь родственница жениха. Поезжане эти называются *дзамой*. Въ подарокъ родителямъ невесты везутъ барана.

Къ тому-же времени у невесты собираются родственницы съ обѣихъ сторонъ, и въ ожиданіи посланныхъ отъ жениха, поютъ импровизированныя, приличные случаю пѣсни, пляшутъ, всѣмъ известную, лезгинку подъ звуки мирцъ-пандера, сопровождаемые ударами въ мѣдный тазъ и неистовымъ хлопаньемъ въ ладоши. Но вотъ повозъ съ гикомъ и пальбой приближается къ дому невесты; повозжане, распрягнувъ арбы, присоединяются къ обществу, и пиръ продолжается цѣлую ночь. Для увеселенія гостей нарочно приглашаются мѣстные остряки, обязанные потѣшать общество остроумными вопросами и отвѣтами, часто говоря ихъ стихами. Здѣсь даже допускается нѣкоторая свобода въ обращеніи обѣихъ половъ: дѣвушки стараются отрывать куски черкесокъ у мужчинъ, пріѣхавшихъ отъ жениха; онѣ подкрадываются къ нимъ и, отрывавъ кусокъ, съ торжествомъ показываютъ его гостямъ. Скупые жмутся и садятся по угламъ; напротивъ-же того галантные любезники съ удивительнымъ самопожертвованіемъ подставляютъ, какъ-бы не нарочно, полы своихъ часто единственныхъ, черкесокъ для того, чтобъ потомъ имѣть удовольствіе поймать и, можетъ-быть, тихонько поцѣловать хорошенькую шалунью.

На другой день поутру, укладываютъ приданое на арбы; невеста занимаетъ свой экипажъ, мужчины садятся на коней, и повозъ отправляется, сопровождаемый градомъ грязи, бросаемою мальчишками въ конныхъ, которые въ продолженіе всей дороги стараются другъ передъ другомъ отличиться удалствомъ, стрѣляютъ и скачутъ. Встрѣчные, желающіе получить подарокъ, становятся передъ арбой невесты и загораживаютъ дорогу буркой или полой черкески; невеста должна купить пропускъ какимъ-нибудь подаркомъ. Эта-же исторія повторяется у воротъ женихова дома; подѣхавъ къ навѣсу сакли, невеста выходитъ изъ арбы на подостланную къ-нибудь, бурку и, подаривъ хозяина бурки, идетъ въ саклю. Между-тѣмъ женихъ, завидувъ повозъ, уходитъ къ кому-нибудь изъ своихъ пріятелей и остается тамъ въ продолженіе всего времени, пока идутъ праздники. Невеста помѣщается за нарочно-устроенныхъ для нея занавѣсомъ, а родственники и приглашенные на свадьбу располагаются въ той-же саклѣ и пируютъ цѣлую ночь, при чемъ подруги невесты ходятъ по очереди къ ней за перегородку.

Праздники повторяются три ночи сряду, и во все это время женихъ не можетъ видѣться съ невѣстой иначе какъ при свидѣтеляхъ и только днемъ; лучше-же еще почитается когда они вовсе не видятся.

На четвертый день, вечеромъ, зовутъ муллу и двухъ почетныхъ родственниковъ. Мулла совершаетъ обрядъ бракосочетанія, по окончаніи котораго ѣдятъ нарочно зарѣзаннаго барана и даютъ мулле и свидѣтелямъ подарки. Эту ночь молодые проводятъ вмѣстѣ.

На третій день послѣ того пекутъ пшеничные блины и зовутъ родственниковъ и пріятелей, собирающихся передъ вечеромъ. На зарѣ даютъ молодой хозяйкѣ кувшинъ, и съ музыкой, плясками и пальбой отправляются на рѣку, раздавая встречнымъ блины. На берегу снова пляшутъ; и здѣсь въ первый разъ дозволяется и молодой принять участіе въ веселіи. Наконецъ она набираетъ воды и возвращается домой. Въ эту ночь празднуютъ первый выходъ жены; на другое утро молодая принимаетъ въ свое распоряженіе хозяйство и начинается для нея обыкновенная будничная жизнь.

Въ нѣкоторыхъ языческихъ обществахъ Чечни существуетъ странный обычай, которымъ сопровождается второй бракъ (вдовца на вдовѣ, или ежели одинъ изъ нихъ вдовый). Жрецъ съ женихомъ, невѣстой и всеми ихъ родственниками идетъ къ могилѣ, гдѣ похороненъ мужъ вдовы, тамъ онъ громко говоритъ: «жена твоя хочетъ выйти за-мужъ за такого-то; позволяешь-ли ты?» Потомъ онъ прислушивается долго, прижавъ къ самой насыни, и наконецъ объявляетъ отвѣтъ покойника. Та же продѣлка повторяется на могилѣ жены вдовца. Свадьба не можетъ состояться, если хотя одинъ изъ покойниковъ не дастъ своего согласія, что конечно зависитъ отъ того доволенъ-ли жрецъ полученными имъ подарками.

Чеченецъ, почувствовавъ приближеніе смерти, призываетъ кадія или муллу съ двумя почетными стариками, съ ними онъ долженъ сдѣлать распоряженія объ уплатѣ долговъ и опредѣлить сумму на похороны. Замѣтивъ, что больной кончается, мулла приступаетъ къ чтенію отходныхъ молитвъ и посылаетъ работниковъ конать могилу. Между-тѣмъ собираются родственники умершаго, моютъ его и готовятъ къ погребенію, обвер-

нужь тѣло въ какую-нибудь бѣлую ткань, которая перевязывается въ трехъ мѣстахъ: надъ головою, на поясъ и подъ ногами. Потомъ покойника кладутъ на арбу и везутъ на кладбище *. Во время погребенія мулла читаетъ молитвы. По возвращеніи домой, провожавшихъ угощаютъ бараниной, причемъ родственники ничего не ѣдятъ; мужчины вспоминаютъ подвиги покойника, а женщины воютъ, бьютъ себя кулаками въ грудь, рвутъ волосы, царапаютъ лицо и въ изступленіи иногда ударяются головою о стѣну. Убитаго въ сраженіи не моютъ, а хоронятъ въ той же окровавленной одеждѣ.

На третій день послѣ похоронъ рѣжутъ быка, и мясо раздѣляютъ между сосѣдями; потомъ зовутъ муллу съ прежними свидетелями и приступаютъ къ раздѣлу имѣнія, при этомъ прежде всего уплачиваютъ долги покойника и удовлетворяютъ работниковъ, рывшихъ могилу.

На могильной насыпи, надъ головою ставятъ каменный или деревянный болванъ, верхъ котораго обдѣлывается въ видѣ чалмы. На плоскихъ сторонахъ памятника выбиваютъ выпуклыми буквами разныя изреченія изъ корана, имя покойника, также вырѣзываютъ разныя принадлежности, соответственно званію и занятіямъ умершаго. Надъ убитыми въ дѣль съ невѣрными кромѣ болвана ставится еще длинный шестъ съ деревяннымъ копьемъ наверху, около котораго привѣшивается большой цвѣтной флюгеръ.

Черезъ недѣлю послѣ похоронъ, въ пятницу, родственники приглашаютъ муллу и идутъ на могилу, взявъ съ собою баранину и медовыя лепешки, которыя раздаются встрѣчнымъ, а остатки съдаются на кладбищѣ. Каждый байрамъ въ опредѣленные дни всѣ жители идутъ на кладбище съ разными закусками, которыя съдаются каждымъ семействомъ на могилахъ своихъ родственниковъ.

Всѣ чеченцы убѣждены, что по всеобщемъ воскресеніи, всѣ члены каждаго семейства будутъ жить вмѣстѣ, и потому для облегченія этого соединенія они стараются по возможности хоронить всѣхъ родственниковъ на одномъ кладбищѣ, гдѣ бы кто

* Тѣло такимъ образомъ обвернутое прямо и зарывается; гробовъ не употребляютъ.

ни умерь, и часто везуть тѣла изъ очень отдаленныхъ мѣстъ.

Вдова по смерти мужа можетъ жить гдѣ захочетъ, но тѣло ея всегда требуется родственниками покойнаго мужа ея для погребенія на одномъ съ нимъ кладбищѣ, чтобы, такимъ образомъ, онъ тотчасъ же по воскресеніи нашель подъ рукой хозяйку, знакомую со всеми прежними его привычками.

ЖЕНЩИНЫ ЯЗЫЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ.

П. И. Знаменскаго.

Судьба женщинъ представляетъ намъ самыя рѣзкіе оттѣнки и противоположности. Востокъ, эта колыбель человѣческаго рода и просвѣщенія, осуждаетъ ихъ на рабство. Греція освобождаетъ женщинъ отъ подобнаго унижительнаго состоянія, но за то налагаетъ тяжелое домашнее служеніе; Римъ возвышаетъ женщину и создаетъ изъ нея римскую Матрону, мать Гракковъ. Христіанство еще болѣе возвеличиваетъ достоинство женщины, памятуя, что семя жены стерло главу змія. Въ продолженіе всей исторіи человечества женщины являются намъ въ разной степени своего нравственнаго значенія и вліянія не только у всѣхъ народовъ необразованнаго міра, но и Европы; но нигдѣ существованіе ихъ не подвергалось такимъ измѣненіямъ и противоположностямъ какъ въ древней Греціи. Женщина была тамъ почти всею, чѣмъ она должна быть. У домашняго очага она находилась въ главѣ хозяйства, всѣхъ заботъ и обязанностей, чуждыхъ сферъ мужчины, однимъ словомъ всего гинееца; въ святилищѣ храмовъ она являлась жрицею. Въ этомъ последнемъ отношеніи древніе Элліны были единственнымъ народомъ, въ которомъ нравственное служеніе женщинъ обществу было облечено въ официальныя формы и предоставляло имъ не малое значеніе въ религіозныхъ постановленіяхъ. Одна только древняя Греція осватила мысль эту, почти единственно непринятую отъ нея Римомъ, во столькокъ ей подражавшемъ, потому что этрусское богослуженіе и политическій характеръ духовнаго синклита не дозволялъ усвоить подобной идеи. Въ этихъ двухъ сферъ—храма и домашняго быта—женщина не имѣла никакого значенія, *de jure*, ни въ политическомъ, ни въ литературномъ мірѣ, была ничто даже на театральныхъ подмосткахъ, потому что на нихъ женскія роли исполняли также мужчины, и въ самомъ амфитеатрѣ для греческихъ женъ и дочерей было назначено особенное мѣсто, въ совершенномъ отдаленіи отъ мужчинъ и греческихъ прелестницъ. Одна только женщина въ Греціи имѣла въ домѣ своемъ собранія, въ которыхъ встречались всѣ тогдашнія знаменитости, то была Аспазія.

Число женщинъ, причисленныхъ къ исправленію религіозныхъ обрядовъ, къ обученію догматамъ и къ возвышенію великолѣпія жертвоприношеній было очень велико въ эпоху первобытной славы и процвѣтанія Греціи. Правда, женщины были исключены, по очень понятнымъ причинамъ, изъ святилищъ храмовъ Марса, Меркурія и Вулкана, но за то онѣ были жрицами Юпитера, Аполлона, Нептуна, Діонизоса, Юноны, Цереры, Прозерпины, Венеры, Минервы и Діаны, однимъ словомъ принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ почти религіозныхъ обрядахъ греческаго народа, бывшаго образцомъ цивилизаціи всего тогдашняго міра, и таинства Цереры, Прозерпины и Діонизоса, самыя важныя въ греческомъ богослуженіи, не могли обойтись безъ ихъ вмѣшательства. Храмъ Юпитера Олимпійскаго въ Элидѣ, единственный, изъ котораго были исключены женщины, ни въ какое время не могъ затмить храма Додонскаго и едва могъ соперничать съ храмомъ Аполлона въ Дельфахъ, храмомъ Цереры въ Элевзій, Минервы въ Афинахъ и Діаны въ Эфесѣ; только одинъ храмъ Юноны въ Эгинѣ уступалъ Элидскому храму въ важности. Что же касается до моральнаго вліянія, то ни одинъ храмъ не могъ сравниться съ капищемъ Венеры Коринѣской, въ которомъ богослуженіе совершалось единственно женщинами, какъ и вообще во всѣхъ храмахъ самыхъ знаменитыхъ и болѣе посѣщаемыхъ.

Невниманіе древнихъ къ статистикѣ и ихъ поэтическое пренебреженіе къ мертвой цифрѣ послужили поводомъ, что въ настоящее время нельзя положительно опредѣлить, какъ велико было число женщинъ, допущенныхъ къ совершенію священныхъ обрядовъ; но судя по словамъ Павзанія, писавшаго свои таблицы уже на развалинахъ своего отечества, и по тѣмъ даннымъ, которыя онъ оставилъ о многочисленности храмовъ и капищъ, существовавшихъ еще въ его время, въ эпоху греческаго упадка, можно предполагать сколько храмовъ существовало въ цвѣтущую пору Греціи, и какъ велико было поэтому и число жрицъ. Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что большая часть тѣхъ храмовъ, о которыхъ упоминаетъ Павзаній, принадлежали Минервѣ, Аполлону, Діанѣ и Венерѣ, служеніе которымъ поручено было только однимъ женщинамъ, и слѣдовательно предоставляло возможность участвовать гречанкамъ всѣхъ сословій и всякаго возраста. А между тѣмъ чистота и, если такъ можно выразиться, трезвость вкуса, характеризовавшіе счастливо организованное племя Элады, не позволяетъ допустить даже мысли, чтобъ слу-

жебныя обязанности жриць, при священнослуженіи, были ничтожны и унижительно, и чтобъ число ихъ доходило до того множества, которое встрѣчается въ жрической женской касти Азии, гдѣ, напримѣръ, въ одномъ Каппадокійскомъ капищѣ считалось до шести тысячъ жриць. Но если даже число женщинъ, прислуживавшихъ при религиозныхъ обрядахъ и могло быть тоже довольно значительно въ некоторыхъ храмахъ, за то число настоящихъ жриць было очень ограничено, тѣмъ болѣе, что священныя женскія степени были различны.

Къ первому разряду священныхъ должностей принадлежали немногія верховныя жрицы; во второмъ состояли обыкновенныя жрицы, составъ которыхъ былъ многочисленнѣе; къ третьему причислялись *иеродулы* или священныя дѣвы, которыхъ также нельзя смѣшивать съ простыми прислужницами при жертвоприношеніяхъ и гетерами, часто смѣшивавшимися произвольно въ процессіяхъ съ другими мірянами и мірянками въ неопредѣленномъ множествѣ. Въ этихъ различныхъ классахъ жриць и священныхъ дѣвъ, необходимо также отличать тѣхъ, которыхъ служеніе было обязательно отъ тѣхъ, которыхъ въ некоторыя празднества, побуждали неожиданно увеличивать священныя хоры или религиозное усердіе или честолюбіе. Очень понятно, что при такихъ добровольныхъ приращеніяхъ, хотя и непостоянныхъ, цифра жриць не одинъ разъ могла превышать цифру жрецовъ, число которыхъ никогда не увеличивалось отъ подобнаго мгновеннаго наплыва. Настоящихъ жриць и пиеонисъ-прорицательницъ въ Додонѣ, Дельфахъ, Юсѣ, Аргосѣ, Амиклаѣ никогда не было болѣе двухъ или трехъ. Жриць, священнодѣйствовавшихъ при капищѣ двухъ дочерей Аполлона, въ Спартѣ, было также не болѣе потому, что желая сохранить болѣе важности, оракулы Аполлона, Гилеры и Фебен не допускали большого числа истолковательницъ своихъ предсказаній. Не много болѣе жриць было при храмѣ Діонизоса, который въ греческой мифологіи былъ тѣмъ же Бахусомъ римлянъ, и при первомъ взглядѣ невольно поражаетъ вопросъ: что могли женщины имѣть общаго съ мужчинами въ его таинствахъ? Но богъ веселія грековъ, какъ известно, нѣсколько различествовалъ отъ Бахуса римлянъ, и его таинства были такъ важны, что даже соперничествовали съ Элевзинскими. Торжество этихъ таинствъ требовало слѣдовательно и многочисленнѣйшихъ жриць.

Жрицы, участвовавшія въ таинствахъ Діонизоса или распоря-

жавшіяся ими, раздѣлялись на три класса: на матронъ или гереръ, главныхъ распорядительницъ процессіи, жриць или Оіадъ, и на хоры простыхъ «вдохновенныхъ»—вакханокъ. Въ одномъ аѣнскомъ храмѣ этого греческаго божества священнодѣйствовали четырнадцать матронъ, на четырнадцати различныхъ жертвенникахъ; слѣдовательно число жриць и простыхъ гіеродуль было по необходимости гораздо значительнѣе. Какъ первыя, такъ и послѣднія были одинаково уважаемы, а между тѣмъ, не смотря на это, не нужно ни сколько приписывать тѣмъ вѣкамъ нравовъ, которые изображаетъ Аристофанъ и другіе поздвѣйшіе писатели, изучившіе древнюю Грецію. Греческая исторія сохранила одну поразительную черту уваженія, которое внушали къ себѣ, въ религіозную эпоху, жрицы и вакханки Діонизоса. Однажды, во время священнаго торжества, увлеченные своимъ энтузіазмомъ до города Амфисы, вакханки уснули на тамошнемъ рынкѣ, и городскія женщины, чтобъ охранить ихъ сонъ, тотчасъ же стѣснились передъ ними непроницаемымъ кружкомъ и приказали мужьямъ своимъ, какъ говоритъ Плутархъ, быть готовыми чтобъ отвести ихъ обратно, какъ только онѣ проснутся.

Во время процессій въ честь Діонизоса, къ участвовавшимъ въ нихъ присоединялся самый избранный классъ женскаго населенія, потому, что въ этихъ таинствахъ, точно также какъ въ Элевзинскихъ, осуществлялась идея о Сотворившемъ и твореніи, Провидѣніи и мірѣ, о духахъ покровительствующихъ человѣку, о судьбѣ его и о переселеніи души въ ея небесную отчизну.

Празднества таинствъ Цереры и Прозерпины требовали еще больше жриць. Въ этихъ таинствахъ таились также великіе вопросы и происхожденіи человѣка, объ участи его въ этомъ мірѣ и въ будущемъ, о законахъ гражданскихъ и религіозныхъ, объ искусствахъ украшающихъ землю, и о добродѣтеляхъ дающихъ право на блаженство въ небѣ. Таковы были причины Элевзинскихъ таинствъ, самыхъ высокыхъ, какія когда-либо имѣла Греція, самыхъ уважаемыхъ и имѣвшихъ значительное вліяніе на нравственную судьбу греческаго народа. Если нѣкоторые философы и дѣлали видъ будто пренебрегаютъ этими обрядами, то это было только исключеніемъ изъ общихъ понятій и принималось неблагопріятно; при томъ-же, эти-же самые философы, при упадкѣ прежняго вѣрованія, первые спѣшили подавать примѣръ повиновенія къ стариннымъ учрежденіямъ, которыя никог-

да не тяготели надъ греческими племенами такъ, какъ тяготели религіозные обряды Востока и Египта.

Извѣстно, что Элевзинскія таинства раздѣлялись на большія и малыя. Какое участіе принимали женщины въ малыхъ таинствахъ, неизвѣстно; въ большихъ-же онѣ имѣли одинаковое значеніе съ жрецами и раздѣлялись какъ и тѣ, на многіе классы: гіерофантидъ, метрополисъ или мелисъ, Физиадъ и на простыхъ гіеродуль. Элевзинскія таинства почитались годовщиной цивилизаціи, заключающей въ своемъ основаніи семейную связь или бракъ и земледѣліе, то есть, двѣ главныя основы законовъ и благосостоянія. Процессіи въ честь законовъ — Тесмофоріи, были самыми главными церемоніями въ этихъ празднествахъ, и женщины, занимавшія въ нихъ первенствующую роль, Тесмофоріазусы, нарочно выбираемые для этого случая, затмѣвали часто самыхъ Элевзинскихъ жриць. Жертвоприношенія Діанъ были не такъ блістательны, хотя храмы этой богини въ Аргосъ, Эгинъ, Навплии, Самосъ, Эгіумъ, Ахаъ, Итоніи могли соперничать, по своему великолѣпію, съ самыми знаменитыми храмами. Какъ было велико число жриць Діаны—также опредѣлительно сказать трудно. Извѣстно только, что при Элидскомъ храмѣ считалось шестнадцать матронъ. Торжества въ честь Юноны много жриць не требовали. Подруга верховнаго греческаго божества какъ-то исчезала за величіемъ своего супруга, и поклоненіе ей не было популярно потому, что съ ея именемъ не соединялось никакой важной идеи ни философской, ни политической, ни моральной, ни религіозной, которыя-бы могли сильно дѣйствовать на разумъ или совѣсть толпы. Значеніе Минервы, Венеры и Діаны было важнѣе, и присоединивъ къ этимъ тремъ божествамъ Цереру и Аполлона, можно очень наглядно изучить всю религію міеологической Греціи. Изъ трехъ этихъ богинь Діана пользовалась меньшимъ уваженіемъ, но имѣла однако большіе храмы и многихъ жриць въ Аттикѣ, Лаконіи, Патрасѣ, Эгирѣ, Ортигги, на островѣ Критѣ, нынѣшней Кандіи, Зантѣ, Эфесѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Что-же касается до жриць Минервы и Венеры, классъ ихъ былъ болѣе чѣмъ многочисленъ. Нѣкоторые изъ капищъ Венеры управлялись мужчинами, другія-же, напротивъ, исключительно находились въ распоряженіи однихъ женщинъ, и неминуемая смерть ожидала дерзкаго, осмѣливагося переступить чрезъ порогъ богинина святилища. Въ храмы Минервы допускались иногда мужчины; при жертвахъ Діаны

этого исключенія не допускалось. Иногда вмѣстѣ съ жрицами встрѣчались и жрецы, какъ на примѣръ, въ храмъ Эфесскомъ, но известные обычаи Малой Азіи исключали ихъ въ этомъ случаѣ изъ обыкновенной категоріи мужскаго пола. Перечисляя всѣ храмы Минервы, Діаны и Венеры, празднества, процессіи, пляски, пѣніе, огромные хоры, которыхъ требовали жертвоприношенія тимъ божествамъ, какъ въ Коринѣ такъ и въ Аѳинахъ, въ священнѣхъ рощахъ Цитеры и Паѳоса, въ Малой Азіи и въ Великой Греціи, можно догадаться, что жрица было слишкомъ достаточно, дабы удовлетворить честолюбію всего женскаго поколѣнія Эллады, тѣмъ болѣе, что существовали храмы Нептуна, Геркулеса, Реи и Геи, Лето и Луцініи и капища Эмениды, въ которыхъ также прислуживали жрицы. Но какую должность занимали въ нихъ женщины? были-ли значительны ихъ обязанности? имѣли-ли онѣ какую власть, или служили только однимъ украшеніемъ святилищъ, живою гирляндю, прибавляемою къ античнымъ колоннамъ и статуямъ храмовъ? Вотъ вопросъ, на который также нельзя отвѣчать положительно потому, что даже сами греческіе писатели, говоря уже слишкомъ много о церемоніяхъ и празднествахъ, въ которыхъ участвовали женщины, объясняютъ очень мало при этомъ, въ чемъ именно заключалось ихъ священнослуженіе и какой былъ настоящій его характеръ. Но во всякомъ случаѣ, не зная истиннаго назначенія греческихъ жрицъ, не слѣдуетъ полагать, чтобъ онѣ были ни что иное какъ длинная вереница красавицъ, собранныхъ для большаго великолѣпія церемоній, или для какихъ-нибудь ничтожныхъ должностей при внутренности храмовъ. Никогда священное служеніе женщинъ не было до этого унижено. Жрицы Додонъ, Дельфъ, Элевзіи и Аѳинъ исполняли важныя обязанности: онѣ не только научали женщинъ религіи, нравственности и домашнимъ ремесламъ и рукодѣліямъ, но и принимали дѣятельное участіе въ распредѣленіи мистерій и въ предсказаніяхъ оракуловъ; наконецъ онѣ имѣли вліяніе на письменность и искусства, и ихъ значеніе на нравственность грековъ было очень сильно. Эфесскія жрицы, поступая въ священное званіе, подвергались прежде всего известному срочному испытанію, въ продолженіе котораго учились, потомъ переходили въ высшій разрядъ и практиковались, и на конецъ поступали въ третій, въ которомъ учили уже другихъ тому, чему учились сами, какъ говоритъ Павзаній и подтверждаетъ Страбонъ. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, чтобъ подобныя пра-

вила не были формальны, и чтобъ только однѣ Эфесскія жрицы имѣли такія замѣчательныя постановленія. Въ другихъ храмахъ образованіе жриць было еще обширнѣе, и онѣ участвовали при посвященіи въ жрическое званіе. На Элевзинскихъ жриць налагалась также обязанность готовить новопосвященныхъ, воодушевлять ихъ приличными чувствами и руководить въ первое время при исправленіи священныхъ обязанностей. Главная между этими жрицами гіерофантида, не разъединялась съ этими жрицами во все продолженіе церемоній, и также какъ и верховный жрецъ, была облачена въ одежды верховнаго званія. Это равное раздѣленіе власти мужской и женской тѣмъ болѣе нравдоподобно, что съ таинствами богини было тѣсно соединена идея о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя проистекаютъ отъ постановленія семейства и брака, и въ которыхъ, разумется, женщинамъ, какъ первымъ основамъ этихъ священныхъ узъ, необходимо должна была принадлежать главная роль. На жрицахъ лежала также обязанность нравственнаго воспитанія, которое производилось въ Греціи совершенно особенно и ограничивалось какъ и религіозное, только нѣкоторыми основными правилами и примѣрами, но за то всѣ таинства Цереры и Прозерпины были ими наполнены. Чтобъ не распространяться въ лишніхъ доказательствахъ, стоитъ привести одинъ фактъ изъ греческой міеологіи—трогательную черту глубокой привязанности матери къ дочери и наоборотъ, именно условіе между Церерой и Плутономъ, по которому Прозерпина должна проводить полгода съ матерью и полгода съ своимъ адскимъ супругомъ. Кто какъ не Элевзинскія жрицы могли лучше и нагляднѣе выразить образецъ подобной любви и семейной преданности? Впрочемъ моральное вліяніе греческихъ жриць неограничивалось одними изустными наставленіями. Жрица, бывшая сама матерью семейства и возвышенная до священнаго служенія для того только, чтобъ подавать собою примѣръ добродѣтелей матери и супруги, почиталась олицетвореннымъ символомъ всѣхъ семейныхъ добродѣтелей. Дѣва, гіеродула, посвятившая себя на служеніе божеству—была эмблемой той чистоты и непорочности, которыя такъ величественны когда соединяютъ съ собою высокое нравственное понятіе, независимо отъ условій матеріальныхъ, изображая такъ сказать торжество спиритуализма надъ матеріей, духа надъ плотью, ангела надъ обыкновеннымъ человекомъ. У грековъ добродѣтели эти были тѣмъ явственнѣе и величественнѣе, что все-

гда были слѣдствіемъ одного собственнаго энтузіазма, а ни сколько ни принужденія, ни какихъ нибуть честолюбивыхъ выгодъ. Жрицы этихъ влекли въ святилища храмовъ также многочисленныя примѣры, и среди роскошнаго приюта капищъ, украшенныхъ чудесами искусства, ни одна греховная мысль не являлась тревожить сердца этихъ дѣвственницъ въ невозмутимомъ ихъ убѣжищѣ. Можно судить по этому какъ должны были сильно дѣйствовать подобныя добродѣтели на нравственное настроеніе народа, тогда сильно еще сочувствующаго всему высокому и прекрасному. Древняя Греція очень часто представляетъ въ своихъ великихъ людяхъ образцы строгой, добродѣтельной и геройской жизни съ самаго начала до послѣднихъ дней старости, жизни, похожей болѣе на постоянный рядъ торжествъ, чѣмъ бореній самихъ съ собою. Не во внутренности ли храмомъ, точно также какъ и въ кругу своихъ семействъ почерпали онѣ примѣры для своихъ дѣйствій, не имѣвшихъ ничего заученнаго ни принужденнаго? Греческія жрицы мало впрочемъ занимались формальными наставленіями, но болѣе дѣйствовали на другихъ своими поступками и занятіями. Такъ Элевзинскія жрицы научали мужчинъ гордиться воздѣлываніемъ полей, такъ Парѣонскія жрицы поощряли женщинъ уподобляться трудолюбивой и многосвѣдующей въ руководствіяхъ Минервы и слѣдовательно заботиться о хозяйствѣ. Аѣнныя всѣхъ сословій, молодья и старья, богатая и бѣдная всегда отличались благоустройствомъ своего гинееца отъ изнѣженныхъ Іонянокъ и вялыхъ Римлянокъ, и ихъ мужья, сыновья и прислуга съ гордостью украшали себя тканями домашней работы. Нельзя сказать чтобъ греческія жрицы имѣли какое либо вліяніе на дѣла общественныя, но вліяніе ихъ на гражданскія постановленія было замѣчательно. Политическіе перевоты не могли быть имъ чужды, потому что жрицы единственно однѣ получали отъ Додонскаго и Дельфійскаго оракуловъ тѣ прорицанія, которыя часто разрѣшали затруднительные вопросы о войнѣ или мирѣ. Правда, что въ этомъ случаѣ участіе ихъ было не рѣдко только страдательное и ихъ вдохновенное истолкованіе воли оракула часто основывалось на прихоти высшей власти, доказательствомъ чему можетъ служить царствованіе Филиппа, отца Александра Македонскаго. Предсказанія жрицъ были также часто перетолковываемы произвольно жрицами, и потому трудно сказать какою свободною долею пользовались сами пѣонисы во времена упадка греческихъ нравовъ и само-

властия правителей. Въ другихъ обстоятельствахъ, именно, когда вопросъ касался до представленія народу о пользе старинныхъ учреждений, о законахъ и вообще о какихъ нибудь социальныхъ мѣрахъ, важность жриць очерчивалась положительне. Въ послѣдній день пышныхъ Элевзинскихъ празднествъ, Аѳинянки торжественно вносили въ священную дубраву кодексы законовъ, выражая тѣмъ, что необходимо повергнуть предъ богомъ то, что есть лучшаго для дальнѣйшаго залога благополучія Греціи. Въ этихъ празднествахъ, въ которыхъ участвовали всѣ самыя значительныя сословія греческія и въ которыхъ на каждой матери семейства отражалось какое нибудь участіе въ главной роли распорядительницъ Θεσμοφορίѣ, Элевзинскія жрицы постоянно предшествовали первыми въ церемоніи. Древніе греки очень дорожили, чтобъ цѣль Θεσμοφορίѣ была вполне постигнута и не проходила какъ какой нибудь простой религиозный обрядъ, и потому было строго условлено, чтобъ женщины, избираемыя для несенія книгъ закона, избирались изъ различныхъ классовъ аѳинскаго сословія, были замужемъ и рождены въ законномъ бракѣ. Кроме этого требовалось, чтобъ женщины, участвовавшія въ Θεσμοφοріяхъ, подвергались нѣсколько дней, передъ празнествами, некоторому религиозному уединенію и удалялись отъ всѣхъ вѣжностей семейства жизни, причисляя такимъ образомъ женщинъ къ официальному служенію при Θεσμοφοріяхъ, и налагая на нихъ публичную обязанность быть жрицами законовъ, обычай этотъ налагалъ на нихъ какъ бы обязанность вкоренять въ сыновьяхъ уваженіе къ древнему вѣрованію и любовь къ народнымъ постановленіямъ. Такія назначенія должны были вполне удовлетворять женскому честолюбію, для того чтобъ онъ, какъ полагаетъ Аристофанъ въ своей ѣдкой комедіи «Женщины въ народномъ собраніи», могли помышлять о присвоеніи политической власти. Все, что только первоначальные греческіе законодатели видѣли лучшаго въ духовныхъ постановленіяхъ другихъ народовъ, всѣ преимущества, присвоенныя къ женскому служенію, перенесено было греками въ ихъ собственныя религиозныя учрежденія. Греческіе законодатели осмотрѣли внимательно Θεократію Египтянъ, которые завидуя вліянію женщинъ, едва допускали имъ ничтожное мѣсто храмовыхъ прислужницъ, и вмѣсто того чтобъ подражать имъ, предоставили своимъ жрицамъ весь блескъ и всю важность жрецовъ. Они оглядѣли также храмы Магога и Команы, наполненные тысячными

хорами дѣвъ, и постигая, что подобныя же толпы могли произвести на впечатлительный народъ Греціи дѣйствіе, не совсѣмъ достигающее чистой цѣли, сократили въ своихъ церемоніяхъ на половину этихъ гіеродуль. При всемъ этомъ самыя матроны Элевзинскаго храма научали греческихъ гіеродуль движеніямъ строгимъ и благороднымъ, дѣлавшимъ ихъ болѣе похожими на чистыхъ, цѣломудренныхъ дѣвъ, чѣмъ на неистовыхъ жриць Каппадокіи. При этой глубоко-обдуманной организаціи жрической касты, греческія жрицы пользовались и второстепенными преимуществами, подчинявшими ихъ власти толпу. Къ характеру ихъ богослуженія, къ вдохновенію прорицательницъ, къ праву благословенія или проклятія жриць (такъ на примѣръ жрица Теана отказалась наложить проклятіе на Алквіада, отзываясь, что она жрицею только для благословеній, а не для проклятій), и къ извѣстности своихъ добродѣтелей присоединяли еще высокое рожденіе, красоту, изящество одежды и торжественный блескъ наружныхъ обрядовъ. Верховная жрица Цереры выбиралась всегда изъ фамиліи Филендовъ, одной изъ первѣйшихъ въ Аѳинахъ (Chandler, Inscript. l. XX), и все публичныя акты отмѣчались днемъ вступленія этой гіерафонтиды. Гереры избирались самымъ архонтомъ; верховная жрица въ процессіяхъ Діонизоса, была жена архонта. Тесмафоріазусами назначались всегда самыя почетныя аѳинянки. Красота при этомъ не считалась обязательнымъ условіемъ. Впрочемъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, что не все греческія жрицы были одинаково высокаго происхожденія и красоты, но общая равно великолѣпная и вмѣстѣ граціозная одежда, въ которую изящный вкусъ грековъ умѣлъ облечь ихъ, могла въ некоторомъ образѣ скрывать многіе физическіе недостатки и сглаживать передъ толпою неравенство породы. Одежда эта, описанная древними писателями съ такою тщательною подробностію, и о строгомъ покрое которой свидѣтельствуютъ столько скульптурныя памятники, сохранившіеся отъ того далекаго времени, состояла изъ бѣлой тунки, пурпуроваго платья, головной повязки, лавровой гирлянды или миртоваго вѣнка и діадемы изъ цвѣтовъ маку. Верховная жрица Цереры отличалась золотымъ серпомъ, повѣшеннымъ чрезъ плечо. Простыя гіеродулы, канефоры и ликнофоры, носившія корзины съ цвѣтами и плодами или красивыя урны, изображены на этихъ памятникахъ въ такихъ-же граціозныхъ одеждахъ. Можно подумать, что народъ греческій былъ только и созданъ что для празднествъ,

игръ и процессій; такъ много вкусу и дѣятельности выказывалъ онъ въ учрежденіи различныхъ торжествъ, и только затѣмъ усвялъ почву своего отечества храмами, капищами, статуями и памятниками всякаго рода, чтобъ умножить для своихъ жриць случаи пользоваться народными почестями и уваженіемъ во время ихъ религіознаго служенія. Ученый Мурцій въ своей «Graecia feriatâ» насчитываетъ чуть-ли не цѣлый милліонъ подобныхъ случаевъ; но какія жрицы были красивѣйшими и величественнѣйшими въ порядкѣ процессій, въ искусно аранжированныхъ битвахъ и въ пляскахъ — панаѳейскія, іонійскія или элевзинскія, сказать положительно трудно. Можно утверждать только одно, что вліяніе этихъ религіозныхъ торжествъ, примѣры и наставленія жриць дѣйствовало очень сильно на развитіе искусствъ, на нравы и вообще на всю греческую цивилизацію. Вся лучшія созданія греческаго рѣзца, граціозныя и безукоризненныя формы его статуй и весь высокій, вдохновенный характеръ греческаго ваянія есть ни что иное, какъ вѣрный отблескъ дѣйствительности, поражающей взоръ художника. Но этого еще мало: вліяніе женскаго религіознаго вмѣшательства въ обряды греческаго языческаго вѣрованія, отражалось еще явственнѣе на общественныхъ нравахъ, на публичныхъ постановленіяхъ и даже на самомъ духѣ греческаго народа. Первый періодъ этого женскаго первосвященства былъ самымъ нравственнымъ и самымъ цвѣтущимъ періодомъ древней Греціи. Въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ упадкомъ вѣрованія, которое было причиной его установленія, и при успѣхахъ, которые дѣлала философія и скептицизмъ, женское священнослуженіе очевидно должно было ослабнуть. Въ путешествіи молодого Анахарсиса есть одно мѣсто, которое показываетъ уже на измѣненіе прежняго важнаго характера греческихъ женщинъ. «Аѳинянки, говоритъ Анахарсисъ, удаленныя отъ общественныхъ дѣлъ постановленіями правительства и подверженныя слабостямъ своего пола, происходящимъ отъ вліянія климата, часто не имѣютъ инаго честолюбія, какъ только быть любимыми, ни какой иной добродѣтели, кромѣ одного страха безчестія. Впрочемъ употребляя все стараніе покрываться мракомъ спасительной тайны, не многія изъ нихъ дѣлаются извѣстными своимъ чувствительными похожденіями.» На сколько скрывается истины въ подобномъ свидѣтельствѣ, определить впрочемъ трудно, потому что путешествіе Анахарсиса, написано кажется подъ вліяніемъ рѣдкихъ сочиненій Аристофана, въ которомъ этотъ комикъ изображалъ лишь одно дурное Аѳинское общество.

Достойно замѣчанія, что упадку жрическаго значенія болѣе всего способствовали сами тѣ, въ выгодахъ которыхъ было его поддерживать, чтобъ и самихъ себя не лишити надежной опоры, именно жрецы. Они смотрѣли съ завистью на могущество женскаго понтификата и искусно разсчитывая ударъ, не предвидѣли при этомъ гибельныхъ послѣдствій для обѣихъ кастъ. вмѣстѣ съ ослабленіемъ вліянія греческихъ жриць, уничтожилось и первоначальное высокое значеніе греческихъ верховныхъ жрецовъ. Надъ легковѣрною Греціей долгое время господствовали оракулы, и въ ихъ предсказаніяхъ женщины играли главную роль, болѣе впрочемъ изъ политическихъ выгодъ, чѣмъ по религіозному смыслу. Духъ греческой политики желалъ отнять этимъ у жрецовъ непосредственное орудіе, которое могло быть опаснымъ въ ихъ рукахъ, и ввѣрило тайны оракуловъ женщинамъ, какъ полу, менѣе властолюбивому и воинственному. Но и тутъ мужская предусмотрительность нашла возможность ослабить дѣйствительное могущество Дельфійскихъ пифонисъ, не выказывая явно на него посягательства. Греческіе верховные жрецы постоянно выбирали посредницами между волею оракула и толпою дѣвиць самыхъ молоденькихъ, самыхъ необразованныхъ и не одѣленныхъ большими умственными способностями (Плутархъ, de oracul). Такая-же политика употреблялась и въ Додонскомъ храмѣ, и вскорѣ жрицы, которымъ бы слѣдовало первенствовать и дѣйствовать по собственному произволу, сдѣлались однимъ слѣпымъ орудіемъ воли жрецовъ. Чтобъ убѣдить жриць въ томъ, что это ограниченіе ихъ власти происходитъ отъ заботы объ ихъ личномъ интересѣ, жрецы сплели первоначально сказку и увѣрили пифонисъ, что Беотійцы убили одну изъ нихъ за присвоеніе ненадлежащей власти. Такіе случаи впрочемъ начали въ послѣдствіи оправдываться на дѣлѣ. Недовольныя разными ограниченіями своихъ правъ, женщины въ свою очередь начали присвоивать самовольно непринадлежащія имъ религіозныя преимущества, и въ греческой исторіи есть доказательства, что нѣкоторыя гіерофантиды были наказаны смертію за присвоеніе себѣ правъ жриць Цереры; подобные случаи могли повторяться и въ другихъ процессіяхъ. Во времена Аристофана злоупотребленіе власти жрецовъ надъ жрицами достигло кажется до крайности потому, что этотъ комикъ, старается, гдѣ только можетъ, подстрекнуть честолюбіе женщинъ, выставляя ихъ недовольными общимъ деспотизмомъ мужчинъ. Въ четвер-

томъ актъ его комедіи «Женщины на празнествѣ Тесмофорій», одна изъ ораторствующихъ жалуется, «что даже мука, масло и вино, бывшія прежде въ полномъ ихъ распоряженіи, теперь отъ нихъ уже не зависятъ и, что ключи отъ всего домашняго хозяйства, очень надежныя и сдѣланные съ большимъ искусствомъ, находятся у ихъ мужей».

Нельзя умолчать при этомъ, что и сами жрицы много способствовали упадку своего нравственнаго могущества, пренебрегая главною обязанностію Эфесскихъ жриць—преподаваніемъ, предоставивъ истолкованіе священныхъ догматовъ философамъ и софистамъ, и многими другими ошибками. Во многихъ празнествахъ, въ которыхъ женское участіе было главнымъ, жрицы начали переступать границы, положенныя между религіознымъ вдохновеніемъ и грубою необузданностью чувствъ, между восторгомъ, требуемымъ обрядами, и площаднымъ неистовствомъ вакханокъ. Въ храмахъ Венеры онѣ часто начали смѣшивать чистыя и граціозныя средства, которыя затаены въ женской природѣ съ чувственнымъ соблазномъ. Когда Греція наполнилась утонченною роскошью Азіи, жрицы стали подражать общей изысканности. Геродоты и гетеры своимъ безпорядочнымъ поведеніемъ, еще болѣе чѣмъ политика жрецовъ и ученіе философовъ, способствовали упадку женскаго священнослуженія. Было-бы излишне распространяться о различныхъ другихъ проступкахъ, которыми жрицы сами уронили свое достоинство. Видя увеличивающуюся безнравственность жриць паѳоскихъ и коринѳскихъ, герофантиды Элевзии и Цереры «прикрыли чело свое, краснѣвшее отъ негодованія», и греческія матери семейства начали понимать, что уже святилища храмовъ стали съ того времени убѣжищемъ менѣе приличнымъ для ихъ дочерей, чѣмъ гинейей. Слѣдя исторію Греціи, мы видимъ, что женщины были послѣдовательно прорицательницами, основательницами новыхъ храмовъ, жрицами, амазонками, героинями и наконецъ, въ эпоху упадка, простыми хозяйками-экономками посреди все-таки торжествующей касты жрецовъ. Прежнее высокое значеніе греческой женщины осталось только однимъ темнымъ преданіемъ. Послѣ паденія Коринѳа, греческое племя слилось съ племенемъ побѣдителей тогдашняго міра, какъ какой-то неблагородный металлъ съ благороднымъ, преобладающимъ, и женщины Греціи, также какъ и мужчины, подчинились вліянію характера римскаго. Разсмотримъ теперь значеніе греческой женщины въ религіознаго круга дѣйствій, отъ временъ героическихъ до смѣшенія съ Римомъ.

Во времена Гомера и Эсхила поэтический интерес греческой женщины продолжаетъ выказываться во всей своей общественной важности. Гомеръ былъ поклонникомъ женскаго совершенства, и гречанки его въка вправъ были повторять одно мѣсто изъ гимна Аполлону, сохраненнаго Фукидидомъ:

*Υμεις δ' εν μαλα πασαι υποκρινασθε αφημιω
Τυφλος ανηρ οχει δε Χιω ενε παπαλοεσση.*

т. е. «Женщины, вы можете сказать, что вашимъ другомъ былъ старый слѣпецъ (Гомеръ), обитавшій на скалахъ Хіосскихъ».

И въ самомъ дѣлѣ, у Гомера и Эсхила греческая женщина является совершенно не такою, какою описываютъ ее Ксенофонтъ, Аристофанъ и Демосфень: несчастной жертвой, въ которой они уважаютъ только молчаливость, стряпню и опрятность. Тягостныя гражданскія постановленія не подавили еще тогда природнаго характера греческой женщины, не развратили ее и не превратили въ рабыню. Воинственная Спарта и демократическія Аѣны тогда еще не существовали. У Гомера женщина является владычицей, пользующейся всеми врожденными своими способностями, прекрасною величіемъ своего характера. Для изученія героической эпохи Греціи, мы только можемъ искать источниковъ въ его произведеніяхъ, точно также какъ для героическихъ временъ первобытнаго Востока, въ Ведахъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ величественна у Гомера женщина героической Эллады, съ свободой дѣйствій и со всею полнотою своей общественной жизни! Какою типическою представляется она понятію даже въ самыхъ своихъ преступленіяхъ. У Грековъ, точно также какъ и у древнихъ германцевъ, женщина управляетъ всемъ социальнымъ движеніемъ; она становится необходимою челоѡвкѣ не только какъ мать и кормилица, какъ хозяйка и блюстительница домашняго порядка, нѣтъ, она обнаруживаетъ свое вліяніе во всемъ общественномъ быту, подаетъ свое мнѣніе, требуетъ, ободряетъ, воодушевляетъ, поддерживаеѡ упадокъ духа, живетъ дѣйствительною, могучею жизнью. Любопытно прослѣдить за тѣми различными степенями, которыя занимала греческая женщина отъ героической эпохи, воспѣтой Гомеромъ, и о которой сохраняетъ воспоминаніе также Пиндаръ, до періода демократическаго греческаго правленія. Въ царствованіе Агамемнона и Менелая, женская личность имѣетъ большое самостоятельное значеніе; подъ республиканскими законами Аѣнъ и

Спарты личность эта уже не признавалась. Фея Калипсо, кормилица Евриклея, коварная Елена и даже Клитемнестра у Гомера велики и благородны, воля ихъ свободна. Въ послѣдствіи, когда все подчинилось однимъ мужскимъ интересамъ, женщины утрачиваютъ свободу своихъ дѣйствій и становятся полу-рабынями, обращаются будто въ какую-то вещь, хотя и необходимую, а между-тѣмъ не стоящую ни уваженія, ни большаго вниманія. Тогда являются на сцену гетеры, классъ женщинъ, завладѣвшій всѣмъ, что касается искусствъ, красоты и наслажденія, и обращаетъ греческихъ супруговъ въ ничтожныхъ стряпухъ, хлопочащихъ около кухоннаго очага, и которыхъ Аристофанъ и другіе его послѣдователи выставляютъ время отъ времени только прожорливыми, лѣнивыми и лукавыми, однимъ словомъ одѣляютъ всѣми пороками рабынь или дѣтей.

«У Гомера, говоритъ Атеней, женщины участвуютъ во всѣхъ пиршествахъ и собраніяхъ, и возлегаютъ за трапезами съ юношами и старцами, вмѣстѣ съ Несторомъ и Фениксомъ. Одинъ только Минелай, у котораго похитили супругу, отказывается дать подле себя мѣсто какому-бы то ни-было существу женскаго рода».

Въ-самомъ-дѣлѣ, Елена и Андромаха, въ Иліадѣ, непрестанно принимаютъ участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ вождей, правителей и воиновъ, и имъ всегда находится мѣсто въ народныхъ собраніяхъ; ихъ уважаютъ и слушаются. Въ сопровожденіи одной или двухъ служанокъ онѣ прогуливаются по бойницамъ, и всюду куда влечетъ ихъ женская прихоть. Въ этой поэмѣ, вѣрной картинѣ воинственной греческой жизни, женщина является также и поводомъ къ войнѣ, какимъ-то пламенникомъ народнаго раздора. Елена дѣлается причиной паденія Трои; Бризия поражаетъ гнѣвъ Ахиллеса; но какъ не выказывается Елена виновною, поэтъ все-таки, между-тѣмъ, заставляетъ восклицать даже своихъ старцевъ:

«Не обвиняйте изящно-обутыхъ Троянъ и Ахеянъ, что они за подобную женщину претерпѣли столько несчастій! Женщина эта похожа на безсмертныхъ богинь!»

Въ Одиссеевѣ Елена описывается возвратившеюся на стезю добродѣтели, прекрасною хозяйкой, страстно любимую добрякомъ Менелаемъ. Она одна, какъ опытная женщина, изучившая хорошо мужчинъ, узнала въ неизвѣстномъ гостѣ и собесѣдникъ своего мужа, Телемака, сына Улисова. Елена приходитъ въ

пиршественный чертогъ царя Менелая изъ своей благоуханной спальни, величественная какъ сама златорогая Діана, и всѣ устремляютъ на нее удивленные взоры. Ей предшествуетъ молодая невольница, Фило, съ корзиною изъ чеканнаго серебра, съ золотымъ ободомъ; другая прислужница, Адресса, приготовляетъ изнѣженной красавицѣ роскошное ложе, покрытое мягкою шерстяною тканью; подъ ноги ставятъ скамью, а съ боку прятку съ цвѣтною яркою шерстью. Едва царица успокоилась на этомъ великолѣпномъ ложѣ, какъ уже начала разспрашивать своего супруга о всемъ, что происходило въ ея отсутствіе. Таковы были права греческой женщины въ эпоху древней героической монархіи. Она была подругою своего мужа, и ничто не было чуждо ея участию, ни домашніе хлопоты, ни пиршества, ни нѣга и роскошь богатства.

• Не менѣе рельефнымъ характеромъ надѣлена у Гомера Навзикая, чистая дѣва героической Греціи, выставленная въ противоположность коварной и такъ легко прощенной Еленѣ. Описаніе встрѣчи Навзикаи съ Улисомъ полно увлекательнаго интереса. Поэтъ даетъ чувствовать, что она полюбила Улиса съ перваго взгляда, что доказываетъ, будь сказано между нами, что этотъ способъ любви также древенъ, какъ самъ міръ. Навзикая признается въ своемъ чувствѣ съ самою скромною женскою деликатностью, восхитительнымъ чистосердечіемъ, смѣшаннымъ съ тонкимъ лукавымъ намекомъ на свои личныя достоинства.

«Не преслѣдуй меня, гсворить она Улису. Между этимъ народомъ скрываются люди, надѣленные дерзкимъ языкомъ, и можетъ-быть, одинъ изъ такихъ ничтожныхъ людей, встрѣтивъ насъ, скажетъ: кто этотъ человекъ, что слѣдитъ за шагами Навзикаи, этотъ чужестранецъ красивый и стройно-высокій? Гдѣ могла она встрѣтить его? Безъ сомнѣнія онъ будетъ въ послѣдствіи ея мужемъ. Вѣроятно, ей встрѣтился какой-нибудь бродяга, скитающійся по чужимъ морямъ, юноша какой-нибудь отдаленной страны, потому-что онъ не похожъ ни на кого изъ жителей нашихъ областей. Быть-можетъ, это какой-нибудь богъ, низшедшій съ неба, котораго она умоляла склониться на ея желаніе, она сохранить его себѣ супругомъ на всю остальную жизнь. Она-бы лучше сдѣлала если-бъ избрала другаго мужа; она пренебрегаетъ нами, оказывающими ей столько уваженія и почестей».

Но самымъ высокимъ типомъ является у Гомера Пенелопа, во всей простотѣ своей величественной добродѣтели. Какъ всѣ героическія женщины той эпохи, Пенелопа сохраняетъ удивительное достоинство, энергію и свободное настроеніе души. Стоитъ посмотреть на нее съ Гомеромъ въ самую трудную, критическую минуту ея жизни. Поэтъ изображаетъ огромную комнату, уставленную сорока маленькими столиками изъ полированного камня, на которыхъ молодыя невольницы разставляютъ плоды, вино и сочныя части жаренаго ягненка. То домъ Пенелопы, вдовы Улиса. Герои, сидящіе въ комнатѣ и украшающіе свои кубки свѣжими цвѣтами, Антиной, Эврилохъ, равно какъ и прочіе тридцать восемь собесѣдниковъ, всѣ поклонники ея красоты, помогающіеся ея руки. Подъ портикомъ, опершись на колонну, стоитъ бардъ Ѳемій, съ лирой въ рукъ. Пирующіе женихи Пенелопы оглашаютъ своды веселыми пѣснями. Во время этой оргіи, Пенелопа безъ всякаго опасенія является въ ихъ шумное общество, и благородною, спокойною поступью проходитъ чрезъ хмельную толпу къ барду Ѳемію, котораго она награждаетъ улыбкой и ласковою рѣчью за его торжественныя гимны. Появленіе тоскующей царицы измѣняетъ видъ пиршества. Грубые воины умолкаютъ, арія стихаетъ, обоюдныя насмѣшки и оскорбленія прекращаются, а между-тѣмъ прекрасная вдова находится въ полной ихъ власти, потому что кромѣ малолѣтнаго сына, Телемака, у нея нѣтъ никого болѣе для защиты отъ насилія. Пенелопа начинаетъ говорить о своей вѣрности къ памяти Улиса, о скорби, которую ни что не можетъ утѣшить, о пѣсняхъ Ѳемія, находящихъ себѣ грустный отголосокъ въ душѣ ея, и испорченная натура гостей мгновенно облагороживается и смягчается; старый Ѳемій роняетъ слезу на свою пятиструнную арфу, и въ огромной праздничной залѣ воцаряется мертвое молчаніе. Въ этомъ положеніи любовники Пенелопы остаются до ея ухода. Они осмѣливаются наносить царицѣ оскорбленія только въ ея отсутствіе. Нужно ли упоминать еще о Калипсѣ, этой греческой феѣ, типъ нѣги и чувственности, также равно хорошо очерченной, какъ Елена, образецъ непреодолимой красоты, а Пенелопа-добродѣтели; нужно ли говорить о старой кормилицѣ Евриклеѣ, такъ свято скрывающей тайну Телемака, когда онъ оставляетъ мать и садится на корабль, чтобъ отыскивать Улиса. Вѣрная нянька рѣшается лучше подвергнуться ужасному гнѣву Калипсо, чѣмъ измѣнить тайнѣ молодаго питомца, ввѣреннаго ея попече-

ню. Въ нравахъ героической Греціи, кормилица является какою-то второю матерью, которой въ ея рабскомъ состояніи не остается ни какого другаго развлеченія кромѣ сильной любви къ питаемому ею ребенку. Бризея, невольница, игрушка гордыхъ троянскихъ героевъ и при всемъ томъ еще непорочная, не смотря на свою тяжелую зависимость и презрительное сословіе, возбуждаетъ не менѣе сочувствія къ личности гомерическихъ женщинъ. Во всѣхъ сношеніяхъ мужчинъ съ женщинами видна у Гомера ласковость и врожденная въжливость, доказательство того важнаго значенія, которое имѣли тогда женщины въ понятіи мужчинъ.

Одинъ только случай, приписываемый тогдашнимъ греческимъ женщинамъ и въ особенности дѣвицамъ героическаго періода, можетъ показаться очень страннымъ и оригинальнымъ нашему современному понятію о приличіяхъ. Юнѣйшая изъ дочерей Нестора моетъ въ теплой водѣ сына Улисова, натираетъ его своими руками благовоннымъ масломъ и покрываетъ великолѣпными одеждами. Освѣженный банею Телемакъ, прекрасный какъ день, идетъ послѣ этого обряда занять мѣсто близъ почтеннаго Нестора. Когда Улисъ возвратился въ отечество, и неузнанный Пенелопой былъ принятъ ею какъ чужестранецъ, былъ угощенъ такимъ же образомъ. Пенелопа наложила на юныхъ дочерей своихъ обязанность омыть гостя въ банѣ. Простодушіе и чистота нравовъ того времени не находили ничего неприличнаго въ человѣческой наготѣ. Въ Иліадѣ даже о женскихъ проступкахъ говорится благосклонно и съ воздержностью, и Гомеръ возстаетъ только съ сильнымъ негодованіемъ на убійство, совершенное Клитемнестрой потому, говоритъ онъ, что послѣдствія этого преступленія падутъ всею своею тяжестью на прочихъ женщинъ, и имъ всегда будутъ ставить въ упрекъ вину, содѣланную одною изъ нихъ (Одиссея к. XII ст. 433). Произнося слова эти, Гомеръ дѣлается какъ бы защитникомъ всего остальнаго женскаго пола, на который преступленіе супруги Агамемнона должно было падать невольнымъ пятномъ. Женщины Гомера принадлежатъ къ самому высшему слою общества и проявляютъ самыя возвышеннѣйшія и великія идеи своей эпохи. У современника ея Гезіода онъ являются уже въ другомъ свѣтѣ. обыкновенными женщинами съ ихъ капризами, хитрою властью надъ мужчинами, съ ихъ слабостями, вспыльчивостью и неразумнымъ увлеченіемъ. Какъ бы предчувствуя ту ничтожную роль, какую должны были играть женщины, занимавшія до того такую высокую стѣ-

пень въ общественномъ мнѣніи, въ эпоху демократическаго правленія, Гезіодъ отказывается имъ во всякомъ уваженіи, и въ своихъ упрекахъ нападаетъ даже на покрой ихъ одеждъ, давая понять, что онъ выказываетъ ту полноту и красоту формъ, которыхъ многія изъ нихъ ни сколько не имѣютъ. «Берегитесь, говоритъ онъ, женщинъ, которыя прибавляютъ наружными складками своихъ одеждъ прекрасное очертаніе своему стану». Эти *rugostolos* или обманчивыя одежды, на которыя такъ нападаетъ Гезіодъ, заставляютъ предполагать, что женщины уже за двѣ тысячи семьсотъ лѣтъ предъ нами, прибѣгали для украшенія себя къ тѣмъ вспомогательнымъ средствамъ, какими такъ богато наше современное модное искусство. Представляя себѣ этихъ древнихъ модницъ, свободно прогуливающихся въ искусно сдѣланныхъ одеждахъ, чтобъ привлечь большее вниманіе мужчинъ, тотчасъ можно провести параллель между свободными гречанками и затворничествомъ восточныхъ женщинъ. Греческая женщина отнюдь не знала домашняго заточенія и была единственною хозяйкою въ своемъ домѣ. Азіатское многоженство поселяло къ себѣ отвращеніе, и большая часть мифологовъ объясняютъ преступленіе Клитемнестры и Медей единственно ревностью и негодованіемъ, которыя внушали имъ новые обычаи ихъ мужей, заимствованные ими у варваровъ. Впрочемъ многоженство было кажется довольно извѣстно тогдашнимъ грекамъ, потому что Гомеръ въ одномъ мѣстѣ заставляетъ Пріама намѣкать Гекубѣ о многочисленности своихъ женъ. «Ты подарила, мнѣ девятнадцать дѣтей, говоритъ Пріамъ, но другія мои жены надѣлили меня еще дѣтьми, родившимися также въ моемъ дворцѣ»: Должно однако полагать, что подобныя явленія были очень рѣдкимъ исключеніемъ.

Греческая женщина, какою представляетъ ее себѣ Гомеръ, является еще и у Пиндара. Противникъ новой демократіи, приверженецъ старыхъ преданій, знаменитый поэтъ этотъ поддерживаетъ еще величіе своихъ героинь. Описывая любовь боговъ и смертныхъ, онъ не выставляетъ послѣднихъ жертвами ихъ олимпійскихъ почитателей; а напротивъ возвышаетъ и прославляетъ ихъ. Повсюду онъ говоритъ о греческой женщинѣ съ уваженіемъ и строгимъ приличіемъ. Демократія не развилась еще вполне во времена Пиндара. У Софокла греческая женщина вращается уже въ болѣе тѣсной сферѣ, хотя также не лишена ни нравственнаго величія, ни прелести, и хоръ въ его Агамемнонѣ достаточно выражаетъ общій взглядъ на женщину его эпохи.

«Вѣрная, какъ собака, составляющая гордость одинокаго пастыря, твердая какъ кормило, путеводящее и покровительствующее корабль, непоколебимая какъ колонна, на которой покоится высокій сводъ; тихая и спокойная какъ внутренность семейнаго крова для путника, возвращающагося въ свое родное жилище; нѣжная какъ младенецъ, отвѣтствующій на ласки матери; восхитительная какъ заря, возстающая послѣ бурнаго дня; благотворительная какъ прозрачный источникъ, который совершенно неожиданно встрѣчается путешественнику...» вотъ какъ отзывается еще о греческой женщинѣ Софокль; но прежнее впечатлѣніе уже замѣтно ослабло, и въ женщинахъ начали уважать только вѣрность, повиновеніе, нѣжность и преданность. Онѣ виднѣются уже на второстепенномъ планѣ, и сами начинаютъ сознавать свою зависимость отъ мужчины. Кто тотъ, спрашиваетъ одна изъ героинь Софокла, кто удостоитъ назвать меня своей супругой? Кто тотъ повелитель, который прикуетъ судьбу мою къ своей? Развитие греческой демократической цивилизаціи совершалось сообразно географическому положенію этой стороны, раздѣленной столькими горами и рѣками. Ни что не благопріятствуетъ такъ федеральному подраздѣленію, какъ подобныя природныя границы; смуты и разныя бѣдствія, послѣдовавшія за троянской войной и правленіемъ Гераклидовъ, огромное невольническое народонаселеніе, которое Греція пріютила на своей почвѣ и которое придавало свободнымъ грекамъ положеніе и средства могущественнаго аристократическаго государства, заронили наконецъ зародышъ демократическихъ началъ, и царственная власть исчезла съ лица греческой земли. Борьба, которую должно было поддерживать съ персами, необходимость защиты противъ общаго и страшнаго врага, заставили всѣ разьединенные различныя гражданскіе интересы соединиться между собою въ одно неразрывное цѣлое, и еще болѣе придали силы идеямъ демократическимъ. Въ продолженіе упорныхъ битвъ съ Персами, Спарта, область, наполненная людьми съ желѣзною волею и съ желѣзнымъ тѣломъ, явилась господствующею и преобладающею надъ прочими греческими областями; но послѣ вскорѣ нашла себѣ опасную соперницу въ Аѳинахъ, въ народъ, незнавшемъ законовъ, «народъ—тирань», какъ выражаются Аристофанъ и Фукидидъ, въ властителяхъ—нищихъ, потрясавшихъ персидскій престолъ и продававшихъ на рынкѣ Аго-ры свои благопріятныя или противныя мнѣнія, за плату трехъ

оболовъ въ день. Аѳиняне, благодаря своему любопытству, впечатлительности, скорости и порокамъ, создали искусства, драму и поэзію Греціи. Область Минервы, какъ ее именовали, имѣла множество статуй и ни одной мощеной тропинки; полезное пренебрегалось, чистились только изящество и красота. Аѳинскіе храмы были обширны и величественны, а семейныя жилища тѣсны и неудобны; портики украшались чудною живописью, а частныя строенія ветшали въ совершенномъ пренебреженіи. Таковы были Аѳины съ своимъ тройственнымъ народонаселеніемъ, состоявшимъ изъ двухъ третей рабовъ и иностранцевъ и одной трети туземцевъ и свободныхъ гражданъ. Содѣлавшись республикой, утопая въ удовольствіяхъ и гордости, тщеславныя своимъ первенствомъ и недавними побѣдами, Аѳины осудили женщинъ своихъ на жалкое рабство; въ новомъ порядкѣ общественной аѳинской жизни онѣ потеряли все свое прежнее вліяніе и власть. Городъ часто тревожился смутами, мужчины сближались только съ мужчинами, чтобъ разсуждать каждый день о государственныхъ и гражданскихъ интересахъ, какъ требовалось то новыми формами правленія. Въ этихъ народныхъ собраніяхъ, при подачѣ голосовъ, права и преимущества которыхъ были для всѣхъ равныя, первенствовали неимущіе классы гражданъ, превосходя прочіе своею численностью, и власть принадлежала почти всегда самымъ крикливымъ, буйнымъ и дерзкимъ. Предъ каждымъ новымъ главою избирательнаго правленія необходимо было преклоняться, подражать его привычкамъ, правиламъ и наклонностямъ, слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ, бороться съ нимъ на гимнастическихъ играхъ, разсуждать подъ навѣсомъ портиковъ, сибаритствовать на пиршествахъ. Сановники, управлявшіе Греціей, богачи, ученые, запирали своихъ женъ, съ которыми не имѣли времени босѣдовать и которыхъ не желали подвергать оскорбленіямъ и дурнымъ примѣрамъ буйной и самовласной черни. По мѣрѣ того какъ женщины перестали принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, кругъ ихъ дѣйствій и обязанностей уменьшился; образованіемъ ихъ начали пренебрегать, и онѣ сдѣлались ни чѣмъ болѣе, какъ только господами однихъ своихъ рабынь. Въ публикѣ показывались онѣ только въ священныя процессіяхъ, но и въ нихъ, какъ уже было сказано, жрецы предоставляли имъ одно наружное участіе и одну мнимую важность въ священнодѣйствіи. Честныя женщины, матроны, дѣвицы, вдовы и даже самыя жрицы впади въ ничто-

жество и развѣ только чѣмъ нибудь замѣтнымъ возвышались надъ простыми невольницами. Женскія личности Иліады, Одиссея, Эсхила, Софокла стали казаться почти мифами, идеалами, созданными пламеннымъ воображеніемъ. Чтобъ имѣть понятіе о положеніи греческой женщины демократическаго періода, нужно слѣдить за Ксенофонтомъ, Демосфеномъ и Фукидидомъ. Тогдашнимъ женщинамъ въ полное ихъ распоряженіе было предоставлено толко одно обыкновенное матеріальное существованіе. На гробницахъ матронъ и хозяекъ дома изваялась узда, въникъ и сова—эмблемы бдительности, экономіи и молчаливости. Цѣломудренная Венера, Венера, законнаго брака (*pu dica*) начала изображаться опирающеюся пятою на черепаху, для выраженія, что женщина не должна осмѣливаться обнаруживать ни какого движенія ни ума, ни сердца. Писатели той эпохи едва упоминаютъ о тогдашнихъ женщинахъ, и если когда и удостоиваютъ обратить на нихъ вниманіе, то развѣ только для того, чтобъ высказать что нибудь злое, насмѣшливое или обидное. Чтобъ не искать долго лишнихъ доказательствъ, стоитъ указать хоть на Аристофана, дабы доказать до какого варварства и униженія низшла греческая женщина въ средѣ мелкихъ республикъ, гдѣ все принадлежало мужчинамъ, мечу, краснорѣчію или искусству. По мѣрѣ того какъ Греки отдалялись все болѣе и болѣе отъ своихъ эпическихъ преданій, они начали смотрѣть на женщину, какъ на какую нибудь животную самку, долженствующую существовать лишь для распространенія мужскаго племени. Совершенное разъединеніе мужчинъ съ женщинами яснѣе прочихъ писателей высказывается у Аристофана, большая часть піесъ котораго наполнена изображеніемъ женщинъ его времени. Онъ всегда выставляетъ ихъ въ самомъ неблагоприятномъ свѣтѣ и клеймитъ презрѣніемъ, въ которомъ ни сколько не замѣтно личныхъ причинъ къ безошаднымъ нападкамъ. Онъ изобразилъ, съ свойственною ему желчью, женщинъ въ совѣщательномъ собраніи на празднествѣ Цереры и наконецъ въ своихъ престницахъ. Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ даже ни гдѣ и не упоминаетъ о женщинахъ. Чтобъ еще вѣрнѣе понять какую жалкую роль должны были играть женщины во времена Аристофана, и какъ мало приходилось на долю ихъ уваженія, стоитъ только вникнуть въ слѣдующій греческій застольный напѣвъ, который этотъ греческій комикъ вмѣстилъ въ одну изъ своихъ комедій:

Ηδομαι, ηδομαι,
 Κρανους απηλλαγμενος,
 Τυρον τε και προμμινον.
 Ον γαρ φεληδα μαχεας.
 Αλλα προς πυρ διεκλων
 Μετ' ανδρων ετερον φελον,
 Ουκ εας των ξυλων απ' αος
 Δαινοτατα τους θερους
 Εχλεπισμενα
 καθρακιζων τουρεσινθου
 Την τε φηγον εμπυρεων
 Χ' αμα την θβατταν βειων
 Της γοναικος λουμενης.

Т. е. Веселіе, веселіе! Простите битвы, простите сыръ и чешнокъ! Я не очень жалую сраженія, но распростершись у яркаго огонька, съ другими мужчинами, моими пріятелями, люблю жарить чечевицу на извивающемся пламени; люблю пить закаривая жолуди; люблю цловать еракіійскую дѣвушку, когда жена моя находится въ банѣ

«*Μετ' ανδρων ετερον φελον*» — съ другими мужчинами, вполне характеризуетъ тогдашніе обычаи. Веселая жизнь проводилась только въ мужскомъ обществѣ, и Аристофанъ нисколько не преувеличиваетъ картины современнаго ему женскаго быта. Изучая обычаи грековъ и сравнивая ихъ съ обычаями своего отечества, многіе римскіе писатели подтверждаютъ тоже самое, и вотъ что говоритъ Корнелій Непотъ въ своемъ предисловіи: «Мы не стыдимся вводить нашихъ женъ на пиршества, на которыхъ сами присутствуемъ. Наши матери семейства видятъ людей и общество; у насъ жена занимаетъ послѣ мужа первое мѣсто въ домѣ. Въ Греціи, напротивъ, женщину запираютъ въ потаенныя комнаты, она никого не видитъ кромѣ самыхъ близкихъ своихъ родныхъ и никогда не присутствуетъ на объденныхъ пирахъ».

Ксенофонтъ въ своемъ разсужденіи о домашней экономіи допускаетъ, для полнаго женскаго совершенства, только слѣдующія качества: «Женщина, говоритъ онъ, должна походитъ на пчелиную матку — невыходитъ изъ дому, имѣть неусыпный надзоръ надъ невольницами, распределять каждой изъ нихъ приличное занятіе, принимать домашніе запасы и приводить ихъ въ порядокъ, припрятывать въ надежное мѣсто то, что можетъ быть

неупотребляемо въ хозяйствѣ до времени, надсматривать за выдѣлкою полотна и одеждъ, равно какъ и за печеніемъ хлѣба, заботиться о больныхъ служанкахъ, какъ бы ни было велико ихъ число и какого бы возраста онѣ ни были; содержать въ порядкѣ и чистотѣ всѣ кухонныя принадлежности, назначать каждой домашней вещи приличное названіе, чтобъ по немъ можно было тотчасъ догадаться о настоящемъ ея назначеніи, кормить и воспитывать дѣтей, и наконецъ заботиться о собственномъ своемъ приличномъ украшеніи».

Греческія женщины демократическаго періода были предметомъ довольно тщательныхъ изслѣдованій для нѣкоторыхъ писателей восемнадцатаго столѣтія, и заставляли ихъ предполагать, что онѣ вѣроятно были большею частію безобразны, и своими дурными пріемами, недовѣрчивостью и неразвязностью отталкивали отъ себя преждее вниманіе. Такое предположеніе тотчасъ окажется неосновательнымъ, если принять въ соображеніе, что тѣже самыя женщины служили въ то же время образцами для изваянія Венеры Милитской, самой изящной изъ всѣхъ извѣстныхъ древнихъ статуй этой богини физической красоты. Анахарсисъ, собирая отрывочныя свѣдѣнія изъ разныхъ древнихъ писателей, не могъ также передать точнаго и яснаго понятія о тѣхъ многообразныхъ перемѣнахъ, которымъ подвергался въ Греціи женскій общественный бытъ, чтобъ можно было положительно определить откуда происходило то вліяніе, которое въ послѣдствіи могли пріобрѣсть гетеры надъ умами таковыхъ людей, каковы были, на примѣръ, Сократъ и Платонъ. Такое странное нравственное явленіе можно развѣ только истолковать странно организованнымъ составомъ тогдашняго общества, которое заключало въ себѣ лишь рабовъ и рабынь, подобіе какихъ-то домашнихъ животныхъ, замужнихъ, порядочныхъ женщинъ, занимавшихся только своимъ домашнимъ хозяйствомъ, и мужчинъ, жившихъ между собою и для однихъ себя. Отъ этого-то вѣроятно и происходили заблужденія Сафо, Алкивиада и Сократа, отъ этого-то и замѣтна та нечистая примѣсь къ началамъ прекраснаго, которая переливается чрезъ всю удивительную поэзію Греціи; отъ этого-то возникли и тѣ пороки, о которыхъ, какъ выразился Монтескье, следовало бы говорить, еслибъ невозговорилъ за это противъ насъ голосъ природы.

Когда проникла въ Грецію римская цивилизація, униженное достоинство женщины немного возвысилось, и въ сочиненіяхъ

Плутарха, замѣтно болѣе мягкости и приличія, когда онъ говоритъ о женщинахъ, чѣмъ у Аристофана и Ксенофонта. Въ небольшомъ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Пирь», онъ выводитъ двухъ женщинъ и описываетъ ихъ за однимъ столомъ съ ихъ мужьями, хотя, правда, что онъ тотчасъ-же и уходитъ, когда настаетъ рѣшительная минута пира и начинается обходить круговая чаша. При этомъ Плутархъ также намекаетъ, что супруги, повелители, изъ опасенія, чтобы жены немогли какъ-нибудь плънить гостей своимъ убранствомъ, имѣли догадку обобрать у нихъ передъ пиршествомъ всѣ ихъ самыя лучшія одежды, поясы, головныя иглы и запястья, и тѣмъ принудили явиться предъ обществомъ въ самомъ неубранномъ видѣ. Какъ не мало удовлетворительна подобная картина для свободы тогдашнихъ греческихъ женщинъ, но во всякомъ случаѣ въ ней виднѣнъ возвратъ отъ совершеннаго затворничества къ мужскому обществу и къ свѣтскимъ общественнымъ удовольствіямъ.

Аѳинянки времянъ римской цивилизаціи проводили свои дни въ выборъ украшеній, изобретеній новыхъ нарядовъ, и ихъ бытъ былъ очень похожъ на бытъ римскихъ женщинъ, описанный Атенеемъ, Сенекой, Светоніемъ, Галломъ, Марцгаломъ и многими другими писателями того вѣка. Греческія женщины, за исключеніемъ только той совершенной свободы, которою пользовались римскія женщины, предавались такой же нѣгѣ, такому же бездѣйствію. и заключенные въ четырехъ стѣнахъ, сурмились, бѣдѣлись, рядились для своего удовольствія, не заботясь ни о чемъ прочемъ, ни о наукахъ, ни объ искусствахъ.

До временъ Перикла, греческая женщина, низшедшая съ своего гомерическаго трона, осужденная на зависимость и хозяйственныя хлопоты, не имѣла рѣшительно никакого вліянія ни на нравственное, ни на политическое состояніе Греціи. Въ продолженіе демократическаго правленія было издано множество постановленій, которыя, охраняя съ одной стороны честь супружескаго ложа, совершенно уничтожали съ другой женскую личность, дозволяя публичную выставку и продажу женщинъ за определенную законами цѣну, которые установилъ Солонъ. «Ты нашъ общій благодѣтель, восклицаетъ, по случаю этого постановленія, комическій поэтъ Филемонъ. О Солонъ, вспомнившій объ удовольствіяхъ молодости, и клянусь богами, глубоко за то тебя уважаю. Теперь не нужно перелзать чрезъ балконы съ опасеніемъ сломить себѣ шею, ни входить къ своей красавицѣ чрезъ окно

чердака, ни завертываться въ ткани, которыя невольники вносятъ потомъ въ желанный домъ. Теперь утромъ, вечеромъ, днемъ, ночью, молодымъ, старымъ и людямъ средняго возраста стоитъ только заняться выборомъ и очень легкимъ способомъ приобрести себѣ подругу. Голосъ ихъ такъ нѣженъ, формы такъ прекрасны. Если ты юноша, онъ будутъ звать тебя Аполлономъ; если разслабленный старикъ, готовы, пожалуй, именовать Марсомъ. Для всѣхъ найдутся на устахъ ихъ медовыя рвчи», и проч.

Этотъ классъ женщинъ (*паллаки*) образованный Солономъ чрезъ продажу, нисколько не должно смѣшивать съ гетерами, которыя не являлись еще тогда на общественную гражданскую сцену. Больше жалкія и несчастныя, чѣмъ развратныя, женщины эти едва могли равняться съ самыми послѣдними рабынями по своимъ правамъ и совершенной беззащитности. Семистокль, въ первые годы своей юности, говоритъ Атений (к. 12) забавлялся закладывая по четыре подобныя несчастныя созданія, безъ одеждъ, въ свою колѣсницу, и проѣзжалъ съ такою запряжкой чрезъ всю Агору, при одобрительныхъ крикахъ толпы. Только эти женщины, созданныя Солономъ, могли являться въ публикѣ; что же касается до честныхъ замужнихъ женщинъ, то если какая-нибудь изъ нихъ осмѣливалась показаться на олимпійскихъ играхъ, то ее осуждали на смертную казнь и свергали съ утеса. На замужнюю женщину аѳиняне смотрѣли какъ на существо ничтожное, и не упустили ни одного случая выказать презрѣніе къ ея несовершенствамъ или мнимымъ недостаткамъ. Она была унижена до роли самой страдательной, обречена на безмолвіе, на самоотверженіе и на тайныя скорби; женщинамъ запрещалось даже плакать и слезы, самыя искреннія, ставились имъ въ упрекъ или обращались въ насмѣшку, даже однажды, послѣ кровопролитнаго сраженія при Лехеумъ, одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ ораторовъ Греціи возсталъ публично на площади Агоры противъ скорбѣвшихъ женъ, матерей и сестеръ; плачевное событіе, которое они оплакивали, придавало словамъ еще болѣе оскорбительное значеніе. «Женщины», говорилъ онъ, вы оплакиваете вашихъ отцовъ, братьевъ и мужей, павшихъ въ сраженіи; умърьте вашу горестъ, отрите слезы; имѣйте наконецъ хотя немного душевной твердости и примѣшайте по-крайней-мѣрѣ, хотя одну добродѣтель ко всемъ тѣмъ недостаткамъ, которыми надѣлила васъ природа». Напрасно стали-бы возставать женщины противъ угнетенія мужскаго деспотизма, ни одной буквы въ законахъ не отыска-

лось-бы въ ихъ защиту. Напротивъ, постановленія, изданныя противъ нихъ, были такъ строги, говоритъ Максимъ Тирскій, что наказывали даже за самую мнимую мысль о нарушеніи супружеской вѣрности. Женщина выгонялась изъ мужниного дома съ позоромъ, лишалась своего приданого, которое поступало въ собственность мужа, имѣвшаго полное право или выставить жену на продажу, или удержать у себя, какъ последнюю самую ничтожную рабу. Входъ въ храмы былъ ей запрещенъ, она не могла уже носить съ-тѣхъ поръ никакихъ украшеній, никакого головного убранства; однимъ словомъ, жизнь ея зависѣла вполне отъ малѣйшей прихоти мужа. А между-тѣмъ, по какой-то странной противоположности, въ законахъ того-же самого Аѳинскаго народа, такъ сильно покровительствовавшихъ чести мужа и приводившихъ въ трепетъ невѣрныхъ женъ, не было ни одного постановленія, которое-бы ограждало честь дѣвическую и охраняло ее отъ преступнаго посягательства безнравственной Аѳинской молодежи. Каждый годъ, во время шумныхъ народныхъ празднествъ и совершаемыхъ послѣ нихъ, по древнему обычаю, ночныхъ оргій, на которыхъ присутствовали и Аѳинскія дѣвушки, мракъ, сильное похмѣлье, безпорядокъ и увѣренность въ безнаказанности производили очень часто преступления, и виновникъ, на поступокъ котораго смотрѣли сквозь пальцы, рѣдко когда открывался. Теренцій и Плавтъ, въ своихъ подражательныхъ греческихъ комедіяхъ выставляютъ невинныхъ жертвъ этихъ въ положеніи самомъ затруднительномъ, и весь интересъ пьесы вертится на томъ, что неизвѣстный преступникъ влюбляется въ послѣдствіи въ бѣдную дѣвушку и вступаетъ съ нею въ супружество. Сюжетъ этотъ, очень обыкновенный у Аѳинскихъ комиковъ, перешелъ и въ испанскую литературу, въ драматургію и беллетристику.

Судьба греческихъ женщинъ была долго очень незавидна, но счастливое умственное и нравственное ихъ развитіе, способность понимать всѣ вещи легко и охотно, ихъ ловкость въ обществѣ, ихъ проницательность и склонность къ искусствамъ не могли у такого народа, какъ Аѳиняне, быть продолжительно въ забвеніи и такомъ нравственномъ заголѣ. Общественная потребность изящнаго, чувствуемая необходимость облагородить и смягчить грубую угловатость мужскаго общества, нашли наконецъ для себя исходъ, не смотря на строгія постановленія архонтовъ. Оставивъ греческихъ матронъ и *паллахи* Солона вращаться въ

опредѣленной имъ тѣсной сферѣ, Аѳиняне создали новую категорию женщинъ. Съ правленіемъ Перикла являются въ Греціи гетеры, что значитъ въ буквальномъ переводѣ женщины-друзья. Вотъ какъ Демосфень, въ своей рѣчи на защиту Нееры, опредѣляетъ значеніе гетеры въ тогдашнемъ греческомъ обществѣ: «Мы имѣемъ, говоритъ онъ, гетеръ (друзей) для душевныхъ наслажденій, прелестницъ для грубыхъ ласкъ и законныхъ женъ для поддержанія нашего рода и имени и для охраненія нашихъ жилищъ».

Почти всѣ древнія сочиненія наполнены очень подробными свѣдѣніями о гетерахъ. Аѳинская гетера была олицетвореніемъ всѣхъ качествъ, которыя не входили у тогдашней греческой женщины въ сферу семейныхъ ея обязанностей и не подходили подъ понятіе о грубой чувственности. Умъ, ловкость, нѣжность, способность пониманія, замѣчательный даръ слова, любезность, сочувствіе къ искусствамъ и ко всему прекрасному, развязность, физическая красота, однимъ словомъ все, что только можетъ сильно дѣйствовать на умъ, на чувство и на душу—вотъ типъ Аѳинской гетеры, списанный съ Аспазіи, Лаисы и Фрины. Гетера раждалась рабыней; ей прощалось и позволялось все, потому что ея презирали, а въ послѣдствіи эта раба становилась владычицей. Гетера была пѣвицею, музыкантшей, живописцемъ, поэтомъ; она сосредоточила въ себѣ всѣ изящныя приемы, всѣ блистательныя дарованія, которыя греческая матрона должна была покинуть, какъ не нужныя ей болѣе. Гетера имѣла своихъ поклонниковъ и своихъ порицателей; въ числѣ послѣднихъ былъ и Атений, восклицавшій въ негодованіи на прочихъ, самыхъ знаменитыхъ Аѳинскихъ гражданъ: *Περὶ φερῶν τοιαύτε βίωμα παντῶν σοφιστῶν πρὸς τὴν Ἀθηναίων ἑταίδων. Ὡς τῆς καλῆς σοφολομαείας!* «Вы приводите сюда всѣхъ этихъ веселыхъ дѣвъ города Аѳинъ, послѣ всего, что про нихъ писали! О, вы получили прекрасное образованіе!» Въ Греціи, этой странѣ, гдѣ всякое замѣчательное явленіе преобразовалось въ созданіе искусства, личность гетеръ также сдѣлалась предметомъ глубокихъ изслѣдованій и тщательнаго изученія. Аристофанъ, Аполлоторъ, Аммоній, Активанъ, Горгіи возвысили факты, собранныя ими и собственныя наблюденія о гетерахъ до полноты и совершенства настоящей теоріи. Гетеры наравнѣ съ софистами раздѣляли сильное вліяніе надъ Аѳинянами, и поняли огромную пустоту въ общественной греческой жизни. Смѣшиваясь съ философами, съ

воинами, съ политиками и поэтами, со всеми личностями, которыми могли имѣть право на знаменитость, гетеры заслоняли собою замужнихъ женщинъ и аѳинскихъ дѣвицъ, обрекая ихъ на долю той-же неизвѣстности и забвенія. Каждое острое слово ихъ тщательно записывалось и сохранялось; составлялись ихъ біографіи; имена ихъ отцовъ и города, въ которыхъ онѣ родились, старались узнавать и помнить. Чуть только появлялась гдѣ гетера въ публичномъ мѣстѣ, на нее обращались все взоры. Самый упадокъ красоты гетеры не обусловливалъ упадка ея славы, если только она сохраняла прежнюю свою живость и свѣжесть ума. Наконецъ женщина эта, чело которой постоянно было повито вѣнкомъ веселія и пиршествъ, умирала, и надъ ея гробницей сооружали изящные мавзолеи. Павзаній говоритъ, что одинъ изъ такихъ надгробныхъ памятниковъ, настоящій погребальный дворецъ, поставленный на священной дорогѣ къ храму, невольно привлекалъ взоръ путниковъ своимъ великолѣпіемъ. Пораженные его величественною архитектурою, они спрашивали: «какой герой поконится подъ этою колоннадою?» и получали отвѣтъ: «Гетера Пивіонника» *.

Владычество гетеръ начинается съ Перикла и Аспазіи, настоящей создательницы этой категоріи Аѳинскихъ женщинъ, спутницы и совѣтницы Сократа, искренняго друга Перикла и достойной соперницы самыхъ замѣчательныхъ ораторовъ Греціи. Если вѣрить Платону, читая его Менексена, то лучший и благороднѣйшій памятникъ греческаго краснорѣчія—надгробное слово Аѳинянамъ, падшимъ за отечество при Лехсумъ, сохраненное Фукидидомъ, есть произведеніе Аспазіи, читанное ею будто-бы Сократу. Вотъ нѣкоторыя подробности объ этой замѣчательной женщинѣ, два раза, какъ полагаютъ, побудившей Аѳинянь объявить войну сперва Самосцамъ, въ отмщеніе за свою родину, а потомъ, если вѣрить Аристофану, Пелопонезскую войну, по ненависти къ Мегарянамъ, оскорбленнымъ когда-то Аѳинянами и похитившими, въ отмщеніе, двухъ дочерей Аспазіи. Аспазія родилась въ Милетъ, и была дочь Аксіоха, человека знатной фамиліи. Въ домъ ея собиралось самое лучшее общество, въ которомъ разсуждали о предметахъ политики, философіи, краснорѣчія и художествъ. Периклъ, плѣненный ея красотою и достоинства-

* Надгробные памятники сооружали многимъ другимъ гетерамъ: Лаисъ Коринтской въ Краніонѣ, Коринтчанке; другой Лаисъ, современницъ Фрины, въ Тесаліи, Тесалійцы.

ми, по разводѣ съ своей женою, женился на ней, имѣлъ отъ нея сына и сохранилъ къ ней до самой своей смерти то уваженіе и любовь, которыя питалъ къ ней до своего брака. Народъ, изливавшій свою ненависть на все, что окружало этого великаго человѣка, повѣривъ однажды навѣстамъ поэта Герминна, призвалъ ее на судилище, обвиняя въ безбожій и въ томъ, что она допускаетъ въ домъ Перикла распутныхъ женщинъ. Правитель Греціи самъ явился защищать Аспазію, и исполнилъ свою обязанность адвоката съ такимъ жаромъ, говорилъ въ ея защиту съ такими искренними слезами, что ареопагъ оправдалъ ее. Любовь Перикла къ Аспазіи была такъ велика, что Аѳиняне въ насмѣшку называли его юпитеромъ Олимпійскимъ, а ее Юноной. По смерти Перикла, говоритъ Гизихій, не смотря на свой умъ и сильную власть надъ собою, она поддавалась увлеченію, влюбилась въ человѣка ничтожнаго, именемъ Лизикла, и вышла за него замужъ; но вліяніе ея ума и талантовъ на Аѳинянъ было такъ велико, что не смотря на всю ничтожность новаго своего мужа, она успѣла возвысить его до самыхъ высшихъ степеней республики. Слава этой женщины не померкла и послѣ ея смерти, и имя ее сдѣлалось между замѣчательными женщинами тоже, что имя Александра Македонскаго между известными воинами. Эсхинъ, ученикъ Сократа, и Антисѳенъ, глава цѣнниковъ, написали подъ именемъ Аспазіи многія сочиненія, а Киръ Младшій, не зная чѣмъ лучше наградить свою любимицу Мирту, назвалъ ее Аспазіей. Можно-ли послѣ этого удивляться, что гетеры имѣли своихъ историковъ, и что онѣ раздѣляли съ софистами и риторами ту верховную власть, которую Аѳинскій народъ, полагавшій имѣть ее въ своихъ рукахъ, самъ того неподозрѣвая, передалъ этимъ двумъ оригинальнымъ сословіямъ. Вы развращаете юношество, сказалъ одинъ извѣстный софистъ, гетеръ. А вы что дѣлаете, возразила та. Эти двѣ значительныя касты двигали общественнымъ мнѣніемъ, и не имѣютъ себѣ ничего подобнаго въ позднѣйшей исторіи. Съ гетерами можно только развѣ отчасти сравнить Ивону де-Ланкло, въ соціальной исторіи Франціи, и можетъ-быть, еще леди Гамильтонъ, въ исторіи Англій. Греческія гетеры были львицами своего времени.

Первымъ и главнымъ условіемъ гетеры была красота. О доставленіи Аѳинянамъ самыхъ замѣчательныхъ красавицъ, заботились Азія и Милеть. Торговецъ невольницами «*лево*» проѣз-

жалъ по всемъ островамъ Архипелага, приставалъ къ азіатскому берегу и выбиралъ лучшихъ женщинъ, продажа которыхъ могла-бы обогатить его на рынкѣ Аѳинъ. Это выгодное ремесло требовало большаго искусства, огромной сметки и разнообразныхъ свѣдѣній. Подъ портиками всехъ храмовъ, на всехъ перекресткахъ, на всехъ площадяхъ, многочисленныя изваянія представляли продавцу невольницъ необходимыя ему образцы, къ которымъ онъ долженъ былъ принаравливаться. Каждую новую гетеру, появившуюся въ Аѳинахъ, тотчасъ спѣшили сравнить съ Роксаной Этіона, Сосандрой Калами, Юпоной Эвфранора, Кассандрой Полигнота, Лемнійской Венерой Фидія, амазонкой, опирающеюся на мечъ, того-же скульптора и Кампаспей Апеллеса. Чтобы составить себѣ точное понятіе о степени той строгости и разборчивости, которой греческіе критики одушевленной природы подвергали новыхъ красавицъ, нужно читать старинныхъ греческихъ писателей и Плинія, который изучалъ ихъ. Вся черты, вся формы подходили подъ извѣстные правила—прямая линія носа, контуры рта и подбородка, положеніе шеи, дуга, очерченная бровью *εὐρακίων*, блескъ и живость зрачка *ὑγρὸν αἶμα τὸ φαίδρα*, форма и цвѣтъ щекъ, круглота ручной кисти и наконецъ близна, гладкость и упругость продолговатыхъ пальцевъ, которые Лонгъ въ своемъ разсужденіи о прекрасномъ и величественномъ, разсматриваетъ какъ нечто самое совершеннѣйшее и граціознѣйшее во всей вселенной. Живописцы, скульпторы и даже самые философы, примѣтивъ какую-нибудь молодую двушку замѣчательной красоты, употребляли все средства сдѣлать ея воспитателями и поместить въ сословіе гетеръ, если примѣченная ими красавица принадлежала только къ низшему аѳинскому классу общества, хотя все еще опасному и вліятельному, но по-прежнему бѣдному и соединявшему съ обычною наглостью корыстолюбивую жадность нищеты. Однажды, когда знаменитый живописецъ Апеллесъ шелъ ужинать къ своимъ пріятелямъ, обязанный привести съ собою на пиръ гетеру, онъ встрѣтился на дорогѣ съ молодою двушкой чернавшею воду. Она была такой поразительной красоты, что Апеллесъ остановился и сдѣлалъ все, что могъ, дабы уговорить ее за нимъ послѣдовать. Собесѣдники удивились выбору Апеллеса. «Будьте спокойны, возразилъ живописецъ, чрезъ три мѣсяца она будетъ *«выдрессирована»*.» Это выраженіе нисколько непреувеличено потому, что слово *ἐπιποταφεία* вполне соответствуетъ англійскому слову

training и французскому *dresser un cheval*. Ксенофонтъ, очень разборчивый на выборъ выраженій, употребляетъ это-же самое слово, говоря о воспитаніи аѳинской дѣвушки предъ замужствомъ. Такого рода образованіе было очень обыкновенно въ Аѳинахъ. Одна аѳинская гетера писала къ своей подругѣ, жившей въ Коринѣ, объ этой дѣвушкѣ, сдѣлавшейся скоро знаменитостью. «Дождала-ли до тебя молва объ одной молодой дѣвственницѣ, которую *дрессируетъ* теперь Апеллесъ? Если ты ничего не слыхала объ этой дѣвѣ, то это будетъ съ твоей стороны высочайшее невѣжество и величайшая глупость. Она служитъ теперь единственнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ и занимаетъ весь умы. Въ Греціи теперь только и есть одна женщина—это она. Ее зовутъ Лаисой; только объ одной Лаисѣ и слышно. Имя это звучитъ въ лавкахъ продавцовъ благовоній, подъ сводами театровъ, въ публичныхъ собраніяхъ, въ судилищахъ, въ сенатѣ. Я видѣла нѣмыхъ, которые при взглядѣ на нее получали способность ясно выражать свое удивленіе и восклицать знаками: о какъ прекрасна Лаиса! Впрочемъ она достойна подобныхъ похвалъ: стань ея гибокъ, развязень, твердъ, совершенъ. Когда она одѣта, то преимущественно любишься на ея лицо; но еслибы упали съ нее одежды, тогда уже ты не знаешь на что преимущественно любоваться. Зрачки ея черны и блестящи какъ черное дерево, бѣлки ея глазъ блестятъ, какъ слоновою костью.»

Идолослуженіе красота, граціи, изяществу и искусствамъ имѣло своею верховною жрицей гетеру. Не только поэты, артисты и риторы, но даже самые мудрецы и аѳинскіе законодатели подчинились влиянію этой жрицы. Одинъ изъ многихъ летописцевъ дѣяній гетеръ рассказываетъ, что однажды когда эту самую Лаису * потребовали, за какой-то проступокъ, предъ народное судилище, то вмѣсто всякихъ оправдательныхъ доказательствъ она раскрыла античную грудь свою, и съдой, неумолимый ареопагъ склонился на полное милосердіе. И точно, красота была кажется второй религіей грековъ и изображала имъ собою тѣлесный, видимый первообразъ красоты вѣчной. Вся эллинская мифологія поощряла такое идолослуженіе изящной формѣ. Философы также подчинялись этому народному поклоненію и признавали въ гетерѣ, выступающей, увѣнчанною цвѣтами, по Аѳинской площади, видимый символъ возможнаго совершенства. Даже въ первыя времена христіанства это поклоненіе наружнымъ

Ихъ было нѣсколько одного имени.

физическимъ совершенствамъ промелькивало въ Греціи. Чтобы увѣриться въ этомъ, стоитъ только пробѣжать сочиненіе Лонга, описаніе любви Дафниса и Хлои. Въ немъ замѣтно тоже самое обожаніе красоты, тотъ же самый отпечатокъ восторженности къ внѣшнимъ формамъ, которыми отличаются все комедіи Менандра съ дѣйствующими въ нихъ Антифилами, Силеніями и прочими. И если ни время, ни благотворное ощутительное вліяніе христіанства не могли долго истребить поклоненіе внѣшней красотѣ, то можно судить о томъ какъ должно быть сильно ея могущество въ ту пору, когда философія и языческое ралигіозное убѣжденіе взаимно освѣщаетъ подобное обожаніе, когда все искусства наперерывъ снѣжили олицетворять красоту, и когда ни что не исключало ее изъ сонма прочихъ міеологическихъ боговъ.

Все гетеры получали самое тщательное, многостороннее образованіе. Онѣ пѣли, плясали, играли на разныхъ инструментахъ. Красота, таланты и изящная одежда, обезпечивали ихъ благосостояніе и окружали восторженными поклонниками; безъ нихъ не существовало ни одного полнаго пиршества и праздника. После стола гетеры исполняли въ одно и тоже время обязанность пѣвицъ, актрисъ, танцовщицъ и виртуозокъ. Объ изящной и вмѣстѣ съ тѣмъ скромно-приличной одеждѣ этихъ артистокъ, на цитрѣ и на флейтѣ, изучившихъ нѣгу и наслажденіе какъ науку, можно судить по нѣкоторымъ древнимъ скульптурнымъ памятникамъ, найденнымъ въ развалинахъ Геркулана. Алсифронъ, изучившій греческихъ старинныхъ классиковъ и собравшій въ формѣ писемъ все подробности о частныхъ нравахъ, характеризующихъ тогдашнюю аѳинскую жизнь, описываетъ одно празднество на водѣ, на которомъ присутствовали гетеры. Онъ заставляетъ писать бѣднаго рыбака Навзибія, у котораго наняли по этому случаю лодку, къ своему товарищу, лодочнику Прумнаіосу.

— «Скажу по истинѣ, что я не зналъ до-сихъ-поръ до какой изысканности дошли нравы нашихъ богатыхъ молодыхъ аѳинявъ. Нѣсколько дней назадъ, Памфілій и его пріятель наняли мою лодку, чтобъ прогуляться по морю; я сопровождалъ ихъ, и теперь вижу, что нѣтъ наслажденій, которыхъ бы они не искали какъ на землѣ, такъ и на океанѣ.—Что бы я, вскричалъ Памфілій, съѣлъ на эти деревянные куски, которые жестче камней, нѣтъ, этого не будетъ! Онъ приказалъ обить внутренность моей лодки чужеземными шелковыми тканями и мягкими подушками, потомъ распустилъ широкій парусъ, чтобъ защитить се-

бя отъ солнца, лучи котораго, говорилъ онъ, были для него несносны. Мы, рыбаки, привыкшіе къ морю и его холодной зыби, удивлялись такой изысканности, неизвѣстной большей части нашихъ гражданъ. Такъ похваля гулять Памфілій и многія прекрасныя женщины, всѣ музыкантши. Одна называлась Крумаціона и играла на флейтѣ; другая Эрато, и пальцы ея блуждали на псалтеріонѣ; третья, Энея, оглашала воздухъ цимбалой. Маленькая моя лодка обратилась въ оркестръ. Море разносило далеко веселыя пѣсни; все было радость, наслажденіе, гармонія. Но увы, я не былъ доволенъ, бѣднякъ, въ которомъ эти наслажденія пробуждали сознаніе о его жалкой жизни. Я только почувствовалъ себя счастливымъ тогда лишь, когда Памфілій бросилъ мнѣ порядочное вознагражденіе. Боги, пошлите мнѣ поскорѣ еще такого же щедраго и жаднаго къ наслажденіямъ молодаго человека!»!

Если гетеры были подстрекаемы честолюбіемъ, имѣли много ума и смѣлости, то имъ не трудно было возвыситься гораздо выше, чѣмъ могли обыкновенныя артистки. Какъ Аспазія или Фаргелія, о которой мы будемъ еще говорить, гетера могла сдѣлаться извѣстнымъ поэтомъ, философомъ, ораторомъ, подчинять своей власти правителей, пльнять Сократа и сдѣлаться бессмертною, благодаря поэтическимъ хваламъ Менандра или страницамъ Эликура. Залы театровъ, мастерскія художниковъ, портики, Агора были открыты гетерамъ, и она могла свободно почерпнуть въ сообществѣ артистовъ, въ посѣщеніи театра и въ тѣсныхъ кружкахъ философовъ и государственныхъ людей тотъ тонкій тактъ, ту гибкость ума и то глубокое знаніе человеческой природы—истинную науку женщины, которыми такъ отличались всѣ замѣчательныя гетеры. Поэтъ Махонъ, въ ямбическихъ стихахъ, которыхъ часть сохранена Атенеюмъ, увѣковѣчилъ для потомства ихъ лучшія остроты, ихъ ѣдкія возраженія и веселыя шутки. Чтобъ воспроизвести ихъ во всемъ ихъ настоящемъ колоритѣ и со всею точностью, нужно бы было позабыть иногда о совершенномъ приличіи и обратиться къ той безцеремонности греческихъ древнихъ нравовъ, которыя всѣ истины, всѣ вспышки ума, точно также какъ и произведенія искусства предпочитали въ ихъ природной наготѣ, и потому мы и отказываемся приводить образцы Махона, но во всякомъ случаѣ не нужно думать, какъ доказывалъ то англійскій писатель Spetchy, чтобъ эти остроты, шутки и язвительныя насмѣшки, от-

зывались постоянно только грубымъ цинизмомъ и были лишены присутствія вѣрнаго взгляда на вещи и свѣтлаго, тонкаго ума. Шутки и остроты Нании, Флагоны, Пивіоники, Героклеи, Гнатаіаны, которыя сохранились въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ авторовъ, доказываютъ совершенно противное. Дифилій, драматическій поэтъ, мало впрочемъ уважаемый своими современниками, отправился однажды ужинать къ Гнатаіанѣ. По скупости или по недостатку, онъ послалъ гетерѣ въ подарокъ только сосудъ, наполненный снѣгомъ, для охлажденія вина; но стыдясь ничтожности своего приношенія, просилъ прислужницъ не измѣнять ему и положить снѣгъ въ чаши, ни слова не говоря своей госпожѣ откуда онъ взялъ этотъ прохладительный реагентъ. Въ срединѣ пиршества, онъ воскликнулъ съ притворнымъ удивленіемъ: Вино это удивительной свѣжести! Клянусь Минервой и всеми богами, Гнатаіана, ты будто имѣешь у себя въ домѣ ледяной источникъ!—Нѣ мудрено, возразила гетера, я всегда бросаю въ него твои прологи».

Напрасно правительственныя постановленія, издаваемые противъ гетеръ, заключали въ себѣ постыдныя и тягостныя для нихъ ограниченія. Исключенныя изъ общественныхъ религіозныхъ процессій, обязанныя носить особенную одежду и отчужденныя отъ жертвоприношеній, гетеры вымещали свое униженіе привлекая къ себѣ лучшую аѳинскую молодежь и таланты людей самыхъ знаменитыхъ и вліятельныхъ, и такимъ образомъ дѣлаясь въ свою очередь законодательницами новыхъ правовъ и новыхъ общественныхъ условій. Одна изъ гетеръ, не смотря на все эти стѣснительныя постановленія, именно Фаргелія, поэтъ и ораторъ, какъ Аспазія, и какъ она, тоже милетская уроженка, возвысилась даже до ессалійскаго престола. Другая, Фрина, родившаяся въ Фестіи, въ Беотіи въ VI вѣкѣ до Р. Х., предлагала еивійцамъ возстановить на свой счетъ развалины Фивъ съ единственнымъ условіемъ, чтобъ надъ главными воротами красовалась надпись: Александръ, сынъ Филиппа, разрушилъ эти стѣны, Фрина, гетера, возстановила ихъ. Красота Фрины была такова, что я, Пракситель, бывший первымъ ея поклонникомъ, бралъ всегда за модель для статуй Венеры и Фрины, также какъ и этой богинѣ, которой она была жрицею, приносили самыя богатѣйшіе подарки, и богатство ея было такъ велико, что она могла гаять гордость возобновить одинъ изъ огромнѣйшихъ городовъ древняго міра. Завистники ея сокровищъ и извѣстности обвинили ее

въ нарушеніи элевзинскихъ таинствъ, и ее также какъ и Лаису Апеллеса призвали на судъ. Знаменитый Гиперидъ защищаль ее и видя, что его краснорѣчіе бессильно, сорвалъ съ нее покрывало и сдѣлалъ судьямъ вопросъ — можно-ли осудить подобную красоту? Фрина была оправдана какъ Лаиса, и отведена съ торжествомъ въ храмъ Венеры. Гетера Глюкера властвовала во дворцѣ Гарпалоса; Эпикуръ воспѣвалъ Леонцію, Аристотель повиновался Герциліи, а Платонъ, преклонившійся предъ многими гетерами, терпѣвшій насмѣшки Нико, прозванной Каллипгой, почиталъ въ своемъ воображеніи даже морщины той Археанасы, про которую говорилъ: «я люблю Археанасу колофонскую, и самыя бразды ея морщинъ служатъ пріютомъ любви. О вы, видѣвшіе ее въ молодости, какимъ пламенемъ вы пожигались, чрезъ какое сердечное пожарище должны были вы пройти.» Демосфенъ, Аристиныи и даже самъ циникъ Діогенъ не избѣжалъ очарованія гетеры. Всѣ они были поклонниками Лаисы, дочери Тимандра и подруги Алквивіада. Гетеры способны были приносить любимымъ ими всевозможныя жертвы, примѣромъ чему можетъ служить гетера Леанна, которая подъ пытками палачей Гипсія не хотѣла измѣнить друзьямъ своего любовника Гармодія, погибшаго въ неравной борьбѣ съ сыновьями Пизистра-та. Если-бы перечислять всѣ знаменитыя имена древней Греціи, которыя были тѣсно связаны съ именами гетеръ, нужно-бъ было имѣть большое терпѣніе; достаточно сказать, что большая часть самой богатѣйшей аѳинской молодежи подчинялась законамъ гетеръ, и любовь, которую они возбуждали къ себѣ, оставила не мало пламенныхъ страницъ во всей греческой литературѣ. Въ письмахъ Алсифрона есть одно трогательное посланіе молодого аѳинянина къ своему другу, по случаю смерти любимой имъ гетеры. Письмо это можетъ также служить доказательствомъ, что гетеры не всегда были корыстны, какъ увѣряетъ Демосфенъ, упрекая Лаису въ томъ, что она требовала отъ него десять тысячъ талантовъ и не желая такъ дорого *«покупать себѣ раскаяніе.»*

«Ее уже нѣтъ, прекрасной Бакхиды, пишетъ аѳинянинъ Менеклейдъ. Любезный Евтиклесъ, ее уже нѣтъ болѣе! Она ничего не оставила мнѣ кромѣ слезъ и воспоминанія о любви столькоже теперь печальной, сколько прежде была она утѣшительна. Никогда, никогда не изгладится Бакхида изъ моей памяти. Какою чувствительностью, какимъ сочувствіемъ ко мнѣ была полна душа ея! Пусть всѣ гетеры, ея подруги, соберутся и поставятъ

статую Бакхиды въ храмъ Афродиты и Грацій. Говорять обыкновенно, что гетеры все опасны и безсовѣстны, что онѣ привержены лишь къ корысти, любятъ только подарки и, что предавшись имъ, должно быть готову на тысячу золь. И такъ, опроверженіе этой клеветы можно доказать примѣромъ, прекрасными правилами Бавкиды.

Ты знаешь этого чужеземца, Мида, прѣхавшаго изъ Сиріи со столькими евнухами, съ такою роскошью, съ колесницами изъ слоновой кости и драгоценными платьями; ты знаешь, что онъ предлагалъ Бавкидѣ безчисленные подарки, сирейскихъ невольницъ, огромнѣйшее помѣщеніе и всю азійскую роскошь достойную варвара. И что же? она даже не допустила къ себѣ этого чужеземца; она предпочла остаться у моего скромнаго очага, отослала сатрапу. все его подарки и насмѣялась надъ его золотыми обѣщаніями. Вотъ участь этого купца и всѣхъ золотыхъ слитковъ, которые онъ привезъ съ собою! Нѣтъ, ничего лучшаго какъ Бавкида, не существовало подъ солнцемъ. Зачѣмъ добрый геній не далъ ей лучшей участи? Она умерла, оставила насъ, и съ этихъ поръ будетъ спать лишь въ холодной землѣ. Парки многολюбимыя, никогда, никогда не буду я уже, какъ прежде вздыхать около нее. Я еще существую, бесѣдую съ друзьями, раздѣляю ихъ ужины, и никогда кроткое сіяніе ея глазъ, благородное веселое лицо не воскреснуть, чтобъ плынуть меня. Какъ хорошо она говорила, какія имѣла черты, какой голосъ. достойный сирены, какой нектаръ источался изъ ея устъ, въ которыхъ обитала убѣдительность. Поясъ богини Венеры принадлежалъ ей, и глядя на нее казалось, что статуи, представляющія Афродиту и Грацій, сплетали руки, чтобъ ее привѣтствовать. Простите веселыя пѣсни послѣ циршествъ, простите персты, подобные слоновой кости, пробуждавшіе уснувшія струны лиры. Что теперь эта любимая дѣво грацій? нѣсколько пѣла, и болѣе ничего! А между тѣмъ, Мегарія, эта презрѣнная, которая разорила Теагена и лишила его всѣхъ его сокровищъ, еще жива; Мегарія, которая оставила ему только маленькій щитъ чтобъ идти умереть на сраженіе, еще здравствуетъ, а Бакхида, такъ безкорыстно любившая, не существуетъ. Моя скорбь уменьшилась немного, какъ я могъ излить ее предъ тобою, Евтиклесъ; говорить о Бавкидѣ составляетъ одно мое утѣшеніе; воспоминаніе о ней только одно и осталось мнѣ для счастья. Прости!

Венера Афродита имѣла въ Греціи множество храмовъ; Ве-

нера супружеская ни одного. Сильное вліяніе гетеръ, поражавшіе много злоупотребленій, возбуждало впрочемъ также не мало негодованія; находились поэты и писатели, которые сильно возставали противъ нихъ; на нихъ сыпались злыя сатиры и разные прозвища, часто грубыя, но всегда меткія, которыми ни сколько не щадили этихъ могущественныхъ, богатыхъ и любимыхъ женщинъ. Такъ, напримѣръ, славная гетера Каллисто называлась супоросью, а мать ея вороной; Лаиса прозывалась свкирой, Нико Каллинигой, Наинія, которой лицо было прекрасно а талія не хороша—аванъ—сценой. Ламія, любовница Дмитрія Поліорцета, была известна подъ именемъ *Καταρύλλες*—барана или осаднаго орудія, потому что говорили, будто эта военная машина истребила меньше городовъ, чѣмъ ненасытная Ламія, заслуживающая себѣ особенную страницу въ исторіи гетеръ. Алсифронъ, заставляя ее переписываться съ Димитріемъ, очень вѣрно характеризуетъ Ламію.

«Я очень смѣла, говоритъ она, посылая тебѣ письмо, но ты самъ причиною такой смѣлости, дозволивъ съ тобою переписываться. Впрочемъ нисходя до самой меня, ты очень можешь низойти и до моего письма. Въ самомъ дѣлѣ, когда я вижу тебя посреди твоихъ оруженосцевъ, военачальниковъ, сенаторовъ съ діадемою на головѣ, клянусь Афродитой, мнѣ дѣлается страшно, я содрогаюсь, трепещу и отворачиваюсь, какъ бы желая укрыться отъ солнечнаго блеска; глаза мои опускаются, и ты мнѣ кажешься тогда настоящимъ Димитріемъ, покорителемъ городовъ. Я не вѣрю собственнымъ своимъ воспоминаніямъ и спрашиваю: Ламія, точно ли это другъ твой, тотъ, котораго приковали къ тебѣ вчера звуки твоей флейты, и который получаетъ твои письма? Жду тебя, чтобъ твои поцѣлуи наномнили мнѣ Димитрія, не повелителя, а моего друга. Какъ, воскликну я тогда, развѣ это Димитрій, покоритель городовъ, знаменитый воевода, ужасъ Македоніи, Греціи и Фракіи? Клянусь Венерой, я нынче самаго его возьму приступомъ, и мы потомъ увидимъ на какія капитуляціи можно будетъ согласиться. Но кстати нужно чтобъ ты нынче у меня ужиналъ и оставался три дня моимъ гостемъ. Я торжествую праздноство Венеры, и желаю чтобъ оно превзошло всѣ прошлогоднія. Я приму тебя, повѣрь мнѣ, какъ слѣдуетъ, и ты не пожалуешься ни на мою нѣжность, ни на мое великолюпіе. Твои подарки дозволили удовлетворять роскоши, и хотя ты великодушно предоставилъ мнѣ полную свободу,

но я ею не воспользовалась. Да накажетъ меня Діана, если съ священной ночи ея таинствъ я приняла отъ кого нибудь хоть одинъ подарокъ; вѣрь этой клятвѣ любви и не полагай найти во мнѣ обманчивую гетеру. И при томъ же, кто, о непобѣдимый повелитель, осмѣлится стать твоимъ соперникомъ?

Покровительствуемая подобными личностями, а болѣе обычаями, гетеры, не смотря на изданныя противъ нихъ законы, продолжали возбуждать самыя разнородныя чувства восторга, зависти, злорѣчія и эпиграммъ, и не мало людей извѣстныхъ строгостью своей жизни, или славою произведеній возставали противъ непреодолимой власти этихъ земныхъ сиренъ. Беспорядочность ихъ жизни доставляла довольно пищи комическимъ писателямъ. и Манандръ, Агатонъ, Дифилій, и даже самъ Аристофанъ обязанъ этой совершенно романтической и неподчинявшейся ни какому обыкновеннымъ общественнымъ условіямъ жизни, самыми удачными своими характерами, живыми красками и самыми ѣдкими своими сатирами. Талиатта, изображенная Діоклесомъ, Коріанна Ферекрата, Анѳея Никоса, Тама и Фанія Мекендра, Опора Алексиса и Клепсида Евбула долгое время почитались письменными образцами дѣйствительныхъ гетеръ, хотя по тѣмъ неполнымъ отрывкамъ, которые дошли до нашего времени, изъ этихъ піесъ трудно составить себѣ настоящее понятіе. Какъ понимали гетеръ сами авторы? Комическіе поэты то позорятъ ихъ, то восхваляютъ попеременно; то они смѣшиваютъ ихъ съ обыкновенными предестницами, то возвышаютъ надъ всеми существующими на землѣ женщинами. Видишь ли ты, говоритъ одинъ изъ этихъ писателей, молодую, скромную женщину, которая говоритъ такъ тихо, которой движенія такъ граціозны, которая ходитъ за больными и сочувствуетъ страданіямъ? ее зовутъ гетерой, другомъ. Это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ ты любишь?—Безъ сомнѣнія!—Развѣ она такъ совершенна— *εστι γουν αλλη τις?*— Совершенна, нарядна, очаровательна, однимъ словомъ гетера!»— «Полюбуйтесь, говоритъ другой комическій поэтъ Евбулъ, какъ эти гетеры скромно-пристойны; онѣ ѣдятъ и пьютъ прилично, не такъ какъ другія женщины, которыхъ надутыя щеки показываютъ ихъ алчность, а какъ юная Милетская дѣва, которой все движенія граціозны и изящны.» Въ-самомъ-дѣлѣ, во всѣхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ о гетерахъ, даже такихъ, которыя отзываются пороками и беспорядочною жизнію, всегда видны граціозность и изящество. Изъ слѣдующаго письма Амифрона, которое изоб-

ражаетъ почти полную картину жизни этихъ странныхъ женщинъ древней Греціи, можно видѣть удивительное смѣшеніе изящества съ безпорядочностью и нежности чувства съ отсутствіемъ сознанія о своемъ неопредѣленномъ бытіи. Амифронъ приводитъ письмо Мегары къ Бакхидѣ.

«Только кажется, ты одна и существуешь на свѣтъ, ишьеть Мегара, которая такъ любишь своего друга, что не желаешь ни на минуту его оставить. Клянусь нашей матерью Афродитой, это отвратительно! Какъ давно Глюкера приглашала тебя, и ты не явилась; не понимаю за что нанесла ты подобное оскорбленіе другимъ женщинамъ, друзьямъ твоимъ. Такъ вотъ какъ ты сдѣлалась строго-благоразумна, и какъ ты сильно его любишь! Наслаждайся своимъ превосходствомъ предъ прочими, которыя ничто болѣе какъ несчастныя созданія. Я бы пришла въ сильное негодованіе, клянусь великой богиней, еслибъ не любила тебя искренно. Мы были у Глюкеры всѣ: Феттала, Муррина, Хрузгона, Евксиша, Филемена, которая вышла замужъ и которую преслѣдуетъ супружеская ревность, пришла, правда, немного позже, усыпивъ сперва добраго мужа. Только ты одна осталась на стражѣ у своего Адониса, безъ сомнѣнія изъ боязни, чтобъ не похитила его у тебя, новой Венеры, Прозерпина. Какъ восхищенъ былъ нашъ пиръ (я хочу чтобъ сожалѣніе прощало тебѣ сердце), какое наслажденіе мы ощущали! Пѣсни, эпиграммы, хорошее вино неоканчивались до самыхъ утреннихъ пѣтуховъ; благоуханія, вѣнки, мягкія подушки, тѣнь лавровыхъ деревьевъ въ полномъ цвѣтѣ окружали насъ. Ни въ чемъ не было у насъ недостатка кромѣ твоего присутствія. Всего же болѣе занимала насъ борьба, битва, споръ, который я тебѣ перескажу, и проч.»

Въ письмахъ Алсифрона, Арпстенета и Фалариса описываются также живыми красками и хитрости, употребляемыя гетерами для привлеченія къ себѣ молодежи, и способы, которыми онѣ удерживали своихъ поклонниковъ въ своихъ цвѣточныхъ узахъ. Читая эти отрывки, нельзя не сознаться, что между греческими гетерами существовали и такія, которыя къ своимъ замѣчательнымъ талантамъ, образованному уму и рѣдкой красотѣ примѣшивали еще болѣе достойныя замѣчанія пороки — неумѣренность, наглость, расточительность, роскошь, коварство и жадность.

«Твои слезы, писала одна аѳинская гетера, Пивалея, по истинѣ очень трогательны; но я сожалею, что хозяйство гетеры

не может ими поддерживаться. О какъ-бы я была счастлива, еслибъ слезъ твоихъ было достаточно для моего благосостоянія потому, что ты ихъ нисколько не жальешь; но золото, одежды, пурпуръ, украшенія и невольницы также намъ необходимы; какъ намъ обойтись безъ всѣхъ этихъ вещей? Мнѣ непредвидится никакого большаго наслѣдства; у меня нѣтъ серебряныхъ рудниковъ; время отъ времени какой-нибудь юноша пришлетъ мнѣ незначительный подарокъ, вотъ и всѣ мои средства. Въ теченіе года какъ я дарю тебя своей дружбой, кромѣ недостатковъ я ничего не испытала; волосы мои раззнакомились съ благоуханными маслами; я позабыла что такое украшенія, я должна носить только свои старыя тарентинскія платья, которыя пришли въ ветхость и заставляютъ меня краснѣть предъ моими подругами. Чѣмъ-же, хочешь ты чтобы я существовала? Ты плачешь, — вотъ истинно-хорошее вознагражденіе! Но ты говоришь, что любишь меня и не можешь безъ меня жить? О мать Венера! ты меня любишь и плачешь, какъ все это для меня выгодно! И развѣ нѣтъ у тебя золотыхъ чашъ, ожерелій послѣ твоей матери или денежныхъ бланковъ *Δραχμα του πατρός* почтеннаго твоего отца? Какъ счастлива Филотея, моя подруга; граціи взглянули на нее ласковѣе, ея поклонникъ Менеклендъ плачетъ меньше, а поступаетъ лучше. Что-же касается до меня, то я полагала, что пріобрѣтаю друга, а между-тѣмъ нашла только похороннаго плакальщика, Эренода, который почитаетъ меня кажется трупомъ, и посылаетъ мнѣ заранее гирлянды и розы, какъ будто я уже мертвая, и плачетъ по цѣлымъ ночамъ. Я должна сказать тебѣ только два слова: если ты принесешь мнѣ что-нибудь, приходи, но безъ всякаго плача; если у тебя ничего нѣтъ, оставь меня въ покоѣ.»

По подобному письму нельзя, по-крайней-мѣрѣ, отказать греческимъ гетерамъ въ качествѣ чистосердечія. Комическій поэтъ Анаксилай, также безъ сомнѣнія имѣлъ случай встрѣтить женщину столько же требовательную и жадную, какъ Пивалея потому, что изливаетъ на греческихъ гетеръ весь ядъ своего сатирическаго таланта въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Знаете-ли вы что такое гетера, имѣли-ли вы несчастіе когда-нибудь любить ее? Целовали-ли вы эту ужасную змію, эту пожирающую химеру, эту харибду, трехглавую Сциллу, убійственнаго сфинкса, гидру, львицу, жадную гарпію? Всѣ эти чудовища впрочемъ лучше гетеры! Пересмотримъ ихъ всѣхъ: Вотъ Плагона! она пожираетъ только иностранцевъ. Едва только какой варваръ

появится въ Аѳинахъ, онъ уже дѣлается ея добычей. Я знаю только одного, который избѣгъ общей участи. Онъ былъ на конь, остановился предъ домомъ гетеры, и тотчасъ-же помчался вихремъ. А Синопа? Не смотря на то, что почти уже старуха, а все-таки опасная гидра. Рядомъ съ нею можно помѣстить Гнатаіану, ея родственницу, не менѣе ея искусную въ обираниіи послѣдняго достоянія бѣдняковъ. Нано не похожа-ли на бездну Сциллы? Двое изъ ея поклонниковъ уже поглощены; третій, готовый подвергнуться той-же участи, спасся вилавъ съ кое-какими осколками. А Фрина? не уничтожила-ли она корабельнаго капитана вмѣстѣ съ кораблемъ его? А Феано лучше-ли ея? Настоящая сирена; лицо у нея женское, а широкія ноги похожи на ноги чудовища. Каждая гетера, о друзья мои, настоящій еивскій сфинксъ, эмблема обмана и лицемерія. Ложныя ласки, притворныя нѣжности ихъ, знаете-ли къ чему клонятся? Къ тому, чтобъ сказать вамъ медовымъ голосомъ: богатое убранство какъ нельзя лучше скраситъ эту комнату; лишняя невольница была бы мнѣ очень полезна; бронзовый треножникъ доставилъ-бы мнѣ большое удовольствіе.» Жалкій глупецъ витаскиваетъ свой кошель, поднимаетъ глаза къ небу и почитаетъ себя счастливымъ если ему придетъ на умъ благая мысль бѣжать стремглавъ отъ разбойничества и совершеннаго грабежа, который его ожидаетъ.»

Изъ этихъ приведенныхъ здѣсь послѣднихъ отрывковъ видно, что Греки, не смотря на все свое стараніе, не могли возвысить никакъ порочныхъ началъ до полнаго поклоненія наравнѣ съ истинно-достойнымъ и прекраснымъ, и блестящая ореола, которою они увѣячали гетеру, не избавила ее отъ презрѣнія и сатиры. Разъединивъ женскія добродѣтели отъ женскихъ талантовъ и нравственное величіе отъ развитія умственнаго, Аѳиняне создали двойное чудовищное существо. Эфемерное владычество греческихъ гетеръ рушилось, и христіанству предстояла высокая доля возратить греческимъ матерямъ, женамъ и дѣвамъ ихъ настоящую власть надъ разумнымъ мужчиной, ихъ нравственную силу, индивидуальность и весь тѣ нѣжные оттѣнки, которыми отличаются и умъ, и женское сердце.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Литературныя письма изъ Англии А. Б. В.—Французскіе мемуары.
ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ: Осушеніе болотъ, озеръ и Гарлемскаго моря въ Голландіи.—**ПУТЕШЕСТВІЯ: МЕЛКІЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ,** Сирія и Бедуины подъ владычествомъ Турокъ. — Омарова мечеть въ Иерусалимѣ. — Покупка. (Разсказъ).

I. ЛИТЕРАТУРА.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛИИ.

Формальность и приличіе, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. «Совершенный джентльмень и различіе его отъ Альберти и Книгге.—Привилегированные писатели, управляющіе издателями, и непривилегированные, которыми управляютъ издатели.—Корректурѣ въ Англии.—Дикенсъ, Текерей и Теннисонъ.—Поддѣлка жизненныхъ припасовъ.—Изнеможеніе Англии въ политическомъ, гражданскомъ и литературномъ отношеніяхъ.—Сочиненіе Говятта объ Австраліи, съ показаніемъ разстройства, въ которое приведено тамошнее общество, въ-слѣдствіе англійской политики.—Собраніе сказокъ и пѣсень Маорисовъ (жителей Новой-Зеландіи) Джоржа Грея.—Картины изъ частной и гаремной жизни въ Турціи, по сказаніямъ Англичанъ.

Чѣмъ долѣе занимаюсь англійскою словесностью, тѣмъ болѣе она становится для меня непонятною. Я не вижу въ ней ни направленія, ни живыхъ, развивающихся отраслей и вѣтвей, которыя олицетворяли-бы различныя видоизмѣненія настоящаго, ни возвышенныхъ идей, ни гениальности, ни самобытности. Все подчиняется условной, извѣстнѣйшей формѣ. Любовь и ненависть, честь, успѣхъ, добродѣтель и геройскій духъ, пороки и преступленія въ разсказахъ, драмахъ и романахъ—все, кажется, выработано по одной невидимой колодкѣ, которая вертится въ воздухѣ предъ каждымъ «приличнымъ» англійчаниномъ, и по которой онъ прилаживаетъ все свои дѣла и мысли, свою одежду и свое обращеніе. Ежели-бы еще колодка эта была образцомъ, идеаломъ человѣ-

чества и просвѣщенія! Но даже «приличныя» Китайки не такъ гадко уродуютъ свои ноги, какъ эта колодка уродуетъ цѣлаго Англичанина.

Съ непритворнымъ ужасомъ прочелъ я въ «совершенномъ джентльменѣ» «The Perfect Gentleman,» англійскомъ Альберти и Книгге, что благопристойныя особы обоого пола должны искривлять каждую часть своего тѣла, сжимать въ тискахъ извѣстной формы каждое движеніе сердца, каждую хорошую мысль и намѣреніе, для того только, чтобъ пройти безопасно изъ одного дома въ другой.—Куда? зачѣмъ? когда? Кто ты таковъ? кто тотъ, къ кому идешь?—При самомъ простомъ визитѣ придется вамъ десять разъ услышать эти неизбежные вопросы. Куда идешь? Кажется, что на это легко отвѣчать, но не въ Англии. Къ лорду? къ простому эскуеру? Въ какихъ ты отношеніяхъ съ нимъ? кто ты? какія дѣла имѣешь? Этотъ человекъ надеженъ-ли, т. е. твердъ-ли въ своемъ имуществѣ и въ своемъ политическомъ и общественномъ положеніи? Въ какое время ты къ нему ходишь? Есть-ли у него дочери? А ты—холостъ, обрученъ или женатъ? Все это лисьи ловушки, въ которыхъ неопытный сломаетъ себѣ ноги и шею, прежде чѣмъ доберется до дверей. Сверхъ-того есть еще сотни Спилъ и Харрибъ, которыхъ надобно избѣгать.—Кончикъ твоего шейнаго платка, цвѣтъ твоихъ перчатокъ, сгибъ на одномъ воротничкѣ, и въ-особенности фалды платья могутъ тебя совсѣмъ погубить. Кто осмѣлился-бы вечеромъ явиться въ сюртукъ, или утромъ въ бальномъ фракѣ, тотъ подвергся-бы опалѣ всего своего околота, былъ-бы заклеименъ, считался-бы погибшимъ, такъ-что хоть ныряй со свѣта. Но подобныя громадныя бѣдствія теперь даже едвали возможны. Каждому сдѣлалось уже второю природою надѣвать, для утренняго визита, платье съ полными и на вечеръ съ нагло-обрѣзанными фалдами, слѣдовательно здѣсь нѣтъ опасности, кромѣ того, у кого только одинъ сюртукъ, или одинъ фракъ. Изъ перваго нельзя сдѣлать, съ помощію булавокъ, кургузый фракъ, какъ это сдѣлалъ провинціальный дядошка въ какой-то нѣмецкой комедіи на балѣ у Кролля, потому-что для приличнаго вечерняго визита фасонъ англійскаго платья опредѣленъ съ такою точностью, что во фракѣ, слишкомъ просторномъ или даже не совсѣмъ черномъ, нельзя и съ билетомъ попасть на галерею Ковентгарденскаго театра; развѣ только надобно представиться, какъ я это сдѣлалъ недавно, повелительно-союзнымъ французомъ. Одѣтый въ круглый французскій кафтанъ, я обращался къ разнымъ контролерамъ большой королевской оперы. «French cut, sir. No admittance, sir.» «Французскій покрой, сэръ.—Не допускается, сэръ.»—«Какъ! вскричалъ я, французскій по-

крой не допускается въ Лондонѣ! Какъ васъ зовутъ? Имя ваше будетъ завтра въ Теймсѣ прибито къ позорному столбу, если вы дерзаете подвергать такъ нагло французскій союзъ посмѣянію. Что было-бы съ вами въ Крыму безъ Французовъ? Вашъ недостатокъ любви къ отечеству, ваше мерзкое «*mismanagement*» здѣсь за дверьми, какъ въ прошлую зиму въ Крымскомъ лагерѣ, не могутъ быть долѣе терпимы. Я подамъ примѣръ и войду съ моимъ билетомъ, какъ союзный Французъ; даже не уступлю насилію, чтобъ только предать этотъ варварскій и для Франціи оскорбительный вздоръ суду общественнаго мнѣнія.» Возражая въ такомъ тонѣ на всѣ статьи «*perfect gentleman*,» я какъ псевдо-Французъ (а каждый человѣкъ, отличающийся наружностью отъ Англичанина, считается Французомъ до-тѣхъ-поръ, пока не докажетъ противнаго), давалъ моему патриотическому негодованію столько воли и простора, что безпрятственно прошелъ среди изумленныхъ и поставленныхъ въ тупикъ блюстителей приличія, и не подвергался потомъ болѣе никакимъ докучливостямъ. Замѣчательно, что при неповоротливомъ, стѣснительномъ и самомъ осторожномъ обращеніи, рѣшительность, или лучше сказать, грубость также считается признакомъ совершеннаго дендизма, разумѣется, когда эта грубость обращена къ подчиненнымъ, или къ тѣмъ, кто чувствуетъ себя ниже насъ. Вчера сдѣлалъ я тому опытъ на извѣстной своимъ дурнымъ управленіемъ желѣзной дорогѣ хрустальнаго дворца. Толпы пассажировъ 3-го класса были, какъ овцы, перегоняемы взадъ и впередъ по полнымъ вагонамъ. На одномъ концѣ чиновники говорили, что ихъ мѣста на другомъ; и отсюда высылали бѣдняковъ, по той-же причинѣ опять, въ противоположную сторону, а дѣло все въ томъ, что всѣ мѣста уже были заняты. Тогда я вскипѣлъ и съ величайшимъ негодованіемъ крикнулъ на одного инспектора: «*Shame, Disgrace! Mismanagement!*» и т. д. Этотъ господинъ сдѣлалъ безконечно-длинную рожу, зажалъ ротъ и носъ, и совершенно растерялся; опомнившись, онъ посадилъ меня и двухъ дамъ съ билетами третьяго класса, какъ-бы въ наказаніе, въ порожній вагонъ перваго класса.—Кто такъ грубъ, могъ онъ подумать, тотъ вѣрно джентльменъ высшаго разряда и естественно долженъ ѣхать въ вагонѣ перваго класса.—Самое стѣснительное и запутанное соблюденіе приличій въ своемъ кругу, и въ отношеніи къ высшимъ, и самая переромная вольность и безцеремонность съ низшими, вотъ разрѣшеніе мнимой противоположности въ характерѣ джентльмена, его робкой вѣжливости и его грубости. Но я не хочу говорить болѣе о «совершенномъ джентльменѣ», хотя и могъ-бы извлечь антологию невѣроятнѣйшихъ законовъ и правилъ изъ того, какъ онъ не смѣетъ никогда идти

черезъ улицу по направленію гипотенузы, а непременно долженъ держаться обѣихъ катетовъ; какъ онъ не можетъ ничего нести въ рукахъ, а тѣмъ болѣе подь мышкою, не можетъ здороваться съ дамами, принимать записки отъ докучливыхъ разносчиковъ объявленій, ни оглядываться, ни громко говорить и въ-особенности громко смѣяться на улицѣ, не говоря уже въ обществѣ, гдѣ ему воспрещено все, что дышетъ свободою и теплотою чувствъ, что могло-бы быть, прекрасно, благородно и занимательно. Сердце его должно быть какъ лимонъ, изъ котораго выжато все, до послѣдней капли. Въ немъ осталась только одна неразвязная, холодная, бессмысленная, пустая форма и картонная, покрытая воскомъ фигура, на подобіе тѣхъ, которыя мы видимъ въ восковыхъ кабинетахъ, или на окошкахъ у парикмахеровъ.—Можетъ-быть, вамъ все это покажется преувеличеннымъ. Но я могу доказать истину всего сказаннаго самыми невѣроятными доказательствами, и прямо ссылаюсь на толстый сводъ законовъ для «совершеннаго джентльмена»; и скажу только, что здѣсь нельзя обойтись безъ этихъ законовъ. У насъ честный человѣкъ, имѣя нѣсколько вкуса и образованія, умѣетъ выбрать на пути жизни прямую дорогу и обыкновенно подвигается впередъ безъ Альберти и Книгге. Онъ можетъ даже, по рецепту Гете, обращаться нѣжно съ женщинами, и для вѣрнѣйшаго успѣха, быть смѣлымъ и назойливымъ. Это въ Англіи вовсе не идетъ. «Совершенный джентльменъ» обязанъ вездѣ соблюдать въ точности одни и тѣ-же правила; ничто ему не предоставлено на волю; въ Англіи «совершенный джентльменъ» заключаетъ въ себѣ собраніе строго соблюдаемыхъ и непроверяемыхъ законовъ общества, которое думаетъ, что не можетъ существовать безъ нихъ. Никому не извѣстно, кто издалъ эти законы; никто не можетъ добиться въ нихъ толку; но они на лицо, каждый подчиняется имъ, и какъ между волками надо быть волчьимъ, то каждый, на основаніи этого общаго устава, считаетъ высшею своею обязанностью походить, сколько возможно, на всѣхъ и каждаго, то есть, на восковую фигуру, которая стоитъ на окошкѣ у парикмахера.

Я началъ сознаниемъ, что при ближайшемъ изученіи англійской словесности,—текущая, настоящая литература становится болѣе и болѣе непонятною для меня, и перешелъ къ изображенію формальности и условности въ жизни англичанъ, чтобъ сказать, что таже пустая, запутанная формальность проявляется и въ литературѣ, и дѣлаетъ ее чуждою, непонятною и несносною для насъ. Это впрочемъ весьма естественно. Каждое чтеніе есть родъ переселенія душъ (метемпсихозы), при которомъ духъ поэта, автора переселяется въ нашу душу,

господствуетъ надъ нею и пріобрѣтаетъ ее въ свою пользу; но если нѣтъ этого духа, то онъ не можетъ переселиться въ насъ. Ежели читаемъ сочиненія деревянныхъ и картонныхъ куколъ, то не только онъ остаются внѣ насъ, но даже образуютъ широкую щель между словесностью и нашимъ умомъ. Такое дѣйствіе производятъ вообще нынѣшнія англійскія книги. Немногія изъ нихъ, написанныя тѣми, чей духъ пережилъ и перечувствовалъ написанное, или вовсе не печатаются, или, до отпечатанія, подвергаются уже операціи со стороны издателей, которые слѣдуютъ общему правилу условности, и исключаютъ изъ книги все, что носить на себѣ отпечатокъ гениальности и силы, какъ равно все самостоятельныя выводы и наблюденія. Только весьма немногіе авторы достигли такой власти, что могутъ предписывать законы издателямъ. Кто-же они? Бульверъ, Чарльсъ Дикенсъ, Текерей, Теннисонъ, Макоули и еще можетъ-быть, трое или четверо другихъ. Первый изъ нихъ пустился въ политику, и не нашелъ болѣе ничего дѣльнаго; но что напишетъ, съ тѣмъ заставляетъ обходиться, какъ съ чистымъ золотомъ. Мимоходомъ скажемъ, что ни одинъ листъ не допущается къ окончательной печати, пока послѣ восьми или десяти корректуръ, присяжный ревизоръ и самъ авторъ не убѣдятся, что въ пробномъ оттискѣ нѣтъ ни одной точки, ни одной занятой ошибочной. Такую аккуратность слѣдовало-бы перенять и у насъ, гдѣ лучшія сочиненія, при третьемъ и четвертомъ изданіи, все еще появляются со спискомъ опечатокъ и типографскихъ погрѣшностей. Въ Англіи сочинители и издатели уплачиваютъ сотни фунтовъ за одну корректуру, и у Бентли и Лонгмана хорошіе корректоры получаютъ въ иной годъ за свои труды больше, чѣмъ самый даровитый писатель. Одному нѣмцу, извѣстному классическимъ знаніемъ англійскаго языка, предложено было за корректуру сочиненія изъ естественной исторіи, состоящаго изъ одного тома, по одному фунту стерлинговъ за каждый печатный листъ, съ тѣмъ однако условіемъ, что за каждую недосмотрѣнную погрѣшность въ печати будетъ вычтенъ также одинъ фунтъ; но какъ онъ понималъ свое дѣло, и притомъ это условіе о вычетѣ было ему не по вкусу, то онъ дѣйствительно получилъ столько фунтовъ, сколько листовъ было у него въ корректурѣ. Кромѣ того, состоящій у издателя ревизоръ, который долженъ былъ просмотрѣть корректуру и поручиться, что въ ней нѣтъ ни одной опечатки, получилъ еще особо десять фунтовъ стерлинговъ. Всѣмъ извѣстно, что бумагою, употребленною въ Англіи для печати въ теченіе одного года, можно-бы шесть разъ обвить земной шаръ по экватору; изъ этого можно заключить, какъ много тамъ пишутъ, и какъ мастерски и въ обширномъ размѣрѣ

исправляютъ корректуры, когда даже газеты и литературныя статьи «for the million» почти безъ исключенія, издаются безъ всякихъ опечатокъ.

Чарльсъ-Дикенсъ также игралъ недавно роль спящаго Гомера; но отъ сна онъ перейдетъ къ смерти, ежели будетъ и впродъ членомъ безтолковаго общества преобразователей административнаго управленія. Что касается Текерея, то его новѣйшее сочиненіе «The Newcomes» составляетъ самое убѣдительное и остроумное доказательство пустоты и притворства въ настоящемъ хорошемъ англійскомъ обществѣ. Можно ужаснуться отъ точности и наглядности его описаній разныхъ характеровъ, отъ этихъ тонко-обдуманыхъ низостей и пошлостей въ стремленіяхъ и планахъ, въ-слѣдствіе которыхъ его герой, его *истинный человекъ*, самое удачное изъ всѣхъ его литературныхъ произведеній, доходитъ до нищеты. Справедливо замѣчено въ одной критикѣ, что «кто имѣетъ въ себѣ еще нѣсколько чувства и не вполне увѣренъ въ «безусловномъ господствѣ надъ собою, тотъ не долженъ читать въ «обществѣ «The Newcomes», ежели не желаетъ выйти изъ роли «со-«вершеннаго джентльмена.» При этомъ чтеніи непремѣнно онъ-бы «сталъ занкаться, потому-что голосъ его дрожалъ-бы и слезы помра-«чили-бы его зрѣніе.» Какой горькій упрекъ хорошему обществу и его дендизму заключается въ этихъ словахъ! А Теннисонъ? Его новѣйшее стихотвореніе—неудачно сшитая изъ разныхъ лоскутковъ поэма, но въ ней есть много удачныхъ мѣстъ, въ которыхъ душа его поминутно рвется изъ-подъ гнета жизни. Самыя лучшія и потрясающія изъ нихъ тѣ, въ которыхъ поэтъ высказываетъ свою злобу на различныя видо-измѣненія дѣйствительности, которыми окружена жизнь. «Свыше, между людьми, стоящими въ главѣ управленія, нѣтъ ни одного честнаго человека, средніе-же классы, замышляющіе преобразовать это управленіе, обращаютъ въ ядъ жизненные припасы, которыми они торгуютъ.» Поддѣлка жизненныхъ припасовъ и другихъ товаровъ, противъ которой онъ возстаетъ, должна быть наказываема и устранима со стороны правительствующихъ классовъ народа; но не знаютъ какъ приняться за это; такъ-какъ правительственныя мѣста не могутъ согласиться между собою на счетъ круга ихъ дѣятельности; не могутъ же они согласиться потому, что отъ этого пострадали-бы выгоды какъ ихъ самихъ, такъ и нѣсколькихъ привилегированныхъ отравителей.

Въ Англии права и законы переходили изъ рода въ родъ, какъ наследственная болѣзнь, и то, что прежде считалось наследственною мудростью; представляется нынѣ прибрѣтеннымъ отъ предковъ проклятіемъ, отъ котораго никакъ нельзя освободиться, потому-что недостаетъ для того силы, воли и нравственности. Какъ въ политическомъ

отношеніи Англія потеряла свое значеніе въ пользу Наполеона III, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ у нея нѣтъ уже ни собственной способности, ни свободныхъ капиталовъ для производительности, отъ чего чувствительно страдаютъ ея гордость и тщеславіе. Ни одинъ народъ, ни одинъ человѣкъ не можетъ безнаказанно отставать «отъ духа своего времени». Англія должна перенести всѣ послѣдствія этой отсталости, потому-что она въ высшей степени отстала; она такъ гордилась своимъ «практическимъ» направленіемъ и пренебрегала духовнымъ благомъ, надъ которымъ нельзя издѣваться безнаказанно. Эти намеки о великихъ, глубокихъ, страшныхъ истинахъ сдѣланы здѣсь только для того, чтобъ служить объясненіемъ все еще значительной литературной дѣятельности, вѣшняго изобилія и внутренней безотрадной пустоты, которыя не могутъ уже дойти до высокаго творчества. Зло зашло такъ далеко, что лучшіе изъ настоящихъ писателей поневоль становятся критиками своего вѣка. Что всего лучше въ Текеретъ? его рѣзкая критика, его сатирическій бичъ; а въ Теннисонѣ выше всего осужденіе и проклятіе запутанности и негодности окружающей его жизни.

Изъ числа книгъ, изученныхъ мною обстоятельно, наиболѣе занимали меня описанія колоній. Въ этомъ отношеніи англійская словесность имѣетъ преимущество предъ всѣми другими. Сколько ни писали объ Австраліи, но точное понятіе объ ней мы получили только изъ сочиненія Говитта: «Земля, трудъ и золото, или два года въ Викторіи съ поѣздками въ Сидней и Вандименову землю». В. Говиттъ принадлежитъ къ почтенному поколѣнію Говиттовъ мужскаго и женскаго пола, которое исключительно занималось нѣмецкою литературою, перевела и нынѣ еще переводитъ изъ нея много весьма удачно, и обо всемъ англійскомъ отзывается гораздо хуже, нежели самые Нѣмцы, которые, по опыту пришли къ убѣжденію, что все чисто Англійское рѣшительно противоположно человѣчности, пріятности, красотѣ и солидности. Это убѣжденіе можно бы считать нѣмецкою мечтою, ежели бы его не имѣли сами Англичане, которые во время пребыванія своего на материкѣ, ведутъ себя по возможности, на нѣмецкій ладъ, слагая съ себя оковы «хорошаго» англійскаго общества. На этомъ поприщѣ Германія дѣлаетъ въ тиши обширныя завоеванія, которыя выйдутъ, можетъ быть, векорѣ наружу и будутъ замѣчательнымъ явленіемъ въ исторіи просвѣщенія. Противодѣйствія со стороны Кювнотинговъ можно здѣсь тѣмъ менѣе опасаться, что завоеванія этого рода ни сколько не противны выгодамъ Англіи, которая будетъ только приведена такимъ образомъ опять къ собственному своему германскому элементу и освободится

отъ своихъ политическихъ и общественныхъ «статутовъ». Какое вредное дѣйствіе производить эти статуты, объ этомъ можно узнать изъ Говиттовой «Австраліи». Страна эта англійскою политикою разстроена до основанія, такъ-что надобно отчаяваться въ прочномъ развитіи этого огромнаго материка. Англія посылала туда первоначально подонки своего общества, въ послѣдствіи же и донынѣ безпутныхъ сыновей своей аристократіи и джентри (средняго класса), какъ начальство и полицію надъ этими подонками. Отцы законодатели, сидя дома, сдѣлали Австралію, какъ равно и другія колоніи, удойными коровами для своихъ ненужныхъ и неуживчивыхъ сыновей, и устроили феодальный образъ поземельнаго владѣнія, сопряженный со всеѣмъ варварствомъ Среднихъ вѣковъ, но не имѣющій и слѣда ихъ идеальности и романтизма. Шестьдесятъ милліоновъ десятинъ лучшей земли раздѣлены на тысячу участковъ и проданы, по двадцати фунтовъ за каждый, людямъ, которые образуютъ новую поземельную аристократію края, хотя и не имѣютъ ни идеальнаго блеска, ни историческаго основанія, ни слѣда добродѣтелей аристократіи. Они ни что иное какъ привилегированные барышники поземельными участками, которые набили на нихъ ужасную цѣну и заставили переселенцевъ, желавшихъ имѣть недвижимую собственность, отпрапляться въ Мельбурнъ и окрестныя страны. Отъ этого и тамъ возникли самыя неестественныя цѣны на недвижимость. Въ Мельбурнѣ, напримѣръ, обыкновенный, приличный домъ стоитъ двадцать тысячъ фунтовъ. Любимцы правительственныхъ лицъ и капиталисты пріобрѣли и въ Австраліи все преимущества, вся же масса народонаселенія скитається безъ пристанища, претерпѣвая гоненія отъ всякаго начальства и мѣстной полиціи, которая невѣжествомъ и придирчивостью своею превосходитъ все, что мнѣ когда либо случалось видѣть или слышать на материкѣ. Самый послѣдній австрійскій полицейскій чиновникъ несравненно выше познаніями и строже соблюдаетъ законы, нежели все полицейскія и другаго рода управленія въ Австраліи. Нельзя представить себѣ надменные, грубыя притязанія золотопромышленниковъ, которые расточаютъ свои сокровища въ сиднейскихъ игорныхъ домахъ, женятся, чрезъ недѣлю убѣгаютъ; потомъ вооруженные снова ищутъ золота, снова дѣлаются богачами, снова бранятся, снова убѣгаютъ, и даже днемъ нападаютъ на проѣзжихъ. Все это ясно убѣждаетъ, что англійская заботливость о благѣ края, съ самаго начала сдѣлала всякое усовершенствованіе невозможнымъ. Надежда, что Австралія освободится со временемъ отъ владычества Англіи, ни сколько не утѣшительна: по всему вѣроятію побѣдителями останутся люди, одичавшіе при добываніи золота, которые устроятъ господство черни.

Сочиненіе Говитта заключаетъ въ себѣ точные факты и изслѣдованія по всеѣмъ этимъ предметамъ, такъ—что оно можетъ во всякомъ случаѣ считаться однимъ изъ лучшихъ источниковъ для изученія Австраліи.

Но вотъ вещь довольно любопытная и свѣжая: «Мифологія Полинезіи,» природный, наивный плодъ старой, но еще живущей образованности антиподовъ, которую англійское колоніальное управленіе не успѣло подавить своимъ хлопчатобумажнымъ, продающимъ духовныя книжки и собирающимъ подати просвѣщеніемъ. Новая Зеландія нашла въ Джорджѣ Греѣ человѣка со вкусомъ и способностью понимать первобытныя, напоминающія древнюю греческую фантазію, вѣрованія, словесность и искусство тамошнихъ темно-желтыхъ татуированныхъ жителей. Сэръ Джорджъ Грей, будучи губернаторомъ Новой Зеландіи, чувствовалъ нужду познакомиться съ языкомъ, понятіями и образомъ мыслей своихъ подчиненныхъ, преодолѣлъ трудомъ и терпѣніемъ все затрудненія, и потомъ въ продолженіе восьми лѣтъ собиралъ изъ словъ жрецовъ и старѣйшинъ народа свѣдѣнія о религіи и произведеніяхъ поэзіи туземцевъ и списывалъ ихъ частію въ подлинникѣ, частію въ переводѣ. Этотъ восьмилѣтній трудъ былъ уничтоженъ пожаромъ. Грей началъ снова свою работу и въ послѣдствіи издалъ богатое собраніе сказокъ и пѣсень «Маорисовъ» (такъ называютъ сами себя природныя Ново-Зеландцы). Сочиненіе его на англійскомъ языкѣ составляетъ извлеченіе въ переводѣ всего лучшаго и доступнѣйшаго нашимъ понятіямъ изъ перваго большаго оригинальнаго собранія. Изъ этихъ пѣсень и разказовъ мы узнаемъ самымъ привлекательнымъ образомъ мысли, дѣйствія и поэзію грубаго, простаго племени, когда оно еще не было въ соприкосновеніи съ европейцами, а только жило подъ вліяніемъ собственной дѣвственной своей природы. Нѣкоторыя изъ пѣсень, какъ напр. «Дѣвица изъ Роторны» необыкновенно граціозны и напоминаютъ самыя древнія, наивныя мифологическія понятія Гомерова времени. Это племя имѣетъ свое собственное преданіе о созданіи міра, своихъ боговъ, фей и героевъ, свою нравственную и житейскую поэзію. Въ сказаніяхъ о созданіи міра заключается изображеніе геологическихъ и физическихъ явленій, одѣтое въ простую поэтическую форму, такъ—что сказанія эти могутъ даже пригодиться для естественной исторіи. Въ иныхъ сказкахъ изобличается нервоначальная грубость и невѣжество нѣкоторыхъ отраслей этого племени: сѣдаты непріятелей считалось у нихъ дѣломъ столько же нравственнымъ, какъ и у насъ, съ тѣмъ только различіемъ, что мы дѣлаемъ это не такъ явно и съ болѣею утонченностью посредствомъ тяжобъ, уголовныхъ дѣлъ и войны. Даже у Маорисовъ былъ нѣкто-

рый родъ челоѡколюбія: непріятелей убивалось не болѣе, сколько могли скушать съ аппетитомъ. У англичанъ убиваютъ на войнѣ гораздо болѣе людей, нежели сколько можно ихъ потомъ похоронить, и это дѣлаютъ иногда по такимъ причинамъ, по которымъ Маорисы не отрѣзали бы даже и пальца своимъ непріятелямъ, по причинамъ, которыя могли бы быть устранены миролюбно, или на основаніи законовъ, ежели бы стороны, ведущія войну, согласились руководствоваться законами, которые онѣ сами постановили. Новозеландское племя замѣчательно во всѣхъ отношеніяхъ. Этнологи не могли еще разгадать происхожденія этого племени, которое имѣетъ необыкновенныя способности и прекрасное тѣлосложеніе, въ особенности женщины, между которыми многіе Англичане избираютъ себѣ такихъ граціозныхъ женъ, что красотой, природною ловкостью, искусствомъ ѣздить верхомъ, плавать, работать, любить и курить табакъ онѣ далеко превосходятъ природныхъ английскихъ красавицъ.

— Какъ ни писали много въ послѣднее время о Турціи, а въ сочиненіи Гордона Тренери: «Столица полумѣсяца съ картинами изъ жизни въ гаремахъ», мы находимъ необыкновенно много новаго и занимательнаго. Тренери представляетъ эти картины постоянно въ розовомъ цвѣтѣ, но по крайней мѣрѣ вѣрно и правдиво, по собственному опыту и изъ случаевъ, которые позволили ему изучить частную жизнь хорошаго турецкаго общества болѣе, чѣмъ всякому другому европейцу. Онъ изображаетъ настоящихъ образованныхъ Турокъ въ ихъ домашней жизни и въ гаремахъ, и изъ его описаній видно, что вмѣстѣ съ появленіемъ глауровъ въ гаремахъ, турецкія женщины сбросили съ себя толстое покрывало, и что между обоими полами начинаются лучшія, болѣе челоѡческія сношенія. Тренери вводитъ насъ въ домъ одного образованнаго Турка, по имени Мустафа Эфенди. Бѣлыя мраморныя стѣны дома поднимаются непосредственно изъ волнъ пролива; позади находятся живописныя галереи, дворы и зданія изъ мрамора, окруженныя площадками съ мостовою изъ мозаики. Среди этихъ зданій, между зелеными померанцовыми и пальмовыми деревьями, и между гигантскими цвѣтами, бьетъ великолѣпный фонтанъ. Террасы съ мраморными ступеньками, покрытыя прелестнѣйшими цвѣтами и растеніями, дышатъ благовоіемъ. Въ комнатахъ и открытыхъ залахъ представляются взору бѣлые шелковые обои, диваны и подушки, крытыя голубымъ шелковымъ дамаскомъ, голубые шелковые балдахины, усеянные звѣздами; столы, покрытые золотомъ и серебряною парчею; ковры оранжеваго цвѣта съ краснымъ, пурпуровымъ и зеленымъ шитьемъ, бѣлыя стѣны изъ самаго превосходнаго стекла въ золотыхъ рамахъ, черныя невольники въ вышитыхъ зо-

лотомъ платьяхъ, бѣлая какъ снѣгъ занавѣски и т. д., наконецъ нѣжная, бѣлая, легко краснѣющая семнадцатилѣтняя владычица всего этого богатства Язуми, которая встрѣтила сестру сочинителя словами: «Шекирь Аллахъ (слава Богу), что ты пришла. Я тебя очень люблю и надѣюсь, что ты также будешь любить простую мусульманку. Позволишь ли мнѣ любить тебя?» — «О, какъ я буду рада, если ты станешь меня любить», отвѣчала она. — «А ты захочешь ли любить меня?» — «О! очень!» и она обняла нѣжное существо и цѣловала его руки. «Ты слишкомъ добра», сказала Язуми. Поди же со мною, потому-что мой мужъ ожидаетъ съ нетерпѣніемъ, чтобъ васъ видѣть.» За этимъ послѣдовали привѣтствія и затрудненія гостей и хозяевъ дома, изъ которыхъ первые не знали турецкихъ, а послѣдніе европейскихъ нравовъ и обычаевъ; но наконецъ съ одной стороны *убавляя*, съ другой *прибавляя* нѣсколько, они создали себѣ новый способъ свѣтскаго обращенія и принялись за обѣдъ, вполонину англійскій и вполонину восточный. Это сближеніе между жителями Турціи и другихъ странъ Европы составляетъ, можетъ быть, единственную пользу, происходящую для обѣихъ сторонъ изъ заступничества союзниковъ. Да! англичане и французы найдутъ у просвѣщенныхъ Турокъ много житейскихъ удобствъ, много достоинства и честности, тогда-какъ всѣ турки, въ цѣлости какъ народъ, едва могутъ быть терпимы. Они превратили прекраснѣйшія и плодоноснѣйшія страны Европы и Малой Азій въ пустыни, въ развалины, въ пристанище горячекъ, чумы и разбойниковъ; сотни когда-то цвѣтущихъ городовъ и тысячи селеній сдѣлались убѣжищемъ отвратительныхъ гадовъ, шакаловъ, волковъ и другихъ дикихъ звѣрей, и все это отъ надменности, отъ суевѣрія и отъ лѣнности Турокъ, проводящихъ время въ роскоши, кушаніи кофе и куреніи табаку. Нѣсколько сотенъ живетъ, прозябаетъ, мечтаетъ въ изысканномъ изобиліи на берегахъ Босфора, но за то милліоны жителей погружены въ жалкую нищету. И вотъ — вся образованность высшаго общества Турціи!

ФРАНДУЗСКІЕ МЕМУАРЫ. Одну изъ замѣчательнѣйшихъ отраслей французской словесности, составляютъ мемуары, которые раздробляютъ, такъ сказать, исторію на мелкую монету и пускаютъ ее въ массу народа. Дѣйствительно, любой періодъ становится гораздо доступнѣе для каждаго, когда на него бросаютъ съ разныхъ сторонъ свѣта замѣтки современныхъ писателей. Французы потому такъ хорошо ознакомлены съ блестящими эпохами своей исторіи, что у нихъ издается множество

мемуаровъ и что они любятъ этотъ родъ словесности. Мемуары, раскрывающіе періодъ, богатый важными событіями, раскупаются скоро и появляются въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Свѣжій примѣръ этому видимъ въ новомъ изданіи мемуаровъ извѣстной фрейлины Анны Австрійской г-жи де-Мотевиль, которая передала съ удивительною точностію каждую черту придворной жизни семнадцатаго столѣтія.

Это столѣтіе въ-особенности обильно историческими сплетнями и соблазномъ. Г-жа де-Мотевиль отличается въ этомъ отношеніи отъ другихъ современныхъ ей мемуаристовъ: она не такъ зла, какъ ея товарищи по занятіямъ, и приятно, что ея сочиненіе снова появилось въ публикѣ. Прежнія изданія ея мемуаровъ покоились въ залахъ библиотекъ, доступныхъ однимъ ученымъ; тѣ-же сочинители романовъ, для которыхъ г-жа де-Мотевиль была богатымъ источникомъ, только искажали ея чистосердечныя и правдивыя показанія. Трудно повѣрить, какъ много романовъ написано изъ простыхъ, безыскусственныхъ словъ этой женщины, которая, занимаясь мемуарами, какъ сама говоритъ, «для препровожденія времени съ большею пользою, нежели другія знатныя дамы», не предчувствовала, что дастъ пищу злословію и, горячо защищая доброе имя своей возлюбленной королевы, сдѣлаетъ ее предметомъ историческаго романа. Къ сожалѣнію, въ романѣ этомъ обыкновенно заключаются любовныя сцены, и добрая, скромная де-Мотевиль имѣла несчастье, самыми благонамѣренными рассказами служить позднѣйшимъ сочинителямъ источникомъ соблазнительныхъ описаній. Нельзя, правда, отрицать, что исторія тогдашней придворной жизни во Франціи представляется въ мемуарахъ того времени чѣмъ-то въ родѣ нестраго карнавала, какимъ-то живымъ романомъ, и потому почти невозможно ставить въ вину писателямъ то, что они собрали готовые картины для составленія изъ нихъ книги. Рассказы г-жи Мотевиль привлекательнѣе многихъ основанныхъ на нихъ романовъ. Весь міръ семнадцатаго столѣтія, множество прекрасныхъ, умныхъ женщинъ, вышедшіе изъ военной школы молодаго полководца герцога d'Enghien (великаго Конде), мужи, поэты, философы, духовники—здѣсь довольно упомянуть о Корнелѣ, Декартѣ и Фенелонѣ—все они изображены характеристическими словами и чертами. Скромная Мотевиль и не воображала себѣ, что строгіе историки, какъ Ранке, Кузэнъ, Сентъ-Бёвъ и др., признаютъ ея памятники самыми обильными и достовѣрными источниками для исторіи семнадцатаго вѣка. Свидѣтельство этихъ ученыхъ удовлетворяетъ г-жу Мотевиль за обиду, которую нанесло ей злоупотребленіе ея мемуаровъ романописателями.

Новое изданіе этихъ мемуаровъ въ четырехъ большихъ томахъ по-

явилось въ Парижѣ; оно имѣетъ предъ прежними изданіями то превосходство, что о самыхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ приведены подтвердительныя показанія другихъ современниковъ. Это значительно облегчаетъ трудъ въ приисканіи историческихъ источниковъ, и кажется, что издатель намѣренъ отпечатать вновь еще много другихъ важнѣйшихъ мемуаровъ того времени. Къ первому тому мемуаровъ приложена біографія сочинительницы. Она родилась въ Сентъ-Бѣвъ въ 1621 году, и происходила отъ ученаго и набожнаго рода. Ея дядя епископъ и поэтъ славился своимъ умомъ и осторожностью, каковыя качества, кажется, были наслѣдственны въ его фамиліи. Младшую сестру г-жи Мотевиль звали Сократомъ—за ея степенность и задумчивость; вѣроятно и Мотевиль имѣла эти качества, но они были въ ней столь умѣренны, что ее можно считать преимущественно кроткою и разсудительною женщиною. Мать ея происходила изъ одного дворянскаго рода въ Испаніи и была очень любима Королевою Анною, которая считала ее своею подругою и поручала ей свою переписку съ Испаніею; но Ришельё не довѣрялъ лицамъ, приближеннымъ къ королевѣ, и желая при томъ прекратить ея испанскую переписку, удалилъ отъ двора эту подругу и ея маленькую дочь Франциску Берто, возбуждавшую живѣйшее участіе въ королевѣ, которая назначила ей пенсіонъ и надѣялась, что она займетъ со временемъ при дворѣ мѣсто своей матери. Эта надежда сбылась: Франциска Берто до шестнадцатилѣтняго возраста жила въ Нормандіи, и потомъ вышла замужъ за 80-ти лѣтняго старика, президента де-Мотевиль, который вскорѣ послѣ женитьбы умеръ. Нравственность и степенность его супруги нисколько не пострадали отъ столь ранней самостоятельности: спокойный, безстрастный характеръ, литературныя занятія и строгое религіозное воспитаніе защитили молодую хорошенькую вдову отъ всѣхъ искушеній.

Послѣ смерти Кардинала Ришельё, Г-жа де-Мотвиль была призвана ко двору и получила званіе фрейлины, но собственно она была подругою королевы, которая открывала ей всѣ свои тайны. Г-жа де-Мотевиль имѣла всѣ качества, нужныя для этого труднаго положенія: она была умна, кроткаго, веселаго нрава и не выдавала чужихъ секретовъ. Съ истинною любовію къ предметамъ важнымъ она соединяла искусство подмѣчать комическіе предметы и забавляла ими свою повелительницу. Она сама сознавала въ себѣ даръ наблюдательности, но не имѣла притязаній на глубину наблюденій и на мужское остроуміе, а ограничивалась разсказами на женскій манеръ о томъ, что видѣла или слышала, и какъ дни ея проходили въ кабинетѣ французской королевы, то ей было о чемъ разсказывать. Въ такомъ положеніи она прожила

двадцать два года.—Г-жа де-Мотевиль была предана всею душою своей королевѣ, но не хвасталась этимъ и не старалась выказать себя героинею. Идя всегда по прямому пути и не вмѣшиваясь ни въ какія интриги придворной жизни, она явила себя женщиною честною и благо-разумною, заслужила у всѣхъ почтеніе и довѣріе и имѣла мало враговъ, а напротивъ весьма много друзей. Неустрашимость, съ которою она защищала, утѣшала и поддерживала своихъ друзей, пораженныхъ несчастіемъ, составляетъ самое прекрасное свидѣтельство о ея чувствительномъ сердцѣ и сильной душѣ. Во время войнъ Фронды, сопровождавшихся переменчивымъ счастіемъ, она часто имѣла случай заступаться предъ королевою за своихъ друзей, павшихъ въ-слѣдствіе своихъ или чужихъ козней, и даже навлекла на себя за то нѣсколько разъ немилость королевы; но Анна Австрійская была довольно-великодушна и потому простила ей смѣлость въ защитѣ друзей и никогда не лишала ее своего расположенія. Благодарность и преданность королевѣ была затѣмъ отличительною чертою Г-жи де-Мотевиль, которая постоянно изображала свою повелительницу во всѣхъ положеніяхъ ея жизни. Даже мелочи уборной, обѣды и ужины описаны со всею точностью королевскою фрейлиною, которая иногда рассказываетъ, какія платья королева надѣвала въ разныхъ случаяхъ. При первомъ изданіи мемуаровъ Г-жи де-Мотевиль, въ 1726 году, столь пространное описаніе маловажныхъ предметовъ показалось излишнимъ и скучнымъ; но въ настоящее время это составляетъ особенную прелесть для читателя, знакомаго съ нравами и модами времени, столько же различнаго отъ нашего, какъ и 18-е столѣтіе, которое хотя въ отношеніи обычаевъ и составляетъ продолженіе предыдущаго, но отдѣлено отъ насъ разрушеніями и переменами, произведенными революціею. Каждая подробность въ памятникахъ этой умной женщины изображаетъ какую-либо характеристическую черту того времени, и даже простому описанію тогдашняго костюма искусная рука ея умѣетъ придать жизнь и колоритъ. Она слѣдующими словами говоритъ о торжественномъ появленіи Анны Австрійской въ Парламентъ съ цѣлью склонить членовъ къ провозглашенію ея регентшею: «Послѣ кончины своего супруга, Королева никогда уже не румянилась, и нѣжность ея кожи тѣмъ болѣе бросалась въ глаза; при томъ траурное платье было ей очень къ лицу. Она носила серьги въ формѣ груши, украшенныя брилліантами и жемчугомъ; на груди ея блестѣлъ большой крестъ, также изъ брилліантовъ и жемчуга; длинное, черное покрывало возвышало величіе этого украшенія и сообщало красотѣ ея кроткую важность, которая привела въ восхищеніе весь Парламентъ. Всѣ присутствовавшіе согласились въ

томъ, что въ ясныхъ глазахъ и величественной осанкѣ королевы можно было видѣть высокое происхожденіе и чистоту нравовъ. Королева вела за руку королевскаго отрока, своего сына, одѣтаго въ дѣтское платье. Сознаніе своего достоинства, какъ государыни и матери, такъ возвышало красоту королевы, что она возбудила всеобщее удивленіе, хотя уже достигла ужаснѣйшаго для женщинъ періода сорока лѣтъ». — Кто не узнаетъ изъ этого описанія, что Г-жа де-Мотевиль имѣла дарованіе, нужное сочинителямъ романовъ: вѣроятно, что только ея умѣренный и осторожный нравъ удержалъ ее отъ этого рода сочиненій. Ея влеченіе къ письменнымъ занятіямъ было столь сильно, что для удовлетворенія его она запиралась каждый день на нѣсколько часовъ въ своей комнатѣ, и въ извиненіе себя говорила, что это препровожденіе времени все же лучше прогулокъ и удовольствій, которымъ предаются другія дамы.

Впрочемъ при описаніи важныхъ происшествій она помѣщаетъ въ своихъ мемуарахъ разсужденія и замѣчанія достойнаго историка. Напр. о войнѣ Фронды: «Когда подданные бунтуются, они слѣдуютъ побужденіямъ, которыхъ сами не знаютъ, и то, чего они домогаются, не можетъ ихъ успокоить» «Парижъ, огромный городъ, образуетъ несоразмѣрной величины голову королевства; порядочное кровопусканіе было бы по временамъ нужно, чтобъ отвлечь злыя причуды, которыя безпокойная кровь пораждаетъ въ головѣ.»

И такъ уже тогда Парижъ былъ слишкомъ великъ! Во время войнъ Фронды, вскорѣ послѣ этого изрѣченія, ему бросили кровь, а потомъ Людовикъ XIV поставилъ свою твердую ногу на безпокойную голову, которую до послѣдняго времени можно было образумить только деспотизмомъ.

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Осушеніе болотъ, озеръ и Гарлемскаго моря въ Голландіи. Отъ внѣшнихъ водъ, т. е. отъ рѣкъ и моря, Голландія защищается плотинами и шлюзами; но чтобъ остаться обитаемою, ей нужно было умѣнье освободиться отъ внутреннихъ водъ. Съ незапамятныхъ временъ, въ слѣдствіе дождей и разлитія рѣкъ, образовались вездѣ лужи, озера и болота; даже тамъ, гдѣ добывали торфъ, цѣлыя страны превратились въ озера. Для освобожденія Голландіи отъ этихъ внутреннихъ, болѣе и болѣе распространяющихся водъ, морское строительное искусство изобрѣло систему «польдеровъ», состоящую въ томъ, что земли, подлежащія осушкѣ, окружаются плотинами и шлюзами, и прорѣзываются

вдоль и поперег каналами, изъ которыхъ воду черпають посредствомъ машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе ветряными мельницами. Эта система развилась съ усовершенствованіемъ земледѣлія и промышленности. Время, когда начали строить вѣтряныя мельницы, употребляемая для осушки, не можетъ быть определено съ точностью. Согласно преданію, нѣкто Флоренцъ-Алькмаду устроилъ въ 1408 году такую осушительную мельницу въ Алькмарѣ, въ Сѣверной Голландіи. Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія подобныя вѣтряныя мельницы были повсемѣстно возведены на голландскихъ польдерахъ; сначала устройство ихъ заключало въ себѣ тотъ недостатокъ, что мельницы могли дѣйствовать только при сѣверномъ вѣтрѣ, но вскорѣ потомъ недостатокъ этотъ былъ устраненъ. Въ исходѣ пятнадцатаго вѣка всѣ низменныя мѣста были обведены плотинами, прорыты каналами и снабжены шлюзами и вѣтряными мельницами. Состояніе края въ слѣдствіе этихъ работъ значительно улучшилось, прежнія болота превратились въ плодоносныя земли. Въ настоящее время можно видѣть на богатыхъ поляхъ, безчисленныя, различныхъ формъ и величинъ, вѣтряныя мельницы, которыя даютъ ландшафту особенный видъ. Однѣ изъ этихъ мельницъ представляетъ зданія величественныя, высокія другія низкія, выстроенныя изъ дерева или кирпича, но отличаются роскошною отдѣлкою. Подъ соломянною крышею, защищающею ихъ отъ дождя, онѣ съ гордостью показываютъ свою украшенную золотомъ и рѣзбою ось, на которой вращаются ихъ крылья. Чистота и изящество этихъ мельницъ, большіе паруса, пересѣкающіе воздухъ, на подобіе крыльевъ гигантскихъ птицъ, стукъ колесъ, перемѣшанный съ шумомъ воды—все это придаетъ спокойной природѣ Голландіи невыразимую прелесть. Въ другихъ странахъ мельницы выстроены для одной только цѣли—молоть муку; здѣсь-же онѣ черпають воду, пилятъ доски и мелютъ зерно. Болотныя долины осушаются одною маленькою мельницею, на другихъ изъ этихъ долинъ дѣйствуютъ многія большія заведенія. Прежде ограничивались освобожденіемъ отъ излишней влаги мѣстностей, возвышенныхъ надъ уровнемъ воды; но въ-послѣдствіи, съ усовершенствованіемъ наукъ, получили возможность осушать, съ помощію вѣтра, низменныя страны и даже глубокія болота. Въ Голландіи искусство создало природу. Глядя лѣтомъ на этотъ край, покрытый роскошною зеленью, плодами и фруктами, нельзя достаточно надивиться могуществу человѣка, превратившему водяныя и болотистыя пространства въ сады и огороды.

Сначала было очень трудно уравновѣсить частный интересъ польдеровъ т. е. болотныхъ долинъ, о которыхъ сказано выше, съ общимъ интересомъ водостроительной системы, которой Голландія

обязана своимъ существованіемъ. Если принять въ соображеніе, что море безпрерывно угрожаетъ этому существованію; если обратить вниманіе на эту сѣть плотинъ и каналовъ и подумать объ ужасныхъ послѣдствіяхъ небрежности, могущихъ произойти для края, гдѣ одинъ подземный ходъ, прорытый кротомъ, одна крысыя нора можетъ повредить плотину и дать проходъ водамъ, то нѣтъ повода удивляться, что въ Голландіи должности, относящіяся къ устройству и содержанію въ исправности плотинъ и каналовъ, считаются самыми важными и поручаются правительствомъ тѣмъ только лицамъ, которыя исповѣдуютъ протестанскую вѣру. Въ Дельфтѣ находится особенное училище для воспитанниковъ гидравлическаго инженернаго корпуса, который составляетъ своего рода армию защитниковъ отечества. Нелегко представить себѣ, съ какимъ искусствомъ должны быть устроены шлюзы, чтобы они не пропускали врага, и какая практическая опытность, какая тщательность нужны для удержанія въ стройности всего механизма каналовъ внутри края.

Результаты осушенія польдеровъ, изъ которыхъ многіе углублены на четыре и пять метровъ ниже общаго уровня земли, внушили голландцамъ сильное довѣріе къ своимъ силамъ и побудили ихъ къ болѣе смѣлымъ предпріятіямъ. Въ семнадцатомъ столѣтіи осушены значительныя пространства края. Первая осушка большой поверхности послѣдовала въ 1614 году въ Сѣверной-Голландіи: Пурмерское и Шермерское озера превращены искусствомъ въ прекраснѣйшія и богатѣйшія поля. Вилліамъ Тамплъ, жившій тамъ въ то время, описываетъ свое изумленіе при видѣ скота, пасшагося на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде было Бемстерское озеро, имѣвшее въ ширину двѣ мили. Бывшее дно озера, прорѣзанное каналами, дорогами и аллеями, представляло уже тогда самый прелестный ландшафтъ. Съ 1608 по 1640 годъ въ этой провинціи двадцать шесть озеръ превратились въ польдеры, а въ 1820 году пространство, выигранное такимъ образомъ, составляло ужь до 6000 гектаровъ. Въ южной Голландіи приобрѣтено для земледѣлія, до 1844 года, 29,000 гектаровъ. Въ новѣйшее время осушенъ Нортдорфскій польдеръ, на которомъ уже построена маленькая деревня. Голландія умѣла добыть себѣ трудомъ то, въ чемъ отказала ей природа, средства же, которыми произведены эти чудеса, весьма просты: всѣ осушки сдѣланы вѣтряными мельницами.

Несмотря на всѣ такія завоеванія, въ Голландіи остался врагъ, который со временемъ успивался и становился болѣе и болѣе опаснымъ: это Гарлемское море. Голландцы видѣли, какъ оно образовалось, и съ помощію древнихъ картъ можно слѣдить за возрастаніемъ этого

огромнаго бассейна, который, наконецъ, сталъ угрожать погибелью Амстердаму и Лейдену. Въ 1531 году въ окрестностяхъ Гарлема были четыре небольшія озера и при нихъ три деревни: Неукеркъ, Доририхъ и Війкгуизень. Въ 1591 году одна изъ этихъ деревень исчезла, а въ 1647 году не было уже и остальныхъ двухъ. Сначала озера не соединялись другъ съ другомъ, потомъ образовался отъ Гарлемскаго къ Лейденскому озеру каналъ, который въ 1531 году былъ еще столь узокъ, что можно было переходить чрезъ него по перекладинѣ,—наконецъ въ 1647 году всѣ четыре озера соединились и образовали Гарлемское море. Кусокъ земли, возвышавшійся среди его надъ водою, постепенно уменьшался, а окружность озера возрастала и достигла 11 миль. Озеро стало настоящимъ бурнымъ моремъ, на которомъ бывали морскія сраженія, плавали флоты изъ 70 и болѣе судовъ и погибали корабли. Попеременно, спокойный и бурный, этотъ бассейнъ, казалось, слѣдовалъ своимъ собственнымъ законамъ.

1 ноября 1795 года, во время землетрясенія, бывшаго въ Лиссабонѣ, Гарлемское море находилось въ сильномъ волненіи, хотя открытое море оставалось спокойнымъ. Плаваніе по Гарлемскому морю становилось съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе опаснымъ; при малѣйшей бурѣ подымались въ этомъ бассейнѣ высокія водяныя горы, которыя пѣнясь, разбивались о берега и угрожали разрушеніемъ всѣхъ защищающихъ окрестность построекъ. Это море слѣвалось опаснымъ и докучливымъ соседомъ: если бы плотины и другія постройки, удерживающія его въ своихъ предѣлахъ, разрушились, то вся Голландія могла бы быть залита водою. Для укрѣпленія его береговъ употребили суммы, которыхъ было бы достаточно на осушку его, и оно оставалось въ своемъ положеніи по 9 ноября 1836 года, въ которомъ воды его прогнаны были сильнымъ западнымъ вѣтромъ, поверхъ плотинъ и дорогъ, къ самымъ воротамъ Амстердама. Это происшествіе рѣшило судьбу Гарлемскаго моря: оно стало опаснымъ для Амстердама, и Амстердамъ сказалъ морю: ты должно исчезнуть.

Съ того дня начали изыскивать средства къ приведенію этого смертнаго приговора въ исполненіе. Впрочемъ и прежде уже неоднократно составляемы были предположенія объ осушкѣ Гарлемскаго моря. Въ 1643 году инженеръ-архитекторъ въ сѣверной Голландіи Янъ-Андріанъ Лей-Ватеръ, усматривая въ существованіи этого моря постоянную опасность для Голландіи, издалъ одно сочиненіе, оканчивающееся этими словами: «Мы должны освободиться отъ этой разрушительной и страшной водяной массы, ergo delendum est mare.» При этомъ сочиненіи приложены карты и планъ осушки. По мнѣнію сочинителя, для

вычерпаниа воды изъ гарлемскаго озера въ море, нужны 140 мельницъ; но проектъ его оказался неудобносполнимымъ, потому-что для совершенной осушки этого озера нуженъ былъ вѣтеръ, дующій въ-продолженіе долгаго времени постоянно съ одной стороны. Потомъ появлялись другіе проекты; но все они были неосуществимы до-тѣхъ-поръ, пока естествознание не открыло въ природѣ могущественной силы, совершенно независимой отъ погоды, а напротивъ того, вполне подчиненной человѣку: только послѣ открытія силы паровъ можно было получить надежду, что Гарлемское море будетъ осушено.

Въ апрѣлѣ 1804 года наряжена была изъ Голландіи въ Англію коммисія для произведенія опытовъ надъ употребляемыми тамъ для осушки паровыми машинами. Известно, съ какимъ успѣхомъ дѣйствуютъ въ Англіи паровыя машины при извлеченіи воды изъ самыхъ глубокихъ рудокопъ; но все машины и методы, бывшія до того въ употребленіи, не могли быть примѣнены къ осушкѣ гарлемскаго моря, требовавшей машинъ совершенно новаго устройства. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ, основанія этого устройства были опредѣлены, и въ память тому, кто первый присовѣтовалъ осушить гарлемское море, назвали новую машину Лигъ-Ватеръ. Съ этимъ Лигъ-Ватеромъ начато, 7 Іюня 1848 года, великое дѣло; въ послѣдствіи же прибавили еще двѣ машины. Въ настоящее время осушка гарлемскаго моря—фактъ неоспоримый. Мы недавно были на мѣстѣ и лично убѣдились, что опасное внутреннее море уже болѣе не существуетъ. Лигъ-Ватеръ еще дѣйствовалъ, но только потому, чтобъ исчерпать воду изъ маленькаго басейна, послѣдняго остатка отъ Гарлемскаго моря. Зданіе, въ которомъ устроена машина, возведено среди бывшаго моря и имѣетъ видъ круглой башни, къ которой примыкаетъ четвероугольное строеніе съ паровымъ котломъ. Нѣкоторыя части Лигъ-Ватера имѣютъ такую величину, какой онѣ въ прежнихъ произведеніяхъ механики никогда не достигали. Движенія его столь правильны и точны, что его можно бы уподобить гигантскому живому существу. Одиннадцать огромныхъ насосовъ, уставленныхъ возлѣ башни, даютъ Лигъ-Ватеру видъ полина, занятаго поглощеніемъ морской воды (*). Вышедшія изъ воды наружу земли, начерченные пока дорожки, по которымъ недавно еще ѣздили только на корабляхъ, птицы, поющія тамъ, гдѣ не задолго предъ симъ плавали рыбы, все это производитъ странное впечатленіе. Мы видѣли водяныхъ птицъ, прилетающихъ весною и парившихъ надъ окрестностью, какъ будто они

(*) Въ продолженіе 39 мѣсяцевъ осушки гарлемскаго моря машины вычерпали 924,266,412 куб. метровъ воды и употребили 25,789,920 килограммовъ каменнаго угля.

искали своего знакомаго озера. Бѣдныя животныя казалось спрашивали другъ друга, или они потеряли голову, или же природа помѣшалась. Человѣкъ сотворилъ это чудо; подъ его дуновеніемъ исчезаютъ теперь моря. Этою осушкою пріобрѣтены восемнадцать тысячъ гектаровъ земли. Эта земля еще также пуста и дика, какъ она была бы во всей Европѣ, если бѣ на ней стоялъ, въ продолженіе трехъ столѣтій, всемірный потопъ. Обработка начинается, и здѣсь какъ на пустынѣ, она сопряжена съ значительнымъ трудомъ. Мы встрѣтили здѣсь не одного Робинсона, строившаго землянку. Нѣсколько временныхъ изъ досокъ и соломы сколоченныхъ лачужекъ возвѣщаютъ возвращеніе къ пастушеской жизни въ странахъ, которыя когда-то были вполне обработаны. Отъ селеній, поглощенныхъ водою, не осталось ни слѣда. Надѣялись найти на осушенныхъ мѣстахъ монеты, медали, произведенія искусствъ и обломки погибшихъ кораблей, донинѣ найдено мало подобныхъ вещей; но земледѣліе, завладѣвшее этою странюю, отыщетъ другія сокровища. Опыты обработки осушеннаго пространства превзошли ожиданія. Посѣяли ладанницу, растеніе, которое обыкновенно сперва разводятъ на осушенныхъ польдерахъ; первая жатва вышла очень удовлетворительна и надѣются, что вторая будетъ не хуже первой. Въ настоящее время большая часть земли покрыта желтыми цвѣтами, и нарочно завели здѣсь пчелъ, чтобъ собирали медъ изъ этихъ цвѣтовъ. Жилища строились доселѣ безъ плана, и земельные участки не были выдѣлены; даже выходили иногда недоразумѣнія, къ которому обществу слѣдуетъ приписать дѣтей, родившихся въ этихъ жилищахъ; но теперь земля уже измѣрена и раздѣлена на участки; начинаютъ строить деревни и церкви, а каналы, дороги и аллеи уничтожать вскорѣ настоящее однообразіе этой страны. Здѣсь представляется нашему взору вновь возникающій міръ. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, дѣти, мѣсторожденіе коихъ за шесть мѣсяцевъ предъ симъ не было показано ни на одной картѣ, будутъ обитателями богатой окрестности, можетъ быть, владѣльцами хуторовъ и многочисленныхъ стадъ дойныхъ коровъ.

Сила паровъ произвела большое преобразование въ хозяйственной наружности Голландіи. Для осушки малыхъ польдеровъ будутъ употреблять вѣтеръ, какъ двигательную силу; но ко всемъ значительнымъ осушкамъ стануть примѣнять пары, и число вѣтряныхъ мельницъ уменьшится. Уже составлены многіе проекты осушки большихъ пространствъ съ помощію паровъ. Легкое море, озеро, подобное гарлемскому морю и заключающее въ себѣ двѣ тысячи четыреста гектаровъ, должно быть превращено въ сѣнокосъ; нужны для сего предпріятія четыре милліона талеровъ будутъ собраны. Еще смѣлѣе мысль, которая недавно проя-

вилась, — осушить Цуйдерское озеро. Многие считают эту мысль фантастическою; но послѣ усовершенствованій въ искусствахъ, послѣ открытія силы паровъ и послѣ осушки гарлемскаго моря, нѣтъ уже повода признавать тотъ проектъ невозможнымъ, хотя правда, что затрудненія будутъ здѣсь больше, нежели при гарлемскомъ морѣ, которое было окружено со всѣхъ сторонъ твердою землею, тогда какъ Цуйдерское озеро имѣетъ широкое сообщеніе съ Нѣмецкимъ моремъ. Прежде исчерпанія этого озера, нужно отдѣлить его отъ моря плотиками, и устройство польдера въ борьбѣ съ огромною массою воды въ заливѣ будетъ сопряжено съ ужасными затрудненіями; но нельзя считать сихъ затрудненій непреодолимыми. Когда Голландцы обдумали какой-либо планъ, то ихъ не испугаетъ ни какое препятствіе, чтобы привести этотъ планъ въ исполненіе. При томъ же всѣ предпріятія, касающіяся до осушки земель, имѣютъ для нихъ слишкомъ большой интересъ, потому что безопасность края зависитъ отъ усердія, съ которымъ жители посвящаютъ себя этимъ предпріятіямъ. Подобными озерами океанъ, такъ сказать, вступаетъ одною ногою въ землю, и потому осушить бассейны какъ Гарлемское озеро, значить выжить непріятеля изъ края. Наконецъ и политическія уваженія заставляютъ Голландію поддерживать систему осушекъ. Возвратъ странъ, похищенныхъ водою, составляетъ необходимость для Голландіи, переполненной народомъ, который начинаетъ уже чувствовать недостатокъ въ землѣ, и потому онъ долженъ пріобрѣсть себѣ то, въ чемъ отказала ему природа, если только онъ употребитъ свою дѣятельность на то, чтобы стать въ числѣ первыхъ государствъ втораго разряда. Племя древнихъ Батавовъ войною и мореплаваніемъ сдѣлало завоеванія во всѣхъ странахъ міра, нынѣшніе Голландцы не имѣютъ болѣе надобности заводить колоніи на отдаленныхъ морскихъ берегахъ. Этотъ дѣятельный, образованный народъ, чьи предки распространяли ужасъ на моряхъ, найдетъ въ будущемъ времени въ осушительныхъ машинахъ средства, которыхъ онъ прежде искалъ въ блескѣ своего оружія. За два столѣтія предъ симъ уже одинъ Голландскій географъ совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ увеличить свой край, не расширяя его предѣловъ

Quis furor, o Batavi, peregrines quæreret

Ecce alio terram littore quaeris—habes.

Голландское искусство превратило болотистую пустыню въ одну изъ лучшихъ странъ на землѣ. Кому земля должна принадлежать, морю или рѣкамъ? Въ Голландіи челоѣкъ долженъ постоянно ее пріобрѣтать и охранять. Не смотря на всѣ успѣхи искусства, нѣко

торые геологи не совѣтъ увѣрены въ окончательномъ результатѣ этого побѣдоноснаго боя. «Голландія, говорятъ они, завоевана у моря; но оно, ранѣе или позже, отниметъ снова это завоеваніе.» Мнѣніе это одними фактами подтверждается, другими опровергается. Если принять въ соображеніе прежній порядокъ вещей, скорѣе можно довѣрять будущности, нежели опасаться ея. Природныя силы не возрастаютъ, тогда какъ итогъ средствъ, имъ противудѣйствующихъ, вездѣ, и въ особенности въ Голландіи, съ силою паровъ, съ усовершенствованіемъ механическихъ искусствъ и наукъ съ каждымъ днемъ увеличивается, и потому побѣда кажется несомнительна. Одно только геологическое обстоятельство могло бы опровергнуть все разсчеты, и на него указываютъ пессимисты именно, что по мнѣнію Г. Эли-де-Бомона, грунтъ Голландіи медленно, но постоянно осѣдаетъ. Исслѣдованія, произведенныя въ Амстердамѣ, Роттердамѣ и на берегахъ Цуйдерскаго озера доказываютъ, что по крайней мѣрѣ въ этихъ пунктахъ земля стала ниже прежняго своего уровня. Этотъ фактъ привелъ къ заключенію, что со временемъ вся Голландія будетъ поглощена моремъ. Но опасность не столь велика. Во-первыхъ естественные перевороты далеко не такъ поспѣшны, какъ человѣческія дѣла и политическія преобразованія, и вѣроятно вся образованность старой Европы успеетъ отжить, пока Голландія погибнетъ въ морѣ. Во-вторыхъ мы можемъ надѣяться, что человѣческій умъ будетъ возрастать въ той же мѣрѣ, какъ и опасность, т. е. найдетъ средства противъ опасности. Островъ Атлантида, по всему вѣроятію, избѣгнулъ бы гибели, если бъ жители его (существовавшіе впрочемъ только въ царствѣ вымысла) имѣли въ своей власти все тѣ механическія силы, которыми располагаетъ новѣйшее просвѣщеніе. И Голландія давно бы уже испытала судьбу Атлантиды, давно бы исчезла изъ исторіи, безъ познаній своихъ инженеровъ и безъ гигантскихъ работъ и удивительныхъ плотинъ, защищающихъ этотъ край отъ воды. Если земля осѣдаетъ, то человѣческій умъ подымается и продолжаетъ борьбу. Голландію можно сравнить съ кораблемъ, который безъ постоянной заботливости своихъ опытныхъ моряковъ давно бы уже залезъ водою; но въ рукахъ ихъ держится уже въ продолженіе всего историческаго времени, и безъ сомнѣнія будетъ еще долго держаться на высокой степени морскаго могущества и торговаго величія.

III. ПУТЕШЕСТВІЯ, МЕЛКІЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Сирія и Бедуины подь владычествомъ Турокъ. Часть Азій, простирающаяся отъ пустыни до Средиземнаго моря, во все время была ознаменована славою. Величайшіе полководцы древности оставили тамъ слѣды свои; пришедшіе съ запада крестоносцы посѣтили этотъ край, подь предводительствомъ извѣстнѣйшихъ военачальниковъ; тутъ неистовствовала Тамерланъ, самъ Наполеонъ одерживалъ здѣсь побѣды съ своею египетскою арміею. На этой землѣ зародился свѣтъ, озарившій вселенную истиннымъ свѣтомъ вѣры; по близости ея родился исламизмъ. Я жилъ въ этомъ краю, я проѣхалъ его въ разныхъ направленьяхъ; хочу описать замѣченное мною безпристрастно, воздерживаясь отъ хулы или одобренія, такъ часто портящихъ лучшія описанія. Прежде описанія населенія Сиріи, въ-особенности-же пустыни, займусь описаніемъ земли; имъ обитаемой. Предварительное географическое познаніе края необходимо чтобъ понять населеніе, въ немъ живущее.

I.

Вода и теплота, какъ всеѣмъ извѣстно, суть два необходимыя условія растительности. Теплотою пользуются Сирія и Аравія, какъ и все страны, лежащія подь однимъ съ ними градусомъ; но эта теплота, отъ недостатка воды, дѣлается причиною засухи, отъ которой произошла такъ-называемая пустыня. Подь словомъ *пустыня* многіе разумѣютъ песчаную почву, не заключающую въ себѣ ничего, производящаго растительность. Оно такъ въ-отношеніи къ пустынѣ Ливійской, но ошибочно въ-отношеніи къ Аравійской, въ чемъ легко можно убѣдиться при видѣ ея, послѣ зимнихъ дождей, когда растенія поднимаются съ необыкновенною силою. Но въ этихъ странахъ, послѣ дождей, не долго продолжающихся, наступаетъ лѣто съ такою быстротою, что прошедшая отъ дождей влага скоро испаряется, и растенія, имѣвшія столь пріятный видъ, засыхаютъ, какъ-бы отъ дуновенія пламени.

Пустыня, описаніемъ которой я теперь займусь, лежитъ между Евфратомъ и долиною Оронта; она состоитъ изъ земли, по большей части плодородной, но на которой, за недостаткомъ сырости, растенія не успѣваютъ созрѣвать. По этой-то причинѣ, люди не могли здѣсь соединиться въ большомъ числѣ, для составленія важныхъ осядлостей. Однимъ словомъ, эта причина заставляетъ Бедуина вести жизнь кочующую, вмѣстѣ со стадами, составляющими единственное его богатство. Посредствомъ переходовъ съ одного мѣста на другое, онъ находитъ необходимыя для него траву и воду. Изъ этого видно, что Бе-

дуинъ скитается по Аравіи не по собственной волѣ, а по необходимости: живя на одномъ мѣстѣ, онъ долженъ-бы отказаться отъ промышленности, отъ которой живетъ.

Но климатъ совсѣмъ другой въ той части Сиріи, которая заключается между пустынею и Средиземнымъ моремъ. Отъ западнаго вѣтра, дующаго чаще всего въ этой странѣ, наносятся тучи, отчего дожди бываютъ продолжительнѣе, испаренія умѣреннѣе, и почва освѣжается. Не смотря на то, въ этой части Сиріи видишь на каждомъ шагу какъ стараются извлечь пользу изъ малѣйшаго источника; здѣсь, величайшимъ стараніемъ подземныя водяныя жилы скопляются въ бассейны, чтобъ потомъ пользоваться ими для поливанія обработанной земли. Въ Европѣ бываютъ люди, истребляющіе изъ мѣщенія лѣса; на востокѣ уничтожаютъ источники или колодцы, и приводятъ тѣмъ неприятелей своихъ не только до разоренія, но до отчаянія. На востокѣ ничто не измѣняется, событія древнихъ бытописателей возобновляются тамъ каждый день и понынѣ.

Съ давнихъ временъ у Аравитянъ существуютъ мудрые законы касательно воды, даже въ пустынѣ; у кочующаго, признающаго одно естественное право, есть обычай, которыми опредѣляется владѣніе лужами, отъ зимнихъ дождей прошедшими; законы не довольно ясно опредѣляютъ право каждаго на воду, а потому нуждающіеся въ ней и прибѣгаютъ къ разнымъ хитростямъ, чтобы дать теченію ея желаемое направленіе. Мѣстное начальство, или шейки, во многихъ мѣстахъ, нашлись въ необходимости содержать караульныхъ для надзора за правильнымъ владѣніемъ водою.

Стени Дамасскія доказываютъ, что можетъ производить Сирія, когда она хорошо орошаема, это же могла-бы производить и большая часть пустыни, еслибъ не нуждалась въ водѣ. Ежели Дамаскъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ славныхъ городовъ древняго мира, такъ это потому, что онъ лежитъ при двухъ рѣкахъ, и что востокъ съ давнихъ временъ узналъ важность его мѣстоположенія. Уничтожьте эти двѣ рѣчки, и поля Дамасскія, столь богатая различными растеніями, тотчасъ обратятся въ такую же пустыню, къ какой они прилегаютъ.

Часто говорили о прекрасномъ видѣ Дамаска. Онъ дѣйствительно составляетъ одно изъ прелестнѣйшихъ зрѣлищъ въ свѣтѣ. Поклонники исламизма рассказываютъ, что Магометъ, прійдя на высоту, близъ Дамаска, восхитился видомъ города и воскликнулъ: «Одинъ только есть рай и тотъ на небесахъ, не пойду въ Дамаскъ, боюсь найти тамъ рай земной.» Магомету стоило бы сойти съ горы, чтобъ убѣдиться, что Дамаскъ раемъ кажется только издали: грязныя и узкія его улицы,

мрачный и однообразный видъ домовъ, не имѣющихъ оконъ, произвели бы въ немъ отвращеніе. Во время Магомета существовала еще въ Дамаскѣ *прямая улица*, о которой упоминается въ священномъ писаніи; на ней жилъ святой Павелъ у своего ученика—Ананія; улица эта богата тогда была памятниками, съ обѣихъ сторонъ ее украшали колоннады, коихъ основанія и теперь еще находятъ при заложеніи новыхъ домовъ. Дамаскъ, главный городъ Сиріи, былъ украшаемъ Римлянами и Греками. Впрочемъ, Магометъ его не забылъ, назначивъ четвертымъ городомъ исламизма. Дамаскъ и теперь многолюдный городъ, въ немъ до двухъ сотъ тысячъ жителей, составленныхъ, изъ разныхъ племенъ; его торговля привлекаетъ туда обширные караваны и придаетъ ему жизнь и движеніе.

II.

Орошаемая двумя рѣками почва дамаская и промышленность жителей производить: масло, вино, рожь, анисъ, шафранъ, ленъ, мыло, шелковыя матеріи, бумажныя ткани, и пр. По мѣстоположенію своему, при вступленіи въ пустыню, Дамаскъ служилъ во всякое время важнымъ складочнымъ пунктомъ для торговли. Туда приходятъ караваны изъ Багдада, въ тысячу и полторы тысячи верблюдовъ и привозятъ тумбеки, родъ табаку, весьма любимого магометанами, персидскій шелкъ, индиго и разныя другія произведенія странъ, лежащихъ между Евфратомъ и Тигромъ. Въ замѣнъ того Дамаскъ отправляетъ въ Багдадъ шелковыя матеріи, англійскія и швейцарскія бумажныя ткани, французскія и австрійскія сукна, золотыя и серебряныя парчи, рафинированный сахаръ, кофе и пр. Изъ пустыни доставляются: верблюжья шерсть, масло и простые ковры. Въ замѣнъ этого она получаетъ муку, рожь, мансъ, рисъ, простой работы галантерейныя вещи, овощи, матеріи, сушеные плоды, сѣдла, сбруи и пр. Изъ этого видно, что сосѣдство бедуиновъ довольно важно для дамаской торговли; но каждая вещь имѣетъ свою дурную сторону: сосѣдство это представляетъ и важныя неудобства, которыя при неспособности турецкихъ чиновниковъ и ростовщиковъ, составляютъ одну изъ трехъ главныхъ причинъ дурнаго состоянія этого благословеннаго края.

Аравитянинъ не только склоненъ въ воровству, но имѣетъ еще законныя средства обирать бѣднаго крестьянина; средства эти хуже разбоя.

Бѣдный крестьянинъ, предпринимающій постройку дома, или конюшни, долженъ прежде всего молить небо, чтобъ его не замѣтилъ бедуинъ, потому—что сынъ пустыни, у котораго очень хорошее зрѣніе, не замедлитъ къ нему пожаловать съ просьбою допустить и его приложить камень къ строящемуся зданію; послѣ чего онъ объявляетъ крестьянину, что онъ ему братъ, что духовное родство между ними нача-

лось, что каждый, кто посягнетъ на его жизнь или состояніе, будетъ отвѣчать всему поколѣнію, къ которому онъ принадлежитъ. Безъ сомнѣнія, это сильная, надежная защита; но не менѣе того, крестьянинъ имѣетъ весьма основательныя причины не желать такого покровительства, потому что бедуинъ не замедлитъ объявить, что въ замѣнъ своего братства онъ ожидаетъ и отъ крестьянина знака расположенія. Безъ дальнихъ разсужденій онъ назначаетъ цѣну братства въ двѣсти піастровъ (тринадцать руб. сер.), или, наименѣе, въ сто піастровъ ежегодной дани, все зависитъ отъ воли бедуина. Затѣмъ пишутъ контрактъ, и крестьянину остается забота объ исправномъ платежѣ денегъ, ибо въ противномъ случаѣ, поколѣніе бедуина, готовое явиться, въ случаѣ надобности, къ его защитѣ, нападетъ на его домъ и разоритъ его въ конецъ.

Но, скажутъ многіе, какъ же правительство не оказываетъ защиты крестьянину? Турецкое правительство довольно, когда его самого бедуины не трогаютъ, оно ни за что въ подобныя дѣла не вмѣшивается. Оно не терпитъ никакого безпокойства, и равнодушіе нашей, опасяющихся вражды съ поколѣніями бедуиновъ, оставляетъ ихъ совершенно въ покоѣ. Паша очень хорошо знаетъ, что придраться къ одному бедуину, значить то-же самое, что придраться ко всѣмъ.

Къ тому же Порта Оттоманская и сама тоже самое дѣлаетъ, по давно-заведенному порядку. Не платитъ ли она, на примѣръ, дань извѣстнымъ бедуинскимъ поколѣніямъ, чтобы тѣ заботились о безопасномъ проходѣ каравана въ Мекку? Я говорю дань, хотя наши называютъ это подарками, потому-что бедуины вовсе не смотрятъ на это какъ на подарокъ отъ ихъ государя; вотъ и примѣръ: нѣсколько лѣтъ тому пріѣхалъ къ главнокомандующему аравійскою арміею черный служитель начальника бедуинскаго поколѣнія, въ разорванномъ плащѣ, въ сапогахъ, бывшихъ когда-то красными, но тогда не имѣвшихъ никакого цвѣта. Паша принялъ его, какъ нельзя лучше, посадилъ, угостилъ трубкою и кофеемъ и сказалъ, что онъ велитъ выдать ему слѣдующую его господину дань, за сохраненіе дружбы. Черезъ нѣсколько минутъ произошелъ большой шумъ, пріѣхалъ казначей, говоря, что служитель не согласенъ принимать мѣдныя деньги, а требуетъ золота, что онъ сапогами сбросилъ со стола уже отсчитанную для него сумму. Паша удивляется, безпокоится, призываетъ негра, вновь его угощаетъ трубкою и кофеемъ; наконецъ гнѣвъ послѣдняго проходитъ, и онъ соглашается получить деньги—половину золотомъ, половину мѣдью.

Часто обвиняютъ въ Дамаскѣ Турокъ, что они притѣсняютъ и грабятъ христіанъ и жидовъ: обвиненіе это имѣетъ нѣкоторую основательность; оно происходитъ отъ искуснаго и благовиднаго грабежа нѣкото-

рых турецкихъ, христіанскихъ и еврейскихъ банкировъ, отдающихъ деньги въ ростъ. Послѣдователямъ корана запрещено давать деньги на проценты, и они очень рѣдко это дѣлаютъ; я, покрайней мѣрѣ, зналъ не больше двухъ или трехъ магометанъ, которые, вопреки закона, были ростовщиками; этимъ дѣломъ занимаются преимущественно христіане и жида. Въ Европѣ не повѣрятъ, какіе проценты берутъ въ турецкихъ владѣніяхъ; въ Дамаскѣ банкиры берутъ по сорока, по пятидесяти процентовъ въ годъ. Я зналъ одного, который считалъ себя за отлично честнаго человѣка и христіанина, и бралъ, ни больше, ни меньше, тридцати процентовъ въ годъ.

Я имѣлъ часто случай лично убѣдиться въ вредномъ вліяніи братства на внутренность края, въ особенности же это видно изъ слѣдующаго. На пути изъ Іерусалима въ Дамаскъ, прибылъ я, въ десять часовъ утра, къ высотѣ, на которой выстроена укрѣпленная деревня Сануръ. Съ самаго выѣзда моего изъ Наплузы встрѣчался со мною люди, вооруженные и, казалось, весьма занятые. Остановившись для отдыха, я и люди мои увидѣли нѣсколько бедуиновъ, направляющихъ путь свой въ Сануръ, гдѣ, казалось, ожидали ихъ съ безпокойствомъ. Аравитяне скакали полями, гдѣ дозрѣвала рожь. Они важно проѣхали мимо насъ и стали подыматься въ деревню, куда я послалъ узнать, что это значить.

Проѣздъ бедуиновъ чрезъ засеянныя поля послужилъ бы въ Европѣ поводомъ къ жалобамъ; тамъ же такъ привыкли уступать насилію, что, казалось, и не замѣчали причиненнаго вреда. Но угадаютъ ли причину, побудившую наѣздииковъ перетоптать поля? Когда мухи безпокоятъ лошадей, они водятъ ихъ въ засеянныя поля, чтобъ верхушки колосьевъ сгоняли мухъ съ лошадиного брѣха.

Вскорѣ за тѣмъ узналъ я, что эти бедуины составляли авангардъ поколѣнія Бени-Сакеръ, и что все поколѣніе прибудетъ къ вечеру, для подачи помощи жителямъ Санура, намѣревающимся напасть на соседей. Я тотчасъ же приказалъ готовить лошадей къ отъѣзду, ибо вовсе нехотѣлъ быть зрителемъ не только этой драки, но даже и приготовленной къ ней. Едва успѣли мы отъѣхать, какъ увидѣли, что война уже началась, стада неприятельскія, обруженныя вооруженными людьми, пались въ поляхъ, принадлежащихъ оставленной нами деревнѣ. Къ вечеру слышали мы перестрѣлку и узнали, что въ этомъ дѣлѣ было много убитыхъ и раненыхъ. Очевидно, что еслибъ деревни эти не надѣялись на помощь бедуиновъ, онѣ, для прекращенія своихъ ссоръ, обратились бы къ турецкому начальству, и тогда ссора не имѣла бы такихъ дурныхъ послѣдствій.

III.

Разныя начальства, бывшія въ послѣднее время въ Сиріи, старались прекратить вмѣшательство бедуиновъ въ ссоры осѣдлыхъ жителей. Съ этимъ намѣреніемъ они склонили нѣсколько кочующихъ племенъ составить колоніи, обѣщавъ имъ постоянныя пастбища и защиту регулярныхъ войскъ. Таковы, напримѣръ, Арабскія племена, расположенныя у равнинъ Леджа, къ югу отъ Дамаска; равнина эта находится при вступленіи въ пустыню; таково же племя Туркоманское у Кенейтры, при подошвѣ Джебель-Елшейкъ. Туркоманы Кенейтры, привыкшіе къ миру и спокойствію, не оправдали надеждъ, бывшихъ при поселеніи ихъ на этихъ богатыхъ пастбищахъ. Степные Арабы, зная ихъ миролюбіе, иногда уводятъ у нихъ стада и грабятъ путешественниковъ на землѣ, за безопасностью которой взялись смотрѣть. Въ такихъ случаяхъ, губернаторы дамаскіе наказываютъ поселенцевъ за то, что они допустили грабежъ. Находясь такимъ образомъ въ опасности со стороны арабовъ и въ необходимости отвѣчать за ихъ грабежи предъ начальствомъ, колонія Кенейтра, со временемъ, исчезнетъ, и заведеніе колоній въ этой странѣ надолго останется безуспѣшнымъ.

Колонизація двухъ или трехъ племенъ Арабскихъ на равнинѣ Леджа удовлетворила болѣе турецкое правительство. Бедуины этой колоніи, родомъ Аравитяне, а потому болѣе уважаемы кочующими племенами. Они имѣютъ притомъ съ ними нѣкоторыя связи, да и не совсѣмъ отказались отъ кочующей жизни, ибо лѣтомъ они переселяются въ обширныя пастбища, лежація между озерами и Дамаскомъ, а зимою удаляются въ пустыню. Эти Аравитяне наиболѣе занимаются скотоводствомъ, жители Дамаскіе довѣряютъ имъ стада свои для прокормленія. Племена, кочующія по близости обрабатываемыхъ земель, могутъ однѣ только имѣть рогатый скотъ; медленная походка овецъ не позволяетъ имъ слѣдовать за верблюдами или лошадьми, а тѣмъ болѣе бѣжать, подобно имъ, отъ нападающихъ, когда того потребуетъ надобность.

Слѣдующее происшествіе покажетъ, въ какомъ затрудненіи находятся наши, когда, въ избѣжаніе пролитія крови, племена прибѣгаютъ къ нимъ для разрѣшенія ихъ ссоръ.

На востокъ есть обыкновеніе, что двоюродные братья, преимущественно предъ другими, имѣютъ право жениться на своихъ двоюродныхъ сестрахъ. Одна дѣвушка, изъ бедуинскаго племени, не найдя между своими мужа, полюбила молодого челоуѣка изъ сосѣдственнаго племени. Увѣрясь во взаимности, она въ послѣдній разъ спросила своихъ двоюродныхъ братьевъ, можетъ ли располагать собою, и получила въ отвѣтъ, что она совершенно свободна. На основаніи этого согласія, бѣдная

дѣвушка вездѣ разгласила о томъ, что выходитъ замужъ; ей было уже восемнадцать лѣтъ, а въ тѣхъ странахъ эти лѣта женщины означаютъ уже перерѣзность. Одинъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ вдругъ въ нее влюбился, и въ слѣдствіе того не соглашался выдать ее замужъ, прося содѣйствія своего племени къ понужденію дѣвушки выйти за него. Шеюки обѣихъ сторонъ желали кончить это дѣло миролюбно, но каждый изъ нихъ, согласно долгу своему, объявилъ, что будетъ содѣйствовать одинъ—брату, другой—жениху.

Узнавъ объ этомъ паша призвалъ къ себѣ обѣ стороны и сталъ ихъ уговаривать. Братъ, считая свое дѣло правымъ, ни въ чемъ не уступалъ, женихъ-же предоставилъ невѣстѣ право выбрать, кого она захочетъ. Паша уговаривалъ дѣвушку къ исполненію ея семейныхъ обязанностей, она-же отвѣчала, что довольно долго ждала, и что болѣе о братьяхъ слышать не хочетъ. Но, сказалъ паша, подумайте о крови, которой это будетъ стоить. О крови! вскричала она, о крови! А мнѣ что за дѣло? Чѣмъ болѣе прольется крови, тѣмъ лучше смоютъ обиду, мнѣ нанесенную. Затѣмъ она вышла. Конецъ этой драмы мнѣ не извѣстенъ, но, вѣроятно, она кончилась согласно съ желаніемъ дѣвушки.

Аравитяне, оставшіеся христіанами, пользуются равною съ будуннами свободою. Они управляются своими епископами, которымъ предоставлены разныя права, но власть ихъ подвержена всеѣмъ прихотямъ гражданскихъ правителей.

Одинъ изъ христіанскихъ патріарховъ былъ при мнѣ причиною доказательства власти, предоставленной султанами начальникамъ муниципальныхъ управленій имперіи. Патріархъ этотъ, во время пребыванія моего въ Сиріи, посѣтилъ подвѣдомственные ему города и села. Первая деревня, въ которую онъ вѣхалъ, приняла его съ восторгомъ; въ честь его палили, народъ цѣловалъ его руки, дѣтей подносили подъ благословенія; но радость эта была непродолжительна: вскорѣ все измѣнилось.

Въ городахъ и деревняхъ Сиріи есть обычай, какъ и въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, предъ женитьбою обручаться, но въ отличіе европейскому обычаю, здѣсь обручаютъ иногда за четыре или даже за шесть лѣтъ до совершенія брака. Обрученный, по тамошнему обычаю, долженъ готовить невѣстѣ приданое, а если бѣденъ, зарабатывать его собственными трудами. Такимъ образомъ у нихъ мало-по-малу заводится хозяйство. Подобный обычай весьма хорошъ, ибо онъ удерживаетъ молодыхъ людей отъ праздности и мотовства и пріучаетъ ихъ заботиться о будущемъ, что въ отцѣ семейства составляетъ весьма важную добродѣтель.

Патріархъ пожелалъ самъ совершить нѣкоторыя свадьбы, чтобъ ознаменовать тѣмъ свой проѣздъ. Объ этомъ дано было знать мѣстному начальнику, который, безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла, приказалъ всеѣмъ обрученнымъ молодымъ людямъ въ назначенное время явиться въ церковь для вѣнчанія. Отъ этого произошло большое неудовольствіе, не у мужчинъ, которые были готовы повиноваться, а у дѣвушекъ: одиѣ говорили, что получили только половину обѣщаннаго приданого, другія треть или четверть; еще большее разстройство во многихъ семействахъ причинило то, что будущій мужъ, не успѣвъ собрать довольно денегъ на необходимыя свадебныя расходы, не могъ приступить къ вѣнчанію, потому-что невѣсты громко объявляли, что лучше не хотятъ вовсе выходить замужъ, чѣмъ выйти безъ блеска, безъ *фантази*, какъ это тамъ называютъ.

Недовольный этимъ, паша послалъ за двумя или тремя дѣвушками, наиболѣе противившимися, съ повелѣніемъ, если онѣ не захотятъ идти, привести ихъ къ нему силою. Мѣра эта многихъ испугала до того, что онѣ бѣжали въ горы. Въ собранномъ совѣтѣ рѣшили задержать отцовъ, а за ихъ отсутствіемъ, матерей бѣжавшихъ дѣвушекъ, и прибѣгнуть къ строжайшимъ мѣрамъ, чтобы заставить ихъ возвратиться домой. Разнесся слухъ, что одна изъ взятыхъ дѣвушекъ была приведена силою турецкими янычарами къ налюю для вѣнчанія—что совершенно противно обрядамъ христіанской церкви, ибо она требуетъ, чтобъ при совершеніи брака было обоюдное согласіе. Утомленный, наконецъ, жалобами, патріархъ рѣшился, для успокоенія жителей и освобожденія ихъ отъ насилія начальствъ, самъ дать приданое дѣвушкамъ этой деревни изъ кассы бѣдныхъ. Эта мѣра успокоила все партіи.

Нельзя вообразить себѣ, какому страху подвержены на востокѣ родители христіанской дѣвушки, когда они бѣдны и дочь ихъ уже созрѣла для замужства, но не находятъ себѣ жениха!

Перемѣна вѣры—вотъ средство, дозволяемое закономъ дѣвушкамъ христіанскихъ родителей для выхода замужъ за магометанина, если она не найдетъ мужа между христіанами; этимъ-же средствомъ пользуются замужнія женщины, чтобъ избавиться отъ мужа христіанина, надоѣвшаго имъ. Женщина христіанская, принявъ магометанскую вѣру, уничтожаетъ тѣмъ бракъ свой христіанскій, по церковнымъ законамъ не расторгаемый. Ежели-же и мужъ перейдетъ въ то же время и въ ту же вѣру, то бракъ христіанскій остается въ своей силѣ. Обратиться къ прежней вѣрѣ сдѣлалось возможнымъ не съ давняго только времени. Тому лѣтъ двадцать не болѣе, христіанинъ, принявшій магометанскую вѣру, подъ смертною казнію, не смѣлъ перемѣнить этой

вѣры. Европейскимъ державамъ, подъ предлогомъ терпимости вѣрь, удалось склонить Турцію къ отмѣнѣ сего постановленія.

Тѣмъ болѣе входивъ въ жизнь разныхъ народовъ, составляющихъ Турецкую имперію, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ трудностяхъ составить одинъ сводъ законовъ, въ которомъ—бы обычай, національность и вѣра были приняты въ соображеніе. Къ этому необходимо продолжительное, сравнительное изученіе нравовъ, національности и вѣры. На всякій случай, этотъ предметъ должно будетъ поручить людямъ, приготовленнымъ къ тому.

Я сказалъ, что бедуинамъ должны быть назначены мѣста для жительства въ пустынѣ, для успокоенія прочихъ Аравитянъ; но это сдѣлать не легко съ людьми, столько столѣтій ведущими кочующую жизнь. У другихъ были другіе проекты. Человѣкъ, занимавшій и теперь еще занимающій, важное мѣсто въ имперіи оттоманской, предложилъ объявить войну бедуинамъ, съ тѣмъ, чтобъ взять отсюда большое число въ плѣнъ; плѣнныхъ этихъ переселить на островъ Кипръ, который опустѣлъ, имѣя въ настоящее время не болѣе восьмидесяти или ста тысячъ жителей противъ двухъ милліоновъ, прежде бывшихъ. Безъ сомнѣнія, населить островъ Кипръ весьма полезное дѣло, но лишить пустыню ея жителей произвело-бы большое зло. Пустыня можетъ быть обитаема однимъ кочующимъ народомъ, а такимъ народомъ можетъ быть не каждый; къ тому нуженъ навыкъ какъ тѣла, такъ и духа. Но необходимо-ли нужно это пустынѣ быть населенной? Безъ сомнѣнія, эта страна мало извѣстная, заключаетъ въ себѣ единственный и величайшій верблюжій заводъ южной Азіи. Бедуинскія племена, каждое лѣто занимающія окрестности Дамаска, продаютъ ежегодно отъ десяти до двѣнадцати тысячъ верблюдовъ.

Въ верблюдахъ заключается одинъ способъ перевозки тяжестей большей части Азіи, они плодятся почти въ одной пустынѣ—а потому лишить ее населенія, значило-бы уничтожить торговлю, промышленность, огромнаго пространства земли. Но перейдемъ опять къ человеку. Была-ли-бы польза въ переселеніи бедуина? Принужденный къ осѣдлой жизни, онъ скоро-бы палъ жертвою тоски по родинѣ и умреть-бы въ невѣроятномъ количествѣ. Опровергающимъ это я расскажу слѣдующее. «Бедуинъ племени Анези, посетилъ меня въ Дамаскѣ; я показывалъ ему внутренность своего дома, ожидая отъ него знаковъ удивленія, но онъ остался равнодушнымъ и наконецъ сказалъ мнѣ: «Тебѣ здѣсь худо спать?»—«Отчего,» спросилъ я?—«Оттого,» что ни на чемъ лучше спать нельзя, какъ на голой землѣ, покрытой ковромъ.» Въ другой разъ спросилъ я бедуина племени Руалла, какъ ему нра-

вятся сады Дамаскіе? «Лучшее мѣсто въ свѣтѣ, отвѣчалъ онъ: обширная равнина, покрытая травою, на которой не растетъ ни одного дерева.» Изъ этихъ отвѣтовъ можно заключить о привязанности бедуиновъ къ пустынѣ, въ которой стада ихъ пасутся. Усилія Турецкаго правительства заставить ихъ принять другой образъ жизни, останутся вовсе бесполезными.

Омарова мечеть въ Іерусалимѣ (*).

(Письмо одной Англійской путешественницы).

Іерусалимъ 26 іюля 1855 года.

Вчера, вечеромъ, я, въ сопровожденіи моего брата, поѣхала верхомъ въ лагерь, занимаемый супругами Монтефіоре и ихъ обществомъ. Мы нашли ихъ подъ огромнымъ кедровымъ деревомъ, и сойда съ лошадей, усѣлись въ удобныхъ креслахъ. Въ то время, какъ мой братъ началъ важную бесѣду съ сэромъ-Моисеемъ Монтефіоре о его филантропическихъ планахъ, я познакомилась съ г-жею Г., племянницею его, которая недавно пріѣхала въ Палестину, и мы обмѣнялись нашими путевыми впечатлѣніями; потомъ намъ подали чай, который мы пили подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ луны. Нѣсколько арабскихъ музыкантовъ разостлали на землѣ ковры и, усѣвшись на нихъ, играли на большомъ, страннаго рода инструментѣ, новую турецкую національную арію. Звукъ маленькихъ бубенъ и пѣніе дополняли концертъ, который, какъ увѣряла леди Монтефіоре, былъ данъ собственно для меня; по крайней-мѣрѣ это былъ первый концертъ со времени ея пріѣзда. Она предложила мнѣ осмотрѣть вмѣстѣ съ нею Омарову мечеть. Тоже самое предложеніе сдѣлалъ уже прежде паша моему брату, и мы условились встрѣтиться съ обществомъ сэра Моисея на слѣдующій день у пашы, къ которому должны были пріѣхать еще консулъ Финнъ и его супруга.

Сегодня братъ разбудилъ меня въ пять часовъ утра. Мнѣ еще не случалось видѣть здѣшнія окрестности въ такое время дня, и я съ восхищеніемъ осматривала Мовіійскія горы, которыя при утреннемъ туманѣ имѣютъ видъ самый величественный. Въ сторонѣ отъ нихъ черная масса города рисовалась на свѣтломъ полѣ Масляничной горы.—Минуя

(*) Эта мечеть, выстроенная на горѣ Марія, на мѣстѣ Саломонова храма, считается у Магометанъ самымъ священнымъ мѣстомъ послѣ Мекки и Медины, и прежде входъ въ нее былъ воспрещенъ всѣмъ, подлѣ смертную казню, повѣрцаемъ.

живописныя палатки Сера-Монтефиоре, которыхъ обитатели еще спали, и солдатскій лагерь былъ также погруженъ во снѣ, мы въѣхали въ Дамаскiя ворота. Сводъ ихъ и стѣны покрыты густою зеленью; узкiя улицы города также заросли травой, преимущественно каперсами. Цвѣтки этого растенiя весьма красивы, они состоятъ изъ четырехъ бѣлыхъ, похожихъ на бабочку листиковъ, изъ которыхъ выходитъ большой пучекъ длинныхъ нитей фиолетоваго цвѣта, окружающихъ толстый стебель того-же цвѣта, съ бѣлыми оттѣнками.

Въ восемь часовъ утра мы прибыли въ сераль паша. Онъ сидѣлъ на диванѣ напротивъ дверей, въ комнатѣ, обитой ситцемъ лиловаго цвѣта и неизмѣющей другой мебели, кромѣ дивановъ, уставленныхъ вдоль стѣнъ. Меня представили съ обычными церемонiями пашѣ, при чемъ послѣдовалъ обмѣнъ заученныхъ мною употребительныхъ въ такихъ случаяхъ комплиментовъ, но сверхъ-того у меня былъ переводчикъ, Грекъ, хорошо говорящiй по-французски, потому что паша не знаетъ другаго языка, кромѣ турецкаго. Мнѣ и брату поднесли кофе и велѣдъ за тѣмъ возвѣстили о прибытiи г. Монтефиоре. Паша повелъ насъ въ залу и усѣвшись на главномъ диванѣ, посадилъ меня возле себя съ правой стороны; прочiе-же гости: Серъ-Моисей и его общество, мой братъ, переводчикъ и губернаторы Гебронскiй и Гаррисунскiй сѣли на стульяхъ, уставленныхъ въ полукругъ передъ диваномъ. Подчиванiе кофеемъ и комплименты возобновились и продолжались до прибытiя консула Финна и его супруги. Тутъ паша пригласилъ насъ послѣдовать за нимъ въ мечеть. Мы шли довольно долго по темнымъ заламъ и корридорамъ, вьющимся въ разныя стороны, наконецъ блеснулъ дневной свѣтъ, и мы очутились на дворѣ мечети. У входа въ нее насъ окружила многочисленная толпа еврейскихъ и арабскихъ служителей, которые сняли у насъ башмаки и вмѣсто ихъ надѣли туфли. Внутренность зданiя мало освѣщена, но это придаетъ ему еще болѣе торжественности и величiя. Все стѣны покрыты древнею, въ арабскомъ вкусѣ, мозаикою изъ камня и стекла, а надъ нею идетъ галерея. Богато-раскрашенныя окна, состоящия изъ маленькихъ стеколъ, и покрытыя запутаннымъ, но правильнымъ рисункомъ, имѣютъ также видъ полупрозрачной мозаики. Въ одномъ концѣ мечети, внутри деревянной ограды, находится большой камень, о которомъ магометанское преданiе гласитъ, что онъ, намѣреваясь послѣдовать за пророкомъ на небеса, поднялся съ земли и уже никогда не возвращался къ ней совершенно. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ стоитъ въ удивительномъ положенiи и почти не имѣетъ точки опоры. Верхняя часть деревянной ограды украшена рѣзбою и разноцвѣтными узорами, довольно похожи-

ми на рисунки, которые встрѣчаемъ на поляхъ старинныхъ англо-саксонскихъ рукописей. Намъ показали мѣсто, на которомъ молился Давидъ. Это прекрасная ниша изъ бѣлаго мрамора, съ двумя двойными колоннами; верхняя часть ихъ отдѣлана съ такимъ совершенствомъ, что ее можно поставить рядомъ съ нѣкоторыми произведениями норманской архитектуры. Въ сопровожденіи четырехъ факельщиковъ мы сошли въ темную пещеру, въ которой находятся мѣста молитвы Христа-Спасителя, Саломона, Аарона и Авраама. Это также ниши, и двѣ изъ нихъ еще красивѣе Давидовой. Выйдя изъ подземелья мы разсматривали полъ, украшенный мозаикою, которая отличается разнообразіемъ узоровъ и яркостью красокъ.

Во дворѣ, окружающемъ мечеть, растутъ между камнями оливковыя деревья, душистый горошекъ и каприфолій. На южной сторонѣ каменные ступени, заросшія травою и шиповникомъ, ведутъ къ открытому бассейну, который называется Саломоновымъ прудомъ, и получаетъ воду изъ другаго бассейна того же названія. Спустившись еще болѣе въ низъ по ступенямъ, по которымъ кажется, рѣдко кто ходитъ, мы вошли въ низкій корридоръ, прорѣзанный внутри горы. Во всю длину его идетъ рядъ четырехугольныхъ и круглыхъ столбовъ, которые съ удаленіемъ отъ входа становятся все выше и выше, потому-что верхняя часть корридора постепенно возвышается, а нижняя постепенно углубляется. Одинъ столбъ, измѣренный консуломъ Финномъ, имѣетъ 15 футовъ въ окружности. Мы взяли съ собою нѣсколько обломковъ камней на память.

Выйдя на ослѣпительный дневной свѣтъ, мы вступили въ мечеть Эль-Экбара. Бѣлыя стѣны со свѣжими вензелями калифовъ даютъ ей видъ новости. Потолокъ опирается на столбахъ, короткихъ аркахъ и разной формы пиластрахъ. Тамъ мы собрались у такъ-называемаго Моисеева колодца, изъ котораго г. Монтефіоре зачерпнулъ намъ освежительной влаги. Потомъ паша велѣлъ проводить насъ въ подземелье, находящееся подъ золотыми воротами. Оно, какъ видно, въ большомъ уваженіи у мусульманъ, которые всячески избѣгаютъ показывать его иновѣрцамъ, и даже хотѣли убѣдить насъ, что мы уже тамъ были, и что подземный корридоръ велъ насъ именно къ этому мѣсту; но, по приказанію паши, насъ повели въ подземелье, котораго сводъ опирается на шести прекрасныхъ колоннахъ. Свѣтъ проникаетъ туда чрезъ два отверстія, чрезъ которыя нѣсколько головъ смотрѣли на насъ съ удивленіемъ и любопытствомъ.

Съ одной стороны мечети воздвигнуть портикъ, поддерживаемый высокими тонкими колонками; подъ нимъ, для насъ, дамъ, разостлали

ковры, на которыхъ мы, окруженные стѣною изъ солдатъ, дожидались, пока Сэръ-Моисей окончить раздавать бакшишъ жадной толпѣ, собравшейся для получения отъ него подавня. Наконецъ мы возвратились въ сераль, послѣ слишкомъ двухчасовой прогулки по этимъ рѣдко-посѣщаемымъ мѣстамъ, въ которыхъ мы видѣли болѣе, нежели кто-либо изъ христіанъ, бывшихъ тамъ прежде насъ. Эрцъ-Герцогъ Максимилианъ и Герцогъ Брабантскій были далеко не такъ счастливы: известная щедрость Сера-Моисея Монтефиоре открыла нашему маленькому обществу все входы. Турки строго соблюдаютъ свою святыню, но за деньги—они не хуже насъ—продаютъ что угодно.

Покупка. (Разсказъ.) Вы знаете Гавръ де Грасъ, эту гавань Парижа, я говорю гавань Парижа, потому что, благодаря желѣзной дорогѣ, сблизившей Гавръ съ столицей Франціи, парижане, кажется, отказались отъ мысли заставить волны океана омывать башни Notre-Dame, довольствуясь кораблемъ на щитѣ ихъ городского герба. Гавръ можетъ быть совершенно спокоенъ. Парижъ оставляетъ ему его море, его корабли, которые возвращаясь изъ дальнихъ странъ, обыкновенно снабжаютъ магазины Гавра новыми рѣдкостями. Отправляясь на набережную Гавра, я не безъ удовольствія любовался синими, желтыми, голубыми и розовыми попугаями, раковинами оригинальной формы, корзинами, плетеными дикарями Мадагаскара, браслетами когда-то обвивавшими ручки вѣжныхъ подданныхъ королевы Помаре и данными въ залогъ любви французскимъ матросамъ, столь же неблагодарнымъ, сколько любезнымъ, зубами акулы, усамъ кита и тысячью другихъ чудныхъ трофеевъ трехъ царствъ природы.

Однажды я стоялъ передъ клеткою, наполненною воробьями съ острова Явы, какъ вдругъ услышалъ шумъ, обыкновенно сопровождающій кошачью драку. Оборотясь, я замѣталъ зеленую безхвостую африканскую обезьяну, которая, завидуя хвосту своей подруги, обезьяны южной Америки, хотѣла имъ овладѣть сквозь рѣшетку чего-то въ родѣ курятника, слишкомъ узкаго, чтобъ животное съ такою длинною частью тѣла какъ хвостъ, могло въ немъ удобно помѣщаться. Увидя приближавшагося хозяина, злой Африканецъ, привязанный, какъ галерный невольникъ, цѣпью къ ядру, отступилъ со стыдомъ, между тѣмъ, какъ Американецъ, помѣстивъ хвостъ между своими ногами, посмотрѣлъ на меня съ такимъ жалобнымъ видомъ, что я почувствовалъ къ нему невольное сожалѣніе.

— Что стоитъ эта обезьяна, спросилъ я, показавъ на клетку?

Какъ чистый нормандецъ, купецъ захотѣлъ воспользоваться моею молодостью, и можетъ быть моею англійскою физиономей и сказалъ мнѣ баснословную цѣну, прибавивъ:

— Возьмите лучше другую, я вамъ отдамъ ее за половину цѣны.

Но у обезьяны за половину цѣны было въ глазахъ столько злости, она обнаруживала характеръ столь сварливый, что я не купилъ ни той, ни другой. Это какъ мнѣ кажется послужило урокомъ для купца; придя на другой день, я узналъ, что бѣдная американская обезьяна была продана одному трактирщику города Бойе, и отправлялась съ нимъ въ свое новое жилище, я скрѣпилъ сердце и старался позабыть свой капризь.

На слѣдующій годъ, возвратившись, во время каникулъ, въ Нормандію, брать морскія ванны, я посѣтилъ г. Бойе, желая видѣть знаменитую вышивную работу, произведеніе супруги Вильгельма Завоевателя, этой Пенелопы среднихъ вѣковъ. Удовлетворивъ своему любопытству и торопясь возвратиться въ Гавръ, я велѣлъ позвать кучера, чтобъ его поторопить; но мнѣ сказали, что нашъ автомедонъ въ конюшнѣ, и я отправился туда. Вообразите мое пріятное удивленіе, когда я увидѣлъ въ конюшнѣ мою американскую обезьяну. Хозяинъ, убѣдившись въ тихомъ характерѣ животнаго, не держалъ его какъ прежде, въ запертой клеткѣ, а на длинной цѣпочкѣ, позволявшей обезьянѣ бѣгать по всей конюшнѣ, взбираться на ясли и вдоволь наскакавшись зарываться подъ сѣно и тамъ засыпать. Эта новая жизнь нравилась Жоко, что легко можно было замѣтить по его веселой минѣ; шерсть на хвостѣ выросла такъ изобильно, что снова могла бы возбуждать зависть африканской обезьяны. Но Жоко не боялся прежняго злаго сосѣда, онъ былъ единственная обезьяна гостиницы и пользовался большою популяренностью, хотя, какъ и всѣ фавориты, не могъ упрекнуть себя въ нѣкоторыхъ шалостяхъ. Дѣйствительно, Жоко съ его блестящими какъ алмазы глазами, съ эмалевыми зубами былъ пречудная обезьяна. Я не скажу, чтобъ его лапы были похожи на аристократическія ручки, которыми Наполеонъ и лордъ Байронъ такъ гордились, нѣтъ, это были обыкновенныя лапки обезьяны, удивлявшія своею ловкостью и проворствомъ. Но изъ всѣхъ органовъ въ особенности хвостъ, ставилъ Жоко на высокую степень, потому что онъ не былъ ни лишнимъ украшеніемъ, ни мухогонкой, но третьею рукой, употребляемой въ дѣло во многихъ случаяхъ. Иногда Жоко обвивалъ его вокругъ одной изъ поперечинъ рѣшетки и качался, какъ часовой маятникъ, иногда помощью его придвигалъ къ себѣ орѣхъ или миндаль, упавшій внѣ сферы дѣйствія его лапъ. Однимъ словомъ, плененный имъ уже прежде, я не могъ снова увидѣть Жоко, не пожелавъ обладать имъ, и рѣшился купить его, во чтобы то ни стало. Этотъ

разъ я торговался немного и возвратился ошачливленный своею покупкой.

Освобождаю читателя отъ описанія моего обратнаго пути въ Гавръ. Наконецъ мы въ отели; мое блаженство продолжается, хотя затрудненія уже явились.

Первый вопросъ, гдѣ помѣстить Жоко во время отсутствія его господина, молодого англискаго милорда, титуль, которымъ лакей и служанка меня величаютъ, какъ будто вмѣсто обезьяны я привезъ изъ Бойе грумма или лакея, вооруженнаго тростью съ золотымъ набалдашникомъ.... гдѣ помѣстить Жоко въ то время, когда я пойду гулять по городу, дѣлать визиты или брать морскія ванны?

Возлѣ моей комнаты былъ кабинетъ, въ который, желая выдти со двора, я заперъ Жоко, привязавъ цѣпью къ чему-то въ родѣ занавѣсной розетки, служившей для вѣшанія платья. Кабинетъ этотъ былъ настоящею темницей, въ которую онъ никакъ не рассчитывалъ попасть, и по виду, съ которымъ онъ на меня смотрѣлъ, когда я запиралъ двери, можно было заключить, что онъ подозрѣвалъ, что я расположенъ сыграть съ нимъ какую нибудь штуку. Возвратившись, я былъ пораженъ ужасомъ, какъ герой Энеиды.

Obstupui stete comae, fox faucibus haesit!

Кабинетъ, который часъ тому назадъ былъ обтянутъ великолѣпными обоями, Богъ знаетъ во сколько аршинъ, какъ говорила моя хозяйка, представлялъ взорамъ одни только ободраныя стѣны. Обрывки бумаги, покрывшіе паркетъ, очень легко показывали, чѣмъ занималось мое четырерукое животное. Розетки были скривлены, даже вырваны, въ особенности пострадала та, къ которой я привязалъ цѣпь плѣнника; отъ несчастнаго пальто, повѣшеннаго въ кабинетѣ, оставались только лохмотья, годныя для тряпичника. Послѣ этого перваго опыта я убѣдился, что Жоко во зло употребилъ свою свободу. Съ этихъ поръ нѣтъ возможности оставить ему такую длинную цѣпь. Я вздумалъ достать мѣшокъ изъ рода тѣхъ, которые нашли англискіе адвокаты, и теперь еще ташатъ за собой въ присутствіе, съ тою разицею, что эти господа помѣщаютъ въ нихъ судебныя дѣла, а не обезьянъ.

Мѣшокъ, на дно котораго я положилъ немного сѣна, сдѣлался жилищемъ Жоко, его переноснымъ домомъ и доставлялъ ту выгоду, что мнѣ стоило только стянуть шнурки отвертія, и моя обезьяна не могла выскочить, холеть же былъ слишкомъ крѣпокъ, чтобъ Жоко могъ его разорвать зубами; при всѣхъ усиліяхъ ему удавалось только заставить

вертѣться мѣшокъ по паркету или сдѣлать скачекъ. Въ этомъ-то мѣшкѣ моя обезьяна путешествовала со мною, когда я покинулъ Францію и отправился въ Саутгемптонъ. Когда я въ этомъ городѣ бралъ мѣсто на станціи желѣзной дороги, любопытный Жоко вдругъ выставилъ морду и сдѣлалъ гримасу чиновнику, раздававшему билеты. Чиновникъ сначала испугался, но почти тотчасъ же съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа оплатилъ за обиду, сказавъ мнѣ:

— А, у васъ собака, не угодно ли вамъ заплатить!

Напрасно я вынулъ изъ мѣшка мою обезьяну и показывалъ всю ея особу, напрасно я употреблялъ опредѣленія Бюффона и Кювье для доказательства, что животное, о которомъ шло дѣло, было не собака, а обезьяна, чиновникъ наставлялъ и я, боясь опоздать, рѣшился заплатить три шиллинга шесть пенсовъ тарифу. Но желая продолжить шутку, я вынулъ изъ кармана живую черепаху, случайно купленную мною наканунѣ на Гаврской набережной и, показывая ее чиновнику, спросилъ:

— Сколько я долженъ заплатить за это животное?

Чиновникъ поправилъ очки, пошелъ посоветоваться со старшимъ и возвратился съ нижеслѣдующимъ важнымъ административнымъ рѣшеніемъ:

— За этихъ животныхъ не платятъ—это насѣкомое.

Приѣхавъ въ Англію, я устроилъ для Жоко въ конюшнѣ комфортабельное помѣщеніе, сообщавшееся съ чердакомъ для сѣна, такъ, что онъ могъ идти спать на свободѣ въ верхнихъ областяхъ, или сходить и разгуливать во всю длину рѣшетки. Въ конюшнѣ обыкновенно не было другаго постояльца, кромѣ Жоко, но онъ не долженъ былъ оставаться вѣчнымъ владѣльцемъ этого жилища.

Въ одинъ изъ вечеровъ декабря глубокой снѣгъ покрылъ всю деревню. Ослица, которая въ теплое время проводила ночи на чистомъ воздухѣ, около стога сѣна, была поставлена въ зимнее жилище. За рѣшетку положили для нея избыточное количество сѣна, которое она принялась пожирать съ тѣмъ аппетитомъ, къ которому такъ способны этого рода животные. Часъ спустя одинъ изъ служителей вошелъ въ стойло, чтобъ повѣрить все ли въ порядкѣ. Къ его великому удивленію онъ увидѣлъ нашу бѣдную Женни, старавшуюся безъ видимой причины по возможности отдалиться отъ сѣна, за которое прежде принялась съ такою жадностью.

Не зная, въ чемъ дѣло, служитель далъ толчекъ бѣдному животному и заставилъ его придвинуться къ рѣшеткѣ. Тотчасъ тайна объяснилась. Оба длинные уха Женни были въ рукахъ Жоко, который принялся дѣлать самыя безобразныя гримасы и стучать зубами, какъ въ

пароксизмъ перемежающейся лихорадки. Женни отпрыгнула, едва не оборвавъ недоуздка, а Жоко зарылся въ сѣно, оставивъ маленькое отвертіе для наблюденія за движеніями своего непріятели. Негодай Жоко, увидя, что служитель наполняетъ сѣномъ ясли, вздумалъ туда спуститься и помѣшать Женни ужинать.

Хотя и не скоро, однакожь Женни и Жоко познакомились и сдѣлались друзьями. Очень смѣшно было видѣть Жоко, когда онъ нѣжно обнималъ голову ослицы и передразнивая, самъ того не зная, Титанію, въ одной изъ сценъ Шекспира, ласкающую своего любезнаго Биттома, искалъ между ея ушами своего лакомага блюда. Пони, помѣщенный для компаніи къ Женни, испыталъ сначала такой-же страхъ, но потомъ привыкъ къ ласкамъ моей обезьяны.

На своемъ посту Жоко развлекалъ себя ловленіемъ мышей. Мыши приходили пользоваться зернами овса, оставшимися въ ясляхъ, но прежде, чѣмъ могли туда проникнуть, должны были пройти возлѣ плута, который прикидывался спящимъ и вдругъ схватывалъ менѣе осторожную. Изувѣчивъ ее, чтобъ не ушла, онъ игралъ нѣкоторое время съ своей жертвой, искалъ у нея также лакомыхъ блюдъ и проглатывалъ ее цѣликомъ, какъ конфекту... Прожорство, котораго я никакъ не подозревалъ со стороны четырехрукой породы. Игра начиналась съ другой и такъ далѣе, пока послѣднія не утомляли терпѣнія Жоко, заставляя себя ждать слишкомъ долго; но я видѣлъ, какъ онъ съѣдалъ не менѣе семи мышей въ одинъ часъ.

Слуги, замѣтивъ этотъ талантъ, вообразили, что могутъ употребить Жоко въ свою пользу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и когда котъ заболѣлъ, то они въ оправданіе себя приводили силлогизмъ, не вполне подходящій подлѣ классическія правила Аристотелевой логики: обезьяны ловятъ мышей, какъ кошки, кошки ловятъ мышей ночью, следовательно и обезьяны должны ловить мышей ночью. Въ-слѣдствіе этого Жоко однажды вечеромъ былъ исторгнутъ изъ своей комфортабельной постели, изъ-подъ стога сѣна, и привязанъ въ кладовой откуда убрали всѣ съѣстные припасы, исключая банокъ съ вареньемъ, считая ихъ безопасными на верхней полкѣ и притомъ надѣясь на пергаментъ, которымъ онѣ были покрыты.

Ночь показалась длинною Жоко, очень удивленному, безъ всякаго сомнѣнія, подобнымъ обращеніемъ. Онъ забрался въ широкую миску, позволивъ столь мирному непріятели, какъ мыши прогуливаться взадъ и впередъ. Съ разсвѣтомъ мыши спрятались въ свои норы, а Жоко проснулся, почесался, уронилъ миску, которая разбилась въ мелкіе куски, и чувствуя аппетитъ, обвелъ кругомъ себя глазами Ар-

гуса. Банки съ вареньемъ привлекли его вниманіе, онъ захотѣлъ видѣть, что въ нихъ заключалось, сорвалъ пергаментъ, и открытіе его очаровало. Смородинное желе и мармеладъ изъ сливъ, абрикосовъ и апельсинавъ пришлись по его вкусу. Онъ не поцеремонился и опустошилъ всѣ банки съ лакомствами, которыми такъ гордилась наша кухарка. Какъ могу я передать всѣ проклятія, раздавшіеся въ кладовой, когда передъ завтракомъ захотѣли узнать, сколько мышей наловилъ Жоко, и вмѣсто того увидѣли похищенное варенье. Что касается до меня, я вписалъ въ число моихъ замѣтокъ натуральной исторіи слѣдующее: «Обезьяны предпочитаютъ мышамъ смородинное желе, мармеладъ изъ абрикосовъ, и проч.»

Нѣсколько дней спустя Жоко опять вошелъ въ милость и даже занималъ теплое мѣстечко въ кухнѣ подъ очажнымъ колпакомъ. Сверчокъ весело пѣлъ, а Жоко слушалъ, какъ вдругъ пѣвцу вздумалось оставить щель и перейти черезъ очагъ. Несчастный сверчокъ! Жоко его схватилъ и съѣлъ, сперва пожевавъ, какъ лакомка жуеетъ ногу бекаса.

Другая жертва былъ черный тараканъ, который ползъ, разчитывая поживиться крошкой, упавшей съ служительскаго стола. Открывъ, что моя обезьяна была также насѣкомоядна, я опрокинулъ западно, назначенную для таракановъ, которую обыкновенно держатъ въ нашихъ деревенскихъ кухняхъ. Нужно было видѣть съ какою ловкостью онъ окружилъ ихъ хвостомъ, чтобъ помѣшать бѣгству, и клалъ въ ротъ по два и по три заразъ, не успѣвая проглотить предъидущихъ. Я боялся, что желудокъ Жоко не сваритъ этихъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, и когда велъ Жоко въ конюшню, онъ безпрестанно оглядывался съ выраженіемъ эпикурейца, котораго заставили оставить столъ передъ десертомъ.

Рѣшительно Жоко предпочиталъ таракановъ вареньямъ, такъ, что когда онъ былъ не въ духѣ, я былъ совершенно увѣренъ, что пробужу его живость показавъ западно въ кухнѣ.

Но не слѣдуетъ забывать другаго насѣкомаго, до котораго онъ былъ такой-же лакомка, какъ и философъ Лаландъ—паука. Жоко безпрестанно охотился за этой дичью, преслѣдовалъ ее въ паутинѣ и иногда отрывалъ камень, чтобъ добраться до его норы. Онъ сдѣлался истинно ползень не только конюху въ конюшнѣ, но и служанкѣ въ домѣ. Я иногда привязывалъ веревочку къ цѣпочкѣ, желая доставить Жоко большій кругъ дѣйствія и заставлялъ его взбираться вдоль занавѣсъ на окнахъ гостиной. Ни одинъ изъ пауковъ, избѣжавшихъ метлы, не могъ укрыться отъ его зоркаго глаза. Однажды я сто-

яль у открытаго окна, держа довольно слабо цѣпь, къ которой была привязана моя обезьяна. Жоко вѣроятно понялъ выгоду своего положенія и прыгнулъ за окно, оставивъ меня удивленнымъ моею оплошностью и его коварствомъ. Со двора онъ перескочилъ въ садъ, а изъ сада, перепрыгивая чрезъ плетни и заборы, пустился бѣжать по деревнѣ, не смотря на цѣпь, которую поддерживалъ хвостомъ, боясь въ ней запутаться. Въ это время дѣти, сидѣвшіе на скамьяхъ въ школѣ, увидя бѣжавшаго передъ дверью Жоко, бросились, не смотря на угрозы учителя, велѣдъ за бѣглецомъ. Преслѣдованіе этой шумной арміи нисколько не сконфузило Жоко, онъ не позволилъ ни оглушить себя криками, ни настичь камнями и палками, которыя были впрочемъ брошены не съ намѣреніемъ его ранить, потому-что Жоко для школьниковъ не былъ непріятель, они скорѣе его вызывали на игру, чѣмъ объявляли войну. При каждомъ подвигѣ обезьяны, крики дѣлались одобряющими, фуражки и картузы лѣтали въ воздухъ, выражая радость. Однако Жоко, видя себя окруженнымъ, взлѣзъ на верхушку одной изъ трубъ; оттуда, не обращая вниманія на толпу дѣтей, онъ продолжалъ бѣжать и дѣлалъ такіе прыжки, которые довершили энтузіазмъ, куда одинъ негодяй, менѣе снисходительный, чѣмъ другіе къ обезьянѣ, заставившей прогуляться школу, или желая показать свое искусство въ мѣтаніи пращей, не попалъ въ Жоко голышемъ. Жоко сдѣлалъ ужасную гримасу, оскалилъ зубы, застучавъ ими, какъ кастаньетами, ощетинилъ шерсть, приподнялъ гордо своей хвостъ. Видя его въ этомъ положеніи можно-бы было подумать, что онъ выросъ вдвое. Казалось онъ хотѣлъ сказать противнику: «Начинай, если смѣешь, ты хочешь битвы на смерть? я жду!» Но противникъ не являлся, и Жоко видя, что ожиданіе его напрасно и какъ будто вызывая помѣряться быстротою бѣга, бросился на другую крышу, волоча свою цѣпь по черепицамъ съ такимъ шумомъ, что заставилъ содрогнуться стариковъ, оставшихся дома. Цѣлое селеніе подняло тревогу, и смятеніе заставило бы явиться полицію, еслибъ только она была у насъ. Въ этомъ селеніи былъ всего одинъ констебль, ремесломъ-булочникъ, который бросилъ квашню и съ бѣлымъ колпакомъ на головѣ, засучивъ свои запыленные мукой рукава, вооружился эмблематическимъ жезломъ своихъ обязанностей. На вопросъ констебля кого слѣдовало арестовать, церковный сторожъ, прибывшій въ свою очередь, указалъ ему на обезьяну, какъ на единственнаго преступника.

— Ну, такъ арестовать обезьяну, вскричалъ констебль.

При этомъ приказѣ законнаго арестованія въ погоню за Жоко бросилось все селеніе. Усталъ-ли Жоко отъ своей прогулки, или раска-

явался, не знаю, но во всякомъ случаѣ онъ воротился, взобрался на дерево, съ дерева соскочилъ на садовую стѣну, обошелъ по ней кругомъ, соскочилъ на землю и перебѣжалъ черезъ дворъ въ конюшню, пройдя вмѣсто двери въ окно. Тамъ онъ забился подъ сѣно, и эта первая шалость, побѣгъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдней. Но онъ долго питалъ неприязнь противъ всей школы за ударъ камнемъ; никогда мальчикъ въ формѣ приходской школы не могъ къ нему подойти безъ того, чтобъ онъ не кинулся укусить. Побѣги, которые Жоко позволялъ себѣ въ послѣдствіи, если случайно былъ отвязанъ, увѣрили меня, что онъ навсегда отказался странствовать по деревнѣ.

Однажды онъ проникнулъ въ лакейскую, гдѣ слуга точилъ ножи. Жоко захотѣлъ также точить, но не смотря на всю свою понятливость, дурно принялся за дѣло, схвативъ лезвіе вмѣсто ручки, и мы на другой день увидѣли преогромный рубецъ на его ладони. Онъ не былъ счастливѣе, когда началъ чистить сапоги въ подражаніе Дику, нашему грумму, который позволилъ Жоко входить къ нему въ комнату. Жоко неудовольствовался наведеніемъ лака на подошвѣ, онъ налилъ жидкость въ самые сапоги. Три дня спустя, нисколько не обезкураженный своими несчастными опытами, онъ снялъ все подсвѣчники и поставилъ передъ очагомъ, должно быть желая просушить мѣдъ: салныя и восковыя свѣчи растаяли отъ жара, и сало потекло по очагу. Вѣроятно Жоко потомъ обратилъ вниманіе на изящныя искусства, потому что пріобрѣтя гдѣ-то карандашъ, онъ начертилъ на всѣхъ стѣнахъ эскизы, которые заставили-бы содрогнуться Микель Анджело и Рафаэля.

Жоко былъ очень чистоплотенъ и заботился также о своей шерсти, какъ горностаи о своемъ бѣломъ мѣхѣ: самый строгій мусульманинъ не исполняетъ своихъ обливаній точнѣе. Когда наливали въ лоханку теплой воды, Жоко изъ предосторожности обмакивалъ сперва кончики пальцевъ, чтобъ испытать температуру, потомъ вводилъ одну ногу за другою, наконецъ садился на корточки, какъ Венера во время купанья, и взявъ плиточку мыла, теръ имъ все тѣло. Эта операція продолжалась до-тѣхъ-поръ, покуда вода сохраняла теплоту. Жоко не дождался, чтобъ вода совершенно простыла, выскакивалъ изъ лоханки и просушивался съ комфортомъ передъ печкой. Я не посовѣтовалъ-бы вамъ смѣяться, когда онъ былъ въ водѣ. Жоко заставлялъ почитать таинства туалета и забрызгалъ-бы насмѣшника съ ногъ до головы.

Однажды, когда меня не было дома, моя обезьяна едва не лишила себя жизни. Впрочемъ, я не ручаюсь за дѣйствительность этого эпизода его жизни, потому-что не былъ очевидцемъ. Большой котелъ стоялъ на очагѣ, и вода была еще тепла; никого не было, и Жоко вздумалъ

этимъ воспользоваться. По обыкновенію онъ сначала обмочилъ ланки и наконецъ рѣшился погрузиться весь, но коснувшись дна не могъ вытерпѣть жара, и своимъ спасеніемъ обязанъ былъ кухаркѣ, которая явилась какъ разъ въ то время, когда онъ, не зная, какъ выбраться, испускалъ плачевные крики. Я думаю впрочемъ, кухарка преувеличила опасность, чтобъ болѣе гордиться спасеніемъ моего фаворита, хотя она и увѣряла, что пробуя воду, замѣтила въ ней вкусъ обезьяннаго бульона.

Если френологи открыли шишку разрушенія у четверорукихъ, то эта шишка, должно быть, у Жоко была очень развита. Онъ не былъ спокоенъ до-тѣхъ-поръ, покуда не изрывалъ и не изрѣзывалъ всего, что только не было предохранено отъ этой маніи. Нисколько не любезный съ дамскимъ поломъ, онъ не уважалъ ни платьевъ, ни шалей. Тѣ, которыя подпускали его къ себѣ слишкомъ близко, вѣрно раскаявались въ этомъ, потому-что онъ не удалялся, не разорвавъ какой-нибудь части ихъ туалета. Была только одна особа прекраснаго пола, къ которой Жоко питалъ уваженіе и даже привязанность. Впрочемъ, эта дама очаровывала всѣ созданія. Жоко смирялся передъ этимъ ангеломъ, облеченнымъ въ женскую форму, и получивъ позволеніе, засыпалъ на его колѣнахъ, мечтая, безъ сомнѣнія, что есть также Эльдorado и для обезьянъ.

Разрушительные инстинкты Жоко едва не сдѣлались и для меня гибельными. Я былъ въ то время студентомъ Оксфордскаго университета, и по окончаніи каникулъ увезъ обезьяну съ собою. Университетскій чиновникъ, снабженный схоластическимъ статутомъ, обязанъ былъ брать штрафъ за собакъ;—естественную исторію, какъ я убѣдился, онъ зналъ ни чуть не больше Соутгемптонскаго чиновника желѣзной дороги. Онъ также увѣрялъ, что Жоко принадлежалъ къ песьей породѣ, заставилъ заплатить штрафъ и посоветовалъ скрыть обезьяну отъ взоровъ любопытныхъ, и мѣшокъ, подобный вышеописанному, пошелъ опять въ дѣло. Жоко понялъ, что своєю нескромностью можетъ меня ввести въ издержки, и когда подозрительные шаги раздавались въ корридорѣ, поспѣшно скрывался въ мѣшокъ.

Наконецъ наступилъ день моего экзамена,—день страшный, потому-что экзаменаторъ совѣтуется съ реестромъ замѣтокъ и заставляетъ дорого платить за всѣ нарушенія правилъ, которые тамъ вписаны въ теченіе полугодія. На меня донесли, что презирая университетскія постановленія, я держалъ у себя *собаку*, поэтому я удвоилъ стараніе, чтобы своими отвѣтами склонить судью къ снисхожденію. Въ-особенности я надѣялся этого достигнуть, составивъ тетрадь, куда переписи-

саль набѣло со всеми каллиграфическими фюритурами анализъ курсовъ ученаго профессора. Словесные отвѣты мои были удовлетворительны и экзаменаторъ спросилъ меня самъ:

— Есть у васъ тетрадь анализа?

— Да, отвѣчалъ я съ торжествующимъ видомъ.

Тутъ я примѣтилъ, что не принесъ ее съ собой и побѣжалъ искать... Увы! судите о моемъ ужасѣ, когда войдя въ мою комнату, я увидѣлъ мою прекрасную тетрадь изорванную въ мелкіе куски.

— Жоко, вскричалъ я:—мы пропали!

Жоко, казалось, не чувствовалъ важности своего преступления; несчастный принялся еще смѣяться, видя, что я собираю дрожащей рукой остатки трехмѣсячной прилежной работы. У меня даже не достало духу бранить Жоко, чтобъ заставить по-крайней-мѣрѣ уважать мою горестъ.

Собравъ сколько было возможно лоскутки тетради, я вошелъ блѣдный съ поникшей головой въ залу экзамена. Экзаменаторъ, уже удивленный моимъ продолжительнымъ отсутствіемъ, еще болѣе удивился, увидя лоскутки, которые я несъ. Расказавъ въ короткихъ словахъ, что со мною случилось, я ожидалъ въ молчаніи своего приговора. Съ благосклонностью, которая начала меня понемногу ободрять, онъ принялъ на себя трудъ сложить нѣсколько страницъ, и между прочимъ одну, на которой была начерчена діаграмма, тѣмъ болѣе замѣчательная, что ея чертила рука искуснѣе моей.

— Очень хорошо! сказала мнѣ наконецъ экзаменаторъ. Я вижу, вы сдѣлали все, что было въ вашихъ силахъ. Вы получите дипломъ.

Моя радость была слишкомъ велика, чтобъ я въ свою очередь не оказалъ милосердія. Единственное наказаніе, назначенное мною Жоко, состояло въ томъ, что я посадилъ его въ мѣшокъ, который повѣсилъ на три часа на занавѣсную розетку, гдѣ обыкновенно висѣла моя шляпа.

Но увы!

Жоко получилъ воспаленіе горловыхъ вѣтвей. Мы закутали его въ фланель, помѣстили возлѣ огня, заставили содержать діету, расточали всевозможныя старанія... онъ умеръ.

Изъ шкуры моей обезьяны я велѣлъ сдѣлать маленькій коверъ, и тараканы могли вымѣстить всю свою злость надъ трупомъ Жоко, отъ котораго остался одинъ только оставъ, висающій теперь въ моемъ кабинетѣ.

Et dans un cabinet il pose artistement,

Etant son propre monument.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 10.

БЪДА БЫТЬ ТАКИМЪ!

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ПРЕДСТАВЛЕНЪ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ

НА МОСКОВСКОМЪ МАЛОМЪ ТЕАТРѢ,

10-го декабря, 1854 года, въ бенефисъ г-жи Львовой-Синецкой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЬФОНСЪ де БОДЕЮИ.

Г. Шумскій.

БЕКАМЕЛЬ.

Г. Живокини.

КЛАРА, его дочь.

Г-жа Бороздина.

ЖЮРАНСОНЪ, его другъ.

Г. Садовскій.

МИШЕЛЬ, слуга Бекамеля.

Г. Востоковъ.

ДОМИНИКЪ, слуга Бодедюи.

Г. Завьяловъ.

Дѣйствіе происходитъ у Бодедюи, во Франціи.

Деревенскій салонъ; дверь въ глубинѣ, двери по сторонамъ. Направо окно. На авансценѣ, направо, столъ. Другой небольшой столикъ нальво, у стѣны. Гравюры въ рамкахъ. Стулья. Направо, на столѣ, начатое шитье. Дверь въ глубинѣ отворяется въ садъ.

I.

МИШЕЛЬ, потомъ ЖЮРАНСОНЪ и потомъ БЕКАМЕЛЬ.

МИШЕЛЬ (*сидитъ у стола направо и читаетъ журналъ*) «Да, мы не перестанемъ повторять, что общество потрясено въ самомъ основаніи... и если спросить у насъ средство... мы укажемъ его»... (*говоритъ*) Вишь какъ умны больно... (*читаетъ.*) «Франція съ 89 года»...

ЖЮРАНСОНЪ (*входя въ дверь въ глубинѣ сцены*) Мишель!

МИШЕЛЬ (*не трогаясь съ мѣста*) А, это вы... Здравствуйте, г. Жюрансонъ, здравствуйте... (*читаетъ.*) «Франція съ 89 года»...

ЖЮРАНСОНЪ. Бекамель гдѣ?

МИШЕЛЬ. У себя въ комнатѣ. (*зоветъ*) Г. Бекамель, баринъ, а баринъ!

БЕКАМЕЛЬ (*за сценою нальво*) Чтó?

МИШЕЛЬ. Вашъ другъ васъ спрашиваетъ... поскорѣе-же.

БЕКАМЕЛЬ (*за сценой*) Сейчасъ.

МИШЕЛЬ (*Жюрансону*) Сейчасъ выйдетъ.

ЖЮРАНСОНЪ А, у тебя сегодняшняя газета? (*протягиваетъ руку, чтобы взять газету*)

МИШЕЛЬ. Да, сегодняшняя (*принимаясь опять за чтеніе*) «Франція съ 89 года»....

БЕКАМЕЛЬ (*входя слева*) Какъ, Жюрансонъ, мой другъ, мой старый сосѣдъ... Какъ я радъ тебя видѣть... Ты завтракаешь еъ нами.

ЖЮРАНСОНЪ. Нѣтъ, спасибо, въ два часа я принимаю лекарство...

БЕКАМЕЛЬ. Какъ?... Ты принимаешь лекарство? Развѣ ты боленъ?

Жюрансонъ. Нѣтъ, здоровъ.

Бекамель. Такъ зачѣмъ-же ты лечишься?

Жюрансонъ. Это, вотъ видишь, предохранительное средство; его рекомендуютъ всегда предъ путешествіемъ... А такъ-какъ черезъ три дня я ѣду въ Москву...

Бекамель. Какъ! ты ѣдешь... и безъ меня...

Мишель (*всторону, съ нетерпѣніемъ, вставая въ мѣста и пересаживаясь на другую сторону стола.*) Эхъ, какъ надоѣли, мѣшаютъ, я не понимаю, что читаю... (*снова принимаясь за чтеніе.*) «Франція съ 89 года»...

Бекамель. Ну, Жюрансонъ, не ждалъ я отъ тебя этого... Ты общалъ подождать, меня.

Жюрансонъ. Да я вѣдь тебя жду цѣлые 19-ть лѣтъ... Вспомни, ты самъ подбилъ меня ѣхать, наговорилъ просто чудеса про Россію; помнишь, я сначала и слушать не хотѣлъ. Ну, что, говорю, за охота, ѣхать въ страну, гдѣ люди мерзнутъ, а ты и началъ говорить и то и сѣ, говорилъ, что и страна богатая, и люди добрые, гостепріимные, и состояніе себя легко составить, а о Москвѣ просто чудеса рассказывалъ.

Бекамель. И говорилъ все сущую правду.—Мой покойный дядюшка поѣхалъ въ Москву безъ ничего... какъ есть безъ ничего... Завелъ тамъ, чортъ знаетъ что такое, а тетюшка была гувернанткой что-ли! Такъ что-жъ-бы ты думалъ?!—Возвратился оттуда съ полнымъ карманомъ, нажился... нажился, братецъ, богачемъ страшнымъ сталъ. О, дядюшка, всегда со слезами на глазахъ вспоминалъ о матушкѣ-Москвѣ, какъ онъ называлъ ее, и всегда говорилъ мнѣ:

Если ты лишился мѣста,
Не берутъ ужъ ни къ кому,
Если надобна невѣста,—
Такъ ступай скорѣй въ Москву.

Гдѣ копейку зашибаетъ
Удалая голова,
Безъ-разчета кто питаетъ
Праздныхъ?—матушка-Москва!

Денегъ гдѣ на жизнь не нужно,
Коль разсчитать есть въ головѣ?
Гдѣ такъ кормятъ всѣхъ радушно,
Гдѣ?—все въ матушкѣ-Москвѣ!

Гдѣ въ весельи протекаетъ
Жизнь, и скукъ нѣтъ часа?
Кто такъ денежки мотаетъ,
Кто?—все матушка-Москва.

Кто несчастнымъ помогаетъ?
Въ удовольствіяхъ-она
Бѣдныхъ все не забываетъ,
Златоглавая Москва.

Раззорился ты пожаромъ,
Дастъ приютъ склонить главу,
Вѣдь кормилицей не даромъ,
На Руси зовутъ Москву.

Жюрансонъ. Ну что-жъ ты самъ такъ хвалишь Москву, а не ѣдешь? Вѣдь вспомни, я тебя жду цѣлыя 19-ть лѣтъ.

Бекамель. Я не виноватъ, обстоятельства, душа моя, обстоятельства; разъ мы ужъ совсѣмъ собрались вхатъ...

Жюрансонъ. Да, мы тогда были оба холостяки—мы взяли мѣста...

Бекамель. Вдругъ меня женятъ.

Жюрансонъ. Ты просишь у меня отсрочки, чтобъ провести съ женою медовый мѣсяцъ.

Бекамель. Ну, нельзя-же братецъ, нельзя-же...

Жюрансонъ. Я согласился, потерялъ деньги за мѣста... Ну, тутъ жена твоя сдѣлалась, какъ говорится, въ интересномъ положеніи...

Бекамель. Я невиноватъ.

Жюрансонъ. А ужъ я-то и подавно.

Мишель (*всторуку вставая и садясь въ глубинѣ сцены, направо отъ дверей*) Чортъ возьми!.. Нѣтъ никакой возможности... читать не даютъ... (*читая*) «Франція съ 89 года»...

Жюрансонъ. Не могъ-же я уѣхать изъ отечества, не обнявъ своего ребенка...

Жюрансонъ. Опять пропали деньги за мѣста... Ну, у тебя родилась дочка... ты ее обнимаешь, а я говорю: кажется теперь мы ѣдемъ!.. Анъ не тутъ-то было. Ты говоришь мнѣ: подожди, надо ей оспу привить... Ну, дожидаясь... потомъ говоришь... подожди, дай у ней зубки прорѣжутся... ну, жду... подожди, дай ей кончить свое воспитаніе, — ну, опять жду... Да долго-ли наконецъ буду я ждать?..

Бекамель. Вотъ другъ-то... просто расцѣловать стѣбитъ.

Жюрансонъ. Однакожъ, чортъ возьми, не могу-же я всю жизнь платить даромъ деньги за мѣста.

Бекамель. Я прошу у тебя отсрочки, братецъ, только на нѣсколько дней... Слышишь ты, только на нѣсколько дней.

Жюрансонъ. Но зачѣмъ, зачѣмъ?..

Бекамель. Какъ зачѣмъ, братецъ. Дочку замужъ надо выдать.

Мишель (*всторону, вставая и пересаживаясь снова на прежнее мѣсто*) Нѣтъ силъ просто... читать не дадутъ (*читаетъ*) «Франція съ 89 года»...

Жюрансонъ. А, замужство... Ну, эти дѣла скоро не дѣлаются...

Бекамель. Эхъ, братецъ, у кого другаго не скоро... а моя Кларочка не засидится... Я вѣдь славное приданое ей дамъ... Да притомъ скажу тебѣ по секрету (*таинственно*) тсъ! У меня есть кое-кто на-примѣть для моей Кларочки.

Жюрансонъ. А! такъ вотъ что!

Бекамель. Меня удивляетъ только, что я не получилъ отвѣта. (*громко, подходя къ Мишелю*) Мишель!

Мишель (*не переставая читать*). Что угодно?... (*всторону*) Просто невыносимо!

Бекамель. Что, сегодня не было ко мнѣ письма?

Мишель. Было.

Бекамель (*живо*) Гдѣ-жъ оно?

Мишель. У меня въ карманъ.

Бекамель. Подай-же, братецъ, подай скорѣе.

Мишель (*не трогаясь*) Сейчасъ... Да возьмите сами... вотъ у меня въ правомъ карманъ... подъ трубкой...

Бекамель (*беретъ письмо у Мишеля изъ кармана*) Спасибо! (*распечатываетъ*) Оно и есть!

Мишель (*всторону, вставая и переходя сцену*) Нѣтъ, просто, отъ мѣста откажусь!.. (*вслухъ*) Г. Бекамель!

БЕКАМЕЛЬ (*пробывая письмо*). Что тебѣ?

МИШЕЛЬ. Я уйду.

БЕКАМЕЛЬ. Ну, ступай, братецъ.

МИШЕЛЬ (*всторону*). Просто нестерпимо: (*уходитъ въ дверь въ глубинѣ, читая*) «Франція съ 89 года»...

II.

ЖЮРАНСОНЪ и **БЕКАМЕЛЬ**.

ЖЮРАНСОНЪ (*смотря на уходящаго Мишеля*). Какой грубиянъ у тебя слуга.

БЕКАМЕЛЬ. Да онъ у меня почти не слуга, а домашній другъ, свой, братецъ, человекъ... онъ мой крестникъ... (*дочитавъ письмо*) Bravo... Жюрансонъ! дѣло въ шляпѣ.

ЖЮРАНСОНЪ. Что?

БЕКАМЕЛЬ. Это письмо отъ жениха,—отъ г. Куку.

ЖЮРАНСОНЪ. Что это за Куку?

БЕКАМЕЛЬ. Адвокатъ. Мы ужъ съ нимъ сладили... Онъ придетъ сегодня завтракать и сдѣлаетъ предложеніе.

ЖЮРАНСОНЪ. Ну, что, а говорилъ ты съ дочкой?

БЕКАМЕЛЬ. Нѣтъ еще... Но она его знаетъ... Дѣло скоро сладится.

ЖЮРАНСОНЪ. Когда-жъ мы ѣдемъ?... Надобно непременно срокъ назначить, да ужъ навѣрное...

БЕКАМЕЛЬ. Постой... Сегодня первое... пятнадцатаго свадьба... шестнадцатаго...

ЖЮРАНСОНЪ. Мы будемъ укладываться.

БЕКАМЕЛЬ. Хорошо... Такъ и быть... шестнадцатаго мы укладываемся... а семнадцатаго...

ЖЮРАНСОНЪ. Мы ѣдемъ.

БЕКАМЕЛЬ. Идетъ.

ЖЮРАНСОНЪ. Ну, такъ смотри, ужъ не откладывай... Я возьму билеты... Но это въ-последній разъ... даю слово...

БЕКАМЕЛЬ. Будь покоенъ, не обману...

ЖЮРАНСОНЪ. Такъ я пойду, распоряжусь насчетъ билетовъ

БЕКАМЕЛЬ: Ступай... (*Жюрансонъ уходитъ въ дверь въ глубинѣ сцены*).

III.

БЕКАМЕЛЬ, потомъ **КЛАРА**.

БЕКАМЕЛЬ. Мой зять скоро будетъ сюда... Надо дочку приготовить... Она у меня такая, знаете...

(Клара, напивая, сбываетъ справа).

Пьеръ сказалъ Жанеттѣ,

Больше всѣхъ на свѣтѣ,

Я люблю тебя;

Тра ла, ля, ля!

И въ отвѣтъ Жанетта,

Говорить на это:

Знаю это я!

Тра ла, ля, ля!

Папа, ключъ у тебя... макароновъ нѣтъ.

БЕКАМЕЛЬ. Дочь моя, дѣло идетъ не о макаронахъ; настала минута, торжественная минута. Я хочу говорить съ тобой о дѣлѣ, о важномъ дѣлѣ, дитя мое... (садится).

КЛАРА. Ахъ, Боже мой!

БЕКАМЕЛЬ (принимая серьезный видъ). Клара, думала-ли ты когда-нибудь о замужествѣ...

КЛАРА. О, какъ-же, папа... очень часто...

БЕКАМЕЛЬ. А, ты думала... ну, такъ я скажу тебѣ: этотъ торжественный часъ насталъ.

КЛАРА. Въ-самомъ-дѣлѣ?.. Что, онъ хорошъ?..

БЕКАМЕЛЬ. Кто?

КЛАРА. Мой женихъ?

БЕКАМЕЛЬ. Какъ-же, душка, какъ-же... человекъ, какъ слѣдуетъ, человекъ хладнокровный.

КЛАРА (дѣлая гримасу). А...

БЕКАМЕЛЬ. Человекъ положительный, акуратный, превосходно понимаетъ дѣла, у него сто-восемь акцій желѣзной дороги.

КЛАРА. Я у васъ не объ этомъ спрашиваю. Что, онъ блондинъ, брюнетъ, съ усиками?

БЕКАМЕЛЬ. Что ты... усы, у адвоката.

КЛАРА. А, такъ онъ адвокатъ?

БЕКАМЕЛЬ. Да, адвокатъ, душечка, адвокатъ... И ты не догадываешься-кто?

КЛАРА. Нѣтъ, папа.

БЕКАМЕЛЬ. Ну, такъ это г. Куку...

КЛАРА (съ недовольнымъ видомъ). Г. Куку? Такъ онъ?..

БЕКАМЕЛЬ. Что ты?

КЛАРА. Да, папа, вы думаете что пріятно называться г-жею Куку. Всякій будетъ спрашивать, кто это, а тутъ скажутъ:

Куку. Фи, какъ гадко... Нѣтъ, папа, ни за что на свѣтъ... Г-жа Куку,—вотъ что выдумали.

БЕКАМЕЛЬ. Дурочка, дурочка, это такая фамилія. Что за нужда до фамиліи, былъ-бы женихъ хорошъ.

КЛАРА. Нѣтъ, папа, фамилія дурна, такъ ужъ и женихъ дурень.

БЕКАМЕЛЬ. А чѣмъ-же онъ дурень, душечка?

КЛАРА. Да онъ немолодъ, косою, заикается, поетъ фальшиво, косолапый,—что за пріятность.

БЕКАМЕЛЬ. Но подумай, дитя мое...

IV.

Тѣже, МИШЕЛЬ, потомъ БОДЕДЮИ.

МИШЕЛЬ (*входя*). Г. Бекамель!

БЕКАМЕЛЬ. Что?

МИШЕЛЬ. Тамъ къ вамъ пріѣхалъ какой-то баринъ, верхомъ, желаетъ васъ видѣть.

БЕКАМЕЛЬ. Кто такой?

МИШЕЛЬ (*подавая ему карточку*). Вельвъ отдать вамъ карточку.

БЕКАМЕЛЬ (*читая карточку*). Альфонсъ де Бодедюи... Бодедюи... Чортъ знаетъ, что за имячко, и не выговоришь... я его не знаю...

МИШЕЛЬ. Говорить, что ему нужно, онъ торопится.

БЕКАМЕЛЬ. Ну, позови его.

МИШЕЛЬ (*кричитъ въ дверь*). Эй, сударь...можете войти.

БОДЕДЮИ (*появляется въ дверяхъ въ глубинѣ сцены и останавливается на порогѣ*).

МИШЕЛЬ (*грубо*). Войдите, что въ дверяхъ-то встали.

БОДЕДЮИ (*входя, Мишелю*). Ты бы могъ, мнѣ кажется, доложить обо мнѣ какъ-нибудь повѣжливѣе. (*Онъ въ скрутку, блоню жилетъ бѣлыхъ перчаткахъ, съ хлыстикомъ въ рукахъ*).

БЕКАМЕЛЬ (*подходя и снимая колпакъ*). Что вамъ угодно?

БОДЕДЮИ. Если я не ошибаюсь, я имѣю честь говорить съ Г. Бекамелемъ.

БЕКАМЕЛЬ. Не ошибаетесь, точно это я.

БОДЕДЮИ (*клянясь*). Я въ восторгъ! (*увидавъ Клару*). Ваша дочь, если не ошибаюсь.

БЕКАМЕЛЬ. Не ошибаетесь.

БОДЕДЮИ. Мнѣ, позвольте мнѣ засвидѣтельствовать вамъ мое...

КЛАРА. Благодарю... (*присъдастъ. Всторону*) Онъ очень учтивъ (*садится у стола и шьетъ*).

БЕКАМЕЛЬ. Вы желали говорить со мною?

БОДЕДЮИ. Точно такъ... и за этимъ нарочно прѣхаль изъ Парижа верхомъ... цѣлыхъ восемнадцать миль... Впрочемъ я люблю это упражненіе... мнѣ это очень полезно... потому-что верховая ѣзда, вы знаете...

БЕКАМЕЛЬ (*прерывая его*). Извините, но вы хотѣли (*Мишель переходитъ направо*)...

БОДЕДЮИ (*извиняясь*). Ахъ, да, извините... (*перемѣняя тонъ*). Милостивый Государь, я имѣю удовольствіе сообщить вамъ... довольно непріятное извѣстіе...

БЕКАМЕЛЬ, МИШЕЛЬ и КЛАРА. Какъ?..

БОДЕДЮИ. Три мѣсяца тому назадъ... въ одинъ прекрасный, весенній вечеръ... когда заходящее солнце озаряло горизонтъ золотомъ своихъ послѣднихъ лучей...

БЕКАМЕЛЬ. Но, сударь...

БОДЕДЮИ (*извиняясь*). Ахъ, да, извините... (*продолжая свой рассказъ*). Я прогуливался по бульвару, передъ кофейною Верона... Кофейную Верона знаете?

БЕКАМЕЛЬ. Да... знаю... (*надъвѣваетъ снова колмакъ на голову*).

БОДЕДЮИ (*смотритъ на него съ минуту, всторону*). Что это, онъ въ шапкѣ (*оскорбленный неучтивостью Бекамеля, надъвѣваетъ самъ шляпу*). Вдругъ мимо меня очень скоро проходитъ одинъ изъ моихъ друзей... Я снимаю шляпу... (*снимаетъ шляпу съ намъреніемъ*). Я очень учтивъ, сударь.

БЕКАМЕЛЬ. Я нисколько не сомнѣваюсь... Но что-же за извѣстіе...

МИШЕЛЬ (*всторону*). Болтунъ!

БОДЕДЮИ (*видя, что Бекамель не снимаетъ колмака, снова надъвѣваетъ шляпу*). Сію-минуту приступаю къ дѣлу... Я снимаю шляпу... и вмѣсто того, чтобъ отвѣтить тѣмъ-же на мою учтивость... этотъ невѣжда продолжаетъ спокойно идти себѣ.

МИШЕЛЬ (*подходя къ Бодедюи*). Ну, это не-ладно.

БОДЕДЮИ (*Мишелю*). Любезный, я не имѣю привычки разговаривать съ лакеями (*Бекамелю*). Этотъ невѣжда спокойно продолжаетъ идти себѣ...

БЕКАМЕЛЬ. Но я не понимаю...

БОДЕДЮИ. Задѣтый за живое, я бѣгу за нимъ, догоняю его почти у самой заставы, хватаю за платье и вижу...

БЕКАМЕЛЬ (*съ нетерпѣніемъ*). Вашего пріятеля?..

БОДЕДЮИ. Совсѣмъ нѣтъ, челоѡвка вовсе мнѣ незнакомаго!..

Я ошибся!

БЕКАМЕЛЬ. А! (*всторону*). Мнѣ то что-жь до этого за дѣло!..

БОДЕДЮИ. Я говорю ему: «милостивый государь, это я имѣлъ честь поклониться вамъ у кофейной Верона...» Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «я васъ не знаю...»

БЕКАМЕЛЬ. А!

БОДЕДЮИ (*продолжая*). И я васъ, милостивый государь, незнаю, однакожь я вамъ поклонился!.. Хотите вы, или нѣтъ, отдать мнѣ мой поклонъ? «Вы мнѣ надобли!» отвѣчаетъ онъ. «Если такъ, то вы невѣжда»—говорю я...

БЕКАМЕЛЬ. О!

БОДЕДЮИ (*съ жаромъ Бекамелю*). Да, сударь, каждый челоѡвкъ, который на вашъ поклонъ не сниметъ шляпы—невѣжда... развѣ онъ только будетъ съ открытою головою...

КЛАРА (*всторону*). Какой онъ странный!

БОДЕДЮИ. Однимъ словомъ: мы обмѣнялись другъ съ другомъ эпитетами, неслишкомъ благозвучными... вокругъ насъ собралась толпа,—и я сунулъ ему карточку и вызвалъ его на дуэль.

БЕКАМЕЛЬ. Но всё-таки это не объясняетъ мнѣ...

БОДЕДЮИ. Сю-минуту все объяснится... (*обидѣвшись*). Впрочемъ, если я вамъ надобдаю, я удалюсь.

МИШЕЛЬ. Нѣтъ... продолжайте...

БОДЕДЮИ (*Мишелю, иронически*). Вы слишкомъ добры... (*всторону*). Лакей-то изволить вмѣшиваться... (*вслухъ, Бекамелю*). Черезъ два дни потомъ, двадцать-седьмаго марта, или нѣтъ, двадцать-восьмаго, нѣтъ это было двадцать-девятаго...

БЕКАМЕЛЬ. Все-равно, ну что-же...

БОДЕДЮИ. Да, двадцать-девятаго марта!.. ахъ, нѣтъ, это было двадцать-седьмаго... нѣтъ двадцать-восьмаго...

БЕКАМЕЛЬ (*всторону*). Ну, онъ никогда не кончитъ... (*сидится на стулѣ*).

БОДЕДЮИ (*смотритъ на него, беретъ стулъ въ глубинѣ сцены, садится подлѣ Бекамеля и продолжаетъ*). Да, тридцатаго марта, или нѣтъ, двадцать-девятаго... но все-равно... не въ этомъ дѣло... я получаю повѣстку изъ полиціи... меня обвиняютъ въ покушеніи на убійство... за поклонъ... Какъ вамъ это кажется?..

БЕКАМЕЛЬ. Мнѣ?... мнѣ кажется, что всё это (*всторону*) слишкомъ длинно. (*встаетъ и переходитъ направо*).

Мишель (*Бодедю, фамильярно садясь подль него, на мѣсто Бекамеля*). Ха, ха, за поклонь-то,—это забавно... Что-жь дальше-то?

Бодедю (*Мишелю, вставая*). Любезный, не угодно-ли тебѣ пойти въ переднюю... (*Бекамелю*) Вашъ лакей слишкомъ ужъ фамильярно обращается. (*Мишель относитъ въ глубину сцены стулъ, на которомъ сидѣлъ Бодедю, и снова подходитъ къ нему*).

Бекамель (*съ намѣреніемъ*). Это мой крестникъ.

Бодедю (*сухо*). Да не мой (*продолжаетъ разсказъ*). Когда у кого процессъ, первое дѣло (*увидавъ, что Мишель подошелъ къ нему и слушаетъ, онъ смотритъ на Бекамеля, потомъ видя, что тотъ ничего не говоритъ, поспѣшно переходитъ на другую сторону и продолжаетъ*). Первое дѣло—взять себѣ адвоката... ну, я и взялъ себѣ. (*Бекамель колотитъ пальцами по табакеркѣ съ нетерпѣніемъ*).

Бодедю (*оскорбившись*). Если я вамъ наскучилъ... я удаляюсь...

Бекамель. Продолжайте.

Бодедю. Мы являемся передъ судилище; мой адвокатъ встаетъ... Это животное... извините за выраженіе, я имѣю свои причины такъ выразиться, а то я очень учтивъ... это животное (*останавливается, увидавъ, что Бекамель чиститъ рукавъ своего платья*).

Бекамель. Ну что-жь?... продолжайте.

Бодедю (*обидѣвшись*). Нѣтъ, я подожду, пока вы кончите свой туалетъ...

Бекамель. Кажется, это я стеариномъ гдѣ-то замаралъ...

Бодедю (*всторону*). Въ жизни, къ несчастію, встрѣчается немало людей, неслишкомъ хорошо воспитанныхъ... (*продолжая*). Это животное, т. е. мой адвокатъ, довольно хорошо излагаетъ всё дѣло... декламируетъ.. читаетъ бумагу, дѣлаетъ различные жесты, и все это пересыпаетъ, какъ слѣдуетъ, латынью... До-сихъ-поръ все шло хорошо... Онъ имѣлъ полное право угощать слушателей своею болтовней—но представьте, вдругъ онъ обращается ко мнѣ и восклицаетъ: «нѣтъ, милостивый государь... мой кліентъ не изъ числа людей, жаждущихъ крови себѣ подобныхъ... у него только характеръ вздорный, обидчивый, бѣшенный, придирчивый... я его знаю... онъ человекъ неуживчивый... обижается каждой бездѣлицей... ну, и цѣлые три

четверти часа изволил обо мнѣ говорить такіи комплименты...
всѣ захохотали (*Всѣ хохочутъ*).

КЛАРА (*всторону*). Я думаю.

БОДЕДИИ. Захохотали во все горло, самымъ неприличнымъ образомъ. (*Бекамелью, который продолжаетъ смѣяться*). Точно такъ, какъ вотъ вы теперь.

БЕКАМЕЛЬ (*смѣясь*). Извините, не могу удержаться.

БОДЕДИИ (*очень холодно*). Ну, я выигралъ процессъ.

БЕКАМЕЛЬ. Ну, и слава Богу. Значить, вы были довольны, и дѣло съ концомъ.

БОДЕДИИ (*съ негодованіемъ*). Совсѣмъ нѣтъ... доволенъ тѣмъ, что этотъ попугай, котораго я самъ-же нанялъ... оскорбилъ меня публично... Я былъ взбѣшенъ, сударь... я бросился къ нему... онъ встрѣчаетъ меня съ веселою улыбкой... каково?... съ улыбкой... вотъ такъ... (*подражая*) «Поздравляю, мой другъ...» (*перемѣняя тонъ*). Милостивый государь, вотъ вамъ пять-сотъ франковъ за ваши труды, вы невѣжа, негодяй. Ну, и отдѣлалъ его порядочно... по дѣломъ...

БЕКАМЕЛЬ. Какъ, вашего адвоката!

КЛАРА (*вставая и кладя работу на столъ*). Онъ вамъ процессъ выигралъ.

БОДЕДИИ. Тутъ не въ выигрышъ дѣло... Онъ начинаетъ шумѣть, а я чтобъ дружески покончить это дѣло.. вѣдь адвокатъ-то мой пріятель... и говорю ему:

Какъ надо порядочнымъ людямъ,
Мы дружески кончимъ нашъ споръ,
Шумѣть понапрасну не будемъ,
Все это вѣдь намъ-же поставятъ въ укоръ;
И чтобы намъ ссоры избѣгнуть, другъ мой,
Дуэлью, дуэлью все кончимъ съ тобой.

Онъ принимаетъ мой вызовъ и мы деремся...

БЕКАМЕЛЬ (*всторону*). Дуэль. Это какой-то рывака... (*Мишелью*). Зачѣмъ ты, братецъ, пустилъ сюда этого чловѣка... я его не знаю...

МИШЕЛЬ. Ничего, оставьте его, онъ такой забавный.

БОДЕДИИ (*вставъ въ позицію*). Мы становимся на мѣста.

БЕКАМЕЛЬ. Но, сударь...

БОДЕДИИ. Начинаемъ драться... мой противникъ дѣлаетъ движеніе... я ему вонзаю шпагу...

БЕКАМЕЛЬ. Въ сердце...

КЛАРА (*испугавшись*). Ахъ, Боже мой!

БОДЕДЮИ. Нѣтъ... онъ обернулся ко мнѣ задомъ... И такъ... И такъ вотъ въ чемъ все дѣло... мнѣ остается только пожелать вамъ всего лучшаго, засвидѣтельствовать вамъ мое наибольшаго почтеніе и удалиться (*снимаетъ шляпу и кланяется Клара*). М-ле! (*видя, что Бекамель не снимаетъ колпака, надѣваетъ шляпу и кланяется ему рукою*) Милостивый Государь (*уходитъ въ дверь въ глубинѣ сцены*).

БЕКАМЕЛЬ (*про себя, переходя направо*). Зачѣмъ-же онъ пріѣзжалъ сюда... Чортъ знаетъ зачѣмъ? (*зоветъ Бодедю*). Извините, сударь, какъ бышь васъ... (*Бодедю возвращается*). Вы пріѣхали изъ Парижа...

БОДЕДЮИ (*возвращаясь*). Верхомъ.

БЕКАМЕЛЬ. Хорошо... вы рассказываете мнѣ о вашихъ профессахъ, дуэляхъ... да къ чему-же все это...

БОДЕДЮИ (*возвращаясь на авансцену*). Какъ къ чему? Ахъ извините, вы совершенно правы! Я, кажется, забылъ небольшую подробность, одно маленькое обстоятельство: мой противникъ, адвокатъ... что обернулся-то задомъ...

БЕКАМЕЛЬ. Ну что-жь...

БОДЕДЮИ (*весело*). Былъ вашъ будущій зять, г. Куку.

БЕКАМЕЛЬ, **МИШЕЛЬ** и **КЛАРА.** Ахъ Боже мой!

БЕКАМЕЛЬ. И вы осмѣливаетесь явиться сюда, обагранный его кровью.

БОДЕДЮИ (*осмотрѣвъ свое платье*). Нѣтъ, кажется я не замаранъ. Впрочемъ успокойтесь... чрезъ три мѣсяца онъ будетъ на ногахъ и совершенно здоровъ.

БЕКАМЕЛЬ. Какъ черезъ три мѣсяца!.. да мнѣ семнадцатаго надобно выѣхать въ Москву.

БОДЕДЮИ (*торжественнымъ тономъ*). Я у него спросилъ, какая его послѣдняя воля... онъ попросилъ меня свѣсть на лошадь... для него это было совершенно невозможно... знаете, рана... въдь онъ обернулся ко мнѣ задомъ... сію-же минуту свѣсть на лошадь и имѣть удовольствіе извѣстить васъ о постишемъ его несчастіи.

БЕКАМЕЛЬ. Бѣдный молодой человекъ.

БОДЕДЮИ. Ну, ужъ онъ неочень молодъ.

БЕКАМЕЛЬ. Я ему сію-минуту напишу... письмо послужитъ бальзамомъ для его раны.

Бодедю (*всторону*). Онъ не знаетъ, во что тотъ раненъ, (*вслухъ*). Если вамъ будетъ угодно письмо ваше вручить мнѣ, будьте покойны, я его доставлю.

Бекамель (*переходя нальво*). Я попрошу у васъ подождать одну минуточку... чрезъ минуту письмо будетъ готово (*взявъ за руку Бодедю*). Ахъ, молодой человекъ! Какой жестокой обычай эти дуэли! Когда они исчезнутъ съ лица земли!—(*уходитъ нальво, Клара уходитъ за нимъ*).

Бодедю (*думая, что все еще говоритъ съ Бекамелемъ*). Милостивый Государь, эта мысль дѣлаетъ вамъ честь... (*протягивая руку Мишелю, думая, что подлѣ него Бекамель*). У васъ благородное сердце.

Мишель (*пожимая ему руку*). Такъ-то такъ, но ранить нашего зятя... это ужъ неладно.

Бодедю (*задыхаясь отъ гнѣва и отдергивая руку*). Лакей! Я приказываю тебѣ идти въ переднюю.

Мишель. Ну, ну... (*всторону*). Вишь какъ расходился... (*уходитъ въ дверь въ глубину*).

V.

БОДЕДЮИ, ПОТОМЪ КЛАРА.

Бодедю. Удивительно, какой дерзкой мальчишка этотъ лакейшка! Такъ вотъ и лезетъ въ глаза!

Клара (*робко подходя къ нему*). Послушайте...

Бодедю (*снимая шляпу*). Что вамъ угодно? (*всторону*) Это невѣста... ну пойдутъ упреки, вѣдь я жениха ея ранилъ.

Клара. Эта рана... опасна?

Бодедю. Царапинка!.. правда неслишкомъ романтическая... Онъ не можетъ носить ее на перевязкѣ... Откровенно... я вамъ долженъ казаться очень жестокимъ...

Клара (*живо*). Ахъ, совсѣмъ нѣтъ!

Бодедю. Вы должны сердиться на меня: вотъ ваша свадьба отложится теперь...

Клара. Я очень рада.

Бодедю. Въ-самомъ дѣлѣ?

Клара. Разсудите сами, ему подлѣ пятьдесятъ... косой!

Бодедю. Однимъ глазомъ только...

Клара. Я не люблю косыхъ даже однимъ глазомъ.

Бодедю (*всторону*). О, какъ она на меня посмотрѣла! глазен-

ки-то... глазенки... такъ и прыгаютъ... (Вслухъ) Мше, я очень радъ, что успѣлъ угодить вамъ.

КЛАРА (низко присѣдая). Monsieur! (Клара переходитъ направо).

БОДЕДЮИ (всторону, переходя направо). Фу, какая милашка!

КЛАРА (всторону). Какой душка. (Вслухъ, снова присѣдая). Мг!..

БОДЕДЮИ (кланяясь). Мше. (Клара уходитъ направо).

VI.

БОДЕДЮИ одинъ, потомъ ДОМИНИКЪ.

БОДЕДЮИ (смотря вслѣдъ уходящей Кларт). Вотъ именно точно такая милашка, о которой я мечталъ въ моемъ одиночествѣ... но я отказался отъ брака. (смотря на часы). Чтожъ такъ долго письмо-то онъ пишетъ... просилъ подождать минуту... хороша минута!—Охъ, эти мнѣ тестья, тестья!.. По ихъ милости у меня шестнадцать свадебъ моихъ собственныхъ не состоялось... ужъ такое мнѣ счастье... мнѣ всегда, какъ нарочно, попадались такіе тестья, съ какими ладить нѣтъ никакой возможности, хотя я человекъ весьма тихій, уступчивый (съ замѣтнымъ терпѣніемъ). Это животное никогда видно не кончитъ своего писанья... (продолжая прежнюю свою мысль). Да, я человекъ тихій, необидчивый... меня ничто не можетъ разсердить... да вотъ, чего лучше, на примѣръ:—вчера я иду по улицѣ... дождь шель... вдругъ я слышу, что за мной какая-то дама говоритъ своему мужу:—«Дружочикъ, зачѣмъ ты не взялъ зонтика?»—А мужъ и отвѣчаетъ: «Другъ мой, нельзя было ожидать дождя, небо было совершенно ясно... совершенно ясно!..» Онъ сказалъ это тономъ насмѣшки, какъ мнѣ показалось, а у меня былъ зонтикъ... Такъ чтожъ онъ меня за сумасшедшаго что-ли счелъ... это было черезъчуръ обидно... но я не сказалъ ему ничего... удержался... ей Богу удержался... (прерывая себя съ сердцемъ). Ръшитительно, этотъ Бекамель принимаетъ меня за коммиссіонера или за лакея... Какъ! я взялъ на себя трудъ привезти ему извѣстіе... неприятное... и онъ заставляетъ меня ждать себя въ передней... Да, очевидно, все это съ намѣреніемъ меня унизить... И притомъ какъ онъ меня принялъ... шапки даже не снялъ... и каковъ-же я... каковъ я... я ему слова не сказалъ... и послѣ этого говорятъ, что я обидчивъ... нѣтъ, онъ просто выводитъ меня изъ терпѣнія... онъ нарочно такъ долго пишетъ это письмо... хочеть меня оскорбить, унизить, заставивъ меня дожидаться.

Доминикъ (*въ шляпъ, входя въ дверь въ глубинъ сцены*).
Баринъ!

Бодедюи (*у котораго шляпа въ рукъ*). Мой лакей, какъ?

Доминикъ. Позвольте вамъ доложить...

Бодедюи. Господинъ... Доминикъ, я нахожу страннымъ, что вы въ шляпъ, когда я безъ шляпы. Что—это съ намъреніемъ?..

Доминикъ. Ахъ, извините. (*Снимаетъ шляпу*).

Бодедюи. Говори, что тебъ.

Доминикъ. Лошади готовы... когда вамъ будетъ угодно вхвать...

Бодедюи (*всторону съ негодованіемъ*). А письмо-то?.. Онъ просилъ меня подождать одну минуту (*вслухъ*). Доминикъ?

Доминикъ. Что угодно?..

Бодедюи. Считаю до двадцати, а потомъ... Что ты на меня смотришь... Считаю, я тебъ говорю.

Доминикъ. Слушаю-сь.

Бодедюи (*съ нетерпльнѣмъ ходитъ по сценъ и считаетъ*) одинъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь...

Доминикъ (*въ тоже время считаетъ на распѣвъ*) одинъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять десять...

Бодедюи (*прерывая его*). Что ты тамъ поешь?

Доминикъ. Да меня, сударь, учили всегда такъ считать...

Бодедюи. На распѣвъ?

Доминикъ. Да, на распѣвъ.

Бодедюи (*съ нетерпльнѣмъ смотря на дверь, въ которую ушелъ Бекамель*). Нѣтъ, я не позволю такъ надо мною насмѣхаться...

Доминикъ...

Доминикъ. Что угодно?..

Бодедюи. Давай лошадь... мы ѣдемъ... (*Надѣвая съ сердцемъ шляпу*).

Доминикъ (*также надѣвая шляпу*). Слушаю. (*Оба уходятъ въ дверь въ глубинъ сцены*).

VII.

БЕКАМЕЛЬ, потомъ ЖЮРАНСОНЪ.

БЕКАМЕЛЬ (*входя слѣва съ письмомъ*). Тысячу тысячъ извиненій... впрочемъ, кажется, я недолго... (*оборачиваясь*) Гдѣ-жъ онъ? Исчезъ, улетучился.. (*подходя къ окну*). Что это... я не ошибаюсь, онъ скачетъ верхомъ, во весь духъ, по дорогъ... а письмо-то мое. (*кричитъ*) Эй... вы... воротитесь, воротитесь ..

Письмо взять забыли... Нѣтъ, тутъ осипнешь, а не докричишься. Ну чтожь, письмо я отправлю по почтѣ.

Жюрансонъ (*входя въ дверь въ глубинѣ сцены*). Ну, другъ мой, дѣло сдѣлано... я послалъ нарочнаго въ Парижь.

Бекамель. Зачѣмъ?

Жюрансонъ. Чтобъ взять намъ мѣста на пароходъ до Петербурга. Вѣдь мы ѣдемъ въ Москву.

Бекамель. Какъ?

Жюрансонъ. Да!.. я и деньги послалъ...

Бекамель. Нѣтъ, братецъ, нельзя вѣхать, нельзя, я не ѣду...

Жюрансонъ. Чтѣ ты говоришь?

Бекамель. Свадьба моей дочери отложена на три мѣсяца!.. Женихъ ея обернулся задомъ.

Жюрансонъ. Что ты тутъ городишь?

Бекамель. Да, братецъ, обернулся задомъ, и шпага-то... понимаешь... рана.. ну и нельзя жениться... Какой чортъ принесъ этого Бодедюи.

Жюрансонъ. Какъ Бодедюи... Альфонса Бодедюи...

Бекамель. Сно-минуту только убрался отсюда: ты его знаешь?

Жюрансонъ. Онъ квартировалъ у меня цѣлые два года... премилый молодой человекъ... платилъ мнѣ всегда за четверть года впередъ... Мнѣ жаль, что онъ уѣхалъ...

Бекамель. А что?

Жюрансонъ. Ничего... У меня, знаешь, этакъ была въ головѣ, довольно ужъ давно, одна идея... знаешь, вотъ-бы его твоей дочкѣ.

Бекамель. Что ты... чудака-то такого, братецъ.

Жюрансонъ. Я не знаю другаго человека, у котораго-бы характеръ былъ такой мягкій, добрый, вѣжливый, учтивый, любезный... онъ платилъ мнѣ всегда за четверть года впередъ.

Бекамель. Это забавно право, а я счелъ его вовсе не такимъ. Да что, у него есть что-нибудь?

Жюрансонъ. Славный домъ... у Китайскихъ-бань.

Бекамель. Ахъ, чортъ-возьми, братецъ... да это отличная партія... У Китайскихъ-бань.. Жаль, что я его не пригласилъ за-тракаты—знаешь, за столомъ какъ-то поскорѣе можно сблизиться... (*Живо*) А г-нъ-то Куку?

Жюрансонъ. Пѣвнй онъ самъ на себя.. не ждате-же его.

Бекамель. Да, въ-самомъ-дѣлѣ, зачѣмъ онъ обернулся за-

домъ? Дочь моя не можетъ ждать цѣлыхъ три мѣсяца; при томъ-же ей онъ неочень и нравится; онъ косолапый, братецъ.

Жюрансонъ. И притомъ намъ надо вхвать; вспомни, я послалъ взять мѣста.

Бекамель. Правда... не пропадать-же деньгамъ.

Жюрансонъ. Вспомни, что черезъ какія-нибудь три, четыре недели мы можемъ быть уже въ Россіи, въ твоей хваленой матушкѣ-Москвѣ.

Бекамель (*въ восторгѣ*). Гдѣ такъ скоро можно нажать себя состояніе... (*перемѣняя тонъ*). Да все ты пустяки мелешь, онъ увхаль и дѣло ужъ кончено.

VIII.

БЕКАМЕЛЬ, ЖЮРАНСОНЪ, БОДЕДИОН. Появляется въ глубинѣ сцены, подъ мышкой у него огромный пукъ цвѣтовъ.

Бодедюи (*за сценою*). Подожди меня, негодяй.

Бекамель и Жюрансонъ. Это онъ!..

Бодедюи (*Бекамелю холодно*). милостивый государь, повѣрьте, я вовсе не думалъ снова увидаться съ вами, но позвольте мнѣ вамъ предложить этотъ букетъ цвѣтовъ, онъ мнѣ всю руку оттянулъ (*подаетъ ему цвѣты*).

Бекамель. Вы очень любезны... но (*удивленный*) я сегодня не имянинникъ.

Бодедюи. Не знаю... сегодня Урсулы... я нарочно вернулся за цѣлую милю, за тѣмъ, чтобы сказать вамъ, что мой слуга болванъ.

Бекамель. Какъ?

Бодедюи. Вообразите, этотъ негодяй позволилъ себѣ оборвать всѣ цвѣты въ вашемъ саду, чтобы подарить букетъ какой-то сегодняшней имянинницѣ, Урсулѣ... знаете, она ему...

Бекамель. Какъ... и вы взяли на себя трудъ (*кладетъ цвѣты на столикъ*)...

Жюрансонъ. Какая деликатность... О! я узнаю его!

Бодедюи (*увидавъ Жюрансона*). Какъ, любезнѣйшій Жюрансонъ! Радъ васъ видѣть... Что, у васъ все тотъ-же дворникъ? У него лицо пренротивное. (*Бекамелю*). Мнѣ остается только снова принести вамъ мое наиглубочайшее почтеніе. (*кланяется и хочетъ уйти*).

Бекамель (*тихо Жюрансону*). Онъ уходитъ!

Жюрансонъ. Удержи его.

БЕКАМЕЛЬ. Г. Бодедюи.

БОДЕДЮИ (*останавливаясь*). Къ вашимъ услугамъ.

БЕКАМЕЛЬ (*добродушно*). Вы объедаете съ нами... у насъ есть сегодня кусокъ козы... съядимъ вмѣстѣ.

БОДЕДЮИ (*нѣсколько колко*). Конечно, милостивый государь, мнѣ было-бы очень лестно помочь вамъ скушать... кусокъ вашей козы... но...

ЖЮРАНСОНЪ. Вы соглашаетесь?

БОДЕДЮИ. Позвольте...

БЕКАМЕЛЬ. А, вы обидѣлись тѣмъ, что я не пригласилъ васъ нарочно, за недѣлю.

БОДЕДЮИ. Я обидѣлся... позвольте.

БЕКАМЕЛЬ. Если вы откажетесь, я подумаю, что вы человекъ церемонный!..

БОДЕДЮИ (*живо*). Я человекъ церемонный! Чтобъ доказать вамъ противное, я соглашаюсь.

БЕКАМЕЛЬ. Очень радъ! Да вы, мнѣ кажется, славный малый. (*слегка ударяетъ его по желудку*).

БОДЕДЮИ (*отступая, всторону*). Онъ ужъ слишкомъ фамильяренъ.

БЕКАМЕЛЬ (*тихо Жюрансону*). Другъ мой, мнѣ онъ очень нравится.

ЖЮРАНСОНЪ (*тихо*). Я тебѣ говорилъ.

БОДЕДЮИ (*всторону*). Они шепчутся... я держу пари, что это что-нибудь на мой счетъ... зачѣмъ я принялъ его приглашеніе... пожалуй они сочтутъ меня за искателя чужихъ объедовъ.

БЕКАМЕЛЬ (*тихо Жюрансону*). Займись съ нимъ, знаешь, намекни ему... а я пойду дочку поприготовлю...

БОДЕДЮИ (*всторону*). Опять шепчутся... вѣдь это неучтиво. (*вслухъ*) Можетъ-быть, я васъ женирую?

БЕКАМЕЛЬ. Нисколько, я съ вами безъ церемоніи... Позвольте оставить васъ съ Жюрансономъ, моимъ старымъ другомъ, онъ пользуется моею довѣренностью, онъ мнѣ ручается въ вашей нравственности и честности.

БОДЕДЮИ (*всторону*). Ручается! Развѣ онъ боялся, что я положу ложку себѣ въ карманъ.

БЕКАМЕЛЬ. Такъ вы ужъ меня извините, я оставлю васъ съ Жюрансономъ. (*уходитъ направо. Жюрансонъ провожаетъ его до дверей. Въ это время Бодедюи кладетъ шляпу и хлыстикъ на столикъ, нальво*).

IX.

ЖЮРАНСОНЪ, БОДЕДИОН.

Бодедион (*живо*). Жюрансонъ... скажите откровенно, я дурно сдѣлалъ, что остался объдать.

Жюрансонъ. Что вы... Бекамель въ восторгѣ.

Бодедион. Гмъ!.. Знаете, у него лицо... какое-то насмѣшливое.

Жюрансонъ. У него-то?

Бодедион. Да, очень насмѣшливо.

Жюрансонъ. Что вы... да онъ славный малый... безцеремонный, откровенный... что на умъ, то и на языкъ.

Бодедион. Такой-же, какъ и я.

Жюрансонъ. Точно такой... и это сходство характеровъ дало мнѣ идею...

Бодедион. Какую?

Жюрансонъ. Между нами... вы не думаете-ли жениться?

Бодедион (*подозрительно*). Къ чему вы объ этомъ меня спрашиваете? (*всторону*) Не хочеть-ли онъ намекнуть мнѣ этимъ на шестнадцать моихъ неудавшихся свадебъ.

Жюрансонъ. Не сердитесь, я буду говорить съ вами откровенно. Мой другъ, вы начинаете толстѣть.

Бодедион. Милостивый Государь.

Жюрансонъ. У васъ съдина начинаетъ пробиваться.

Бодедион (*всторону*). Неужели они меня затѣмъ оставили объдать, чтобъ угощать меня такими любезностями.

Жюрансонъ. Повѣрьте, когда достигаютъ известнаго возраста... только одинъ бракъ можетъ насъ помолодить...

Бодедион. Милостивый государь, эта шутка конечно очень тонкая и острая...

Жюрансонъ. Что за шутки? Здесь есть молоденькая и хорошенькая двушка.

Бодедион. Я видѣлъ ее.

Жюрансонъ. Ну, что-жъ вы объ ней скажете?

Бодедион. Но...

Жюрансонъ. Конечно, мнѣ не дано порученія посватать ее вамъ... но, между нами, вы нравитесь отцу.

Бодедион (*иронически*). Въ-самомъ-дѣль?

Жюрансонъ. И мнѣ кажется, что еслибъ вы посватались, вы не получили-бы отказа.

Бодедю (*удивленный*). Посватался? А, такъ это серьезно, это серьезно?

Жюрансонъ. Иначе-бы я не сталъ вамъ говорить.

Бодедю (*съ радостію*). Какъ! и такъ я могу жениться... вотъ славная штука, позвольте васъ разцѣловать (*цѣлуетъ Жюрансона*). Вѣдь все судьба... вотъ именно почему мнѣ шестнадцать разъ отказали.

Жюрансонъ. Что съ вами?

Бодедю (*въ восторгъ*). Это отъ радости... позвольте васъ разцѣловать (*цѣлуетъ*). Вообразите, я объ этомъ-же думалъ, она такая милашка, я какъ только вошелъ, такъ и говорю—милашка (*перемѣнивъ тонъ*) Одолжите мнѣ бѣлый галстухъ.

Жюрансонъ. Зачѣмъ?

Бодедю. Хочу сдѣлать предложеніе.

Жюрансонъ. Ну, ужъ вы очень торопитесь... И такъ вамъ дѣвочка-то нравится.

Бодедю. До чрезвычайности... общее правило: дѣвушки мнѣ всегда нравятся, вотъ отцы-то ихъ, мои будущіе тестья...

Жюрансонъ. О, вы отлично поладите съ Бекамедемъ.

Бодедю. О, я на все буду согласенъ... я сдѣлаю ему всѣ уступки (*взявъ его за руку*). Добрый Жюрансонъ, вотъ другъ-то, я очень жалю, что съехалъ отъ васъ... нѣтъ у васъ квартиры?..

Жюрансонъ. Есть одна холостая.

Бодедю. Прекрасно, я ее нанимаю.

Жюрансонъ. А, я понимаю... плутишка, еще не женился, а ужъ думаетъ.

Бодедю. Милостивый Государь!

Жюрансонъ. Ничего, ничего, я пошутилъ. И такъ вы позволите мнѣ сказать Бекамелю.

Бодедю. Разумѣется, скажите ему, что я знаю его нестерпимый, гадкій характеръ...

Жюрансонъ. Что?

Бодедю. Но несмотря на это, я готовъ жениться на его дочери... у тещевъ характеры всегда гадкіе... ужъ судьба такая... (*толкая его*). Ступайте-же, ступайте! (*Жюрансонъ уходитъ направо*).

X.

БОДЕДЮИ, потомъ МИШЕЛЬ.

Бодедюи. Я женюсь, женюсь, славно, славно! Вотъ на все судьба-то... Какое счастье, что этотъ господинъ мнѣ не поклонился... а этотъ бѣдняжка Куку лежитъ себѣ на постель... на боку разумѣется... иначе ему нельзя... Ну, что-жъ, ему пятьдесятъ лѣтъ... а мнѣ только сорокъ (*таинственно*) Тсъ, тсъ, кажется никто не слыхалъ... вотъ видите-ли... мнѣ сорокъ, а я всемъ говорю, что мнѣ тридцать-три... Это, знаете, потому, что я имѣю претензію нравиться. Мнѣ хочется жениться по любви, а не по расчету... я терпѣть не могу браковъ по расчету и ни за что не женюсь, если разочту, что тутъ есть какой-нибудь расчетъ.

Мишель (*входитъ справа, подходитъ къ Бодедюи и толкаетъ его локтемъ*). Ну, что, дѣло ладится?

Бодедюи (*отступая*). Что?

Мишель. Говорять, что у васъ отличный домъ у Китайскихъ бань.

Бодедюи. Что ты говоришь?

Мишель. Да вотъ тамъ толкуютъ объ этомъ.

Бодедюи. Какъ объ этомъ... объ домъ-то моемъ, а обо мнѣ-то, обо мнѣ? Что обо мнѣ-то говорить?

Мишель. Объ васъ ничего, а говорятъ, что домъ вашъ приноситъ доходу двадцать-тысячь-пять-сотъ франковъ.

Бодедюи. Да обо мнѣ-то, обо мнѣ что говорить?

Мишель. Да говорятъ, что вы богаче Куку-то.

Бодедюи (*всторону*). Такъ вотъ на что они мѣтятъ.

Мишель. Будьте покойны... дѣло уладится... такому жениху да отказать... нѣтъ, ужъ мы вышьемъ за ваше здоровье (*уходитъ въ дверь въ глубину*).

Бодедюи (*одинъ, взволнованный, ходитъ взадъ и впередъ съ негодованиемъ*). Такъ она за мужъ выходитъ за мой домъ, а не за меня, а я такъ только себѣ... прилагательное... и я соглашусь на это? . нѣтъ, чортъ возьми! (*съ достоинствомъ*) Бодедюи, ты не можешь согласиться на это! (*величаво проходитъ по сценѣ и идетъ въ глубину пальво и смотритъ гравюры*).

XI.

БОДЕДЮИ, БЕКАМЕЛЬ, КЛАРА и ЖЮРАНСОНЪ, входятъ справа.

Бекамель (*тихо Клара*). Я очень радъ, душенька, что онъ тебѣ нравится.

Жюрансонъ (*тихо Бекамелю*). Такъ я ему скажу, что онъ можетъ сдѣлать предложеніе.

Бекамель. Да... да... да, скажи ему... скажи... онъ намъ нравится... даже очень нравится (*дочери*). Возьми что-нибудь... понимаешь, какъ-будто работаешь; а я съѣлаю видъ, что читаю, (*салятся у стола*)

Жюрансонъ (*тихо Бодедюи*). Я все уладилъ... и вы можете смѣло объясниться.

Бодедюи. Хорошо (*подходитъ къ Бекамелю*).

Бекамель (*всторону*). Сей-часъ начнетъ. (*дочери*) Опуститъ глаза... опуститъ глаза...

Бодедюи (*Бекамелю, который встаетъ*). Какая здѣсь плодородная земля... я полагаю, что почва должна быть глинистая... (*Бекамель, Жюрансонъ и Клара смотрятъ съ удивленіемъ другъ на друга*).

Бекамель (*тихо Клари*). Это онъ тебя конфузится... подивонь...

Клара. Хорошо, папаша (*оставляетъ шитье на столъ и уходитъ на право*).

Жюрансонъ (*тихо Бодедюи*). Не робѣйте-же,—она ушла. (*переходитъ къ Бекамелю*).

Бодедюи. Мнѣ кажется, что земля здѣсь очень плодородная... почва, я полагаю...

Бекамель. (*тихо Жюрансону*). А!.. Это ты ему мѣшаешь... уйди, пожалуйста... уйди...

Бодедюи (*продолжая*). Должна быть глинистая...

Жюрансонъ (*тихо Бодедюи*). Да полно вамъ трусить-то; начинайте смѣльей (*уходитъ въ среднюю дверь*).

Бекамель. Ну-съ, онъ ушелъ... я васъ слушаю...

Бодедюи. Я говорю, что почва здѣсь должна быть глинистая... и что отъ этого земля...

Бекамель (*перебивая*). Извините... но я думалъ...

Бодедюи. Что? Вы думали, что черноземъ?

Бекамель. Нѣтъ... Но Жюрансонъ сказалъ мнѣ...

Бодедюи (*холодно*). Что?

Бекамель (*растерявшись*). Ничего.

Бодедюи. А!.. (*прохаживается, заложивъ руки въ карманы и напывая сквозь зубы*).

Бекамель. Что-же это?.. (*подумавши*). А!.. видно я ему мѣшаю... (*уходитъ*).

ХП.

БОДЕДЮИ, потомъ КЛАРА.

Бодедюи (*береть шляпу и хлысть*). Кажется, я съ ними недурно раздѣлался (*въ окно*). Доминикъ, давай лошадь!..

Клара (*входя, всторону*). Онъ, вѣроятно, уже переговорилъ съ папашей... (*громко*). Ахъ!... извините... я пришла за работой...

Бодедюи. Я очень радъ, что встрѣтилъ васъ, потому-что...

Клара (*всторону*). Сейчасъ объяснится...

Бодедюи (*оканчивая*). Потому-что мнѣ было-бы очень грустно ухвать, не простившись съ вами.

Клара. Какъ, вы увъзжаете?..

Бодедюи. Да-съ... у меня передѣлываютъ домъ... знаете, у Китайскихъ банъ... мнѣ нужно посмотръть за работниками...

Клара. И для этого вы... (*обидясь*) Прощайте!..

Бодедюи. Я увѣренъ, что вы обо мнѣ не пожалуете... потому-что у меня вѣдь только фасадъ каменный... а остальное... все деревянное...

Клара. Чтò-съ? ..

Бодедюи. Совершенно деревянное... вы, безъ сомнѣнія, найдете лучше.

Клара (*всторону*). Чтò такое онъ говоритъ?..

Бодедюи. Вѣдь мой домъ вовсе нетакъ хорошъ, какъ многіе думаютъ... онъ очень мало даетъ доходу...

Клара. Такъ это вы мнѣ объ вашемъ домъ говорите...

Бодедюи. Ну, да-съ.

Клара. А... такъ у васъ есть домъ?

Бодедюи. Ну да-съ,.. знаете, у Китайскихъ банъ...

Клара. А я и не знала.

Бодедюи (*съ удивленіемъ*). Въ-самомъ-дѣль... не знали?

Клара. Ну, да... почему-же мнѣ знать?

Бодедюи. Побожитесь...

Клара. Ахъ, какой вы странный... я васъ увѣряю...

Бодедюи. Я вамъ вѣрю... я вѣрю... но побожитесь...

Клара. Ну, право не знала...

Бодедюи. О, ангель, душка... она и не знала... ты и не знала?.. (*цѣлуетъ ее*).

Клара (*испугавшись*). Ахъ, чтò это вы?!

Бодедюи. Извините... это я такъ... порывъ... я такъ счаст-

ливъ... такъ доволенъ... что, если вы позволите, я сейчасъ-же пойду просить вашей руки у вашего батюшки.

Клара. А вы развѣ ему еще не говорили?

Бодедюи. Нѣтъ еще... я было хотѣлъ; но вашъ батюшка... Богъ знаетъ къ чему и для чего, занесъ какую-то чепуху про землю... про глину, про черноземъ, такъ-что не далъ мнѣ и слова выговорить... Но прежде, чѣмъ я объяснюсь съ нимъ, позвольте узнать—правлюсь-ли я вамъ? (*рисуетъ*) Мнѣ тридцать-три... нѣтъ, виноватъ, тридцать-два года. (*всторону*) Ну, еще годъ куда нешѣлъ! (*Громко*) У меня двадцать-пять-тысячь-пять-сотъ - двадцать - пять фр. годового дохода; говорятъ, что я неглупъ... мнѣ и самому тоже кажется... А вамъ какъ кажется?... что-же касается до наружныхъ качествъ... то вы можете судить сами—я весь на лицо...

Клара (*съ смущеніемъ*) Разумьется... но я...

Бодедюи. Что вы говорите?..

Клара. Нѣтъ-съ, ничего (*опускаетъ голову*).

Бодедюи (*всторону*) Не много же. (*громко*) Ну, по-крайней-мѣрь, позвольте узнать... сдѣлалъ я на васъ какое-нибудь впечатлѣніе?

Клара. (*застѣнчиво*) Нѣтъ-съ...

Бодедюи. Какъ?... Что-съ?... А, понимаю... вѣрно вашъ батюшка принуждаетъ васъ...

Клара. О, нѣтъ, напротивъ.

Бодедюи. А!.. (*обидчиво*) Да-съ, понимаю... ну, это дѣло другое... въ такомъ случаѣ нечего и говорить... (*зоветъ*) Доминикъ! давай лошадь!

Клара. Ахъ, Боже мой, да оставьте, пожалуста, въ покоѣ вашего человека.

Бодедюи (*всторону*). Это что значить? (*громко*) Я прошу у васъ одного слова... ну, скажите-же, правлюсь я вамъ, или нѣтъ?..

Клара. Но если я согласна выдти за васъ?..

Бодедюи. Это еще ничего не доказываетъ... пожалуй и выйдете, да любить не будете... такъ скажите-же мнѣ откровенно—правлюсь я вамъ или нѣтъ?.. Вѣдь я-же говорю, что вы мнѣ нравитесь...

Клара. Ахъ, Боже мой, да я вѣдь васъ почти не знаю.

Бодедюи. Ничего, я вамъ сейчасъ все расскажу. (*рисуетъ*) Мнѣ сорокъ лѣтъ; нѣтъ, ошибся, тридцать-два года. (*всторону*)

Заврался. (*громко*) У меня двадцать - тысячь - пять - соть - двадцать-пять франковъ годоваго доходу... говорятъ, что я не глупъ, и мнѣ самому...

КЛАРА (*вѣтрено перебивая его*). Умѣете вы пѣть?

БОДЕДЮН. Отлично... то есть такъ... пріятно очень.

КЛАРА. И прекрасно... мы съ вами что-нибудь споёмъ.

БОДЕДЮН. Какъ... сейчасъ.

КЛАРА. Почему-же нѣтъ?.. я сейчасъ принесу ноты.

БОДЕДЮН (*всторону*). Она меня хочетъ испытать. (*Кладетъ шляпу и хлысть*).

КЛАРА.

Вы меня здѣсь подождите,

Я сейчасъ вернусь сюда,

БОДЕДЮН.

Нѣтъ, ужь прежде вы скажите:

Нравлюсь я вамъ: нѣтъ иль да?

КЛАРА.

Ахъ какъ вы мнѣ надоѣли.

БОДЕДЮН (*всторону*).

Ну, отказъ. (*Хладнокровно*). Я къ нимъ привыкъ.

(*Говоритъ*) А, понимаю, я надоѣлъ вамъ! (*Въ окно*). Доминикъ, давай лошадей!

КЛАРА (*оканчивая куплетъ*).

Тѣмъ, что цѣлый день вы пѣли

(*Передразнивая*) Давай лошадей Доминикъ!

БОДЕДЮН (*съ радостію*). А! (*цѣлуетъ ее*).

КЛАРА. Да перестаньте-же!..

БОДЕДЮН. Извините... виновать... это опять нечаянно... опять порывъ... у меня такъ много порывовъ...

КЛАРА. Я сейчасъ принесу ноты. (*Убѣгаетъ на право*).

ХІІІ.

БОДЕДЮН, ПОТОМЪ БЕКАМЕЛЬ.

БОДЕДЮН (*одинъ*). Ангель... душка... вотъ тебѣ... вотъ тебѣ... (*Посылаетъ воздушные поцѣлуи*).

БЕКАМЕЛЬ (*входя*). Ръшительно ничего непонимаю... Журисонъ увѣряетъ, что онъ говорилъ ему... сказалъ, что смѣло можетъ надѣяться... что онъ говорилъ... (*Увидѣвъ Бодедю*). А!.. что это онъ?.. (*Громко*). Послушайте-ка... послушайте...

БОДЕДЮ. А, это вы! какъ кстати! (*Хватаетъ его за воротъ*). Ваша дочь ангелъ... она мнѣ нравится... я въ нее влюбленъ... и прошу у васъ ея руки...

БЕКАМЕЛЬ. Да пустите... вы меня задушите...

БОДЕДЮ (*тряся*). Руку вашей дочери... согласны?

БЕКАМЕЛЬ. Батюшки, задушить!

БОДЕДЮ. Руку вашей дочери!..

БЕКАМЕЛЬ. Ну,.. ну... ну согласенъ... согласенъ.

БОДЕДЮ (*выпуская его*). Благодарю васъ. (*Всторону*). Ну, слава Богу, одна формальность кончена; предложеніе сдѣлано какъ слѣдуетъ...

БЕКАМЕЛЬ (*всторону*). Какой странный... нѣтъ, право, какой странный... давеча нехотѣлъ, а теперь чуть было не удушилъ.

БОДЕДЮ. Ну-съ, теперь, значитъ дѣло кончено?..

БЕКАМЕЛЬ. Да... только-бы не вышло у насъ споровъ въ контрактъ?..

БОДЕДЮ. О, я на этотъ счетъ покоенъ.

БЕКАМЕЛЬ. Да все-таки не попробоватъ-ли пока черновой контрактъ написать?.. а?..

БОДЕДЮ. Пожалуй... если вы непременно хотите... только я вамъ говорю, что я въ этомъ спорить не буду... я на все согласенъ.

БЕКАМЕЛЬ (*всторону*). И я тоже. Какой славный малый. (*Громко и хлопая его по животу*). Послушайте, вы мнѣ понравились.

БОДЕДЮ. Очень радъ... (*Всторону*). Онъ меня еще больше полюбилъ, стану подражать ему... и подольститься не мѣшаетъ.— (*Хлопаетъ его три раза по животу*). Ну, теперь займетесь-же контрактомъ, если хотите, только поскорѣ... потому-что мнѣ нѣкогда... ваша дочь хотѣла заняться со мною музыкой... если только вы позволите...

БЕКАМЕЛЬ. Очень радъ... очень радъ... вы такой славный малый (*Хлопаетъ его по животу*).

БОДЕДЮ (*всторону*). Онъ кажется такой добрякъ. (*Хлопаетъ его три раза по животу*). Ну, теперь займетесь-же контрактомъ.

БЕКАМЕЛЬ. Во-первыхъ я даю моей...

Бодедю (*перебивая его*). Извините... Въдь вы меня почти не-знаете, такъ позвольте мнѣ разказать вамъ о себѣ... я сынъ швейцарца...

Бекамель. А! Швейцара, понимаю.

Бодедю. Что-съ?

Бекамель. Вы говорите, что вы сынъ Швейцара?

Бодедю (*сухо*). Не швейцара, а Швейцарца. (*Всторону*) Раз-въ я похожъ на швейцара? (*Громко*) Мои предки оставили Фран-цію во время Нантскаго эдикта!..

Бекамель (*зввая*). Да-съ...

Бодедю (*смотритъ на него и продолжаетъ немного суше*). Въ то время, когда столько французовъ принуждены были оставитъ свое отечество и искать убѣжища въ странахъ, болѣе го-степримныхъ.

Бекамель. Ну-съ... (*Опять звываетъ*).

Бодедю. Я вамъ надовль?

Бекамель. О, напротивъ... мнѣ очень пріятно...

Бодедю. Мой прадѣдушка завелъ въ Женевъ часовой мага-зинъ и вскорѣ послѣ этого умеръ; у него осталась дочь, это выходитъ моя бабушка, которая вышла замужъ за... (*Бекамель звываетъ; Бодедю смотритъ на него и потомъ говоритъ очень сухо*) Я кончилъ-съ... (*Всторону*) Какой невѣжа!

Бекамель (*всторону*). Что это съ нимъ? (*Громко*) Я слышалъ, что у васъ есть домъ у Китайскихъ банъ?

Бодедю. Есть... у Китайскихъ банъ... только прошу васъ, оставимъ это.

Бекамель. Какъ оставимъ?.. Нѣтъ, сударь, это вещь важная... А сколько этажей?..

Бодедю (*всторону*). Экъ привязался. (*Громко*) Три. (*Нетер-пливо прохаживается*).

Бекамель. Ну, не много-же.

Бодедю (*сухо*). Я надстрою еще восемь.

Бекамель. Что это? вы словно сердитесь.

Бодедю. И, полноте... это вамъ такъ кажется... Я сержусь?!

Бекамель. И хорошо выстроены?

Бодедю. Отлично! (*Скороговоркой*). Девять оконъ на улицу, четыре магазина, три погреба, восемь квартиръ и 22 чердака... Теперь поговоримте о чемъ-нибудь другомъ.

Бекамель. Это почему?

Бодедю. Потому-что, еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, то

вель-бы себя какъ человекъ порядочный, а не какой-нибудь торгашъ... Фи... стыдно...

БЕКАМЕЛЬ. Что стыдно!

Бодедюи (*сухо*). Ничего.

БЕКАМЕЛЬ (*всторону*). Онъ меня взбѣситъ.

Бодедюи. Послушайте, я люблю вашу дочь, и потому уже говорилъ вамъ, что согласенъ на все уступки.

БЕКАМЕЛЬ (*горячась*). Какія уступки?.. Кто ихъ у васъ просить... Вы точно сердитесь...

Бодедюи. Помилуйте... я восхищенъ, очарованъ... вы выдаете за меня вашу дочь... потому-что у меня есть домъ... Это очень лестно...

БЕКАМЕЛЬ. Да, разумеется... еслибъ у васъ ничего небыло... такъ я-бы не выдалъ за васъ мою дочь.

Бодедюи. Покорно васъ благодарю.

БЕКАМЕЛЬ (*всторону*). Онъ меня непременно взбѣситъ.

Бодедюи. И такъ, еслибъ у васъ былъ, напримѣръ, другой женихъ, у котораго-бы были два дома, то вы, вѣроятно...

БЕКАМЕЛЬ (*кричитъ*). Да что вы привязались ко мнѣ съ вашимъ домомъ... поговоримте, пожалуйста, о чемъ-нибудь другомъ.

Бодедюи. О, не горячитесь... успокойтесь.

БЕКАМЕЛЬ. Помилуйте, да это хоть кого взбѣситъ: цѣлый часъ вы только и толкуете, что о вашемъ домъ... (*Всторону*) Уфъ... меня даже въ жаръ бросило. — (*Снимаетъ пальто и кладетъ его направо на стулъ*).

Бодедюи (*всторону*). Что это онъ?.. раздвѣается!.. Что онъ за лакея что-ли меня принимаетъ!.. Постой-же... (*Скидаетъ сюртукъ и кладетъ его на стулъ*).

БЕКАМЕЛЬ. Что это? Вѣрно и вамъ тоже жарко?

Бодедюи. Нѣтъ-съ, мнѣ холодно.

БЕКАМЕЛЬ. Такъ зачѣмъ-же вы сняли?

Бодедюи. Почему что, кажется... вы находите этотъ костюмъ гораздо приличнѣе.

БЕКАМЕЛЬ (*всторону*). Что это съ нимъ дѣлается?..

Бодедюи. Ну-съ, я къ вашимъ услугамъ.

БЕКАМЕЛЬ. Мишель! Мишель! (*Мишель входитъ*).

XIV.

ТЪЖЕ и МИШЕЛЬ.

БЕКАМЕЛЬ. Подайте чернильницу. (*Мишель подает*). Ну-съ, вотъ вамъ перо, — пишите.

БОДЕДЮИ. Извольте... извольте...

БЕКАМЕЛЬ (*пожимаясь*). Откуда это дуетъ (*Надъваетъ пальто*).

БОДЕДЮИ (*всторону*). Кажется мы одъваемся (*надъваетъ сюртукъ*).

БЕКАМЕЛЬ. Что, и вы озябли?

БОДЕДЮИ. Нѣтъ-съ, мнѣ жарко.

БЕКАМЕЛЬ. Жюрансонъ говорилъ мнѣ, что вы получаете двадцать-тысячъ-пятьсотъ-франковъ годоваго дохода?

БОДЕДЮИ. пятьсотъ-двадцать-три-франка, такъ точно.

БЕКАМЕЛЬ. И у васъ больше ничего нѣтъ?

БОДЕДЮИ. тридцать-два франка въ карманъ и сколько-то мѣдныхъ дома въ шкатулкѣ.

БЕКАМЕЛЬ. Ну-съ, я дамъ моей дочери ферму, приносящую три-тысячи франковъ годоваго дохода.

БОДЕДЮИ. Позвольте...

БЕКАМЕЛЬ. Что еще?

БОДЕДЮИ. Я получаю 20,523 франка годоваго дохода, и хочу чтобъ и жена моя получала столько-же... ни копейки больше.

БЕКАМЕЛЬ. Это отчего?

БОДЕДЮИ. Потому-что я не хочу жить на женщины деньги... слышите, не хочу.

БЕКАМЕЛЬ. Вы меня выведете изъ терпѣнія. Какъ, помилуйте, я не могу дать моей дочери сколько хочу?

БОДЕДЮИ. Не можете.

БЕКАМЕЛЬ. Нѣтъ, могу.

БОДЕДЮИ. Нѣтъ, не можете.

БЕКАМЕЛЬ. Могу.. могу... могу!...

МИШЕЛЬ. Экой вы... берите благо даютъ.

БОДЕДЮИ. Пошелъ прочь, болванъ... (*Бекамелю*). Я готовъ на всь уступки... но даю вамъ честное слово, что не возьму больше ни копейки.

БЕКАМЕЛЬ (*випь себя*). Нѣтъ, это ужъ ни на что непохоже... вы... вы, сударь, просто сумасшедшій.

БОДЕДЮИ (*Мишелю*). Что онъ сказалъ?

МИШЕЛЬ. Онъ говоритъ, что вы сумасшедшій, и говоритъ правду!

Бодедюи. Негодай! (*Даетъ ему пощечину*).

Мишель. Ай!

Бекамель. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!

Мишель. Слишкомъ сильно! (*Убѣгаетъ*).

Бекамель. М. Г., какъ вы смѣли ударить Мишеля?

Бодедюи. Этого негодяя?!

Бекамель. Моего крестника, сударь, моего крестника?

Вмѣстѣ.

Бекамель.

Какъ смѣлъ ты, несчастный,
Здѣсь драться?.. Клянусь,
Отмстить я ужасно
Пожалуй, рѣшусь.

Бодедюи.

Кричите напрасно,
Я васъ небоюсь,
Пожалуй, ужасно
Я самъ разсержусь,

Бекамель (*всторону*).

Когда бъ не боялся
Полиціи я,
Я бъ съ нимъ разчитался,
Онъ зналъ бы меня!

Бодедюи.

Не дамъ я лакею
Себя обижать,
Себя я умѣю
Какъ должно держать.

Вмѣстѣ.

Бекамель.

Какъ смѣлъ ты несчастный
и проч.

Бодедюи.

Кричите напрасно *и проч.*

XV.

Тѣже и КЛАРА съ полами.

КЛАРА (*вбѣгал*). Ахъ Боже мой! что за шумъ?

Бекамель. Вотъ, сударь, вашъ контрактъ! (*рветъ и бросаетъ, потомъ уходитъ*).

XVI.

БОДЕДЮИ и КЛАРА.

Бодедюи. Видѣли... видѣли... вотъ этакихъ-то у меня шестнадцатъ было... ну, что прикажете дѣлать?.. Вѣдь соглашался

на все уступки... дѣлалъ все, что угодно... нѣтъ-таки, не-
угодилъ.

КЛАРА. Объясните мнѣ, пожалуйста, что все это значить? Я
только что пошла за нотами...

БОДЕДЮИ (всторону). Да, до музыки мнѣ теперь. Клара!.. Я
васъ обожаю... Прощайте. Доминикъ!

КЛАРА. Вы увзжаете?

БОДЕДЮИ. Не могу же я оставаться здѣсь послѣ тѣхъ грубо-
стей, которыя надѣлалъ мнѣ вашъ отецъ... онъ меня назвалъ
даже сумасшедшимъ.

КЛАРА. Не можетъ быть!

БОДЕДЮИ. Я васъ увѣряю... Назвать сумасшедшимъ человека
такого тихаго... такого смирнаго, какъ я... ну, скажите ради
Бога, похожъ ли я на сумасшедшаго?

КЛАРА. Но послушайте... онъ вѣрно сказалъ это такъ... безъ
намѣренія.

БОДЕДЮИ. Такъ пусть онъ откажется отъ своихъ словъ.

КЛАРА. Ну, такъ подождите... я пойду, попробую уговорить
его .. быть можетъ, онъ... Такъ вы подождете?

БОДЕДЮИ. Сколько прикажете.

КЛАРА. Я сейчасъ ворочусь.

XVII.

БОДЕДЮИ, потомъ ЖЮРАНСОНЪ.

БОДЕДЮИ (одинъ). Какая душка... какая милашка... какая до-
брая!.. Какъ счастливъ этотъ Бекамель, что у него такая хоро-
шенькая дочь; да, именно счастливъ, потому-что если онъ от-
кажется отъ своихъ словъ, то я его прощу.

На отца я не сержуся,
Потому что дочь мила;
И теперь на все рѣшуся,
Чтобъ она моей была.
И клянусь, такой милушки
И во снѣ я не видалъ,
И теперь отъ этой душки
Безъ души я просто сталъ.

И во что бы то ни стало, соглашусь на все уступки, и буду
ея мужемъ.

Жюрансонъ (*входя*). А, вы здѣсь!.. я васъ искалъ... у меня есть къ вамъ очень непріятное порученіе...

Бодедюи. Что такое?

Жюрансонъ. Бекамель проситъ васъ оставить его домъ.

Бодедюи. Очень радъ... Я самъ здѣсь ни минуты больше не останусь... (*Зоветь*) Доминикъ! давай... (*Всторону*) Ахъ, да... вотъ было я и позабылъ... я обещалъ Кларъ подождать ее... и теперь не могу ухватъ.

Жюрансонъ. Повѣрьте, что мнѣ очень непріятно, что это порученіе долженъ былъ исполнить именно я...

Бодедюи. Благодарю васъ... (*Садится*) Ну, поговоримте о чемъ-нибудь... Что, какъ здоровье вашей жены? Что вашъ дворникъ?

Жюрансонъ (*всторону*). Что-же это онъ сълъ? (*громко*) Вы, кажется, меня не поняли?..

Бодедюи. О, напротивъ, — я васъ очень хорошо понималъ.

Жюрансонъ. Но Бекамель проситъ васъ оставить его домъ... а вы, вмѣсто того, остаетесь сами!.. Онъ указываетъ вамъ дверь, а вы берете стулъ!

Бодедюи. Да, теперь темно... или нѣтъ, кажется, светло.

Жюрансонъ. Совершенно светло... когда-же бываетъ темно днемъ?..

Бодедюи. А, светло, ну, такъ очень жарко... и потому я лучше немного подожду.

Жюрансонъ (*всторону*). И Бекамель увѣряетъ, что этотъ чело-вѣкъ обидчивъ.

XVIII.

Тѣже и КЛАРА.

Клара. Я говорила съ папашей.

Бодедюи. Что-же онъ?

Клара. Онъ согласенъ.

Бодедюи. И прекрасно... я очень радъ.

Клара. Но...

Бодедюи. Что?...

Клара. Онъ хочетъ, чтобъ вы извинились.

Бодедюи. Передъ нимъ?

Клара. Нѣтъ, передъ... Мишелемъ...

Бодедюи. Передъ лакеемъ?.. Никогда!

Жюрансонъ. Да что онъ, съ ума что-ли сошелъ?

Клара. Я такъ и думала, что вы не согласитесь.

Жюрансонъ. Передъ лакеемъ!

Бодедюи. Передъ лакеемъ, который смѣлъ повторить, что я сумасшедшій.

Жюрансонъ. Это невозможно!

Бодедюи. Нѣтъ, этого я не могу... Бодедюи! ты этого не можешь сдѣлать!!

Жюрансонъ. Я пойду,—велю подавать вашихъ лошадей.

XIX.

БОДЕДЮИ, КЛАРА, ПОТОМЪ МИШЕЛЬ.

Бодедюи. Бѣдняжка... какъ мнѣ ее жаль.. я увѣренъ, что изъ нея-бы вышла отличная жена... *(громко)* Клара!

Клара. Что вы?

Бодедюи. Видно ужъ мы не будемъ съ вами заниматься музыкой?

Клара. Что-же дѣлать?.. я не виновата...

Бодедюи. О разумѣтся, ни вы, ни я не виноваты, во всемъ виноватъ дуракъ, вашъ батюшка.

Клара. Что?

Бодедюи. Клара! я не прощаюсь съ вами навсегда, нѣтъ, я увѣренъ, что мы еще увидимся съ вами гдѣ-нибудь, въ лучшемъ мѣрѣ: въ Парижѣ на балъ... *(почти плача)* Позвольте же просить васъ на первую польку... на первый вальсъ... на первую мазурку и на весь слѣдующія...

Клара. Съ удовольствіемъ. *(плачетъ)*.

Бодедюи. Вы плачете... ты плачешь... мы плачемъ...

Мнѣ съ вами грустно разставаться;

Вѣдь я ужъ началъ васъ любить,

Но и нельзя же мнѣ остаться,

Я не привыкъ обидъ сносить.

Не страшны мнѣ отца угрозы,

Жаль, что не могъ поладить съ нимъ;

Но что я вижу?... эти слезы!..

Ты плачешь!.. Боже!.. я любимъ!

(Цѣлуетъ ее) О... о... о... но, чертъ возьми, пусть вашъ отецъ заставитъ меня сдѣлать что-нибудь другое... ну, пусть

онъ потребуеть, чтобъ я прешелся по улицъ съ арбузомъ подь мышкой.

КЛАРА. Послушайте... если вы меня точно любите...

БОДЕДЮ. Вы сомневаетесь? . я сейчасъ велю сорвать и принести... (*зоветъ*). Доминикъ!

КЛАРА. А право... мнѣ кажется, извиниться предъ Мишелемъ гораздо легче...

БОДЕДЮ. Передъ лакеемъ?.. Никогда!..

КЛАРА. Но вѣдь онъ необыкновенный лакей; онъ папенькинъ крестникъ и его любимецъ.

БОДЕДЮ. А что... можетъ-быть вы и правы? (*всторону*). Уговорить, право, уговорить.

КЛАРА. А мнѣ кажется, что мы были-бы очень счастливы.

БОДЕДЮ. Я въ этомъ и несомнѣваюсь.

КЛАРА. Вотъ ужъ тогда-то я могла-бы повѣрить вашей любви.

БОДЕДЮ. Ахъ, чортъ возьми, я начинаю колебаться.

КЛАРА. И какъ-бы я была вамъ благодарна...

БОДЕДЮ. Если вы непременно хотите. изв... нѣтъ, не могу.

КЛАРА. Даже для меня?..

БОДЕДЮ. Для васъ... (*рѣшительно*) гдѣ этотъ болванъ?

КЛАРА. Вы согласны?

БОДЕДЮ. Я ничего не обещаю... но я попробую...

МИШЕЛЬ (*взглянувъ въ дверь*). Ваша лошадь готова.

КЛАРА. Ну, рѣшайтесь же.

БОДЕДЮ (*грозно*). Поди сюда.

МИШЕЛЬ (*убѣгая*). Ай, батюшки, никакъ опять драться хочется.

БОДЕДЮ (*идя за нимъ*). Постой, постой... Куда-же ты?.. Ну, да ужъ ты, братъ, отъ меня не уйдешь... (*уходитъ за нимъ*).

XX.

КЛАРА одна, потомъ МИШЕЛЬ, потомъ БОДЕДЮ.

КЛАРА. Ахъ, Боже мой, что изъ всего этого выйдетъ! (*смотритъ въ окно*). Бѣгутъ по саду... кажется онъ его догонитъ... поворотили направо въ аллею... ничего не видно... Ахъ, еслибъ все это поскорѣе кончилось... А, вотъ они опять... нѣтъ, онъ его не догонитъ... Бѣгутъ сюда... А, кажется онъ рѣшился просить у Мишеля извиненія... онъ такъ любить меня!..

МИШЕЛЬ (*вбѣгая*). Батюшка, спасите... онъ меня убьетъ (*падаетъ на стулъ*).

КЛАРА. Не бойся, Мишель, не бойся... онъ хочетъ... (*Бодедюи быстро входитъ въ ту же дверь, въ которую въбѣжалъ Мишель и быстро подходитъ къ нему*)

МИШЕЛЬ. Ай! вотъ онъ опять!.. (*вскакиваетъ и убѣгаетъ*).

БОДЕДЮИ (*задыхаясь*). Ухъ!.. замучился... (*падаетъ на тотъ же стулъ, гдѣ сидѣлъ Мишель*).

КЛАРА. (*всторону*). Бѣдняжка!.. (*Громко*). Вы очень устали?..

БОДЕДЮИ. Еще-бы?.. Вѣдь я весь садъ обѣгалъ за этимъ дуракомъ.

КЛАРА. Подождите, я его пришлю къ вамъ (*уходитъ*).

XXI.

БОДЕДЮИ, ПОТОМЪ ДОМИНИКЪ.

БОДЕДЮИ. Пусть онъ поскорѣе приходитъ, потому-что я чувствую... я опять начинаю на него сердиться.

ДОМИНИКЪ (*входя*). Что-же, сударь, вѣдь лошади-то готовы...

БОДЕДЮИ. А, это ты, Доминикъ... пооди сюда, я сперва попробую съ тобой.

ДОМИНИКЪ (*всторону*). Что такое онъ хочетъ попробовать?.. (*Громко*). Что прикажете сударь?

БОДЕДЮИ. Назови меня сумасшедшимъ.

ДОМИНИКЪ. Что-съ?

БОДЕДЮИ. Назови меня сумасшедшимъ.

ДОМИНИКЪ. Помилуйте, сударь, да вѣдь я еще не сошелъ съ ума...

БОДЕДЮИ. Я тебя приказываю.

ДОМИНИКЪ. Но, сударь...

БОДЕДЮИ. Я потомъ буду извиняться передъ тобою... ну...

ДОМИНИКЪ. Если вы непременно хотите... Вы сумасшедшій... (*Бодедюи даетъ ему пинка ногою*) Ай!

БОДЕДЮИ. Ничего... начнемъ опять сначала...

ДОМИНИКЪ. Да вѣдь вы, сударь...

БОДЕДЮИ. Я тебя говорю начнемъ опять... я послѣ буду извиняться передъ тобою.

ДОМИНИКЪ. Вы сумасшедшій (*Бодедюи опять даетъ ему пинка ногою*). Ай!

БОДЕДЮИ. Начнемъ опять... я начинаю привыкать... вѣдь въ этотъ разъ не такъ уже было сильно... не правда-ли?.. ну, говори-же опять.

ДОМИНИКЪ. Нѣтъ, сударь, воля ваша, ужъ будетъ съ меня (*убѣгаетъ*).

XXII.

БОДЕДЮИ, ПОТОМЪ МИШЕЛЬ.

Бодедюи. Ну, теперь я приготовился и, кажется, дѣло пойдетъ хорошо... позовемъ этого болвана (*звонитъ*). А вѣдь я право не думалъ, чтобъ я былъ такъ влюбленъ... (*звонитъ*). Конечно... я всегда тихъ и смиренъ, какъ овца... но все-таки на этотъ разъ я, кажется, превзошелъ самого себя... (*звонитъ*). Что-же наконецъ этотъ бездѣльникъ еще заставляетъ себя ждать... (*съ сердцемъ звонитъ, потомъ ставитъ на столъ колокольчикъ и беретъ хлыстъ*).

Мишель (*выглядывая въ дверь*). Вы изволили звонить.

Бодедюи (*покойно*). Да... поди сюда .. не бойся (*махая хлыстомъ*). Я ужъ пробовалъ на Доминикъ.

Мишель. Вы... тово... хлыстикъ-то...

Бодедюи. Ахъ, да... (*беретъ хлыстъ подъ мышку, Мишель подходитъ*). Давича... я, душа моя, не много... погорячился...

Мишель (*показывая на щеку*). Еще до-сихъ-поръ горячо.

Бодедюи. Но, мой милый Мишель (*всторону*). Такъ-бы его вотъ и вздулъ (*громко*). Я надѣюсь, что ты меня (*съ усиліемъ*). Извинишь?

Мишель. Ну, это смотря потому, какъ будете извиняться.

Бодедюи (*хватая его за воротъ*). Какъ, негодяй... ты еще ломаешься... ну, да ужъ ты, братъ, меня извинишь (*бьетъ его хлыстомъ*). Вотъ тебъ... вотъ тебъ... вотъ тебъ...

Мишель (*кричитъ*). Ай! ай! ай!.. Извиняю... извиняю... помогите!..

XXIII.

БОДЕДЮИ, МИШЕЛЬ БЕКАМЕЛЬ, КЛАРА входятъ слѣва, ЖЮРАНСОНЪ въ дверь въ глубинѣ сцены.

Бекамель, Клара, Жюрансонъ (*входя влѣсть*). Что такое!.. что за шумъ?.. что случилось?..

Бодедюи. Ахъ, чортъ возьми! (*тихо Мишелю*). Если хочешь получить 500 фр... смѣйся...

Мишель. Хи... хи... хи... (*потираетъ плечи*).

Бодедюи. Вы намъ не много помѣшали... я только что началъ было извиняться (*тихо Мишелю*). Смѣйся.

Мишель. Хи... хи... хи...

БЕКАМЕЛЬ. А... ну такъ продолжайте, продолжайте, а мы слушаемъ.

МИШЕЛЬ (*потирая плечи*). Нѣтъ... нѣтъ, не надо... довольно...

БЕКАМЕЛЬ. Нѣтъ, нѣтъ, пусть продолжаетъ (*садится*).

ЖЮРАНСОНЪ (*тихо Бодедюи*). Смѣлуй!..

БОДЕДЮИ (*обидьвшись*). Слушаю.

КЛАРА (*тихо Бодедюи*). Рѣшитесь-же!

БОДЕДЮИ. Сей-часъ.

БЕКАМЕЛЬ. Пари—5 фр., что онъ не извинится.

БОДЕДЮИ (*живо*). Держу (*всторону*). Извиняться предъ лакеемъ! О, Боже! (*Громко*) Мой милый Мишель (*махая хлыстомъ; всторону*). Ухъ, какъ-бы я его! (*Громко*) мой милый, Мишель, между порядочными людьми... (*отдавая хлыстъ Жюрансону*) подержите пожалуйста... (*продолжая*) между порядочными людьми... такія ссоры скоро забываются, и я увѣренъ, что ты отъ чистаго сердца пожмешь мнѣ руку.

МИШЕЛЬ. Пожалуй (*Бодедюи ему сильно жметъ руку*). Ай!..

БОДЕДЮИ. А 500 фр.. смѣйся..

МИШЕЛЬ. Хи... хи... хи...

БЕКАМЕЛЬ. Да это какія-же къ чорту извиненія?

БОДЕДЮИ. Подождите... я еще не кончилъ... И такъ, мой любезный Мишель, я тебя... (*съ усиліемъ*) прошу (*тихо Жюрансону, закладывая руки за спину*) подержите мнѣ руки. (*Громко*) Я тебя прошу... извинить меня... Уфъ! (*Даетъ ему пинка ногою*) Смѣйся...

БЕКАМЕЛЬ (*который не видалъ этого*). Браво, браво! Прекрасно!!

ЖЮРАНСОНЪ. Не выдержаль.

БЕКАМЕЛЬ (*вставая*). Я проигралъ... проигралъ, вотъ вамъ ваши 5 фр., и вотъ вамъ дочь моя.

КЛАРА (*тихо Бодедюи*). Какъ мнѣ благодарить васъ?

БОДЕДЮИ. Это я вамъ объясню послѣ... (*всторону*) А ужъ до Мишеля... я доберусь.

БЕКАМЕЛЬ. Странно... да я вѣдь думалъ, что онъ такой щекотливый... Какъ вѣдь право иногда легко ошибиться-то можно!

ЖЮРАНСОНЪ. А вотъ ты-то, братъ, сталъ что-то очень горячъ.

БЕКАМЕЛЬ. Я горячъ?

КЛАРА. О, да... панаша, ужасно!

БЕКАМЕЛЬ. Странно... развѣ мой характеръ перемѣнился... (*Бодедюи*) Ну, да ужъ мы теперь съ вами ссориться не будемъ...

Потому-что черезъ двѣ недѣли мы вотъ съ нимъ поѣдемъ въ Москву.

Бодедю. А Мишеля берете съ собою?

Бикамель. На что мнѣ его?..

Бодедю. Я возьму его къ себѣ.

Жюрансонъ. Какое великодушіе!

Бикамель (*Бодедю*). Странно, право, какъ это я въ тебѣ ошибся... думалъ, что ты такой фррр... и вспыхнулъ...

Бодедю. О, я пресмирный... претихій... (*Смотря въ партеръ*) Это что?... тамъ смѣются?... Им. гг., позвольте узнать—вы надо мной смѣетесь?... Что-съ?... А, такъ назначьте часъ и мѣсто... я васъ вызываю... Слышите-ли? я васъ вызываю...

Бикамель. Что ты?... Что ты?... вотъ тебѣ и тихенькій и смиренныйкій... (*дергая его за фалды*) опомнись... извинись...

Бодедю. Какъ?... Что?... Ахъ, да... я жду отъ васъ вызова... (*Надвывая шляпу*) Да, слышите?... Я жду отъ васъ вызова...

Бикамель. Эхъ, напуталъ ты, братецъ... (*Публикъ*) Ужъ вы его простите, пожалуйста... вѣдь молодъ еще... вѣтеръ въ голову... вѣдь онъ хотѣлъ сказать не то... совсѣмъ не то... и вѣдь все-таки... все-таки... мы вѣдь ждемъ отъ васъ вызова.

В С ъ .

Мы бы всѣ счастливы были

И довольны страхъ судьбой,

Еслибъ только заслужили

Вызовъ вашъ своей игрой.

№ 10459

ОГЛАВЛЕНИЕ XXIII ТОМА.

I.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ. Романъ *Корженевскаго*. Переводъ съ польскаго *А. Чужбинскаго*. Часть первая и вторая. (Кн. 9 и 10).

II.

1. **ЗАПИСКИ ШАРИТЫ АИКЕРМАНЪ.** О гамбургскомъ театрѣ въ XVIII столѣтіи. Собраны *Отто Мюллеромъ*. (Кн. 9 и 10).
2. **ЗАПИСКИ БАРНУМА.** Часть третія. (Кн. 10).

III.

1. **ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ НОВУЮ ЗЕЛАНДІЮ.** *П. М. Новосильскаго*. Часть первая. (Кн. 9).
 2. **ПИСЬМА ОБЪ ИТАЛІИ.** *Н. П. Мундта*. (Кн. 9).
 3. **ЗАМѢТКИ О ЧЕЧНѢ.** Часть первая и вторая. (Кн. 9 и 10).
 4. **СПЛУЗТЫ.** Сцены въ стихахъ *В. П. Попова*. (Кн. 9).
 5. **ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ, НА ЖАКАРЬЕВСКОЙ ЯРМАРКѢ.** Разсказъ *Гр. Григоренко*. (Кн. 9).
 6. **МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ТЕАТРА.** *Сумароковъ и слезная драма.* Статья *И. Шигина*. (Кн. 9).
- КРАСНОКОЖІЕ.** (Кн. 10).
- ЖЕНЩИНЫ ЯЗЫЧЕСКОЙ ГРЕЦІИ.** *И. И. Знаменскаго*. (Кн. 10).

IV.

С О В Р Е М Е Н Н О Е .

ЛИТЕРАТУРА: Джемсъ Бульверъ и Диккенсъ. — Литературныя письма изъ Англіи. — Литературныя новости изъ Италіи. (Кн. 9). Литературныя письма изъ Англіи *А. Б. В.* — Французскіе мемуары. (Кн. 10). **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** Китайскіе актеры въ Сѣверной Америкѣ (Кн. 9). **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Продолжительность человѣческой жизни. — О зеркальныхъ фабрикахъ, по случаю всемирной выставки. — Фотографія на стеклѣ и т. п. (Кн. 9). Осушеніе болотъ, озеръ и Гарлемскаго моря въ Голландіи (Кн. 10). **ПУТЕШЕСТВІЯ, МЕЛКІЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:** Какъ получаютъ въ Англіи офицерскія должности. —

Американскій часовой.—Купальня.—Заправленіе чая духами.—Очковая змѣя и змѣя въ шляпѣ. — Обширное знаніе. — Слово ура! (Кн. 9).
Сирія и будуины подъ владычествомъ Турокъ. — Омарова мечеть въ Іерусалимѣ.—Покупка (*Разказъ*). (Кн. 10)).

V.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

1. АГРАФЕНА ТИМОФЬВНА САБУРОВА. Біографическій очеркъ. *Б. И. Родиславскаго*. (Кн. 9).

2. МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ: Возобновленіе малаго Театра въ Москвѣ. — Успѣхъ пьесы Григорьева: *За вѣру Царя и отечество*. — Прощальный бенефисъ г.-жи Сабуровой 1. — Г. Ожье въ передѣлѣ у г. Куликова. — Цыганскій таборъ г. Дютча. — Г. Щепкинъ и его декламация. — Кое-что о русской пляскѣ. — «Двадцать одинъ и тридцать девять» — Комедія г. Воскресенскаго. — Дебютъ Ленскаго 2. — Г. Куровъ и его бенефисъ. — Участь перваго русскаго композитора на Московской сценѣ. — Г.-жа Сабурова 2. — Пѣвецъ Божановскій. — Бенефисъ Петрова: «Жизнь за Царя» — Аблесимовъ и его «Мельникъ-Колдунъ». — Статья *Корреспондента*. (Кн. 9).

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

КАРЬЕРА. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе *Е. Е. Королева*. (Кн. 9).

БѢДА БЫТЬ ТАКИМЪ! Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго. (Кн. 10).

18265. 7077